ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ В КРЫМУ: СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

К 100-летию
Таврического университета

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АНТИКВА
Симферополь
2018

УДК 141.201(477.75)
ББК 87.3(2)6(2Рос.Кры)
Ф56

Главный редактор доктор политических наук С. В. Юрченко

Ответственный редактор доктор философских наук О. А. Габриелян

Ответственный секретарь кандидат философских наук О. К. Шевченко

Редколлегия:

О. А. Габриелян	— председатель, доктор философских наук
О. А. Грива	— доктор философских наук
Л. И. Зинурова	— кандидат философских наук
Ф. В. Лазарев	— доктор философских наук
А. М. Меметов	— доктор филологических наук
Г. М. Темненко	— доктор филологических наук
М. К. Трифонова	— доктор философских наук
С. Б. Филимонов	— доктор исторических наук
А. В. Швецова	— доктор философских наук

Рецензенты:

А. В. Миронов	— доктор философских наук
Ю. М. Могаричев	— доктор исторических наук

Авторы:

И. А. Андрющенко, М. Д. Баханцов, В. А. Бахревский, О. И. Блащишин, В. В. Буряк, О. А. Габриелян, Н. Н. Доненко, А. Г. Ерзаулова, А. И. Креминский, И. А. Курьянова, Ф. В. Лазарев, Э. Н. Меджитова, А. М. Меметов, Н. М. Мирошниченко, Д. Е. Муза, С. Б. Филимонов, А. П. Цветков, О. К. Шевченко, В. И. Шостка

Ф56 Философская мысль в Крыму: страницы истории. К 100-летию Таврического университета. — Симферополь : ООО «Антиква», 2018. — 308 с.

ISBN 978-5-6041512-8-0

В книге представлена развернутая панорама истории философской мысли в Крыму от античности до наших дней. В доступной, для широкого круга читателей, форме описаны судьбы философов, чья жизнь была связана с пребыванием на крымской земле. Книга свидетельствует о том, что Крым уникален не только своей природой, но также богат духовными и интеллектуальными достижениями.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

УДК 141.201(477.75)
ББК 87.3(2)6(2Рос.Кры)

ISBN 978-5-6041512-8-0

© Коллектив авторов, текст, 2018
© Дизайн Т. О. Габриелян, 2018
© Оформление. ООО «Антиква», 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Слово к читателю 5

I. **Мудрецы Древней Таврики**

О. К. Шевченко. Философы античного Крыма 12

О. К. Шевченко. Анахарсис 23

О. К. Шевченко. Сфер Боспорский 39

II. **Первый культуролог России**

О. И. Блащишин, Ф. В. Лазарев. Николай Данилевский 58

III. **Просветитель и педагог**

А. М. Меметов, Э. Н. Меджитова. Исмаил Гаспринский 72

IV. **Истоки философского образования в Таврическом университете**

О. А. Габриелян, В. И. Шостка. Философы Крыма 86

О. А. Габриелян, В. И. Шостка. Павел Новгородцев 90

О. А. Габриелян, В. И. Шостка. Лев Шестов 101

Д. Е. Муза, А. П. Цветков. Сергей Булгаков 108

С. Б. Филимонов. Георгий Вернадский 119

В. И. Шостка. Петр Кудрявцев 123

О. А. Габриелян, В. И. Шостка. Николай Алекесеев 128
О. А. Габриелян, В. И. Шостка. Сергей Алексеев (Аскольдов) 134
В. И. Шостка. Павел Лейкфельд 141
В. И. Шостка. Иван Четвериков 146
В. И. Шостка. Анатолий Сынопалов 158
С. Б. Филимонов. Религиозно-философские общества в Крыму 167
Н. Н. Доненко. Богословие мученичества 176

V. **Начало научного исследования ноосферы**

В. В. Буряк, В. И. Шостка. Владимир Вернадский 188

VI. **Крымские контексты серебряного века**

Н. М. Мирошниченко, И. А. Курьянова. Максимилиан Волошин 210

VII. **Советская и постсоветская философия Крыма**

А. И. Креминский. Университетская философия в Крыму 226
В. А. Бахревский. Анатолий Домбровский 240
И. А. Курьянова, М. Д. Баханцов. Валерий Сагатовский 251
И. А. Андрющенко. Диана Берестовская 260
А. И. Креминский. Феликс Лазарев 270
О. К. Шевченко. Олег Габриелян 285
А. Г. Ерзаулова. Николай Доненко 296

Заключение 305

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

Крым — уникальный уголок нашей планеты. Его природные и культурные ландшафты во все времена манили завораживающей красотой. И, видимо, не случайно полуостров называют перекрестком не только торговых путей, но культур и цивилизаций. Здесь творили художники, поэты, мыслители. Сюда бежали и здесь находили приют гонимые за веру. На этой земле жили провидцы, пророки, святые, великомученики, среди них Константин-философ, Климент Сурожский, святитель Лука. Здесь бывали Л. Толстой, А. Чехов, М. Горький. Можно сказать: у Крыма есть душа, он привлекает не только солнцем и морем, но и историей, загадочными эманациями природных и культурных феноменов. Светозарная аура брегов Тавриды, манящие очертания ее гор, старинных городов, священных рощ и троп порождают жизнеутверждающее настроение, творческие интенции.

В жизни ученого и писателя главные биографические факты — книги, важнейшие события — мысли.

В. Ключевский

В этой книге мы хотим рассказать о философах Крыма — от Античности до наших дней. Философия как одна из важнейших форм человеческого духа утвердилась на земле Тавриды давно, начиная по крайней мере со скифского мыслителя Анахарсиса. Эта традиция продолжалась и в последующие времена, включая эпоху Средневековья и Нового времени. Сто лет тому назад в Симферополе был основан Таврический университет, в котором работали такие знаменитые философы, как С. Н. Булгаков, П. И. Новгородцев, Л. И. Шестов и другие. На переломе двух веков — XX и XXI — в университете открылся философский факультет. Последнее событие отнюдь не было случайностью. Крым все больше нуждается в творчески мыслящих людях, владеющих современными методами анализа сложнейших процессов, происходящих как в нашей стране, так и в мировой цивилизации в целом.

Иногда думают, что философ — это тот, кто постоянно витает в высотах абстракций, сочиняя тексты, которые способны понять лишь узкие группы профессионалов. Но история культуры говорит о другом: философ — это человек, предвидящий новые цивилизационные горизонты истории, создающий новые жизненные смыслы для широкого круга людей своей эпохи. Философия XXI в. не только должна заговорить внятным, ясным человеческим языком. Должно случиться нечто большее: в свете современного антропологического кризиса возникла социокультурная потребность повернуться лицом к человеку, говорить с ним и для него. Чтобы человек состоялся как подлинный мудрец и провидец, необходимо, чтобы его собственная жизнь, опыт духовного самостояния составляли единое целое с его творчеством.

Поэтому нет ничего удивительного, что, например, Максимилиан Волошин — не только художник, поэт и публицист, но и настоящий философ, который способен был масштабно, исторически мыслить и творчески преображать всё, к чему прикасался его гений. Не случайно дом, в котором он жил на берегу моря, стал со временем культурным явлением, имеющим самостоятельную духовную ценность.

Философу как никому другому дано встраивать свой образ жизни в традицию народа, расцвечивать ее новыми смыслами и красками, актуализируя начала, которые созвучны новым реальностям истории. В предлагаемом издании мы собрали под одной обложкой имена философов разных эпох и народов. Их всех объединяют характерные черты:

- *судьба, так или иначе связана с Крымом (причем часто эта прекрасная земля становилась почвой для великих озарений, открытий);*
- *следование духовным традициям своего народа;*
- *страстное желание обрести в своих исканиях истину: научную, философскую, жизненную…*

Может возникнуть вопрос, почему в этой книге упоминаются также личности, деятельность которых скорее следует отнести к сфере искусства, чем философии? Но понятие «философ» по своему культурно-историческому содержанию многогранно. В широком смысле слова это любой человек, который в своем творчестве откликается на актуальные этические и мировоззренческие вопросы — вопросы жизни и смерти, смысла и ценности человеческого существования, судеб мировой цивилизации. В русской культуре такими великими мудрецами и философами были, например, писатели Герцен, Толстой, Достоевский, художник Иванов, композитор Чайковский, режиссер Тарковский и многие другие.

Жизнь и творчество каждого подлинного философа поучительна для всех нас, живущих на Земле. Не только взлеты, но и ошибки, трагические изломы в их судьбах могут послужить жизненным уроком. Мудрец — не тот, кому чуждо все человеческое, а тот, кто умеет подчинить эмоции своей воле, чтобы свершиться как человек. И он может научить этому искусству.

В XXI столетии заметно ускорился бег исторического времени. В воздухе эпохи витает предчувствие грядущего прорыва к новому состоянию мира. Приближение глубоких перемен ощущается в развитии современной науки и техники, в эволюции биосферы, в динамике геополитических процессов. Трансгуманисты даже утверждают, что в ближайшие десятилетия резко изменится биологическая и культурная природа человека. Цивилизация вошла в стадию, которую можно было бы назвать «мир накануне». Мы наблюдаем последние мгновения уходящей эпохи, которые в силу их финальности побуждают по-новому взглянуть на происходящее. Человечество мучительно ищет новую парадигму миропонимания, самопознания, адекватную вызовам времени. А это значит, что мир переживает момент, когда резко возрастает роль философской рефлексии, ее методологического и эвристического потенциала во всех сферах человеческой жизнедеятельности.

Одним из заметных проявлений отмеченной потребности является, например, возникновение такого международного педагогического движения, как «философия для детей». Соответствующий проект принят и успешно воплощается в жизнь во многих странах и регионах (в том числе и на крымской земле). Замечательная инициатива педагогов одобрена ЮНЕСКО. Она основана на инновационных технологиях использования философского инструментария в организации обучения детей началам творчества, методам совместного поиска истины и принципам нравственных взаимоотношений в коллективе.

Потребность в активном обращении к философским ресурсам осмысления мы наблюдаем сегодня не только в системе образования, но и в науке, в политике, экономике. Ведущие ученые сами осознают и в своих выступлениях обращают внимание на то, что новая стадия развития естественных и гуманитарных наук теснейшим образом связана с переходом к «целостной картине мира», которая предполагает разработку новой философской парадигмы. Ключевой момент современной технологической цивилизации — это необходимость создания своеобразной исследовательской стратегии: выработки методов конвергенции научного знания и междисциплинарного синтеза.

Важнейшим вызовом человечеству, требующим адекватного философского ответа, является нарастающая угроза глобального экологического кризиса, рост терроризма и обострение геополитических противоречий. Все это мешает человечеству осознать себя как единое целое. Основой устойчивой цивилизации как общепланетарной системы могут и должны стать усилия гуманитарной культуры, реформа системы образования. Никогда еще принципы и идеи гуманизма не приобретали такого масштаба и столь актуального звучания. Именно слово философа, мудреца, провидца способно порождать позитивные смыслы исторического развития, нравственные ориентиры, ту вспышку «сверхновой» духовного обновления, в котором так нуждается глобальный мир.

В таких условиях философия становится своего рода искусством терапии человеческой души и вместе с тем инструментом осмысления кардинальных перемен в цивилизационном развитии. В этом контексте особую ценность и значимость приобретают творческие искания великих мыслителей, живших в другие периоды истории. Их судьбы и жизненный опыт представляют неподдельный интерес для каждого человека с точки зрения его экзистенциального бытия. Но сегодня этот опыт может стать поучительным и для современной цивилизации в целом, поскольку она оказалась в поворотной точке истории.

Предлагаемая читателю книга — это лишь первый шаг в раскрытии большой темы. Мы вполне осознаем, что нам не удалось во всей ее полноте представить панораму развития философской мысли в Крыму. Поэтому наш культурный проект открыт для дальнейшего пополнения и развития.

Имеет ли философская мысль в Крыму свою специфику, свою геофилософскую, автохтонную самобытность? Думаю, что да. Я бы выделил несколько ее особенностей. Во-первых, это новаторский дух развиваемых философских концепций. В самом деле, разве теория локальных цивилизаций («культурно-исторических типов») Н. Данилевского, опровергающая всю линейную схему развития человеческой истории, не была поистине новаторским вкладом в традицию исторических изысканий? Во-вторых, следует отметить склонность крымских мыслителей к построению широких, обобщающих и мироустроительных концепций. Достаточно вспомнить знаменитое учение о ноосфере В. Вернадского, концепцию софиологии С. Булгакова и др. Эта философская традиция в определенной степени продолжалась и в последующие годы. Вот только несколько примеров: теория творчества, разработанная проф. А. Шумилиным, «антропокосмизм» проф. В. Сагатовского, идея «синтеза искусств» проф. Д. Берестовской, философ-

ско-культурологическая концепция «схем универсума» проф. А. Шоркина, модель «опережающего образования» в контексте постиндустриального «общества знаний» проф. М. Трифоновой. В-третьих, вовлеченность крымских философов в значимые культурные проекты практической направленности. Вспомним знаменитого поэта и художника М. Волошина, который всей своей подвижнической жизнью превратил крохотный поселок Коктебель в поэтический символ Крыма, собирая под крышей своего дома замечательных людей из среды русской творческой интеллигенции. Широко известны и культурно-практические начинания просветителя И. Гаспринского. А сравнительно недавно мы были свидетелями того, как благодаря усилиям проф. О. Габриеляна воплощался в жизнь крупный проект по возрождению памятника армянской культуры в Крыму — монастыря Сурб Хач (XIII в.).

Широта исторического охвата и участие в проекте большого количества авторов отразились на представленном материале. В нем читатель найдет весь спектр стилей изложения от сугубо академического до публицистического. Редакторские усилия преодолеть это имела лишь частичный успех.

Данное издание является первой попыткой представить историю философской мысли в Крыму. Ее авторы и редакторы ясно осознают, что за пределами книги остались значительные феномены, которые могли бы войти в сферу отмеченной истории. Это и огромный пласт русского философско-литературного наследия, и средневековая мысль, пестовавшаяся в первом крымско-татарском университете - Зинджерле медресе, и монастырские духовные и интеллектуальные достижения Крыма (Успенский монастырь, монастырь Сурб Хач и др.). Была сделана попытка показать, что прерванная гражданской войной, русская философско-религиозная традиция в Крыму возрождается в работах отца Николая Доненко. Однако, очевидно, что и само изучение философско-религиозной мысли в Крыму и ее возрождение – это путь, требующий дальнейших усилий.

Реализованный нами проект остается открытым для дальнейшей работы, тем более что история философской мысли в Крыму продолжается.

Профессор
Ф. В. Лазарев

I

МУДРЕЦЫ ДРЕВНЕЙ ТАВРИКИ

О. К. Шевченко

Философы античного Крыма

В VI в. до н.э. в обиход эллинов входит понятие «философия». Тысячелетиями в цивилизациях и культурах Востока существовали мудрецы, писавшие книги и находившие специальные слова для познания мира. А вот философов Восток не имел. В Элладе происходили состязания мудрецов, обозначались списки победителей. До нас дошли их разнообразные варианты. Все они назывались «семь мудрецов». Среди чемпионов в состязаниях мудрецов встречаются такие звонкие имена как Фалес и Солон. Но не только. Уже на этом этапе развития интеллектуального мира Эллады из далекого Северного Причерноморья прибывает человек, попавший в перечень этих своеобразных чемпионатов среди интеллектуалов. Речь идет о скифском царевиче — Анахарсисе. О философах тогда еще никто не слышал, но о мудрецах говорили. Анахарсис ворвался в духовную жизнь Эллады подобно чуду и сразу же стал живой легендой, образом для создания мифов, которые порой куда крепче любой предметной исторической истины. Об Античности в Крыму в то время и говорить-то не приходится. Отдельные города только-только появлялись. Вернее, появлялись небольшие поселения, торговые пункты.

Рожденный за пределами Крыма Анахарсис, возможно, никогда в Крыму не бывавший, силой воображения десятков поколений увлеченных исследователей стал прочно ассоциироваться с Крымом, и именно он в сознании многих историков философии открывает созвездие крымских философов. Не будучи философом по имени, не являясь философом по образу жизни и не выступая в качестве античного Крымчанина. Парадокс? Конечно! Но ведь является же Фалес древнегреческим философом? Вы в этом уверены? Это истина незыблимая? Как бы не так, слишком многое говорит о его финикийском происхождении. У великого Пифагора родственных связей с Элладой было не меньше,

чем с Ближним Востоком, а уж в формате тех источников, которые повлияли на его воззрения, его можно было по праву обозначить как «вавилонско-египетского» мудреца. Идем дальше по генеалогическим древам Великих? Основатель стоицизма Зенон Китейский и «античный Вольтер» — Лукиан были финикийцами. Но всех их большинство читателей считают греками. (Даже не эллинами! Греками! Которых никогда не было в описываемую нами эпоху, как, впрочем, не было и древних греков. А были эллины, да и то с массой оговорок относительно их ионийского, этолийского или дорического происхождений, относительно их гражданства в том или ином городе и так далее).

А если посмотреть на историю философии глазами Диогена Лаэртского, то более 90 процентов приведенных им имен досократовской части списка сплошь выходцы с Ближнего Востока, но никак не из классических эллинских городов. Даже имена у них были более варварскими, нежели эллинскими, и почти все из них начинали «мудрствовать» только после посещения сакральных центров Вавилона, Сирии или же Египта. Но тем не менее мы считаем их эллинами, занятия — философией, а саму философию открытием, опять-таки, эллинской культуры. Стоит ли удивляться на фоне столь титанического парадокса

Развалины Пантикапея

скромным биографическим апориям Анахарсиса, которые могут проходить скорее по реестру незначительных преувеличений, чем грандиозной исторической ошибки.

Философию как слово, как термин, как стиль мысли придумал Пифагор. По мнению Пифагора, мудрец — это тот, кто владе-

ет мудростью, уже имеет её, но для человека овладение всей полнотой мудрости, очевидно, невозможно: как в силу его смертности, так и в силу его несовершенства. Всё богатство мудрости доступно только всемогущим и бессмертным богам, и только они вправе именовать себя мудрецами! Человек же может только стремиться к мудрости, искать её, приближаться к ней, зная, что полностью никогда не овладеет. Вот по этим основаниям и ввел Пифагор новое слово «***философ***», обозначающее человека, стремящегося к мудрости, любящего её (ведь любовь предполагает влечение к предмету любви, а для философа таким предметом и выступает мудрость), но почтительно, на расстоянии, с уважением и пиететом. Таким образом, по мнению Пифагора, мудрость — это прерогатива богов, философия (любомудрие) — удел человека.

Но во всей полноте философия стала приоткрываться интеллектуальной элите лишь во времена Сократа — Платона — Аристотеля, когда появилась сеть философских школ, когда появились профессионалы философы, философские учебники и, если угодно, когда появился философский образ жизни. А это уже V– IV века до н.э. Во всей же своей полноте философия расцвела в IV– III вв. до н.э. Время расцвета философии в эллинском мире совпадает с расцветом могущества двух крымским государств: Боспорского царства и Херсонеса Таврического. Первое государство занимало обширные территории Восточного Крыма (включая территории от устья Дона до Северного Кавказа), Херсонес Таврический простирался от нынешнего Севастополя до территорий Западного Крыма, включая современные Евпаторию и Черноморское.

В состав этих государств входили десятки довольно крупных для своих времен городов: Калос Лимен (Черноморское), Керкенитида (Евпатория), Херсонес Таврический (Севастополь), Феодосия, Пантикапей (Керчь), Фанагория (Таманский полуостров), Горгиппия (Анапа) и многие другие. Эти города активно торговали со всем черноморским бассейном, их экономические интересы включали также территории Эгейского моря и Восточного Средиземноморья. Державы заключали политические союзы, обменивались дипломатическими посольствами с крупнейшими государствами эллинского, а позднее и эллинистического мира. Судя по всему, уже во времена Боспорского царя Сатира I (433 – 389 гг. до н.э.) возникла традиция отправки детей политической элиты на обучение в Афины. Одним словом, Крым принимал активное участие в жизни эллинского мира, в отдельные периоды привлекал к себе внимание как интеллектуалов, так и политиков… Впрочем, тогдашних «бизнесменов» он интересовал всегда и, как правило, очень сильно.

Культура эллинских городов античного Крыма была хорошо развита. В Херсонессе и Пантикапее существовали театры, музыканты из Крыма выступали в дельфийских состязаниях, атлеты Крыма участвовали в Олимпийских играх. Создавались интересные литературные произведения, историческая проза. Знаменитый оратор Демосфен имел родственников на Боспоре и, вероятно, посещал Пантикапей. Известно, что некоторые богатые юноши из Боспора, в свою очередь, обучались ораторскому искусству у знаменитого Исократа. Были в Крыму и свои философы.

Любопытно, что абсолютное большинство философов Крыма, о которых нам хоть что-нибудь известно, приходится на долю Боспорского царства, государства с монархическим образом правления:

- ***Дифил, сын Эвфанта*** *(вторая половина IV – начало III в. до н.э.)*
- ***Смикр*** *(IV– III вв. до н.э.)*
- ***Сфер Боспорский*** *(около 281 – после 221 г. до н.э.)*
- ***Боспорский аноним*** *(середина III в. до н.э.)*
- ***Гекатей*** *(вторая половина I в. до н.э.)*
- ***Стратоник, сын Зенона*** *(конец I– первая половина II в. н.э.)*
- ***Авл Ситесий*** *(II в.н.э.)*

А вот демократическая, а позднее и олигархическая республика Херсонес Таврический даёт крайне скудный список своих философов, заключающийся в одном имени: ***Сирикс*** (III в. до н.э.), да и он был скорее историк, нежели философ. Но обо всем по порядку.

Временем рождения философской мысли в Крыму следует признать конец IV–начало III вв. до н.э. Место рождения — Боспорское царство. До наших дней не сохранились развернутые тексты первых философов Крыма, как, впрочем, не дошли до нас тексты и более поздних крымских мыслителей. Основной источник сведений о них — это отдельные упоминания и цитаты у Диогена Лаэртского, Страбона, Дионисия Сицилийского. Львиную долю фактов сообщают… надгробные памятники. Именно выбитые в камне эпитафии дают нам достоверную информацию о жизни, учениях и образе мысли крымских философов. Тщательное сопоставление археологических памятников, пристальный лингвистический анализ текстов — вот основная база для реконструкции философской жизни античного Крыма. Прямо скажем, не много. Но такова суровая реальность, с которой приходится мириться. Что же можно сказать определенно? Во-первых, это то, что античная философия, несомненно, в античных городах Крыма

существовала. Безусловно, уровень образования крымских юношей был весьма высоким, что и позволяло им порой заявлять о себе в полный голос в философских прениях Античности. Отметим также, что абсолютное большинство известных нам крымских философов принадлежало к политической элите. Попробуем реконструировать канву развития философии в Крыму Античной эпохи[1].

Дифил, сын Эвфанта

вторая половина IV – начало III в. до н.э.

Диоген Лаэртский свидетельствует: «Стильпон из Мегар, что в Элладе, был слушателем кого-то из учеников Евклида; некоторые говорят, будто он слушал даже самого Евклида… Он настолько превосходил всех изобретательностью и софистикой, что едва не увлек в свою мегарскую школу всю Элладу. Филипп Мегарский пишет об этом дословно так: „У Феофраста он отбил Метродора Теоретика и Тимагора из Гелы, у Аристотеля Киренского — Клитарха и Симмия, и даже среди самих диалектиков он сманил Пеония из Аристидовой школы, а Дифила Боспорского, сына Евфанта, и Мирмека, сына Эксенета, вышедших спорить против него, сделал своими страстными приверженцами“» (*Diog., Laert., II, 11, 113 – 114*).

Имя Дифил известно на Боспоре, более того оно принадлежало людям весьма высокого социального статуса, а именование «боспорец», как считают антиковеды, свидетельствовало, что Дифил, будучи в Афинах, сохранял боспорское гражданство. Мы не знаем, какие книги он написал, какие идеи отстаивал, да и неизвестно, вернулся ли он вообще на родину. Однако целый ряд рассуждений, основанных на хорошо известных нам фактах развития философской школы мегариков, позволяет предположить ее определяющее влияние на философскую звезду первой величины — Сфера Боспорского (о чем подробнее будет сказано далее). Пока же можно зафиксировать интерес «крымчанина» к проблемам логики, теории аргументации и к соперничеству между философскими течениями той поры.

1 Существуют две попытки реконструировать философскую жизнь античного Крыма профессиональными историками античности. Одна принадлежит Э. Б. Петровой (Петрова Э. Б. Мыслители античных городов Северного Причерноморья // Ученые записки Таврического национального университета. — 2000. — № 13 (52). — Т.1; Петрова Э. Б. Историческая традиция в античных городах Северного Причерноморья и ее истоки // Культура народов Причерноморья. — 1998. — № 4), а другая А. Н. Матукиной и Е. А. Молеву (Матукина А. Н., Молев Е. А. К вопросу о философии и философах на Боспоре // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2016. — № 6). Настоящая реконструкция, в отличие от предыдущих, имеет скорее философский, нежели узко исторический или археологический уклон.

Смикр

IV– III вв. до н.э.

Надгробная стела свидетельствует: «(Это) памятник Смикра, который велик был (внушаемым к себе) доверием и у которого справедливость внедрена была в уме природою от рождения. Его воспитали Музы, а он учил на распутьях (дорог) и дал согражданам наилучший образ мыслей» (пер. В. В. Латышева).

Исследователи обращают внимание на величие этого человека в глазах современников, писавших эпитафию: «Его воспитали Музы». Любопытным является мнение создателей этого памятника, поддержанное несколькими авторитетными антиковедами, что Смикр обучал людей в местах их наибольшего скопления. Это позволяет увидеть в нём одного из сократиков, по крайней мере, в образе жизни и в образе обучения. Он не был платным учителем и не создал полноценной школы… он «дал согражданам наилучший образ мыслей». Исследователи А. Н. Матукина и Е. А. Молев после скрупулезного исследования текста, при помощи инструментов тонкого филологического анализа, пришли к заключению, что Смикр, судя по всему, относился к представителям или сторонникам «Ранней Стои»[2]. Стоицизм! Смикр был, судя по всему, младшим современником Дифила и старшим современником Сфера. И все трое так или иначе имели отношения к Стое и развивали стоические представления о мире. Их интересовала логика и аргументация, этика и педагогика, справедливость и политика. В полной мере вся эта закваска пробудится в таланте наиболее выдающегося крымчанина той поры — Сфера Боспорского.

Сфер Боспорский

Ок. 281 – после 221 г. до н.э.

Философ-стоик, рожденный на территории Боспорского царства (вероятно, на территории нынешнего Керченского полуострова). Ученик стоиков Зенона из Кития и Клеанфа из Ассоса (вероятно, первым учителем был Боспорский философ-мегарец Дифил, сын Евфанта).

В зрелом возрасте Сфер оказал определяющее воздействие на становление личности спартанского царя Клеомена III. Принимал участие в масштабных реформах Клеомена, направленных на усиление государственно-политического и военного потенциала Спарты. Результатом реформ стала череда воинских успехов Клеомена и короткий период гегемонии Спарты

2 Матукина А. Н., Молев Е. А. К вопросу о философии и философах на Боспоре // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2016. — № 6. — С. 65.

над Пелопоннесом; была сделана попытка завоевать статус регионального лидера эллинистического мира. Сфер водил знакомство с царями Македонии, вероятно, был в чести у Боспорской династии Спартокидов. Философ имел личные и дружеские отношения с правящим домом Птолемеев (Египет).

География путешествий. Сфер долгое время жил в Пантикапее (вероятно), Афинах, Александрии Египетской, Спарте.

Творчество. Написал более 30 книг: «О мире» — 2 книги, «Об основах», «О семени», «О случае», «О наименьшем», «Об атомах и образах», «Об органах чувств», «О Гераклите» — 5 бесед, «О построении этики», «О надлежащем», «О побуждении», «О страстях» — 2 книги, «О царской власти», «О спартанском государственном устройстве», «О Ликурге и Сократе» — 3 книги, «О законе», «О гадании», «Разговоры о любви», «Об эретрийских философах», «О подобном», «Об определениях», «Об обладании», «О противоречиях» — 3 книги, «О рассуждении», «О богатстве», «О славе», «О смерти», «Пособие по диалектике» в 2 книгах, «О сказуемых», «О двусмысленностях», «Письма». До наших дней тексты не дошли. Известно лишь несколько отрывков. Сфер оставил после себя последователей, продолжавших разрабатывать его представления о физической картине мира. Более подробно о нем будет рассказано в соответствующем разделе настоящей книги.

Боспорский аноним

середина III в. до н.э.

Великий компилятор античности Диодор сицилийский в своей книге «Историческая библиотека» приводит обширную цитату из труда безымянного для нас историка Боспорского царства. Этим — теперь, увы, анонимным — историком, судя по некоторым деталям, интересовался известный в кругах антиковедов Дурис (ок. 340–270 гг. до н.э.), ученик философа Феофраста. Читал книги Боспорского анонима и автор «Стратигем» — Полиен (II в. н.э.). Ученые убедительно свидетельствуют о серьезной эрудиции Боспорского анонима, о его богатом жизненном опыте, об удивительно ясном и лаконичном характере изложения. Значительные объёмы известных нам цитат приходятся на блестящий анализ политических интриг, военных хитростей. Литературный стиль историка поражает ясностью и точностью в изложении процессов, происходивших в царском доме Спартокидов. Боспорского анонима волновали вопросы взаимосвязи власти и судьбы, морали и политического успеха, любви к прекрасным и военным победам. Всеми замечен явный уклон автора в сторону государственных и этических концепций стоиков, приверженность Боспорского

анонима к безукоризненной логике и чётким дефинициям. Получить образцы такого слога возможно бы, конечно, и в Афинах, но так описать множество событий из жизни Боспорского правящего дома, сопровождая их живыми, почти натуралистическими зарисовками ландшафтов, где происходили сражения, можно было только после многолетней жизни на Боспоре. Да и широкая известность труда Боспорского анонима предполагает большое количество копий его работы, что возможно было в то время только при серьезной государственной поддержке. Осмелимся предположить, что феномен Боспорского анонима был обеспечен качественным философским образованием, полученным в Боспорском царстве, и большой заинтересованной читательской аудиторией, состоявшей из хорошо образованной политической элиты, способной получать удовольствие от чтения исторического труда с философским подтекстом.

Сирикс

III в. до н.э.

Слово почетному декрету: «Гераклид, сын Парменонта, предложил: поскольку Сириск, сын Гераклида, явления Девы трудолюбиво описав, прочитал, и про отношения к царям Боспора рассказал, и бывшие дружественные отношения с городами исследовал согласно достоинству народа, — то, дабы он получил достойные почести, да постановит совет и народ похвалить его за то, и симмнамонам увенчать его золотым венком в Дионисии, в 21 день, и быть провозглашение: „Народ венчает Сириска, сына Гераклида, за то, что он описал явление Девы и бывшие дружественные отношения с городами и царями исследовал правдиво и согласно с достоинством государства. Написать симмнамонам на каменной плите народное постановление и выставить в притворе храма Девы; понесенный же расход выдать согласно решению казначея священных сумм. Это решение советом и народом месяца (…) в десятый день (…)“».

Судя по всему, Сириск, сын Гераклида из Херсонесса Таврического, был представителем «золотой молодежи». Есть все основания утверждать, что его отец и, вероятно, он сам занимали серьезные государственные посты в своем родном государстве. Также высока вероятность, что он либо подражал, либо находился под влиянием, либо был учеником Боспорского Анонима. Э. Б. Петрова отмечает: «Из лаконичных слов декрета в честь Сириска следует, что его произведение делилось на две части: первая посвящалась явлениям Девы, вторая — исследованию взаимоотношений Херсонеса с царями Боспора и городами (под которыми явно подразумевались понтийские центры — Гераклея и другие). Автор не ограничился полученным от народа заданием и проявил самостоятельность, соединив в своем

труде явления главной херсонесской богини-спасительницы, защитницы от варваров (которыми, вероятнее всего, в те времена были скифы; впрочем, соседние тавры тоже не отличались мирным поведением), с делами государства на международной арене, иными словами: религию с политикой, мистику с реальностью. Так мог поступить человек творческий, опытный на политическом и литературном поприщах, не юноша, но муж»[3]. Добавлю, что здесь видна рука человека, склонного синтезировать отдельные явления, разыскивать их закономерности, выводя из мифов и исторических фактов политическое осмысление современности. Уверен, речь идет именно о такой необычной для историка работе, говорящей более о его философичности, нежели об ортодоксальной историчности. Своей работой Сирикс положил начало серьёзной интеллектуальной традиции в Хероснесе Таврическом. Как полагают исследователи, он стал основателем уникальной исторической школы, которая позже неоднократно заявляла о себе в многочисленных памятниках эллинизма, но, судя по всему, достичь уровня текста своего основателя так и не смогла.

После третьего века до н.э. находится для нас «белое пятно» истории. Нам ничего не известно ни о тех текстах, которые создаются в это время, ни о значимых людях этой эпохи. Вновь всплывает философия Крыма уже в первом веке нашей эры. Но это уже иная философия и иные биографии.

Гекатей

вторая половина I в. до н.э.

Надгробная надпись гласит: «Ты запечатлел славу мудрости не словом, а жизнью, познав сам священные решения. Итак, Гекатей, покоясь во цвете лет, знай, что ты сам скорее избежал круга мучительных страданий».

Ученые до сих пор спорят, кем был Гекатей, как понимать эту эпитафию. Мнения расходятся: одни делают из неё вывод, что он был талантливым самоучкой вне философских школ, другие же — что перед нами эпитафия ортодоксальному орфику. При размышлении об этом человеке стоит учесть, что I в. до н.э. — это время расцвета на Боспоре многочисленных частных религиозно-философских кружков и мужских клубов. Судя по всему, перед нами действительно эпитафия, посвященная философу, но философу особого мистического склада. Он философствовал не книгами, а жизнью, светел был не умом, а священными решениями. Он избежал мучений, уйдя во цвете лет, а значит,

3 Петрова Э. Б. Историческая традиция в античных городах Северного Причерноморья и ее истоки // Культура народов Причерноморья. — 1998. — № 4. — С. 116.

вполне возможно, «достиг священных решений» — это покончил жизнь самоубийством. Вполне в духе того времени, когда философ всю жизнь готовил себя к смерти и сам решал, когда ему следует уйти в мир иной Зачастую это происходило на пике славы и популярности… как уход от будущих скорбей падения вниз с достигнутого пьедестала славы.

Стратоник, сын Зенона

конец I – первая половина II в. н.э.

Слово надгробной надписи: «Стратоник, сын Зенона, прощай. Хранивший разумность и славные нравы, погиб ты, Стратоник, оставив слезы печальному отцу. Божественный друг, причисленный к прежним великим людям, твою прелестную мудрость узнают из книг бесчисленные века. Стратонику, сыну Зенона, своему господину, воздвиг стелу Сосий, вольноотпущенник, памяти ради».

Любопытно, что определение «философ» Стратоник получил во многом на основе сцен, помещённых на надгробной стеле. Там изображен Стратоник со свитком в левой руке, рядом на столике лежат еще четыре таких же свитка. Дополнением являются слова «Хранивший разумность», «Причисленный к прежним великим людям», «Прелестная мудрость» и т. п. Судя по всему, это автор пяти книг, которые принесли ему славу, равную славе прежних великих философов: Дефила, Смикра, Боспорского Анонима, Сфера Боспорского и др.

В нижней части стелы изображен вооруженный всадник. Судя по всему, интеллектуал, автор прекрасных книг был уверен в необходимости защищать свое государство с оружием в руках. Вероятно, именно на войне и пал этот философ, чья биография, рассказанная надгробной стелой, упрямо свидетельствует о его стоических взглядах на жизнь и долг.

Авл Ситесий

II в. н.э.

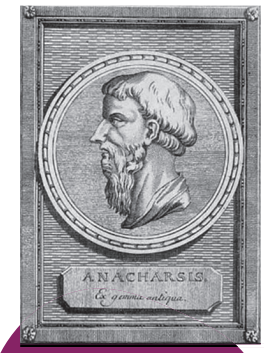
Слово краткой эпитафии, начертанной на его могиле: «Авл Ситесий эмпирик, прощай». Вероятно, речь идет о последователе скептиков. Именно врачей из философской школы скептиков часто называли эмпириками. О врачебной практике умершего свидетельствуют и характерные изображения на надгробном камне. Был ли он философом или лишь врачом? Доподлинно неизвестно. Но являясь «эмпириком», он лечил людей лишь на основе видимых симптомов, скорее всего, отказывался говорить о скрытых причинах болезни, был практиком и стопроцентным прагматиком. Своей деятельностью он свидетельствовал о том,

что сейчас бы назвали «научным мировоззрением», и демонстрировал отход от мистических исканий вкупе с умодробящими рассуждениями об истине, справедливости и морали как источнике человеческого бытия.

Философская карта Античного Крыма может показаться скупой и малозначимой, но это лишь на первый взгляд. Крымская земля рождала великих мыслителей, оставивших след в философии, истории и политике Античного мира. Их трудами пользовались интеллектуалы Эллады и через сотни лет после смерти авторов. Некоторые имена не были забыты ни в Античности, ни в Средневековье, ни в Новое Время. О многих ли философах мы можем сказать подобное? Восторг и восхищение, почти божественные почести получали философы Античного Крыма от своих соотечественников. А значит, их тексты любили и читали, их речи слушали и обдумывали, их слово не пропадало в пустоте, а оказывало воздействие на окружающее их общество уже при их жизни. Не это ли счастье настоящего философа? Счастье видеть добрые изменения, которые несут твои слова. Счастье своими добродетелями менять несовершенный мир, рождая нравственную гармонию.

Анахарсис

VI в. до н.э.



Анахарсис

О философах и мудрецах люди пишут вот уже на протяжении трех тысячелетий… пишут с энтузиазмом, пишут дилетанты и профессионалы, литераторы и ученые. С особым старанием вся творческая братия прописывает биографии своих мудрецов, своих философов, своих мыслителей. «Своих», в том смысле, что они проживали, проживают или могли проживать в родной для автора местности. На этом поле происходят нешуточные баталии, когда один и тот же гений выступает как земляк разным городам, нескольким странам, а то и принадлежит двум-трём нациям или расам. Известен пример с Гомером, когда десяток городов-государств Эллады еще две с половиной тысячи лет назад спорили о праве назвать великого слепца своим гражданином по праву его рождения.

В этой борьбе за тень величия, падающего на регион или народ, частенько происходят подмены понятий, игра в слова… Ведь никто не будет возражать, что Платон и Аристотель — это древние греки? А раз так, то они предки греков новых, то есть современных нам? Но их прямая связь с современными греками весьма относительна. Однако велика сила укоренившихся представлений. И как она превосходит сухие строки научных трудов! Легенды о древних греках, о Древней Греции более живучи, чем ученейшие факты об эллинах и об Элладе. Мифы преемственности, страсти сопричастности к величию прошлого властвуют над нами. И вот Цицерон становится предком современных итальянцев, Демосфен — предком современных греков, Анахарсис — родоначальником философии в Крыму…

Любой образованный человек слышал хоть несколько слов о некоем скифе, который был признан одним из величайших мудрецов в истории эллинской ойкумены. Многие, видимо,

искренне полагают, что ученые-историки, мудрые философы, специалисты-археологи знают об этом удивительном человеке неизмеримо больше, чем несколько кратких строк в энциклопедиях. Увы. Все перечисленные классы исследователей владеют лишь скудной информацией об Анахарсисе: несколько анекдотов и щемящая новелла у Геродота, парочка цитат и зарисовок в телеграфном стиле у Диогена Лаэртского, да еще менее сотни кратких упоминаний и цитат, относящихся к легендарному скифу, в трудах античных и средневековых писателей. И это всё. Археология подарила нам перстень с геммой, на которой изображена опрятная бородатая личность с выдающимся носом и легкой иронической улыбкой. Большинство ученых считают, что это изображение Анахарсиса, судя по всему, заказанное неким философом-киником в эпоху эллинизма. В Ольвии, эллинском городе Северного Причерноморья, с которым у Анахарсиса было связано много важных событий, была найдена амфора середины VI в. до н.э. с посвятительной надписью Аполлону Борею, в которой идет речь о даре ему отеческого мёда от некоего Анахирса, сына Анаперра. Ученые считают, что речь идет о роде Анахарсиса, а имя последнего исковеркано либо в результате стилизации скифского имени на греческий лад, либо из-за банальной безграмотности резчика надписи.

Скиф, скифия, скифское государство… Воображение рисует лихих кавалеристов, без промаха бьющих из своих луков. Скифские войны в Малой Азии, разгром армии Дария в Северном Причерноморье, ну и, конечно же, величие скифской державы при Антее и Скилуре. Сражения с войсками Александра Македонского, с полководцами Митридата Евпатора, битвы с Херсонесом, с сарматами, военные вызовы орлам римских легионов… И потрясающие археологические находки на Неаполе Скифском, в сердце скифского государства, располагавшегося почти в центре нынешнего Симферополя.

Вне сомнения, Анахарсис — скиф (об этом говорят абсолютно все источники), следовательно, он родом из Крыма? Ведь известно, что он брат царя, а где жить брату скифского царя, как не в столице, в Неаполе Скифском? Даже если он и не жил в столице, то откуда же ему отплывать в Элладу (где он совершенно точно побывал), как не из Херсонеса или Пантикапеи, на худой конец — из Феодосии? Примерно такая логика властвует среди любителей античности и среди профессиональных философов, далеких от истории как строгой науки. История же отсекает крымские корни Анахарсиса.

Анахарсис родился в VII веке до н.э. , когда ни о каком крымском анклаве царских скифов говорить не приходится (в Крыму известно всего 8 скифских захоронений того периода). Воинственные племена скифов обитали на северном Кавказе, отку-

да вели активную наступательную политику против народов Азии. Более мирные скифы-пахари (скифы-земледельцы) жили в пространствах лесостепи Поднепровья. Из всех эллинских колоний Северного Причерноморья, сколько-нибудь значимых в это время, известен лишь Борисфен — небольшое городище на острове Березань, недалеко от устья Днепра. Ни о каком Херсонесе, Пантикапее или Феодосии и речи не было. До нашествия Дария — ещё добрая сотня лет, а дед прадеда Александра Македонского еще даже не родился на свет. Крым — пустынное местечко с лесостепным пейзажем, где обитают племена, которые позднее назовут таврами.

Означает ли всё это, что Анахарсис никоим образом не связан с Крымом? Отнюдь. Физически, или телесно, он, видимо, в Крыму не бывал. Но традиция, коей уже не одна сотня лет, неотрывно привязывает Анахарсиса именно к крымской Скифии. Сотни лет письменной и устной традиции создают иную историю, отличную от истории предметной, или по-другому — истории вещей и тел. Сотни лет ученые Европы, думая об Анахарсисе, вспоминали наш полуостров, размышляли о людях, его населявших. Философы, жившие в Крыму, гордились своим предшественником и получали стимул к творчеству, памятуя о том, каких высот достиг их земляк. Такова специфика истории духа, истории идей, ментальности и метафизичности. Она не менее реальна, чем та, первая, физическая, просто ее адепты препарируют мысль, а не раскопанные кости, выстраивают логику событий, а не последовательность археологических слоев. Обе истории сосуществуют, иногда взаимообогащая, а временами просто игнорируя друг друга.

Попробуем разобраться с биографией Анахарсиса, вдумчиво сочетая предметную и легендарную составляющие. И сразу поставим вопрос: чем же Анахарсис так заинтриговал человечество?

Письменные источники повествуют о множестве философов древнего мира, а также об исконном эллинском начале философской мысли: Фалес и Анаксагор, Протагор и Демокрит, и, наконец, Сократ — признанный родоначальник антропологического поворота в философии. Но античные авторы зачастую отдавали пальму философского первенства отнюдь не эллину, а скифу, одному из семи ленедарных мудрецов — Анахарсису. При разрешении проблем этического, морального и правового характера ссылки на его авторитет встречаются у более чем 70-ти античных авторов. Подкреплять свои рассуждения цитатами из Анахарсиса не гнушались ни Сократ, ни Платон, ни Аристотель, значимость мнения скифского мудреца не раз подтверждали Цицерон, Сенека, Плутарх, Дионисий. Биографией философа интересовались историки Геродот и Страбон.

Рассуждения Анахарсиса были популярны и пользовались уважением вплоть до эпохи Патристики (Раннее Средневековье), после чего на долгое время это имя оказалось в тени, почти во мраке забвения. Интерес к Анахарсису вновь возродится в 1788 году, когда наш скиф становится литературным героем исторического романа Жан-Жака Бартелеми. В XX веке, благодаря шведскому ученому Я. Киндстранду и целому ряду других исследователей, Анахарсис стал объектом пристального внимания «узких» специалистов — историков.

Новый мощный виток интереса к фигуре Анахарсиа зародился в СССР[1] и буквально расцвел в современной России и Украине. Изучается мировоззрение Анахарсиса[2], обнаруживаются его экономические штудии[3], еще раз процеживаются письменные источники. Заслуживают внимания работы А. С. Русяевой[4] и Г. Дремина[5], которые можно назвать настоящими энциклопедиями анахарсисоведения, и отсылаю к ним всех, кто интересуется деталями биографии философа и сложнейшими реконструкциями его жизненного пути. Ну, а тот, кто желает просто просмотреть сжатую историю научного поиска, посвященого Анахарсису, и получить хоть и краткий, но весьма тщательно проработанный анализ источников, может прочитать прекрасную статью О. А. Матвейчева[6], вышедшую в 2016 г.

Биография Анахарсиса, построенная на строгих фактах, невелика. Родился будущий мудрец в Северном Причерноморье между 625 и 610 гг. до н.э., а был убит в 545 или 530 г. до н.э. Судя по всему, отцом Анахарсиса был Гнур, весьма известная личность в Скифии того времени. Анахарсис имел как минимум двух братьев — Кадуида и Славия. При этом Анахарсис происходил либо из царского рода, либо из верхушки военной аристократии (есть серьезные основания думать, что царский титул его брат Кадуид принял первым из рода, и первым в истории скифов Поднепровья). Анахрсис — родной дядя Индафариса (сына Славия, второго царя из рода Гнура), победителя

1 Куклина И. В. Анахарсис // Вестник древней истории. — 1971. — №3; Козаев А. И. Анахарсис. — Цхинвали, 1982; Кузнецова Т. М. Анахарсис и Скил // Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР. — 1984. — №178; Скржинская М. В. Скиф Анахарсис // Вопросы истории. — 1990. — № 7.

2 Маслова Ю. П. Світоглядні погляди Анахарсіса // http://naub.oa.edu.ua/2009/svitohlyadni-pohlyady-anaharsisa/

3 Золин П. Анахарсис — экономист … // http://www.trinitas.ru/rus/doc/0211/008a/

4 Русяєва А. С. Славетний мудрець — скіф Анахарсіс . — К.; 2001.

5 Дремин Г. Анахарсис — человек и легенда // http://annales.info/skif/small/anaharsis.htm#_ftn1

6 Матвейчев О. А. Анахарсис. «Мудрец, потому что скиф» // Философская мысль. — 2016. — № 6.

персидского завоевателя Дария. Матерью нашего героя была эллинка из Борисфена (колонии Милета на острове Березань). В то время это был обычный брак, характерный для сложных династических взаимосвязей первых эллинских колонистов с насельниками Скифии. Вероятно, мать происходила из знатной семьи и смогла дать Анахарсису не только хорошее знание родного для нее языка, но и рекомендательные письма, позволившие позднее «дикому» скифу войти в самые богатые и аристократические дома Эллады без сколько-нибудь существенных препон или насмешек.

В настоящий момент со всей очевидностью ясно, что местом рождения и первых лет жизни Анахарсиса нужно считать не кочевую Скифию, а Скифию земледельцев, пахарей. Их место жительства локализуют в районе лесостепи в междуречье Днепра и Днестра. Там как раз ко времени рождения Анахарсиса отмечается резкий рост развития оседлых поселений, вызванный, надо полагать, активизацией торговых отношений с Элладой.

Отметим тот факт, что Анахарсис не являлся «стопроцентным» скифом ни генетически, ни по месту жительства. Достаточно рано он покинул Скифию — родину по отцу и городок на острове Березань — родину по матери и отправился в Элладу, где и прожил долгие десятилетия, как минимум дважды, на короткие сроки, возвращаясь на родину. Второе (или третье) возвращение его было трагично — он погиб от руки родного брата, царя скифов Славия, якобы за отказ от отеческих скифских обычаев, или,по-иному, за отказ от веры предков.

За время своей бурной жизни Анахарсис побывал в Милете, на островной Греции, долго жил в Афинах, Спарте, бывал в Лидии… Общался с Фалесом, Крезом, был другом и гостем Солона… Надо полагать, участвовал в состязании мудрецов, организованном Дельфийским храмом. Показал себя как удачливый изобретатель, неутомимый путешественник, надежный друг, яркий полемист, цепкий аналитик, приятный собеседник в застольях и просто интересный человек.

Анахарсис оставил после себя около 800 стихотворных строчек, в которых суммировал общественно-политические и юридические нововведения Эллады первой половины VI-го века до н.э., написал военный трактат. Возможно, создал наброски экономического сочинения. Косвенные источники говорят о нем как о талантливом изобретателе и рационализаторе предметов быта.

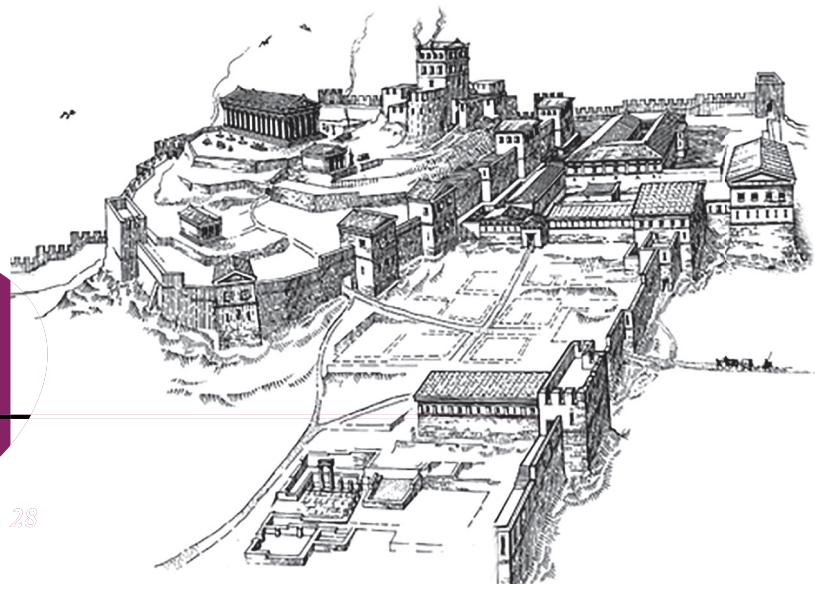
Его произведениями зачитывались десятки античных философов, его биографию пытались реконструировать как минимум шесть раз (первый биограф неизвестен, но на его труд опирались Сосикрат, Геродот, Диоген Лаэртский, Плутарх и Лукиан).

Анахарсис стал популярным героем литературы и научно-популярных рассказов о мудрецах. В целом 70 античных авторов ссылались на его авторитет, известно 50 высказываний Анахарсиса и более двух десятков подделок, авторы которых прикрывали фигурой скифского мудреца свои личные идеи.

Мы можем значительно расширить эти краткие сведения методами реконструкции. Тогда косвенные факты и общие условия исторического процесса помогут прийти к конкретным представлениям о биографии конкретного скифа — Анахарсиса.

Вопрос первый и главный. Отчего вполне успешному молодому человеку из разряда золотой молодежи сразу двух миров вдруг так резко менять свой образ жизни и отправляться в далекую Элладу? Античные авторы говорят о его желании узнать обычаи и законы эллинов. Но разве мало той информации, которую можно получить из уст колонистов недалеко от своей родины? Некоторые античные историки утверждают, что его отправил в «большой мир» царь Скифии. Возможно. Но ведь ни до Анахарсиса, ни после него таким интересом не воспламенялся ни один скифский повелитель. А опыта отправки детей за границу для получения образования тогда ещё ни у кого не было.

Тщательный анализ политической ситуации рубежа веков в зоне скифов-пахарей привел А. С. Русяеву к выводу, что до появления детей Гнура у скифов Поднепровья не было царей. Были старейшины, были военные вожди, были жрецы. А вот сын Гнура Кадуид принял царский титул первым. Братом этого человека и был наш Анахарсис. Археология свидетельствует, что в конце VII – начале VI вв. до н.э. скифские городища в лесостепи начинают бурно расти. Материальная культура развивается семимильными шагами, одновременно активизируются



Пантикапей. Реконструкция

политико-экономические отношения с эллинской колонией Борисфеном. Там появляется настоящий квартал с варварской застройкой, населенной, видимо, скифами… На этом фоне факт принятия царского титула должен был неизбежно вести к активнейшей трансформации всей структуры общественной жизни. А как проводить реформы, как строить государство, как поменяются из-за этого люди и внешняя политика? Ответов скифия знать не могла… Но эллинские колонисты, живущие тут рядом, рассказывают о своей родине Милете, о мудрецах материковой Греции, которые меняют настроения целых полисов… носятся слухи о масштабных политических, правовых и военных реформах в Афинах, Спарте. Восходит звезда Солона, многие говорят о талантливом наследнике Лидийского царства Крезе, Спарта усиливает роль государства в воспитании молодежи… И это не просто слухи, а, учитывая родство отца царя и одного из его братьев с эллинской верхушкой, — достоверная информация.

При этом Эллада начала VI-го века до н.э. — это не слишком далекая в культурном плане от Скифии страна, какой она будет, скажем, через три столетия. Да, в Элладе появились Фалес и Сафо, но нет еще ни Сократа, ни Эсхила… Эллада знает Солона, но не представляет возможность появления Перикла… Известен Ликург из Спарты, но еще не родились Леонид и его 300 спартанцев. Эллада далека, но пока далека только географически. Она поддается познанию и освоению, мысль о ее понимании еще не кощунственна и не смешна в головах варваров, да и самих эллинов. Это Эллада рассветной зари. В таких условиях новый царь нарождающейся державы предпринимает дальновидный ход. Отправить верного человека (а кто может быть вернее брата), знакомого с языком и обычаями эллинов (у Анахарсиса ведь мать эллинка и не из последних в управленческой верхушке Борисфена), при этом спокойного, наблюдательного и умного — пусть поглядит и разберётся.

В первой половине VI-го века до н.э. молодой Анахарсис отправляется в долгое морское путешествие. В это время город Милет десятками высылает корабли с колонистами, в том числе и в Северное Причерноморье. Уже появились торговые стоянки на месте будущей Ольвии (Бугский лиман), Пантикапея, Нимфея (Керченский полуостров), купцы зачастили в лесные массивы Побужья и Поднепровья. Милет, город на Западном побережье Малой Азии, становится одним из известнейших государств этой старой Эллады. Из Милета приплыли колонисты и на остров Березань. Из Милета родом мать и дед Анахарсиса. В Милете живут его родственники, к которым есть несколько писем, а солидный капитал, выданный ему царем, делает его положение устойчивым. Задача проста и сложна: смотреть, на-

блюдать, анализировать. Изучать жизнь эллинов, а главное — их законы и обычаи… О философии тогда никто еще и не слыхивал. До рождения термина «философ» оставались еще многие десятилетия.

В Милете скиф, надо полагать, задержался. Необходимо было освоиться в непривычной обстановке, тщательно изучить окружающих людей. Милет бурлил и кипел. Шла активнейшая торговля, отправлялись корабли с колонистами, приходили караваны и корабли иностранцев. Милету необходимо было посматривать на Восток (а ну как Азия выплеснет новых кошмарных Ишкузов, которых эллины с Понта именуют скифами, а сами они себя называют Сколотами), надо было и строить отношения с Севером (могучее, да к тому же и богатейшее в Азии Лидийской царство очень заинтересованно поглядывало на богатые эллинские города) … Внутри Милета учит странным вещам мудрый Фалес. Он успешный купец (наполовину финикиец, но имеющий все права гражданства эллинского полиса), ходил с караванами в разные страны, умеет наблюдать за звёздами, вычислять время затмений. Он утверждает, что всё возникло из первоначала, из воды. Его ученик Анаксимандр слушает своего учителя, но почему-то отрицательная гримаса нет-нет, да и наплывает на его лицо. На восковых дощечках гуляют стихи поэтов из Афин, Лесбоса, Спарты.

Анахарсис спокоен, деловит, любезен. Первым делом он знакомится с людьми: политиками, купцами, военными… простым людом. Он молчалив и улыбчив. Он очень любит слушать и редко возражает или спорит. Он не изучает окружающий мир, он его осваивает, вбирает разумом и сердцем. Проходит год… два, три… пять. Расстояния позволяют скифу путешествать по иным городам Ионии: Эфесу, Галикарнасу, Смирне.Побывал он и на холмах Трои. Но всё чаще и чаще он ловит себя на мысли, что Иония шумна, многолюдна, богата, славится своими купцами и поэтами… Но она страна остывающих сердец и воспламеняющегося ума. Общаясь с купцами и просто путешественниками, он смутно ощущает, что тяжесть эллинского духа уходит с этих побережий… А брату в Скифии необходима сталь реальности. Знания Фалеса — это знания досуга, а брату необходимо знание дела. Афины и Спарта! — решает Анахарсис. Там происходит становление нового гражданства, там совершается поворот простого, простодушного, но умного и хитрого народа в нечто доселе невиданное. Туда переселяется здравый смысл. Достаточно посмотреть на ЖИТЕЛЕЙ Милета и ГРАЖДАН Спарты, чтобы понять, брату не нужен опыт Ионии — ему необходим опыт Аттики и Лакедемона. Анахарсис договаривается с купцом из Афин о доставке его, Анахарсиса, в город совоокой богини.

В 48-ую олимпиаду, году в 588-ом, Анахарсис уже в Афинах. Он знает, что Солон, потомок аттических царей, создал новый вид отношений между людьми: ЗАКОНЫ. Право ушло из голов старейшин и поместилось на больших медных досках. Было отменено долговое рабство, и жители Афин почувствовали себя ГРАЖДАНАМИ. Рождается ГОСУДАРСТВО, которое говорит, что ни один гражданин не может быть продан в рабство… Сейсахтейя — «стряхивание тяжести» — вот принцип его деятельности. Тяжесть долга перед одним лицом и принятие тяжести гражданского служения… Это интересно Анахарсису. Ведь дома, в Скифии, его брат, приняв царский титул, тоже желает, дабы скифы перестали гнуть спину десять раз перед вельможами и гнули только один раз перед царем… Ах да, в Афинах нет царя… но есть государство. Верный себе Анахарсис, брат первого в роду царя, идет к Солону, дальнему потомку последнего аттического царя, дабы узнать о мудрости… мудрости строительства жизни общины и государства — политии. Найдя дом политика, он постучал в ворота *«и велел одному из рабов передать, что к хозяину пришел Анахарсис, чтобы его видеть и стать, если можно, его другом и гостем. Услышав такое, Солон велел рабу передать, что друзей обычно заводят у себя на родине. Но Анахарсис тотчас нашелся и сказал, что Солон как раз у себя на родине, так почему бы ему не завести друга? И, пораженный его находчивостью, Солон впустил его и стал ему лучшим другом»*.

Солон вводит Анахарсиса в круг политической элиты города. Сделать это можно путем дружеских симпозиумов — пирушек. Анахарсис получает возможность видеть лучших людей Афин в их естественной среде, в домашних условиях и в политической борьбе на агоре. Анахарсис уже достаточно видел, чтобы аккуратно высказывать свою точку зрения. Именно с его застольных сентенций начинает рождаться слава мудреца:

- *Виноградная лоза приносит три грозди: гроздь наслаждения, гроздь опьянения и гроздь омерзения.*
- *Первая чаша принадлежит жажде, вторая — веселью, третья — наслаждению, четвертая — безумию.*
- *У себя дома первую чашу обычно пьют за здоровье, вторую — ради удовольствия, третью — ради наглости, последнюю — ради безумия.*

Развитая культура античного полиса с его неуемной жаждой ощущений, будь то в политике или пирушках, вызывает у Анахарсиса недоумение и насмешку. Особенно его возмущала система «двойных стандартов» и парадоксы судейской системы.

- *Рынок — это место, нарочно назначенное, чтобы обманывать и обкрадывать друг друга.*

- *Анахарсис, посетив Народное собрание [в Афинах], выражал удивление, что у эллинов говорят мудрецы, а дела решают невежды.*
- *В Элладе участвуют в состязаниях люди искусные, а судят их неискусные.*

Но есть большая разница между городом и гражданином, обществом и человеком. Анахарсис понимал эту сложнейшую дилемму как никто другой. Ведь, думал он, порой самое прекрасное политическое устройство неспособно улучшить человека, а самое плохие нравы — его ухудшить.

Афинянин попрекал его [Анахарсиса], что он скиф; он ответил: *«Мне позор моя родина, а ты позор своей родине»*.

Анахарсис всё чаще и чаще спорит с Солоном. Реформа Солона представляется ему прекрасной, но несовершенной. Ведь законадательные запреты неспособны «работать» на всех уровнях государства

> *Как можно, говорил он, запрещать ложь, а в лавках лгать всем в глаза?*

Более того, законы статичны, они не могут защитить сами себя. Законы способны только поддерживать. А вот кого поддерживать — решает полис, или лучшие люди полиса, или самые коварные люди полиса, — утверждал он:

> *Закон — паутина: маленькие насекомые погибают в ней, крупные же благополучно пробиваются.*

Анахарсис уверен, что в Афинах закон не сможет работать, потому что он отдан людям. Другое дело Спарта, где закон — это плоть государства, а не толпы на агоре. Спарта всё более и более завладевает умом Анахарсиса, Афины становятся ему тесны и малоинтересны. Спустя несколько лет после встречи с Солоном Анахарсис отправляется в государство воинственных дорийцев — Спарту.

Молодое государство его очаровало. Оно было еще далеко от образцового гражданства Леонида или грубой, хитрой солдафонности эпохи Ксенофонта. Спарта 80-ых годов VI-го века до н.э. — это государство воинов, управленцев, поэтов и мудрецов. Спарта ждет своего Ликурга, она уже взяла курс на становление институций в ущерб персонификации, на становление государственности в ущерб индивидуальности. Анахарсис в Спарте общается с Хилоном. Тем самым Хилоном, который войдет в перечень семи величайших мудрецов античности. Он разговаривает с ним о теории государства и сути человечности, наблюдает установление контроля над распределением продуктов и тщательно фиксирует систему государственного воспитания молодежи. Анахарсис, в свою очередь, очаровы-

вает реформаторские умы спартанцев. Его слова, его мудрость очень близки к их мировоззрению и идеалам. Дадим слово Анахарсису.

- *Безопасные корабли — это корабли, вытащенные на берег.*
- *Лучше иметь одного друга многоценного, чем многих малоценных.*
- *Лучшим управлением было бы такое, в котором, при всеобщем равенстве во всем прочем, первые места были бы обеспечены добродетели, а последние — пороку.*
- *Афиняне, занимающиеся философией, чтобы обрести мудрость, не умеют мудро говорить. А спартанцы, презирающие философию, тем не менее умеют мудро излагать свои мысли.*

Спартанцы надолго запомнили скифа. Более того, Хилон в память грядущим поколениям оставил 200 строчек стихов, посвященных мудрецу с Понта.

Но всё когда-нибудь заканчивается. С родины Анахарсиса пришли дурные вести. Скифы-кочевники, воинственные Ишкузы, покорители Мидии разбиты в Азии наголову. Они волной хлынули через Кавказские проходы на Северный Кавказ и обратили свои взоры на север, в сторону богатеющих племен Лесостепи. Отдельные отряды разведчиков добрались до Северного Причерноморья, они появились в Крыму и возле небольшого, но весьма энергичного городка Ольвии. В такой час все родственники должны быть вместе, чтобы достойно встретить угрозу. Да и Анахарсис после десятилетия учебы в Элладе должен многое рассказать брату.

На рубеже 80–70-ых годов Анахарсис вернулся на родину. Как происходило возвращение — бог весть. Но взрывной характер

Развалины Херсонеса Таврического

развития Лесостепи падает как раз на первую треть VI-го века. Вероятно, роль Анахарсиса в этом процессе была существенной.

Скифы-кочевники проявляют все большую настырность, их интерес к степи оправдан, но амбиции после азиатских походов — раздражающе непомерны. Очевидна их дикость, их богатство и огромный воинский опыт. Тем не менее скифы побеждены и изгнаны из Азии. В преддверии военного столкновения очень интересно узнать причины этих событий если не из первых, то хоть из вторых рук. Лидия — вот подходящий посредник. Громадное государство с царским управлением, богатое и крепкое. Все перипетии скифских войн в Азии шли как рядом с ней, так и на ее территории. Лидийцы — эллинофилы, они благосклонны к эллинской культуре. Особенно царевич Крез. Города Ионии, так хорошо известные Анахарсису, близки ко двору Лидийского царевича, Солон — друг Анахарсиса бывал в Лидии и оставил после себя добрую память. Кому как не Анахарсису выполнить деликатную миссию и разведать слабость врага, попутно посмотреть на «варварский» способ строительства государства.

Около 70-ых годов VI в. до н.э. Анахарсис снова в Афинах у своего друга Солона. Там, у Солона, он знакомится со своим земляком, скифом Токсарисом. Токсарис — выходец из простого народа. Гребцом, отрабатывая купцу долг за морское путешествие, прибыл в Элладу. Обучился медицине и стал популярным врачом. Скифы решают вместе отправиться к Крезу, однако прежде, по рекомендации Солона, Анахарсис пишет письмо к царевичу Лидии:

«Я приехал в эллинскую землю, чтобы научиться здешним нравам и обычаям; золота мне не нужно, довольно мне воротиться в Скифию, став лучше, чем я был. И вот я еду в Сарды, ибо знакомство с тобою значит для меня весьма многое».

Лидия поражает Анахарсиса своей тягой к роскоши, бедностью населения, гордыней воинов и высокомерием вельмож. Он видит классические примеры бюрократии и парадоксального счастья подданных царской власти. Власти, которая так похожа на тиранию одного. Ведь равенство Лидии — это равенство бесправия всех перед лицом всеправия одного. С Крезом происходит тяжелый, но поучительный разговор.

Крез: *«Какие из живых существ храбрейшие?».*

Анахарсис: *«Самые дикие, ибо лишь они мужественно умирают за вою свободу».*

Крез: *«Какие из живых существ самые справедливые?».*

Анахарсис: *«Самые дикие, ибо лишь они живут согласно природе, а не согласно законам; природа есть творение божества, а за-*

кон — установлен человеком, и более справедливым будет пользоваться тем, что открыто богом, а не человеком».

***Крез:** «Не являются ли звери наимудрейшими существами?».*

***Анахарсис:** «Это так, ибо отдавать должное истине природы перед истиной закона есть основной признак мудрости».*

***Крез:** «Твои ответы основаны на скифском, звероподобном воспитании»*

Выполнив все поручения царя, Анахарсис через Милет возвращается домой и вновь окунается в семейные дрязги. Как бы то ни было, но очень скоро в Скифии царем становится второй брат Анахарсиса — Славий, будущий убийца мудреца. А сам скиф покидает родину и вновь заявляет о себе в Элладе.

В 70–60-ые годы Анахарсис — известный мудрец. Он знаком с ведущими политиками античного мира, его дружбой гордятся мудрецы и поэты, о его поведении и парадоксальных речах создаются легенды. Анахарсис стремится к публичности. Именно в гуще людей, слов и мнений он способен раскрывать свой талант: наблюдение, анализ и разящий, краткий вывод. Его интересует человек, вернее, круг человечности, тот круг вещей и нравов, которые он способен наделить своим Я. Он внимательно изучает тонкие границы между нравственностью и законом, моралью субъекта и общественным мнением большинства.

- *Злой человек похож на уголь: если не жжет, то чернит тебя.*
- *Эллины издают законы против дерзости, а борцов награждают за то, что они бьют друг друга.*

В эти же годы происходит событие, ставшее толчком к созданию канона семи мудрецов. Некоторые говорили, что это был пир могучих интеллектов, другие, что Дельфы организовали соревнование мудрых, как в Олимпии организуют соревнования сильных, быстрых и смелых. Быть может, эти события прошли одновременно или одно логически вытекало из другого. Говорят, что соревнования назначила Пифия храма в ответ на вопрос Фалеса: «Кто мудрейший из мудрых». Говорят также, что первым мудрецом был назван Фалес в 580/581 г. и тогда же появилась первая семерка мудрецов (всего античность насчитала полтора десятка вариантов их списка, где только четыре персоны повторялись регулярно: Фалес, Биант, Питтак и Солон). Надо полагать, это может свидетельствовать, что соревнования происходили регулярно с каким-то интервалом. И если первые прошли в 580/581 г., то к 70-ым годам мероприятие должно было получить огласку. Во всяком случае, известно, что условия конкурса просты: быстро придумать и кратко изложить мудрую мысль. Жюри учитывало скорость, краткость

и глубину сентенции. Лучшие высказывания заносились на стены святилища. В двух списках Анахарсис занимает восьмое и девятое место мудреца, но в списке Гиппобота — пятое, опередивши и Солона, и Фалеса. Вот некоторые надписи победителей: «Ничего сверх меры», «Познай самого себя», «Трудно быть добрым». Были там и надписи от нашего скифа. Вполне возможно, что подобного толка:

- *На вопрос, что в человеке хорошо и дурно сразу, он ответил: «Язык»*
- *«Кто враг человеку?» — «Он сам».*

Время шло, Анахарсис дряхлел. Его тянуло на родину. Солон умирает. В Афинах воцаряется тирания. Спарта грубеет и становится страшной для любого человека свободы. Города Ионии захватывает своей властью царь Крез… Мир, известный Анахарсису, рушится и расслаивается. Вероятно, он получает известие о том, что Славий обещает предоставить своему брату покой и не преследовать его. В 550 г. до н.э. Анахарсис возвращается в Скифию. Высадившись в Ольвии (в годы его юности это был всего лишь торговый пункт Борисфена, а теперь Ольвия — пышный город, а Борисфен — унылые полуруины), он отправляется в свои края. Он не говорил уже о политике. Он говорил о человечности, о семейственности. Он говорил о долге, разуме и самообладании. В конце концов, он говорил о совести и душе. Но его мудрость, моральный авторитет и великие знания намного превысили предел обыкновенного. Он слишком опередил своих соотечественников. Расплата за талант была неминуемой. На охоте в возрасте более 80-ти лет Анахарсис был «случайно» убит своим братом. Говорят, умирая, он произнес: «Разум оберег меня в Элладе, зависть погубила меня на родине».

Его смерть буквально «взорвала» интеллектуальный мир Эллады. О нем сожалели, его мифизировали, о нем сочиняли стихи, ему ставили скульптурные памятники, его лик вырезали на печатях… А на родине, его предпочли забыть. Уже спустя 60–70 лет Геродоту никто из жителей Ольвии и Скифии не мог точно рассказать о жизни Анахарсиса. Лишь несколько анекдотов поведал историку один из скифских царевичей. Помнили скифа лишь эллины[7].

7 Геродот приводит довольно любопытную версию смерти Анахарсиса, очень похожую на те идеологические поделки, которыми кормит народ и сопредельные старны любой серьезный деспот: «На обратном пути в скифские пределы ему пришлось, плывя через Геллеспонт, пристать к Кизику. Кизикенцы в это время как раз торжественно справляли праздник Матери Богов. Анахарсис дал богине такой обет: если он возвратится домой здравым и невредимым, то принесет ей жертву по обряду, какой он видел у кизикенцев, и учредит в ее честь всенощное празднество. Вернувшись в Ски-

***

Рождение Анахарсиса как человека и как личности на стыке культур, его желание воплотить в себе все самое лучшее от эллинов и скифов привели полускифа и полуэллина к трагической смерти.

Анахарсиса интересовал Человек во всем своем многообразии, он рассматривал его в этическом, эстетическом, правовом, социальном измерениях, высказывал суждения об этикете, нравственности, проблемах смерти, юмора, образования. Если его современники натурфилософы отдавали предпочтение поискам первоначала, исследованиям окружающего мира, то Анахарсис обратился к Человеку как исходной проблеме всех загадок бытия (это произошло за полвека до рождения Протагора и Сократа — наиболее известных «человековедов» античности). И надо сказать, что смотрел на эту проблему Анахарсис не отстраненным взглядом теоретика, а как практик: военно-политический наблюдатель и государственный аналитик.

Анахарсису было тяжело отдать предпочтение законам и обычаям скифов, но еще тяжелее было ему считать себя эллином. По этому поводу сохранилось замечание Анахарсиса, в котором он отметил, что ум его принадлежит Элладе, а сердце — Скифии. Вся жизнь этого мыслителя явилась примером уважения к другому, отказа от понятия «чужой» при обращении к Человеку. Долгие годы жизни в Элладе, короткие приезды на родину, несомненно, являлись результатом поиска вариантов компромисса между эллинами и варварами, между культурой и цивилизацией, правом и законом, дряхлеющим обществом и зарождающимся агрессивным государством.

Ответ на проблемы, которые поставила перед миром жизнь Анахарсиса, дали эллинистические государства Северного Причерноморья, продемонстрировавшие возможности плодотворного культурного синтеза. Позднее появятся в Ольвии, Херсонесе и Пантикапее профессиональные философы, зародится своя особенная письменная историческая традиция, гимнасты этих городов будут выигрывать олимпийские игры, по-

фию, Анахарсис тайно отправился в так называемую Гилею (эта местность лежит у Ахиллесова ристалища и вся покрыта густым лесом разной породы деревьев). Так вот, Анахарсис отправился туда и совершил полностью обряд празднества, как ему пришлось видеть в Кизике. При этом Анахарсис навесил на себя маленькие изображения богини и бил в тимпаны. Какой-то скиф подглядел за совершением этих обрядов и донес царю Славию. Царь сам прибыл на место и, как только увидел, что Анахарсис справляет этот праздник, убил его стрелой из лука. И поныне еще скифы на вопрос об Анахарсисе отвечают, что не знают его, и это потому, что он побывал в Элладе и перенял чужеземные обычаи». (Геродот. IV, 76)

томки межэтнических браков станут выдающимися деятелями Эллады (чего стоит только имя Демосфена)… Появится «крымская школа» философии и истории. Огромную роль в этом сыграет синкретичное Боспорское царство. Царство, взлет которого обоснован осознанием его гражданами своей особенности, уникальности и необычности. Как ни парадоксально, но это приведет к наиболее удачному варианту разрешения конфликтов на культурных, этнических и религиозных разломах. Уже очень скоро историков Пантикапея будут цитировать эллинские и римские «мэтры», а философы Боспора будут учить молодежь на улицах славнейших городов Эллады… Будет все… Но только через несколько столетий после смерти Анахарсиса — первого представителя культурной волны, так поразившей в свое время античный мир по оси Александрия — Афины.

Сфер **БОСПОРСКИЙ**

ок 280 г. до н.э. –
после 221 г. до н.э.

Краткая биография. *Сфер Боспорский — философ-стоик, рожденный на территории Боспорского царства (вероятно, на территории нынешнего Керченского полуострова). Ученик стоиков Зенона из Китиа и Клеанфа из Ассоса (вероятно, первым учителем был Боспорский философ-мегарец Дифил, сын Евфанта).*

В зрелом возрасте Сфер оказал определяющее воздействие на становление личности спартанского царя Клеомена III. Принимал участие в масштабных реформах Клеомена, направленных на усиление государственно-политического и военного потенциала Спарты. Результатом реформ стала череда воинских успехов Клеомена и короткий период гегемонии Спарты над Пелопоннесом; была сделана попытка завоевать статус регионального лидера эллинистического мира. Сфер водил знакомство с царями Македонии, вероятно, был в чести у Боспорской династии Спартокидов. Философ имел личные и дружеские отношения с правящим домом Птолемеев (Египет).

География путешествий. *Сфер долгое время жил в Пантикапее (вероятно), Афинах, Александрии Египетской, Спарте.*

Творчество. *Написал более 30 книг по различным областям знания: «О мире» — 2 книги, «Об основах», «О семени», «О случае», «О наименьшем», «Об атомах и образах», «Об органах чувств», «О Гераклите» — 5 бесед, «О построении этики», «О надлежащем», «О побуждении», «О страстях» — 2 книги, «О царской власти», «О спартанском государственном устройстве», «О Ликурге и Сократе» — 3 книги, «О законе», «О гадании», «Разговоры о любви», «Об эретрийских философах», «О подобном», «Об определениях», «Об обладании», «О противоречиях» — 3 книги, «О рассуждении», «О богатстве», «О славе», «О смерти», «Пособие по диалектике» в 2 книгах, «О сказуемых», «О двусмысленностях», «Письма». До наших дней тексты не дошли. Сохранилось лишь несколько отрывков. Но Сфер оставил после себя по-*

следователей, продолжавших разрабатывать его представление о физической картине мира.

Третий век до н.э. надвигался на эллинов в тучах и грозах. Со смертью царя Александра, сына Филиппа, разгорелись ожесточенные войны между его полководцами, которые разорвали на куски гигантскую империю Великого Македонца. От Индии и до Эллады, от Фракии и до Египта мир обрушился в жарко пылающий костёр ненависти, интриг, предательства и корысти. Возникают и возвышаются царские династии — с тем, чтобы спустя несколько лет, а то и несколько дней захлебнуться кровавыми потоками битв и дворцовых заговоров. Блистательные замыслы политических гигантов, в которые втягиваются тысячи жизней, рушатся из-за низкого житейского коварства посредственных честолюбцев…

Тогда же, в преддверии третьего века до н.э. , умирает в тиши и забвении на острове Саламин учитель Александара Македонского — Аристотель. Однако мир культуры и философии оказался прочнее реальности государств и хитрых дипломатических комбинаций. Со смертью Аристотеля философия отнюдь не угасла. Его школа в Ликее цветет и здравствует, Академия Платона полна учеников, исправно учат философии второе и третье поколение слушателей Сократа, так называемые сократики (мегарцы, киники и другие). Но появляются в Афинах и новые философские школы, причем основанные иноземцами. Приезжает в Афины Эпикур, высаживается в Пирее, афинской гавани, Зенон. Закладываются основы великих философских школ эпикурейцев и стоиков. Невиданными ранее темпами философские идеи записываются и распространяются в свитках. Математика и физика выходят из-под спуда тайного знания и становятся важными основами военного дела (строятся гигантские осадные машины), торговых экспедиций (закладываются на верфях ни с чем не сравнимые купеческие корабли), архитектуры (воздвигаются «чудеса света»: Александрийский маяк, Колосс Родосский, Музейон, Александрийская библиотека).

Люди той эпохи торопятся жить, торопятся путешествовать, мыслить и творить. Восходит философская звезда окраин Эллады. В Афины стремятся выходцы из Азии и Италии, из Египта и… Северного Причерноморья. Многие искатели мудрости впоследствии возвращаются на родину. Таким образом, философия проникает в столицы крупных и до недавнего времени периферийных государств. Там, в среде кровавых смут и непрекращающихся злодеяний, организуются островки духовного достоинства и спокойствия — философские кружки и сообщества.

Все эти процессы были плоть от плоти истории не только Средиземноморья, но и стран, расположившихся на Крымском

полуострове, в том числе для государства со звучным именем «Боспор».

Боспор — большое царство, возникшее еще в начале пятого века до н.э. В третьем веке оно располагалось по обеим сторонам нынешнего керченского пролива и протянулось от Феодосии до Северного Кавказа, от Ростова-на-Дону до Анапы. Боспор — это десятки крупных городов (Феодосия, Пантикапей, Фанагория, Горгиппия…), сотни небольших поселений, огромные богатства, скопленные на торговле зерном и рядом транзитных товаров. Боспор — это прекрасная архитектура, чудесная живопись, великолепные золотые монеты, победители олимпийских игр и школа талантливых историков. Боспор — это политические интриги, хитроумные дипломатические комбинации, рождавшие союзы полисов, втягивавшие в орбиты дворцовых заговоров варварские воинские формирования… бесконечная череда решительных архонтов, царей, политиков, купцов.

Боспор никогда не покидал страниц общегреческой истории. О нем упоминают во времена Геродота и Перикла, за его благосклонность борются персидские сатрапы, великие Афины, египетские Птолемеи… А за пределами Боспорского царства бушуют страсти кочевых империй: скифов и сармат. Границы Боспора прочно обросли союзами воинственных варваров — синдов, меотов. Военное дело для граждан Боспора — просто и естественно, как глоток воды. Многочисленные мелкие кровавые стычки на границах, большие войны с соседями и, как апогей, великая междоусобная война боспорян — сыновей царя Перисада I в конце третьего века до н.э. приводят к формированию многолетней и эффективной военной культуры, плотно замешанной на развитом чувстве прекрасного и тяге к постижению историко-политическим вопросов. Именно в такой среде и родился будущий философ, логик, царедворец, реформатор и грамматик Сфер Боспорский.

Год рождения Сфера Боспорского точно не установлен[1], но известно, что он появился на свет между 285 и 280 г. до н.э. Решимся принять за точку остчета его жизни год 281. Этот год был обилен на смерти, но крайне скуп на рождения. И неудивительно, ведь он знаменует собой последний всплеск битв за наследство Александра Македонского. Нет, войны не прекра-

1 Анализ полемики вокруг года рождения и места рождения Сфера Боспорского см. в статьях: Матукина А. Н., Молев Е. А. К вопросу о философии и философах на Боспоре // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2016. — № 6; Петрова Э. Б. Мыслители античных городов Северного Причерноморья // Ученые записки Таврического Национального университа. — 2000. — № 13 (52). — Т.1; а также в материалах научного доклада: Матукина А. Н. Философские системы эпохи эллинизма на Боспоре // http://conf.dvfu.ru/archive/Lomonosov_2016/data/8421/uid14325_fe567c18df51aecf3e427dd9ee212b7887161ec3.doc.

тятся, но в 281 г. до н.э. уходят последние из диадохов — тех полководцев, которые вместе с Александром сокрушили Персидскую империю, а затем мертвой хваткой вцепились в горло друг другу. Гибнет Лисимах — повелитель Фракии и Македонии, находит бесславную кончину энергичный Селевк — владыка Азии; им обоим было далеко за 80 лет. Будущее теперь в руках их детей, которые были рождены в разгар битв и унаследовали вражду своих отцов. На ЗападеПирр, царь Эпира, бросает вызов уже сильному, но отнюдь ещё не могучему Риму. Мир стоит на пороге новых смут.

В 281 году умирает ученик Аристотеля — Теофраст. Тот самый, который продал в Александрию библиотеку своего учителя — самое большое на то время собрание книг по всем отраслям знания (более 40 тысяч свитков).

Будеем считать, что именно год 281 ознаменовался рождением Сфера Боспорского и его будущего коллеги по расписной Стое[2] — Хрисиппа из Сол. Из какой семьи был Сфер? Как из далекого Северного Причерноморья оказался в Афинах? Бог весть. Точных данных нет. Но есть косвенные черты, которые помогают кое-что понять. Нет оснований думать, что он был царского рода — об этом обязательно сохранились бы упоминания. Но также нет оснований предполагать в нём простолюдина. Уж очень просто и легко он устраивается при царском доме в Спарте, совершенно спокойно и даже несколько язвительно ведет диалоги с царями Египта, которые его тон воспринимают как нечто само собою разумеющееся. Можно полагать, родственники Сфера были весьма влиятельными людьми, но родственниками далекими.

Какое первое образование он получил? Об этом в источниках — ни слова. Однако обо многом можно догадаться. Боспор ко времени рождения Сфера имел уже довольно значительную традицию интеллектуальной деятельности. Были в царстве свои поэты, музыканты, был свой театр, были и свои философы.

Один из первых известных нам тамошних философов — Дифил, сын Евфанта, он числился учеником Стильпона, который, в свою очередь, был одним из первых представителей мегарской школы. Немаловажно, что основным направлением этой школы был анализ логики и теории познания. Огромное значение школа уделяла исследованию взаимоотношений общего и единичного, качественной проработке определений, логических парадоксов, модальной логики и теории правильной импликации — то есть тем самым проблемам, которым посвящен целый спектр не только трактатов будущего философа (о них

2 Так назывался портик, где обучались ученики Зенона, отсюда и название школы — Стоя.

речь ниже), но и весьма забавные жизненные анекдоты о прениях, из которых Сфер выходил победителям благодаря весьма ловкой игре с понятиями «должного» и «возможного» (что опять-таки нас отсылает к традициям мегариков и, в частности, современника Стильпона — Диодора Крона). Однако, это еще не все. Стильпон был учеником Евклида и являлся замыкающей фигурой в мегарской школе. Как считается, он своим учением зафиксировал линию перехода от учения мегарцев к учению основателя стоицизма — Зенона, который одно время являлся его слушателем (того самого Зенона, к которому прибыл на обучение много лет спустя сам Сфер). Таким образом, выстраивается вполне ясная цепочка. Стильпон обучает философским премудростям выходца из Боспора — Дифила и выходца с Кипра Зенона, все более и более склоняясь к идеям, которые станут «визитными карточками» стоиков. При этом сам Дифил вполне мог застать как смерть учителя, так и начало деятельности собственно Зенона. У нас нет точных сведений, что Дифил вернулся на Боспор, однако отсутствие упоминаний о человеке, бросавшем вызов Стильпону, может свидетельствовать о том, что он «уходит» с философской арены Афин и обустраивает свою жизнь на периферии, у благосклонного к философии монарха. Стильпон умирает ок. 280 г. до н.э. , и вполне логично, что после смерти учителя Дифил возвращается на родину, где и преподает полученные знания. Косвенным свидетельством того, что сократики были хорошо известны на Боспоре, а их воззрения пользовались уважением и почтением, служит надгробная надпись конца IV и начала III в. до н.э. : «*Это памятник Смикра, который велик был (внушаемым к себе) доверием и у которого справедливость внедрена была в уме природою от рождения. Его воспитали музы, и он учил на распутьях (дорог) и дал согражданам наилучший образ мыслей*». При этом комментаторы текста, учитывая стилистику текста, его смысловые обороты, уверенно говорят, что описываемый род занятий умершего — философия, направление — сократическое. Немало было в последующие века философов на Боспоре, которые проповедывали религиозность, простоту, приветливость и логическую изысканность — очень яркие черты мегариков и стоиков-ортодоксов.

Итак, велика вероятность того, что в конце III в. (280–270-ые гг. до н.э.) Дифил возвращается в Боспор и занимается обучением молодежи. Принимая во внимание интерес Сфера к логике, практике аргументации, софистике, его ловкость в определениях и баснословную легкость в определимости явлений между «должным» и «возможным», — очевидно, что свое базовое образование, причем очень качественное и основательное, он получил именно у мегарцев. В этом смысле фигура Дифила, выходца с Боспора, ученика Стильпона, подходит как нельзя кстати на роль первого учителя Сфера (Дифил, надо по-

лагать, сам был великолепным спорщиком и весьма известной фигурой в эллинской философии того времени, раз бросал вызов в спорах такому мастеру, как Стильпон).

Сфер родился в государстве с развитыми монархическими традициями (за 40 лет до рождения Сфера боспорский царь был при жизни удостоен божественных почестей), а посему у него не могло не сформироваться верное и структурно организованное понимание сущности царской власти. Эта общественная и политическая специфика Боспора, помноженная у Сфера на закваску Стильпона (который обладал выдающимся умением лепить из противников своих друзей и был крайне искушен в интригах), мегарское внимание к логике просто обрекут боспорца на активное занятие политической деятельностью. Той самой деятельностью, от которой уклонится бывший атлет Клеанф и «чистый» ученый Хрисипп.

Идут года, молодому боспорцу пора «становиться на крыло». Его первичное образование законченно, и он отправляется в классический университет Эллады — в Афины. Афины с Боспором дружат. Более того, в честь боспорских царей уже на протяжении десятилетий Афины воздвигают памятники, правящей династии даруют гражданские привилегии. Любой боспорянин в чести у афинян. Поэтому Сфер, хоть и отправляется в далекий путь через три моря (Черное, Мраморное и Эгейское), но отнюдь не в чужое государство. У него за плечами качественная философская подготовка, рекомендательное письмо учителя и дружеское расположение далеких родственников, с интересом наблюдающих за интеллектуальным ростом их подопечного. Не менее важно, что Зенон, находясь в Афинах, ведет активную торговую политику, наживая немалые барыши при помощи торговли (как тут не вспомнить, что Боспор — источник самого дорогого для афинян товара — зерна). Нет сомнений, что Сфер Боспорский неминуемо войдет в ближний круг этого известного философа.

В году 264-ом 17-летний юноша Сфер становится учеником Зенона с острова Кипр, выходца из смешанной эллинско-финикийской семьи. Того Зенона, который сформировал школу стоиков, просуществовавшую долгие сотни лет. Зенон был колоритнейшей фигурой на отнюдь не сером небосклоне философии эллинизма. Он провел годы, обучаясь в платоновской академии, общаясь с киниками, слушая лекции мегариков. В зрелом возрасте основал свою школу. Был весьма обласкан царской милостью. Он вел личную переписку с македонскими царями, время от времени даже участвуя в их пирушках… Его выпускники стали советниками при македонском престоле. За выдающиеся успехи в философии и воспитании молодежи городские власти Афин наградили его золотым венцом и ста-

туей, а после смерти Зенон удостоился почётного погребения в Керамике. Зенон — человек с обширнейшими торговыми связями по всему восточному Средиземноморью, обладавший солидным денежным капиталом. Казалось бы, придворный лизоблюд и баловень судьбы. Но нет! Как говорят в южных штатах США, дважды нет! Он жил крайне просто, без семьи и рабов. Стремился всячески избегать общественного внимания и с торжеств скрывался, как только это позволяли приличия. Даже свою школу он основал в тихом и мало посещаемом местечке, расписном портике — Стое. Зенон поощрял своих учеников к черной работе и самостоятельному добыванию хлеба насущного. Стержнем его учения был поиск ответов на два вопроса: «Что в нашей власти?» и «Что не в нашей власти?». При этом знание должно быть подчиненно действию, а нравственность должна быть ориентирована на добродетель. Как мы увидим, Сфер Боспорский — один из немногих учеников Зенона, который практически применил идеи своего учителя на поприще политики и дипломатии.

Год 262. Сферу — 19 лет. Умирает его учитель Зенон, и Сфер решает продолжать обучение у старшего ученика Зенона, Клеанфа из городка Асс, что в Малой Азии. Клеанф пробыл с Зеноном 18 лет и вполне сформировался как философ. Но… но… В прошлом Клеанф — успешный кулачный боец. Прибыв в Афины, все свои наличные деньги (4 серебряные драхмы) уплатил Зенону, чтобы слушать его учение, а по ночам зарабатывал себе на жизнь тяжким физическим трудом. Уроки Зенона записывал на черепках и бычьих лопатках, ибо был крайне стеснен в деньгах. До самой своей смерти он отказывался от довольно крупных сумм, которые в качестве подарков ему предлагал город Афины и царь Антигон. Это был жесткий, резкий, но спокойный человек с развитым чуством справедливости и… железобетонной выдержкой. Кредо его жизни сохранилось, пройдя тысячелетия: «Желающего судьба ведёт, нежелающего — тащит».

Клеанф прославился феноменальной памятью и неразрывной связью слов и дел. Ряд его диалогов поражают цепкой, четкой и ясной логикой, ввергающей собеседника в шок.

Кто-то сказал ему, будто Аркесилай не делает того, что нужно делать. «Перестань, не ругайся, — сказал Клеанф, — на словах он отвергает надлежащее, а на деле утверждает». — «Лестью меня не возьмешь», — сказал на это Аркесилай. «А я и не льщу, — ответил Клеанф, — я ведь говорю, что ты твердишь одно, а делаешь другое».

Когда один хорошенький мальчик стал рассуждать, что слово «лягаться» происходит от слова «ляжка», Клеанф сказал ему: «Потише со своими ляжками, мальчик: не всегда похожие слова означают похожие вещи» (Диоген Лаэртский).

Клеанф был близко знаком с македонскими Антигонами (как, впрочем, и его учитель Зенон), вёл переписку с династией Птолемеев в Египте. Сфер, как ближайший ученик Зенона и Клеанфа, был посвящен во многие тайны царских домов и получал наипервейшую информацию с точными комментариями обо всех политических играх по линии Македония — Египет.

Год 260. Сферу Боспорскому — 21 год. Завязываются еще два узелка его биографии. В Спарте у царя Леонида рождается сын Клеомен, будущий ученик Сфера, его гордость и его печаль. В том же году у Клеанфа появляется ученик Хрисипп из Солл — профессиональный атлет, бегун на дальние дистанции. Хрисипп — интеллектуал, неутомимый в идеях, фантазиях и мыслях. Автор более 700 научных трактатов. Это педагог и организатор «мозговых штурмов». Он великолепный спорщик и неутомимй полемист. Его современники говорили: «Если бы боги занимались диалектикой, они бы занимались диалектикой по Хрисиппу». Очень скоро неутомимая натура Хрисиппа проявила себя во всей своей мощи и красоте.

Шли года. Клеанф старел, и многое в школе стоиков неизбежно падало на плечи Хрисиппа. Что могло быть общего у Сфера Боспорского, философа-практика, с классическим типом университетского философа последующих эпох? Сфера, слушавшего уже полулегендарных мегарцев и заставшего лекции Зенона; бывшего учеником Клеанфа с первых его шагов в качестве учителя, с талантливым, ярким, «лихим», но таким молодым по годам обучения Хрисиппом? Уход Сфера от Клеанфа, а, следовательно, и Хрисиппа, был неизбежен. Но пока он трудится над целым спектром ученейших трактатов: «О Гераклите в 5-ти книгах», «О случае», «Об органах чувств».

Год 252. Появляется возможность красиво оборвать отношения со своей школой. Столица Египта Александрия нуждалась в специалистах, владеющих законами физики и математики. Большие книжные собрания (около 200 тысяч книг) требовали систематизации и описания, одним словом, нужны были философы, владеющие физикой, математикой, логикой и грамматикой. Птолемей отправляет главе школы стоиков приглашение прибыть в Александрию самому или прислать своих учеников. Клеанф предлагает поехать в Александрию Хрисиппу и Сферу. Хрисипп отказывается, а Сфер, немедля ни дня, отправляется в далекий путь. Молодой энергичный муж 29 лет отроду окончательно рвет со школой и с энтузиазмом обращается к реальной жизни.

Но в Александрии Сферу не удалось заняться ни чистой наукой, ни прикладной физикой. Он мгновенно оказался втянут в дворцовые интриги и международную политику. Всё дело

в том, что годом раньше (253 г. до н.э.) из Боспора, родины нашего героя, в Египет прибыло большое торговое и дипломатическое посольство, которое свидетельствовало о новом этапе дружбы между государствами. Птолемея II настолько заинтересовали открывающиеся перспективы, что он воспринял приезд стоика как прекрасную возможность получить при своем дворе толкового выходца из Боспора, дабы иметь надежный источник информации и удобную фигуру для дипломатических игр. Сфер в это время — тридцатилетний трудолюбивый интеллектуал, он владеет риторикой, интересуется базовыми принципами государственного устройства; Сфер свидетель конкретных дипломатических комбинаций и отвлечённых философских споров на протяжении всей своей сознательной жизни. Время Сфера в Александрии — это расцвет дипломатической активности между Пантикапеем и Александрией, между Спартакидами и Птолемеями. Свои наблюдения жизни царей, политиков и купцов он суммирует в серии этических трактатов: «О построении этики», «О надлежащем», «О побуждении», «О страстях» — 2 книги.

Год 249. Сферу Боспорскому — 32 года. В Египет прибывает делегация из Ахейского союза, естественного врага Македонии, а, следовательно, естественного друга Египта. Птолемей II ласково относится к делегации и даже субсидирует казну союза. Его сын, будущий царь Египта, категорически против такой политики. Ему не нужны ни сильная Македония, ни сильный Ахейский союз, считает наследник престола. Ведь они не могут быть подконтрольны Александрии. Необходима третья сила. Но ее нет. — Есть, — отвечает Сфер. Вернее, есть тень прошлого, громкие звуки славы при полном отсутствии носителей этой славы. Речь идет о Спарте. Некогда могучее государство, вызывавшее трепет своим воинским мастерством и непоколебимой государственностью, влачит жалкое существование, не имея возможности обороняться от набегов своих бывших вассалов. Но в Спарте идут непонятные процессы. Раз за разом осуществляются попытки реформ, особенно преуспел Агид.Многие там вспоминают великое прошлое, особым спросом пользуются свитки о героических деяниях трехсот героев Фермопил. Быть может, это спящий гигант? А если он проснется? Кто будет держать в узде Лакедемон? Необходим контроль над возможным могуществом (тем более, что сын царя Леонида — очень энергичный, талантливый и решительный мальчик). А самый лучший контроль — это обладание разумом и душой человека. То есть тот контроль, который формируется в процессе обучения юных граждан, а главное, юных аристократов и наследников престола. Очень скоро с благословения будущего Птолемея III Сфер Боспорский отправляется в Спарту для обучения юношества премудростям философии: этике, логике и физике.

248 год. Сферу Боспорскому — 33 года. Философ пришелся по душе спартанцам, завоевав их доверие. Он не новичок в воинском деле (сказалась нелегкая жизнь на родине), прекрасный ритор (хвала учителям философии) и может многое рассказать о жизни царских домов крупнейших монархий эллинистического мира. Он краток и ясен. Его речь — это простые предложения с очевидным смыслом для непосвященных и имеют как минимум два-три смысла для знатоков грамматики и логики. В среде его учеников значится юный 12-летний Клеомен. Мальчик выдающихся способностей, среди которых выделялась целеустремлённость. Если он ставил перед собой задачу, то рвался к ней как стрела, преодолевая все помехи … а если препятствие было слишком крепко, то сам рассыпался на мелкие кусочки, стремясь пробиться к цели во что бы то ни стало. По словам Плутарха, Сфер Боспорский «по-видимому, полюбил Клеомена за его природное мужество и разжег в нем честолюбие».

Впрочем, сама Спарта представляла жалкое зрелище: «*… граждане вконец изнежились от праздности и забав, царь ко всему относился с полным равнодушием — лишь бы никто не мешал ему жить в богатстве и роскоши, государственные же дела были в пренебрежении, ибо каждый думал лишь о своем доме и о собственной выгоде. О скромности и регулярных упражнениях молодежи, о выдержке и равенстве — обо всем этом теперь, после гибели Агида, небезопасно было даже вспоминать*» (Плутарх).

Но Сфер Боспорский видит потенциал города и граждан. Результатом его многолетнего изучения ситуации стали четыре замечательных трактата: «О царской власти». «О спартанском государственном устройстве», «О Ликурге и Сократе» и «О законе». Он вселил в Клеомена веру в возможность будущего величия его государства. И не просто веру, а показал технические варианты осуществления мечты и политические перспективы, связанные, например, с поддержкой могучего Египта.

240 г. до н.э. Сферу Боспорскому — 41 год. Клеомену исполнилось 20 лет, и Сфер счёл обучение мальчика, на которое он потратил, восемь лет, завершённым. Он возвращается в Александрию. Это год окончания многих сирийских войн энергичного Птолемея III. После этого царь уже не ведет военных действий, но развивает бурную дипломатическую и политическую деятельность, совмещая её с усилением Александрии как философского и духовного центра ойкумены.

В Александрии Сфер обращает свой взор на классические для стоиков вопросы. Из-под его пера выходят тексты, посвященные гаданию, логике, грамматике и… любви: «О гадании», «Разговоры о любви», «Об эретрийских философах», «О подоб-

ном», «Об определениях», «Об обладании», «О противоречиях» — 3 книги, «О рассуждениях». Ритм жизни Сфера определился. Это резкие конкретные задачи, которые он выполняет с блеском и завидной последовательностью, а затем даёт их текстуальное обобщение в общие мировоззренческие или логические проблемы.

В 235 году воспитанник Сфера Клеомен становится царем Спарты. В ближайшие годы он проводит энергичные военные кампании, которые выводят Спарту на уровень одного из сильнейших государств Балканского полуострова. В 232 году умирает старый учитель Сфера — Зенон. Хрисипп ожидаемо становится главой стоиков. Сферу исполняется 49 лет.

В 229 году царем Македонии становится Антигон Досон. На полуострове окончательно формируются три могучих соперника: Спарта, Ахейский союз и Македония. Клеомен приглашает Сфера в Спарту, чтобы он помог ему в проведении масштабных реформ. Но Египет поддерживает Ахею… Однако Клеомен проводит гибкую и хитрую политику. Вербует сторонников, не скупится на взятки и окружает себя преданными друзьями. Для столь прожженного политика, как Птолемей III, становится ясным, что в мире рождается сила, способная противостоять амбициям Македонии и Ахейского союза. Царь Египта полностью лишает своего доверия и поддержки Ахайю, перенося ее на Спарту. Вероятно, немаловажную роль в этом переносе тяжести внешней политики сыграл Сфер. В любом случае, уже в 226-ом г. до н.э. (а может, и того ранее) философ оказывается в статусе советника спартанского царя Клеомена.

Царь Клеомен III

Очень скоро военный гений Клеомена приносит первые плоды. Мощный Ахейский союз терпит ряд военных поражений от «жалкой» и «слабой» Спарты. А в результате хитроумной политической комбинации Клеомен приобретает такие полномочия, которыми не обладал ни один царь до него. Клеомен действует жестко, но не жестоко, его репрессии устрашают, но не ужасают. Однако, это было лишь начало. Спарту ждут социальные потрясения. Царь, опираясь на древнее законодательство Ликурга (не пропал даром трактат Сфера), озвучивает программу беспрецедентных политических, военных и… финансово-экономических реформ. За всеми его действиями политика проглядывает железная логика, объединяющая в единое гармоничное целое все его поступки в области этики, права, дипломатии, экономики и государственного управления. Это свидетельствует об очень качественном аналитическом разуме и большой практической сметке. Вне сомнения, главным «застрельщиком» такой последовательности явился Сфер Боспорский. Так, Клеомен III «*отдал свое достояние в общее пользование, вслед за царем то же самое сделал его отчим Мегистоной и каждый*

из друзей, а затем и остальные граждане. Земля была поделена заново. Клеомен отвел наделы и каждому изгнаннику, пообещав вернуть всех до последнего, когда в государстве восстановится спокойствие. Пополнив число граждан самыми достойными из периэков, он создал четырехтысячный отряд тяжелой пехоты, научил этих воинов биться вместо копья сариссой, держа ее обеими руками, и заменил съемную рукоять щита ремнем, натянутым из края в край.

Затем он обратился к воспитанию молодых — знаменитому спартанскому воспитанию, — при самой деятельной помощи и поддержке Сфера, и в скором времени мальчики и юноши усвоили надлежащий порядок телесных упражнений и общих трапез, причем насилие оказалось потребным лишь в немногих случаях, большинство же быстро и охотно свыклось с простым, истинно лаконским образом жизни. За всем тем, чтобы не слышать слова «единовластие», Клеомен отдал второй престол своему брату Эвклиду. Это был единственный случай, когда спартанцами правили два царя из одного дома». (Плутарх)

Клеомен старался быть во всем не просто царем, но, по меньшей мере, образцом для своих подданных. Он одевался очень просто, начисто лишен был чванства и высокомерия. Со всеми, кто имел к нему дело, он разговаривал мягко и приветливо. За обедом он был приятным собеседником, а шутки его отличались мягкостью и точностью. Обаяние Клеомена в немалой степени способствовало его политическим успехам. Враги, уверенные, что реформы жестоко ослабили Спарту, страшно поплатились за свою недальновидность. Скоро станет очевидным, что военные успехи Клеомена покоятся на безусловной крепости его тыла, обеспеченного социальными и иными реформами.

В 225 году до н.э. Клеомен, неожиданно для врагов, начинает внешнюю экспансию, вторгнувшись в сердце Ахайи. Поражение Ахайи было настолько явным, а политический такт Клеомена настолько убедителен, что ахейцы признали над собой гегемонию Спарты. Речь пошла о создании большого союза эллинских государств с целью освобождения Эллады от македонских захватчиков. Трудно представить, что реальное объединение было возможно лишь вокруг одной фигуры Клеомена, немало тут потрудилась, надо полагать, и египетская дипломатия посредством своего представителя Сфера Боспорского. Однако всё разрушилось в тот момент, когда взыграло честолюбие вождей ахейцев, и те пригласили себе на помощь македонского царя Антигона III — ту самую политическую силу, против которой долгие годы боролся Ахейский союз. Это было куда как неосмотрительно, тем более, что против Клеомена выступили лишь несколько вождей, игнорируя мнение народа.

«*Когда ахейцы снова сошлись на Собрание, на этот раз — в Аргос, и туда же прибыл из Тегеи Клеомен, все горячо надеялись, что нако-*

нец-то будет заключен мир. Но Арат, который в основном уже договорился с Антигоном, опасаясь, как бы Клеомен, убеждениями или даже силой склонив народ на свою сторону, успешно не завершил всё задуманное, выдвинул такое требование: пусть Клеомен возьмет триста заложников, но зато явится в Собрание один, а в противном случае пусть подойдет со своим войском к гимнасию Киларабису и встретится с ахейцами там, за стенами города. Клеомен ответил, что это прямая обида и что следовало известить его заранее, а не отказывать в доверии и не гнать теперь, когда он уже у ворот» (Плутарх).

Назревала новая война, и она не замедлила произойти.

«*Среди ахейцев началось брожение, в городах пошли речи о выходе из союза, ибо народ мечтал о разделе земли и об отмене долговых обязательств, да и первые граждане во многих местах были недовольны Аратом, а некоторые открыто возмущались его планом привести в Пелопоннес македонян, так что Клеомен вторгся в Ахайю, воодушевленный лучшими надеждами. Прежде всего он внезапным нападением захватил Пеллену и с помощью самих ахейцев изгнал оттуда караульный отряд, а затем покорил Феней и Пентелий. Когда же ахейцы, опасаясь измены в Коринфе и Сикионе, послали туда из Аргоса всадников и наемную пехоту, а сами собрались в Аргос на Немейские празднества, Клеомен рассчитал — и рассчитал правильно — что, если неожиданно ударит на город, переполненный праздничной толпою зрителей, то произведет страшное смятение и переполох. И вот ночью, подведя войско к городским стенам, он занял Аспиду — неприступную позицию на круче над самым театром, и привел ахейцев в такой ужас, что никто и не подумал взяться за оружие, напротив — граждане беспрекословно приняли спартанский отряд, выдали двадцать заложников и стали союзниками лакедемонян, предоставив верховное главенство Клеомену.*

Эта удача немало прибавила к его славе и силе. Ибо ни цари Лакедемона в старину не смогли, как ни старались, надежно покорить Аргос, ни искуснейший из полководцев, Пирр не удержал города, но, ворвавшись в него силою, был убит, и вместе с ним погибла значительная часть войска. Все только дивились проворству и глубокой проницательности Клеомена, и те, кто прежде посмеивался над ним, когда он говорил, что отменою долгов и уравнением имуществ подражает Солону и Ликургу, теперь были твердо убеждены, что спартанцы ему одному обязаны переменою, которая с ними совершилась. Ведь до тех пор они влачили такое жалкое существование, настолько неспособны были себя защитить, что этолийцы, вторгшись в Лаконию, увели пятьдесят тысяч рабов … А вскоре после этого, едва узнавши вкус отеческих обычаев, едва пустившись по следам древнего и прославленного устройства жизни, они уже дали Ликургу, который словно бы сам присутствовал среди них и вместе вершил делами, убедительные доказательства своего мужества и послушания, возвращая Лакедемону владычество над Грецией и вновь овладевая Пелопоннесом» (Плутарх).

В этом кратком анализе действий Клеомена заметен своеобразный стиль. Военная мощь помножена на политическую интригу и тонкое знание человеческой природы. Вне всякого сомнения, длинный перечень успехов царя — это плод действий его советника Сфера — философа, политика, дипломата с хорошим военным образованием.

К 223 году Клеомен захватывает богатый и важный город Коринф. Десятки полисов склонили перед ним голову. Клеомен становится не просто царем Спарты, а ФИГУРОЙ на шахматной доске геополитических игр тогдашнего мира. Этот статус нуждается в поддержке, ибо скоро могучие игроки обратят внимание на его успехи и пожелают ими воспользоваться к своей выгоде. Поддержку обещал царь Египта. К нему-то личным посланцем царя и отправляется Сфер. Одновременно к Птолемею направляются посланцы царя Македонии. Как происходили дипломатические битвы — неизвестно, но Птолемей отказывает Клеомену в военной помощи, подтверждая свою политическую симпатию и уверяя, что примет царя, если у того возникнет желание эмигрировать (потом Птолемей горько раскается, что не поддержал Спарту всей своей мощью, но это будет позже). Впрочем, Птолемей оговаривается, что может ему оказать поддержку, если Клеомен отправит в заложники свою семью… Это был, конечно, не конец, а начало конца с трагедией в качестве последнего аккорда жизни неугомонного спартанца.

Против Клеомена выступил царь Македонии Антигон, имея под рукой сотни ветеранов, закаленных в десятках сражений, и безграничные ресурсы Македонского государства. Военный талант Клеомена позволил встретить македонца на столь удобной позиции, что Антигон лишился своего главного преимущества — могучей фаланги. «*Антигон был в унынии, безвыходность положения подсказывала планы один другого неисполнимее*» … Но в тылу Клеомена восстает Аргос (сказалось отсутствие мудрого Сфера) … Царь отступает, Антигон его стремительно преследует, и Клеомен вынужден уйти на Пелопоннес. С этого символического акта от Спарты отшатнулись все ее союзники. Единство, сформированное Клеоменом и Сфером, оказалась ситуативным и принесло лишь тактическую выгоду.

В течение года Клеомен в ярости крушит союзников Антигона. Эта ярость приносит ему лишь моральное удовлетворение и лишает надежды на возрождение могущества (снова и снова история нам показывает, что царь потерял твердого советника и гения политических игр). Усугубляло катастрофу отсутствие поддержки из Египта; мать царя, отправленная в заложники, пишет сыну о том, что посольство Антигона все еще ведет переговоры с Птолемеем, и ждать военной помощи пока не приходится. Вскоре наступает развязка: Клеомен дает генеральное

сражение Антигону. Против 20 тысяч войска Спарты (из которого 6 000 были спартиаты — остальные наемники и союзники) Антигон выставил более 30 000 воинов. Но войска Клеомена сражаются не просто отчаянно, а доблестно. Мужественно, с холодной яростью бились возрожденные философом и царем носители спартанского духа. Они смяли и рассеяли противостоявшую им македонскую элитную пехоту, но были побеждены появившимися резервами Антигона. Из 6 000 спартиатов в результате битвы уцелело лишь 200 человек, которые сумели в последнем усилии прорвать окружение и вместе с царем уйти от преследователей. Почти все спартанцы были убиты ударами в грудь. Невероятно, но факт: даже наемники, традиционно изменявшие своим нанимателям, бились за Клеомена до последней возможности. Пожалуй, последнее, удивило современников больше всего.

Македонские ветераны были поражены, что такое сопротивление им оказали не элитарные отряды опытных бойцов, а вчерашние изнеженные и, казалось, развращенные юноши, рабы и люди мирных занятий. Быть может, всё дело крылось в правильном воспитании и понимании силы духа нации? Кто кроме философа мог углядеть под пеплом лени и изнеженности — доблесть и мужество? И кто кроме философа мог содействовать стремительному оздоровлению общества и государства? Уж во всяком случае не царь, готовый в случае неудачи с яростью мстить мелким предателям…

Клеомен с товарищами бежит на кораблях в Александрию

«*При первом свидании Птолемей III встретил его любезно, но сдержанно, как всякого другого; когда же он дал убедительные доказательства своего ума, обнаружил себя человеком рассудительным, способным в повседневном общении соединить спартанскую простоту с благородной учтивостью, когда он, ни в чем не роняя высокого своего достоинства, не склоняясь перед судьбой, очень скоро стал внушать большее доверие к себе, чем угодливо поддакивающие льстецы, Птолемей от души раскаялся, что бросил его в беде и отдал в жертву Антигону, стяжавшему своей победой и громкую славу, и грозное могущество. Почестями и лаской стараясь ободрить Клеомена, Птолемей обещал снабдить его деньгами и судами и отправить в Грецию, где он смог бы вернуть себе царство. Он назначил Клеомену и содержание по 24 таланта в год. Однако царь с друзьями жили очень просто и воздержанно и основную часть этих денег тратил на щедрую помощь тем, кто бежал из Греции в Египет*».

Вскоре Птолемей III умер. Птолемей IV оказался жалкой личностью. Был склонен к пьянству, разврату. Обладал поверхностным вкусом к литературному чтению. Его трусливая и хитрая натура позволила возвыситься при дворе проходимцам и афе-

ристам. Клеомен просил отпустить его в Спарту, где многие стали с тоской вспоминать своего царя. Но Птолемей не спешил оказать поддержку Клеомену. Он использовал спартанца в своих политических интригах, при этом держа его семью фактически под домашним арестом. Клеомен решается на отчаянный шаг. Шаг, который продиктован воинской бесшабашностью, человеческим отчаянием, но никак не трезвым расчетом. Он вместе с 13 ближайшими друзьями бежит из-под ареста и пытается поднять мятеж против Птолемея. Казалось, его поступок обречен на успех. Клеомена любят и уважают, а в Александрии находятся более трех тысяч спартанцев… Но мятеж никто не поддержал. Клеомен жестоко ошибся в человеческой природе, которая достаток и богатство ставит выше доблести и славы. Конечно, если не созданы условия, которые могут пересилить стремление к беззаботной жизни. Но такие условия созданы не были. Поступки Клеомена разительно отличались от его поведения при дворе Птолемея III, когда рядом был Сфер. Царь понял, что обречен. Итог мятежа страшен. Клеомен и его друзья окончили жизнь самоубийством. Их жен и детей владыка Египта приказал лишить жизни, а труп Клеомена зашил в звериные шкуры и распял.

Сфер от репрессий не пострадал (лишнее подтвержение, что он был далеко от своего ученика и не мог принять участие в заговоре). Судя по всему, он удалился от двора ради ученых занятий, но вернулся после официального приглашения Птолемея уже после смерти Клеомена. Говорят, что Птолемей решил уличить Сфера в ложном мнении, ибо философ, считал стоик, не мог иметь ложного представления о предмете. Во время трапезы Птолемей «*велел подать к столу гранатовые яблоки из воска; Сфер принял их за настоящие, и царь вскричал, что вот Сфер и принял ложное представление. Но Сфер тотчас ответил, что принял он не то, что перед ним, — гранаты, а то, что есть основания считать их гранатами; а ведь постигающее представление и обоснованное представление — это разные вещи*». Думается, что речь здесь шла не только и не столько о фруктах, сколько о характеристиках Клеомена как благородного и честного человека, даваемых царю Сфером, а может, речь шла и о самом Птолемее IV.

Гибель ученика далась Сферу нелегко, ведь не случайно в его творческой биографии появляются странные, выпадающие из его круга интересов трактаты: «О славе», «О смерти», «О богатстве». Птолемей благоволил к Сферу, но истеричная обстановка дворца требовала лести, подлости и вранья. Все это претило философу. Кроме его личных представлений об этике, немалую роль играл тот факт, что он близко видел великих царей Македонии, Спарты, Боспора. Он был знаком и дружен с дедом и отцом нынешнего правителя Египта. Сфер не слишком утруждал

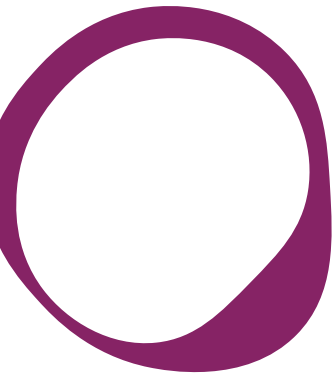
себя придворным этикетом. Как можно было выжить в такой ситуации? Только углубляя и совершенствуя свою логику, риторику становясь непревзойденным мастером спора — диалектики. И вот из-под пера философа выходят его последние сочинения: «Пособие по диалектике» в 2 книгах, «О сказуемых», «О двусмысленностях».

Вот пример словестной эквилибристики того времени. Рассказывают, что «*Мнесистрат доносил, будто он говорил, что Птолемей не царь; Сфер ответил: „Если Птолемей таков, каков он есть, то он царь*“».

Сфер жил в трудное время и никогда не пытался жить легко. Он начинал свой путь на берегах Черного моря, знакомясь с физикой окружающего мира, а окончил на берегах моря Средиземного, увлеченно занимаясь стилистикой и логикой. Он был знаком с учениками первого поколения сократиков, стоял у истоков течения стоиков, предпринял деятельное участие в международной политике и дипломатии. Ему представился случай, которого был лишен Платон — воспитать идеального царя и создать идеальное государство. Его имя вспоминается при первом же обращении к биографиям крупнейших представителей эллинизма на протяжении почти всего третьего века до н.э.

Особенного внимания заслуживает творческий путь боспорца. Сфер был философом-практиком в высшем, мажорном звучании этого слова. Его интеллект и идеи всегда чеканно отливались в практические поступки, а богатый жизненный опыт служил основой философских рассуждений. Он строил свою жизнь как философское произведение, совершенно не отделяя философию от всего многообразия окружающего мира: от атома до слова и от сказуемого до политики, от двусмысленности до славы. Это единство мысли и дела, морали и рациональности, пожалуй, самое замечательное философское достижение Сфера-стоика, урожденца Боспорского царства третьего века до нашей эры[3].

3 В развернутом виде и при подробном анализе источников материал изложен в работе: Шевченко О. К. Системная реконструкция политики и творчества Сфера Боспорского: опыт изучения пространства текста автора как свернутого состояния его политической биографии // Пространство и Время. 2016. № 3 – 4 (25 – 26).



II

ПЕРВЫЙ КУЛЬТУРОЛОГ РОССИИ

О. И. Блащишин
Ф. В. Лазарев

Николай **ДАНИЛЕВСКИЙ**

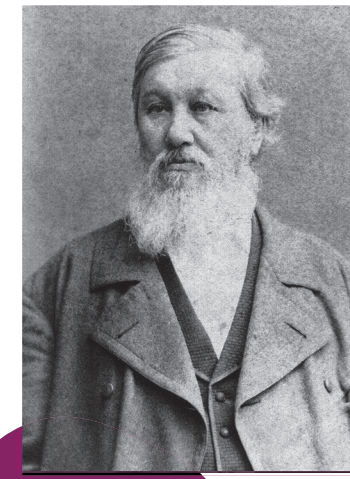
1822–1885

Жизненный и творческий путь великого русского естествоиспытателя и философа тесно связан с крымской землей. Именно здесь он провел последние двадцать лет своей жизни, которые оказались наиболее плодотворными в его многогранной научной и практической деятельности. Уникальная природа Крыма, атмосфера внутренней гармонии и умиротворения вдохновили мыслителя на написание самой знаменитой его книги «Россия и Европа». За несколько лет напряженной работы из-под пера Николая Яковлевича вышел объемный философский труд, который имел эпохальное значение не только для развития русского культурного самосознания, но и для становления культурологического направления в западной философской мысли.

Николай Яковлевич Данилевский родился 27 ноября 1822 года в селе Оберец Ливенского уезда Орловской губернии, в родовом имении матери Дарьи Ивановны Мишиной. Отец его, Яков Иванович, бригадный генерал, в молодости изучал медицину, участвовал в кампании 1812 г., был в Париже с русской армией. Пятнадцатилетним мальчиком Николай был направлен в Царскосельский лицей, привилегированное учебное заведение того времени. В лицее еще со времен Пушкина царил дух свободомыслия. Именно в эти годы здесь работал позитивистски настроенный преподаватель французской словесности, ученик О. Конта, Ш. Помье, оказавший известное влияние на учившихся там же П. Лаврова, Е. Де-Роберти и других. С 1843 по 1848 годы Данилевский изучал естественные науки в университете, преподавательский корпус которого включал несколько знаменитых членов Российской Академии наук. Наиболее известным среди этих ученых был Карл Максимович Бэр, ведущий эмбриолог додарвиновской поры, новатор в физической антропологии и успешный географ-путешественник.

В 1847 и 1849 гг. Н. Данилевский защитил кандидатскую и магистерскую диссертации по ботанике. Обладая превосходной памятью, лингвистическими способностями и гибким умом, он развил в себе довольно широкий круг интересов. Но главными предметами его занятий оставались математика, биология, палеонтология и зоология. Данилевский одним из первых вступает в только что организованное К. Бэром «Русское географическое общество», в дальнейшей деятельности которого принимает активное участие.

Идея научного долга перед Родиной, социальной полезности ученого волновала в эти годы, как подчеркивал еще А. Герцен, многих образованных молодых людей. Уже в лицее у Николая Данилевского сложились близкие отношения с рядом известных в будущем личностей, в беседах и спорах с которыми сформировались и укрепились его идеи. Часть из этих людей объединилась в кружок петрашевцев, включая самого М. Петрашевского, Н. Кайданова, А. Ханыкова, А. Беклимешева и других. Следует отметить и других юношеских друзей Данилевского: М. Е. Салтыкова-Щедрина, Н. А. Спешнева (прообраз Ставрогина у Ф. М. Достоевского), самого Ф. М. Достоевского и братьев Семеновых. Старший Н. П. Семенов — впоследствии сенатор, один из создателей проекта реформы 1861 г. и автор книги «Освобождение крестьян», младший — П. П. Семенов, будущий «Тянь-Шанский». Дружба с последним у Н. Данилевского, начавшись в студенческие годы, продолжалась до конца жизни. Увлекаясь природой, они летом 1848 года преодолели пешком путь из Петербурга в Москву, собирая по дороге ботаническую коллекцию. Однако в пути они едва не погибли. Крестьяне одной из деревень, заподозрив в них разносчиков холеры, которая тогда свирепствовала в России, чуть было не учинили над ними самосуд. Их спасли спокойствие и выдержка, проявленные Данилевским, что произвело должное впечатление и несколько успокоило страсти.



Николай Данилевский

Летом следующего года их снова потянуло в дорогу. Они решили обследовать черноземное пространство России, определить его границы, изучить почвы, растительность. И снова им не повезло. Во время путешествия жандармы арестовали Данилевского, инкриминируя ему участие в кружке Петрашевского, где собирались весьма незаурядные люди своего времени: В. Майков (литературный критик, один из первых пропагандистов социологического позитивизма в России), А. Плещеев (поэт), Н. Благовещенский (впоследствии известный ученый, занимавшийся древнеримской словесностью), В. Милютин (автор серьезных работ по экономическим вопросам). По сохранившимся признаниям, Н. Данилевский был сильным оппонентом

в спорах между перечисленными выше лицами, которые разгорались по самым злободневным и важным общественным вопросам. Его аргументы серьезно влияли на братьев Семеновых, Салтыкова-Щедрина и других.

Продолжением этих студенческих бесед стали знаменитые «пятницы», проходившие на квартире у М. В. Батушевича-Петрашевского. Впрочем, к петрашевцам его привлекла лишь возможность дружеского обсуждения и критики слабостей и научных достоинств системы Фурье. При этом Н. Данилевский всячески подчеркивал собственную аполитичность тех лет, впрочем, в духе самого Фурье. Круг его интересов, в отличие от товарищей и друзей по кружку, сосредоточен на научной, социально полезной работе. Но летом 1849 года он, как уже упоминалось, был арестован и заключен в Петропавловскую крепость.

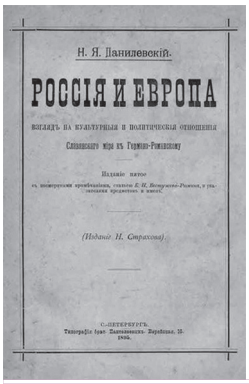
Свое заключение Н. Данилевский сам считал досадным недоразумением, нелепым перерывом в научной работе. И действительно, его «фурьизм» и атеизм носили характер обычного юношеского критического максимализма, влияние которого он и сам уже преодолевал. Лучше всех это почувствовал глава правительственной комиссии по делу петрашевцев Я. Н. Ростовцев, шутливо заметивший, что по мере чтения лекций и рукописей Н. Данилевского все судьи становились более или менее фурьеистами.

Хотя следственная комиссия по делу петрашевцев признала Данилевского невиновным и рекомендовала его освободить, Николай I, не доверяя никаким новейшим французским идеям, распорядился сослать его в Самару, а позднее в Вологду. В годы ссылки (1849 – 1853) Н. Данилевский был служащим канцелярии местного губернатора. Спасение от невзгод, которые сыпались на его голову, он видел только в работе и научных исследованиях. Занимается он преимущественно статистикой (миграция населения внутри России) и изучением климата Вологодской губернии. За эти сугубо прикладные работы он был позднее награжден Географическим обществом. Помимо половины премии имени Жуковского, полученной им в 1852 г., он за последующие работы еще дважды награждался Географическим обществом золотой медалью (1862 г.) и золотой Константиновской медалью (1866 г.).

В 1853 г. Н. Данилевский был командирован (в звании статистика) на Волгу участвовать в важной для экономики страны экспедиции, целью которой было исследование рыбных запасов и рыболовства в низовьях великой русской реки и в Каспийском море. Возглавлявший экспедицию академик Карл Бэр быстро оценил познания и способности своего статистика;

во время проведения изыскательных работ Бэр часто передоверял ему самые трудные участки.

Опыт, приобретенный Данилевским во время Волжско-Каспийской экспедиции 1853 г., не пропал даром. Спустя пять лет он был назначен начальником экспедиции для исследования рыбных и звериных промыслов на Белом море и на Ледовитом океане; по возвращении в Петербург Данилевский за свою научно-административную деятельность был награжден золотой медалью Русского географического общества. Затем последовали экспедиции на Черное, Азовское моря.... Всего за свою жизнь Н. Я. Данилевский совершил 9 экспедиций, в результате которых было проведено исследование всех вод Европейской России. Не меньших успехов он достиг и на административном поприще. Войдя в конце своей карьеры в состав Совета Министерства государственных имуществ, Данилевский принял самое активное участие в выработке законов, которые регулировали состояние рыбных богатств страны вплоть до начала XX в.


Н. Я. Данилевскій.

РОССІЯ И ЕВРОПА

ВЗГЛЯДЪ НА КУЛЬТУРНЫЯ И ПОЛИТИЧЕСКІЯ ОТНОШЕНІЯ СЛАВЯНСКАГО МІРА КЪ ГЕРМАНО-РОМАНСКОМУ

Изданіе пятое

(Изданіе Н. Страхова)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Свою научно-литературную деятельность Н.Я. Данилевский начал еще в стенах Петербургского университета. В 1848 г. «Отечественные записки» опубликовали три его критические статьи о «Космосе» Александра фон Гумбольдта. В дальнейшем им были написаны многочисленные книги и статьи, среди которых преобладали капитальные труды по вопросам рыболовства и статистики, но встречались и такие работы, как «Опыт областного великорусского словаря», статьи о русской географической терминологии и другие работы естественнонаучного плана.

Как уже отмечалось выше, в 1853 году, вскоре после возвращения из ссылки, Н. Данилевский был приглашен К. Бэром принять участие в научной экспедиции на Черное и Каспийское моря для изучения их рыбных ресурсов.

И поскольку его деятельность оказалась невероятно плодотворной и реформаторской в деле сохранения и приумножения рыбных богатств России, то следует на ней остановиться подробнее. Если бы Данилевский вообще не написал своих экономических и социально-философских трудов, то как ихтиолог он все равно бы занял выдающееся место в истории отечественной науки. В середине XIX века все сильнее и настойчивее стали раздаваться жалобы на оскудение водоемов. После очередных пугающих сообщений разных губернаторов Министерство государственных имуществ попыталось послать чиновников для выяснения дел на местах, но из-за их ихтиологической безграмотности они возвратились ни с чем. Тогда по совету Министерства народного просвещения в 1851 году обратились за помощью к академику К. Бэру. Он согласился помочь. Так было

положено начало научной разработке в России правил промыслового рыболовства, а также классическому труду «Исследования о состоянии рыболовства в России», вышедшему в 1875 году в девяти томах. Первую и вторую экспедиции возглавил К. Бэр, три последующие Н. Данилевский. Замысел экспедиций показался ему заманчивым, по крайней мере, в двух отношениях. Во-первых, во главе всех теоретических работ стоял глубоко им уважаемый К. Бэр. Во-вторых, работа обещала быть интересной и охватывающей широкий спектр проблем статистических, технических, этнографических, то есть вопросов, всегда его интересовавших.

Но, как это бывало в истории отечественной науки, возникло препятствие: отсутствие денежных средств в должном размере. От провалов всех планов спасло пожертвование Географическому обществу размером в три тысячи рублей, предоставленное в 1858 году купцом рыбником А. Голиком на исследование рыбного дела на Каспии и Волге. В 1852–1854 годах академик К. Бэр и Н. Данилевский совершили ряд поездок по Волге, изучая способы лова местных рыб, приготовления и сохранения продукции, размеры стада промысловых рыб.

Н. Данилевский постепенно совершает ряд результативных в научном отношении поездок на Каспий, Северо-Крым, Кубань, Псковские озера и т.п. После каждой экспедиции исследователь разрабатывал научно обоснованные рыболовные правила, с учетом специфики регионов. Позднее на этом же основании в России впервые стали создаваться службы рыбнадзора. Еще при жизни Н. Данилевского в 1881 году была реализована его мечта — создано Российское общество рыболовства и рыбоводства, открывшее филиалы по всей стране. Оно выпускало интереснейший специализированный журнал «Вестник рыбопромышленности», организовывало Всероссийские съезды рыбопромышленников и опубликовало в 1884 г. проект «Общих правил рыболовства в России», состоящий из 58 статей. Он вобрал в себя все лучшее из различных местных правил, зарубежного природоохранительного законодательства и самое ценное: ихтиологические предложения К. Бэра, О. Гримма и Н. Данилевского. Итогом этой внушительной работы явилось «Исследование о состоянии рыболовства в России» (9 томов), из них семь написаны самим Н. Данилевским, работа была отмечена самой высокой наградой Географического общества большой золотой «Константиновской медалью».

Хотя естественнонаучную теоретическую работу и полевые исследования Н. Данилевский не прекращает до конца своей жизни, в 60-е годы в его умственных интересах начинает совершаться четкий сдвиг в сторону проблем общеметодологических, гуманитарных, культурологических и философско-и-

сторических. То, что было им сделано в этой области, на долгое время пережило многие его естественнонаучные достижения, которые были достаточно высокими.

Николай Яковлевич страстно любил Россию, ее историю, культуру, ее бескрайние просторы. Во время долгих путешествий по стране он не переставал удивляться тому, как богата наша Родина своими недрами, как много в ней прекрасных уголков природы. Со временем его стал особенно притягивать к себе Крым. В 1866 г. он приобрел здесь близ Фороса имение «Мшатка», состоявшее из большого заросшего сада и развалин барского дома, сожженного французами в Крымскую войну. За несколько лет до этого Данилевский женился, и от этого брака имел пять детей. Жена его была из небогатой дворянской семьи. Денег на семью стало не хватать. Н. Данилевский смог приобрести в Крыму запущенное имение только лишь потому, что оно, по случаю, продавалось сравнительно дешево. Он сделал его образцовым и доходным. В этом прекрасном уголке Тавриды поселилась его большая и дружная семья. Здесь он провел последние двадцать лет своей жизни, окруженный искренним уважением местных жителей, особенно крымских виноделов, так как помог им успешно справиться с некоторыми заболеваниями знаменитых массандровских виноградников. Как отмечают биографы Данилевского, здесь во «Мшатке» Николай Яковлевич, будучи ботаником по образованию, создал замечательный сад, привозя редкие виды растений из своих экспедиций. До сих пор там растут посаженные им маслины, которые все еще плодоносят. Одновременно ученый собрал коллекцию разных видов кипарисов, которые он посадил вокруг небольшой поляны, единственного плоского места на гористых склонах. Так возник знаменитый Кипарисовый зал. В эти годы укрепляется его тесная дружба со Н. Н. Страховым (другом Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого). Завязываются и другие интересные знакомства. Здесь, на земле древней Тавриды, Данилевский вдохновенно работает над главными трудами своей жизни, такими как «Россия и Европа», «Дарвинизм». Он пишет также целую серию статей, часть из которых после смерти автора была опубликована Н. Страховым под заголовком «Сборник политических и экономических статей Н. Я. Данилевского» (1890 г.).

События русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и действия западных держав накануне и во время Берлинского конгресса (1878 г.), на котором они потребовали от России пересмотра условий Сан-Стефанского договора к невыгоде славянских народов Балканского полуострова, явились в глазах Данилевского еще одним подтверждением тех его мыслей, которые он высказал десятью годами раньше в книге «Россия и Европа». В статье «Как отнеслась Европа к русско-турецкой распре» он от-

мечал факт широкого распространения на Западе антирусских настроений. На стороне Турции, писал он, выступила не только «жидовствующая, банкирствующая, биржевая, спекулирующая Европа — то, что вообще понимается под именем буржуазии», но и левые политические силы — Европа демократическая, революционная и социалистическая, начиная от народно-революционных партий… до космополитического интернационала.

Политическая неудача России, вынужденной уступить на Берлинском конгрессе жесткому давлению Запада, надолго омрачила душевное состояние Данилевского. Но еще больше его угнетали те настроения, которые с каждым годом всё отчетливее проявлялись среди образованной части русского общества. В статье «Горе победителям!» (1879) он пишет о большой распространенности «сомнения в смысле, цели, значении самого исторического бытия России, которые как нечто несущественное, сравнительно маловажное, второстепенное, должны уступить место более существенному, более важному, первостепенному». Особенно трагично, с точки зрения Данилевского, то обстоятельство, что носителями подобных настроений выступают как раз те общественные слои, которые называются интеллигенцией и призваны жить сознательной исторической жизнью. «С такими сомнениями в сердце исторически жить невозможно!» — пророчески восклицал Н.Я. Данилевский. Удивительно насколько актуальны эти раздумья русского ученого в наше время.

В 1879 – 1885 годах Н. Я. Данилевский продолжает активно трудиться: борется с филлоксерой, опустошавшей виноградники Крыма, руководит Никитским ботаническим садом, должность директора которого он исполнял в 1879 – 1880 гг. Думается, что памятная доска об этом историческом факте должна висеть у входа в центральный корпус НБС, который является достопримечательностью крымского полуострова. Начиная с 1879 г., он пишет двухтомный труд «Дарвинизм. Критическое исследование», который вышел в свет уже после его смерти, в конце 1885 года. Полностью закончить работу он уже не успел.

Что же следует выделить как итог духовной эволюции Н. Данилевского?

Во-первых, мы видим, что его нравственная установка «служение народу, России через научную деятельность» остается постоянной в течение всей его жизни. Причем эта научная деятельность понимается им как деятельность преимущественно прикладного плана: изучение климата и флоры, народная статистика и т.п.

Во-вторых, параллельно этой работе он пытается в 60-е годы в систематизированном виде изложить свое философское, мировоззренческое кредо.

В-третьих, речь должна идти о страстном отстаивании в рамках русского национального самосознания идеи о важности сохранения своего собственного культурного кода, цивилизационной идентичности и самобытности нашего общества.

Наиболее важной для историка философии и социологии, конечно, остается его деятельность в 60-е годы. Неизбежно возникает вопрос — почему «Россия и Европа» появилась именно в 1860-е годы? Рассмотрение данной проблемы во многом раскрывает идейный замысел и содержание этого великого произведения. Причем здесь мы встречаемся с известным историческим парадоксом, произвольное толкование которого — излюбленный прием многих западных интерпретаторов этой книги. Внешне философия Н. Данилевского как бы должна была примыкать к уже сложившейся русской идейной традиции (фактически — к традиции славянофилов), но многое в постановке проблем и их решении было у него новаторским.

Речь шла о новом понимании задач социальной философии и обществоведения, об их методах, взаимоотношении социальной теории и действительности. Позитивистская ориентация науки: «предвидеть — знать — уметь — сделать» смогла победить в России лишь в конце 60-х годов. Именно под влиянием этой ориентации сложилось то поколение шестидесятников, которому, как отмечал Г. В. Плеханов, многим обязана российская общественная жизнь, наша наука и литература. Так вот, Н. Данилевский отчасти был захвачен новыми движениями, но во многом им же и сопротивлялся.

Уже к концу 50-х годов XIX в., особенно после поражения в Крымской войне, ранее глухое недовольство «системой» Николая I стало идеологически оформляться в четкие принципы. Три идеи, важные для нашей темы, просматриваются здесь весьма отчетливо. Во-первых, полное отрицание прошлого, патриархального, дворянского во имя освобождения личности и установления нового общественного строя; во-вторых — требование от каждого человека гражданской, общеполезной работы; в-третьих — стремление рационализировать жизнь, устранить из нее всё противоречащее разуму, науке и устранить это по логике последней.

Значительная часть русской интеллигенции считала, что ответ на эти запросы Россия не сможет получить на Западе (хотя на вопрос: почему это так, давались самые различные и иногда противоположные ответы). Россия, как цивилизация должна искать свой самобытный путь — это актуальнейший лозунг эпохи. Философско-историческая концепция Н. Данилевского была призвана определенным образом ответить на эти вопросы и показать так или иначе неуместность других ответов.

Только в этом ключе могут быть адекватно поняты страницы «России и Европы», имеющие дело с актуальнейшими, наболевшими вопросами своего времени. И, в частности, с чисто русскими вопросами «Кто виноват?» и «Что делать?». Любая большая социально-философская работа, отвечающая этому интересу, неизбежно должна была отдать дань болезненным явлениям и симптомам русского исторического бытия и устройства. И если часть мыслителей видела их корень в мощных остатках старого уклада и его идеологии, то Н. Данилевский увидел его в «бездумном» заимствовании западного опыта, в «европейничании».

Русские мыслители XIX века свое понимание служения народу очень легко переносили в писательскую и исследовательскую деятельность, не очень их разграничивая. Отсюда — публицистичность, памфлетность социально-философской литературы. Поэтому в «России и Европе» эта литературная форма успешно конкурирует с чисто академической. Впрочем, такова особенность подавляющего большинства русских философско-исторических работ середины XIX века. Нельзя не отметить и того факта, что философские взгляды Н. Я. Данилевского оказали воздействие не только на научную общественность, но и на творческую интеллигенцию. В частности, высокую оценку книге Н. Я. Данилевского «Россия и Европа» дал Ф. М. Достоевский, о чем свидетельствуют его письма 1869 – 1870 годов, ряд мыслей Н. Данилевского был использован Ф. Достоевским в его романе «Бесы». В гостях у Данилевского в его доме в Мшатке в Крыму бывал И. Аксаков, с которым у хозяина усадьбы установились дружеские отношения. Здесь же весной 1885 г. побывал в гостях у Данилевского Л. Н. Толстой. Данилевский «очень полюбился» великому русскому прозаику. Эти взаимные симпатии достаточно объяснимы. Их объединяла близость во взглядах на судьбы России.

«Россия и Европа» — первый русский философско-исторический трактат, написанный вне очевидных влияний со стороны европейской философии. Более того, автор даже превосхитил целый ряд историко-философских и культурологических идей, лишь со времен ставших модными в западной философии истории. Одновременно это именно трактат, причем довольно обширный, охватывающий массу теоретических и практических проблем.

В течение последнего десятилетия его жизни 1875 – 1885 гг. мы обнаруживаем сохранение интеллектуальной активности и новое смещение его исследовательских интересов. В ходе и после Русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг. Н. Данилевский опубликовал несколько страстных публицистических статей и затем в 80-е годы добавляет целый ряд развернутых замечаний в новые переиздания «России и Европы».

Болезнь сердца, которой Н. Я. Данилевский страдал последние годы жизни, настигла его во время очередной научной поездки (по обследованию грузинского озера Гокчай). Умер он в Грузии 7 ноября 1885 г. (по старому стилю). Тело его было перевезено из Тифлиса в Мшатку и похоронено в саду, неподалеку от дома, в котором он прожил последние два десятилетия своей жизни. На могиле поставили простой деревянный крест. На этом же семейном кладбище в 1909 г. была похоронена его жена Ольга Александровна.

В конце 20-х гг. поместье Данилевских было передано в ведомство Севастопольского судостроительного завода, который организовал там детский оздоровительный лагерь. Мшатка была переименована в п. Южный, Кипарисовый зал заасфальтирован и превращен в спортплощадку.

С начала 90-х гг. интерес к творчеству великого мыслителя резко возрастает. Начинают переиздаваться его труды, проводятся научные конференции, посвященные его новаторским идеям. Большую роль в восстановлении памяти об ученом сыграли правнучки Николая Яковлевича — В. Я. Данильченко-Данилевская и И. М. Рау-Данилевская. При активном участии Инны Рау в 1986 г. в п. Южный была установлена мемориальная доска на одном из корпусов пионерского лагеря. А в 1996 г. благодаря усилиям ученых СГУ им. М. Фрунзе с могилы Николая Яковлевича сняли асфальт и на ней установили деревянный крест.

В 2003 г. родственники Данилевского активно включились в реализацию культурного проекта, связанного с установлением гранитного памятника на могиле ученого. Официальное открытие памятника состоялось 10 декабря 2007 года, в день 185-летия со дня рождения замечательного крымского философа, подлинного патриота и великого искателя истины. На открытии памятника присутствовали ученые Таврического университета, активисты Русской общины Крыма, представители Республиканского комитета по охране культурного наследия АРК, многочисленная пресса.

Известно, что Н. Я. Данилевский внес большой вклад в развитие философской и культурологической мысли своего времени. Справедливо будет сказать, что историософская концепция, обоснованная в книге «Россия и Европа» (1869 г.), представляет собой фундаментальное открытие. В чем же суть этого открытия, каково его значение и каков его подлинный масштаб? По всем этим вопросам в научной литературе до сих пор существуют весьма разноречивые мнения. Некоторые исследователи творчества ученого представляют себе дело так: за многие столетия в процессе эволюции научной мысли возникло мно-

жество концепций, трактующих сущность человеческой истории, к этому множеству Н. Данилевский добавляет еще одну весьма оригинальную гипотезу. Но дело обстояло вовсе не так. Действительно, начиная с Августина Блаженного, постепенно складывается предметное поле исследований, связанное с историософской проблематикой. Особую интенсивность этот процесс приобретает в 18 – 19 вв. Достаточно вспомнить работы Гердера, Вико, Гегеля, Маркса. Понятно, что каждый автор предлагал свое собственное видение сущности истории. Одни (например, Г. Гегель) пытались понять проблему с позиции объективно-идеалистической методологии, другие (например, К. Маркс) обосновывали концепцию «материалистического понимания истории». Однако существенно то, что все они принимали в качестве «очевидной» модель истории как единого, линейного и непрерывного процесса.

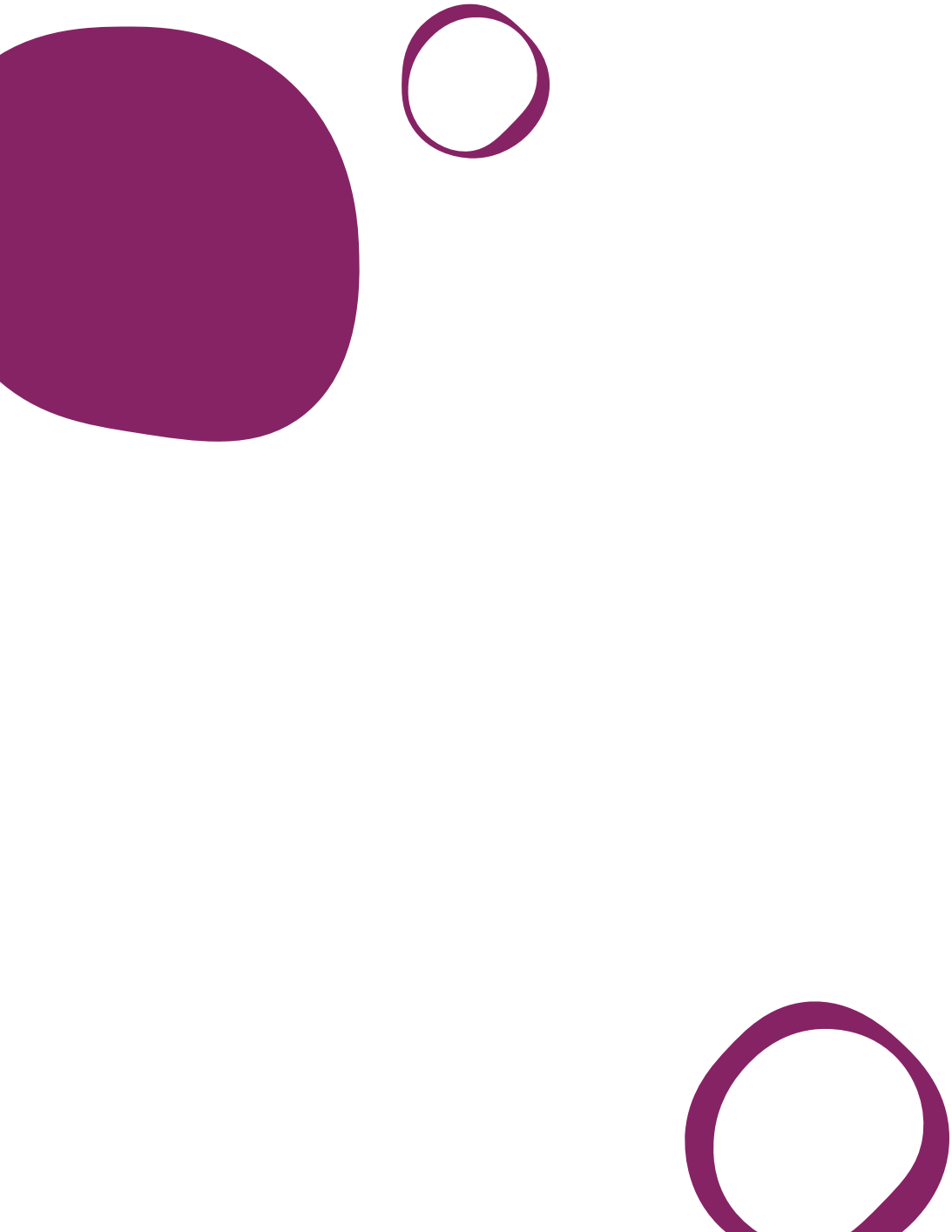
Н. Данилевский впервые предложил радикально новую модель. Согласно его взглядам, мировая история не является целостным, однонаправленным потоком движения человечества по восходящей линии прогресса, при котором одни народы в силу ряда причин вырываются вперед и как бы встают во главе прогресса, а другие народы вынуждены догонять наиболее передовые страны. При этом само собой предполагалось, что во главе этой единой линии стоит западный мир. Старая парадигма исторического развития покоилась на двух базовых постулатах:

- *тезис универсальности (существуют единые, охватывающие все человечество законы общественно-исторического развития);*
- *тезис европоцентризма (вслед за Европой все остальные государства мира должны встраиваться в единый всемирно-исторический процесс и ориентироваться в своем развитии на передовые ценности и технологии западной цивилизации)*

Вот эту стройную, казалось бы, очевидную по своим постулатам концепцию и поставил под сомнение русский философ. Взамен он предлагает принципиально другую модель хода всемирной истории. В своем существовании в глобальном времени человечество распадается на множество крупных социокультурных целостностей, каждая из которых имеет свое время появления, расцвета и увядания, свои традиции, ценности и смыслы. Они, разумеется, не изолированы друг от друга ни географически, ни экономически, ни культурно (за исключением древних американских цивилизаций), но, находясь в определенном взаимодействии, остаются самозамкнутыми и самодостаточными социальными организмами, культурно-историческими типами. При таком понимании истории отпадает сама собой постановка вопроса о «передовых» цивилизациях и «отстающих», которые должны догонять более зрелые.

Доказав на основе большого исторического материала факт существования славянской цивилизации, ядром которой является Русский мир, Данилевский обозначает новую систему отсчета, новую перспективу видения всемирной истории. Эта система отсчета позволяет по-новому увидеть многие исторические процессы, которые разворачиваются на европейском континенте и которые касаются взаимоотношений между Западом и Русским миром. Показательно, что многие прогнозы ученого в отношении агрессивной политики Западных элит по отношению к России полностью подтвердились в XX иXXI вв.

Последние десятилетия показали, что интерес к идеям Данилевского, к его творчеству и жизненному пути постоянно возрастает. Его оценки хода истории, прогнозы, его философский способ видения глобальных событий «изнутри» отечественного мира культуры оказываются сегодня неожиданно современными. И не случайно в Крыму ежегодно проводятся симпозиумы и конференции, посвященные памяти великого мыслителя и провидца. Наше общество все глубже осознает значение его личности — патриота, много сделавшего для своей страны, для Крыма. Но нельзя забывать и о другом, о том, как мы, потомки, сохраняем память об этом человеке… Семейное захоронение Данилевских до сих пор не приведено в порядок, нет памятных стендов, рассказывающих посетителям усадьбы об основных вехах жизни и деятельности ученого. Даже организовать экскурсию в усадьбу, где семья Данилевских в неустанных трудах по облагораживанию территории прожила более двадцати лет, практически невозможно. Сейчас это охраняемая зона солидного ведомства. А ведь уже становится ясно, что необходим музей Н. Я. Данилевского, что об этом замечательном человеке должны знать и школьники, и взрослые — все, кому дорога история отечественной культуры.



III

ПРОСВЕТИТЕЛЬ И ПЕДАГОГ

А. М. Меметов
Э. Н. Меджитова

Исмаил **ГАСПРИНСКИЙ**

1851–1914

История крымскотатарского народа богата неординарными, самобытными личностями, которые, не жалея сил, работали на благо своей родины, своего народа. Одним из таких его представителей, получившим широкое признание не только в Крыму, но и далеко за его пределами, является Исмаил Гаспринский. Для того чтобы понять философские и общественно-политические взгляды Исмаила Гаспринского, необходимо вкратце остановиться на его биографии.

Исмаил-бей Гаспринский родился 8 (21) марта 1851 года в деревне Авджыкой Бахчисарайского района. Его мать Кайтазова Фатиме-Султан Ильясова была дочерью помещика и принадлежала к одной из знатных дворянских фамилий Крыма. У нее были родовые имения в Ялте и Алуште, а также виноградники, сады и пахотные земли, засеянные табаком, почти по всему южному побережью Крыма. Всё это досталось по наследству от родителей, корни которых уходят глубоко в историю. Отец, Мустафа-мурза Гаспринский, родился в небогатой семье. Он окончил русскую гимназию в Одессе, был достаточно известен в Бахчисарае. В автобиографическом романе «Кунь догъды» («Солнце взошло») Исмаил Гаспринский подробно описывает жизнь своей семьи, взаимоотношения родителей, годы студенчества, становление своих общественно-политических и педагогических взглядов. В этом романе он изображает себя в образе юноши под именем Даниял, а отца — в образе прапорщика, затем капитана Али бека Дагларова.

В судьбе семьи Гаспринских большую роль сыграл граф М. С. Воронцов (с 1823 года генерал-губернатор Новороссии и Бессарабии, с 1844 года наместник Кавказа с неограниченными полномочиями). Мустафа Гаспринский хорошо знал

русский и тюркские языки; служил у Воронцова переводчиком. В 1838 году ему поручили расследовать сложное дело, касавшееся бывших земских исправников из Перекопского уезда и города Симферополя. Мустафа-мурза успешно справился с этим делом и вошел в доверие к генералу-губернатору, который стал поручать ему весьма деликатные и конфиденциальные расследования.

Одно из таких поручений касалось самого государя-императора, отдыхавшего с семьей на южном берегу Крыма. Ему подарили прекрасный мраморный барельеф. Но пока его величество плескалось в ласковых волнах Черного моря, барельеф исчез. Скандал получился ужасный. Шутка ли, обокрали самого императора. Полицейские сбились с ног в поисках пропажи. Поиски не увенчались успехом, кого-то понизили в чине, с кого-то сняли погоны. Отдых императора был испорчен, он так и уехал из Крыма в дурном настроении.

Исмаил Гаспринский

Поиск ценной вещи взял на себя Мустафа-мурза. 13 августа 1839 года барельеф был найден и возвращен хозяину, а Мустафа-мурза награжден тремястами рублями и Знаком Отличия за ревностную службу. Поскольку ещё отец Мустафы Али Гаспринский был чиновником 14 класса и имел право на соискание личного дворянства, а также за личные заслуги, Мустафа-мурза, его жена Фатиме-Султан, а также их сын Исмаил и дочь Эдае были возведены в дворяне. Запись об этом внесли во вторую часть Родословной книги дворянства Таврической губернии и выдали соответствующую грамоту.

Дом И. Гаспринского в Бахчисарае

Мустафа-мурза ценил либеральные взгляды графа, его энергию, помогал ему в развитии промышленного садоводства в предгорных районах Крыма. Выйдя в отставку поручиком, начал изучать древние надписи на могильных камнях и даже издал книгу с комментариями. М. С. Воронцов, в свою очередь, тоже высоко ценил деловые и нравственные качества М. Гаспринского, предоставляя ему должности в системе своей администрации вплоть до его ухода в отставку[1].

Привилегированное общественное положение родителей открывало перед Исмаилом Гаспринским значительные перспективы. После непродолжительной учебы в местной Бахчисарайской конфессиональной школе-мектебе он уезжает учиться в Воронежское военное училище, а затем в Москву, где поступает в кадетский корпус.

Во время обучения в кадетском корпусе И. Гаспринский и его друг литовский татарин Мустафа Давидович привлекли внимание талантливого педагога и публициста, издателя журнала «Русский вестник» и газеты «Московские ведомости» М. Н. Каткова, известного монархическими взглядами. Катков встречался и беседовал с ними, ввёл юношей в круг своей семьи. Видный крымскотатарский общественно-политический деятель Тимур Дагджи, один из потомков Исмаила Гаспринского, недавно издал книгу, где детально описываются беседы Каткова с юными кадетами И. Гаспринским и М. Давидовичем. «Так вот, этот самый Катков обратил внимание на двух нерусских ребят, Исмаила и Мустафу… Сам Исмаил Гаспринский считал, что, приглашая их каждое воскресенье домой на обед, Катков через них пытается узнать, как живут крымские татары, их отношение к другим народам, живущим в Крыму, к христианской морали, к близким по языку и вере туркам, к политике России на окраинах. Во всяком случае, вопросам его не было конца. Он спрашивал, как в Крыму поставлено образование, как изучаются родной крымскотатарский и русский языки, насколько лояльно относится местное население к русским, как ведут себя крестьяне, которых переселили туда из российских губерний, строятся ли там церкви.

Его искренне удивляла веротерпимость крымских татар, их доброе отношение к русским переселенцам. А когда Исмаил однажды сказал, что многие из русских переселенцев уже говорят по-татарски, Катков как бы походя, заметил: «Лучше было бы наоборот».

И, уж конечно, Катков не мог обойтись на этих воскресных обеденных встречах без своего любимого конька — проблемы обрусения малых народов России. Как-то Катков заметил:

1 Аблаев Э. А. Исмаил Гаспринский — гуманист, просветитель, педагог. — Ташкент: Фан, 1991. — С. 20.

«Наша христианская мораль пока недоступна и непонятна мусульманам».

— *Мораль для всех людей должна быть одинаковой, — возразил Исмаил. — Мусульмане, христиане, иудеи — все мы ходим под одним Богом.*

— *Нет, нет… Вы еще многого не понимаете. У нас даже не просто христианская, а православная мораль со своими тончайшими аспектами. Пройдет много времени и, я уверен, — Катков ласково улыбнулся ребятам, — да, да — уверен, что вы подойдете к христианской морали.*

— *А если не подойдем? — спросил Мустафа.*

— *Ну, тогда… — Катков безнадежно развел руками, явно давая понять им, что, продолжая верить в учение Мухаммеда, им не сделать карьеры.*

— *Значит, знаменитые Юсуповы не стали бы Юсуповыми, не прими они христианской веры? — возмутился Исмаил.*

Катков положил ему руку на плечо:

— *Милый юноша, разве дело в одном Юсупове? Русская народность имеет свойство ассимилировать инородческие племена, растворяя их, так сказать, в себе. На памяти истории местность, ныне занимаемая губерниями Московской, Владимирской, Ярославской, Костромской, густо была заселена финскими племенами. Где они теперь? Нет их. Они не истреблены и даже не оттеснены в другое место. Они слились с другим народом. Мы, дорогой друг, не испанцы и не англичане. У нас всё происходит мирно и незаметно. — Катков внимательно взглянул ребятам в глаза, пытаясь определить, какое впечатление произвели на них его слова. Потом добавил: — Что касается остальных, в том числе и вас, татар, то вспомним слова нашего славного писателя Гоголя. Что он сказал, помните? «В каждом русском сидит татарский чертенок». Крымский это чертенок или казанский — какая разница? Но процесс идет.*

— *Но, когда уходят народы, исчезает язык, культура — заметил Исмаил.*

— *Вы не правы, —возразил Катков, — не всё исчезает. — Он сделал паузу, чтобы заострить внимание ребят, и, убедившись, что они ждут, что он скажет, продолжал. — Когда-то я был членом кружка Белинского. В чем-то я с ним не согласен, но некоторые его философствования блестящи. Возьмите его томик, и там вы найдете изумительную по философской глубине фразу. Белинский написал: «Мы — русские — особая нация. Мы берем у других всё самое лучшее, как свое собственное». Я бы эти слова написал на знаменах наших русских патриотов…*

Возвращаясь в Кадетский корпус, друзья делились впечатлениями от этой встречи.

— *Нет, не каждый народ можно так легко ассимилировать, как говорит наш учитель, — рассуждал Исмаил. — Возьми наших крымских татар. Десятки, сотни тысяч их уехало и продолжает уезжать в Турцию. Казалось бы, и вера одна, и язык один, однако наши татары не ассимилируются, хранят тонкости своего языка, обычаи…*

— *За счет ассимиляции и русские, и турки выросли и количественно, и качественно, — заметил Мустафа.*

— *Любого великого немца, итальянца, француза, переехавшего в Россию, будь он музыкантом, архитектором, ученым, они объявляют своим, русским, — возмущался Исмаил.*

— *И правильно делают, — возразил Мустафа. — Россия привлекает к себе необычайно талантливых людей, независимо от их национальности, и создает все условия для того, чтобы они вносили свою лепту в процветание государства Российского.*

— *Может быть, мы напрасно возмущаемся, — задумчиво сказал Исмаил. — Может быть, и нам нужно брать всё лучшее у других народов, а не замыкаться в своей скорлупе. И это лучшее нужно брать с благодарностью к тому народу, который обогатил чем-то твоих соплеменников»*[2].

Издание «Русского вестника» происходило на глазах Исмаила Гаспринского. Следует сказать, что он увидел в Каткове талантливого публициста, всем сердцем любящего свой народ.

По невыясненным до конца обстоятельствам, Исмаил Гаспринский покидает Москву и едет в Турцию для поступления в военный колледж. Однако для поступления необходимо было сдать экзамен по французскому языку, с целью изучения которого он едет во Францию. В Париже ему помогли снять небольшую комнату на окраине. Здесь, в районе Шайэ, когда-то жил известный французский писатель Оноре Бальзак.

Знание арабского языка помогло Исмаилу Гаспринскому устроиться на работу в рекламное агентство переводчиком. Заработанных денег ему хватало на оплату квартиры и питание в дешевом кафе недалеко от работы. В Париже у него появилось много друзей. Он познакомился с вдохновителем всех импрессионистов Эдуардом Мане, картины которого не принимал ни один салон. Ему пришлось открыть свой «Салон отвергнутых».

Однажды, когда Исмаил сидел с друзьями в мастерской скульптора Рене де Сен Марсо, туда пришел Иван Сергеевич Турге-

2 Дагджи Т. Одна судьба на все поколения. — Симферополь. 2013. — С. 18–20.

нев. Он чрезвычайно удивился, узнав, что Исмаил приехал из Крыма для изучения французского языка. При последующей встрече Иван Сергеевич, обняв за плечи Исмаила, сказал, что и в его жилах течет татарская кровь. Расставаясь, Тургенев пригласил Исмаила на обед и оставил адрес. Тот воспользовался приглашением и в следующее же воскресенье приехал в деревушку Буживаль, расположенную недалеко от Версаля, на реке Сене. За обедом хозяин дома расспрашивал о его родителях, о том, как он учился в Москве. Поинтересовавшись, как и на какие деньги он живет в Париже, Иван Сергеевич предложил поработать у него секретарем. Так началась их дружба.

Работу в рекламном бюро Исмаил не бросил, а в свободное время, два-три раза в неделю, ездил в Буживаль. Иван Сергеевич давал Исмаилу переписывать страницы, где было много поправок, иногда диктовал письма.

Наверное, здесь, в Париже, рядом с мудрым и тонким аналитиком человеческих душ, защитником достоинства человека любого сословия, Гаспринский серьёзно задумался о старом быте и замшелых феодальных порядках на родной земле. Конечно же, они мешают впитывать в себя те могучие достижения цивилизации, которые дали бы возможность не только крымским татарам, но и всем мусульманам России встать в ряд европейских народов.

Через много лет, работая над «Французскими письмами», Гаспринский свои размышления о пользе и противоречиях цивилизации передаст через философию одного из героев романа шейха Джеляла: «Образованность господствует над воспитанием; ум — над сердцем; эгоизм — над справедливостью. Ни богатство, ни промышленный прогресс не дадут счастья людям, а справедливость и науки… Весь блеск и шум Европы зиждется пока на колоссальном прогрессе индустрии техники; во всем остальном человек Европы недалеко ушел от людей древности и человека других частей света. Тем не менее, европейцы стоят ныне во главе человечества и внесли много хорошего в общее достояние потомков Адама и Евы. Но грядущее откроет людям иные, более широкие горизонты и лучшие формы жизни. Народы, стоящие позади Европы, должны учиться у европейцев и воспользоваться их опытом и ошибками, чтобы прогрессировать в лучшем направлении и создавать лучшие формы жизни и людских отношений, чем те, кои мы видим здесь»

В 1872 году Тургенев познакомился с тогда еще начинающим писателем Эмилем Золя, который с детства испытывал материальные трудности. Даже издав свои первые книги, он не мог вырваться из кабалы издателей. Тургенев, желая помочь молодому писателю, помог перевести и издать в России некотрые

его романы из серии «Ругон-Маккары». Золя был на одиннадцать лет старше Гаспринского, но это не помешало им подружиться. Вращаясь в такой среде, Исмаил сам начал пробовать писать. Как-то в беседе с Иваном Сергеевичем Исмаил признался: «Я много думаю о своем будущем. Если у меня не получится с военной карьерой, то стану журналистом или писателем». На это Тургенев заметил: «Журналистом или писателем не становятся, а рождаются. Это не профессия, это образ жизни».

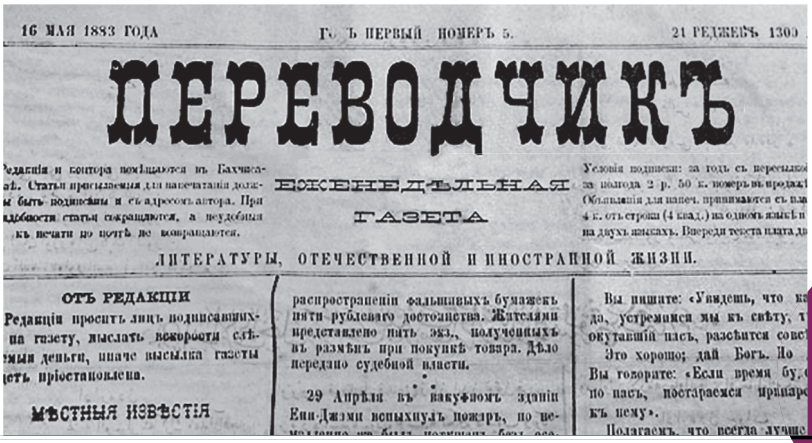
Исмаилу повезло. Литературным его учителем стал признанный мэтр стиля и композиции — Иван Сергеевич Тургенев. Он один, пожалуй, умел так мастерски сжато написать рассказ, где нет ничего лишнего, где работает даже запятая.

С благословения Тургенева Исмаил начал писать статьи и печататься в московских и петербургских газетах.

Таким образом, вместо одного года он прожил в Париже три. Дядя писал ему письма, торопил вернуться скорее домой, чтобы поступить в военный лицей. Из Парижа он уехал с раздвоенными чувствами. За три года он так и не привык к чересчур свободным, на его взгляд, нравам парижан. Но, с другой стороны, ему жаль было уезжать из европейской столицы, оставлять новых знакомых и друзей. Общение с ними сделало его другим, расширило кругозор, заставило задуматься над судьбой своего народа. На фоне французской культуры, где процветали литература, живопись, музыка, где человек мог получить любое образование, которое открывало ему широкие двери в мир науки, техники, искусства, Крым, как и многие другие уголки России, с его отсталостью и нуждой, казался подвалом большого светлого дворца, имя которого — Европа. И в этом подвале день изо дня копошились люди. Не ценя времени, не стремясь к совершенству. Они сами не понимали, как узок их мир, как ничтожно малы их жизненные запросы, как смешны и наивны их мечты.

Ни Петербург, ни Париж не смогли пошатнуть исконной веры Исмаила. Он искренне считал, что если бы парижане были мусульманами, они бы от этого только выиграли. Ибо мусульманство намного строже подходит к вопросам этики и морали. Он был убежден, что ислам ни в коей мере не является тормозом прогресса, и не уставал спорить на эту тему со своими парижскими друзьями.

Ключевым событием в судьбе И. Гаспринского стало издание в Крыму газеты на крымскотатарском и русском языках «Переводчик-Терджиман». На первых порах общественно-политические взгляды издателя «Терджимана» находились под заметным влиянием идей Каткова. Характеризуя его деятельность в этом направлении, Асан Сабри Айвазов писал: «Судя по направлению газеты «Терджиман», Гаспринский с 1883 года



16 МАЯ 1883 ГОДА ГОДЪ ПЕРВЫЙ НОМЕРЪ 5. 21 РЕДЖЕБЪ 1300

ПЕРЕВОДЧИКЪ

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРЫ, ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ИНОСТРАННОЙ ЖИЗНИ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

МѢСТНЫЯ ИЗВѢСТІЯ

Страница газеты Переводчик

по 1894 год был русофилом-монархистом»[3]. Подтверждая эту мысль, А. С. Айвазов подробно описывает взаимоотношения Исмаила Гаспринского с Асаном Нури эфенди, бежавшим после Севастопольской войны из Крыма в Турцию.

Асан Нури, получив высшее образование в Турции, некоторое время работал при Мидхат-паше, который был автором первой турецкой конституции и принял участие в низложении султана Абдуль-Азиза в 1876 году. Вернувшись в Крым, А. Нури ведет пропаганду против эмиграции крымских татар в Турцию, и ему удается остановить эмиграционную волну. В 1879 году он знакомится с Исмаилом Гаспринским, работавшим учителем русского языка в земской школе в селе Дерекой недалеко от Ялты. Сабри Айвазов пишет: «А. Нури уговаривал Гаспринского, чтобы он взял разрешение на издание газеты на татарском языке. После долгих переговоров Гаспринский согласился, взял разрешение и в 1883 году 10-го апреля в Бахчисарае вышел первый номер газеты «Терджиман» («Переводчик») ... Но после некоторго времени взаимоотношения А. Нури и Гаспринского изменились в худшую сторону. Этому послужила статья Гаспринского, в которой он восхвалял царя, его правительство и царский режим и т. д.

Вскоре после возникновения этих разногласий А. Нури было запрещено учительствовать, у него взяли подписку о невыезде из Ялты. В 1893 году А. Нури со своими единомышленниками совершил налет на типографию Гаспринского и заставил наборщиков набрать и отпечатать 10 тысяч экземпляров прокламаций на татарском языке под заглавием «Мусульмане Крыма, проснитесь, проснитесь!»[4].

3 Последняя рукопись Сабри Айвазова. Дело партии «Миллий фирка». (Из серии «Рассекреченная память». Крымский выпуск. I том. — Симферополь: Доля, 2009. — С. 35.

4 Последняя рукопись Сабри Айвазова... С. 28–29.

Общественно-политические взгляды Исмаила Гаспринского охарактеризовал писатель Шамиль Алядин в своей повести «Иблиснинъ зияфетине давет» («Приглашение к дьяволу на пир»). Герой этой повести, воспитанный в духе любви к своему народу, сельский учитель-демократ, молодой поэт Усеин Шамиль Токтаргазы (1881–1913) приезжает в Бахчисарай к Гаспринскому и приносит для опубликования свои новые патриотические стихи. Исмаил Гаспринский, ознакомившись с содержанием стихотворений Усеина Шамиля Токтаргазы, сначала отказывается, а затем, подумав, отбирает для публикации только два стихотворения: «Руслар иле бир хош яша» («Живи с русскими дружно») и «Къайдымызны ким чекеджек?» («Кто о нас позаботится?»).

В отвергнутых стихотворениях Токтаргазы были затронуты мотивы социальной несправедливости.

Ознакомившись с этими стихотворениями Шамиля Токтаргазы, Исмаил Гаспринский довольно резко говорит: «Нет, Усеин ходжа! Такие стихи напечатать в своей газете не могу!», так как они написаны «без учета времени и обстоятельств, в которых мы живем… Пусть они пока останутся при Вас, пока не наступят лучшие дни…» На вопрос Шамиля: «А когда же они наступят, эти времена?» — Исмаил Гаспринский ответил, что к этим лучшим дням нужно идти мирным путем, повышая знания и общую культуру народа, то есть заниматься просветительской деятельностью. Присутствовавший при этом большой друг Исмаила Гаспринского известный востоковед Александр Николаевич Самойлович, соглашаясь с революционными взглядами Шамиля Токтаргазы, но соблюдая такт гостя, робко замечает: «Образование, культура … избавит ли только это от гнета?»[5]. Приведенные выше примеры убедительно свидетельствуют о том, что общественно-политические взгляды Исмаила Гаспринского были ограничены рамками просветительства. Попытки со стороны революционно настроенной крымскотатарской интеллигенции вовлечь Исмаила Гаспринского в русло своей деятельности не увенчались успехом. В годы революционного подъема в России известный просветитель, революционный демократ Абдурешит Медиев вместе со своими единомышленниками Усеином Токтаргазы, Нусретом Ильмий и Джелялом Меиновым явились в редакцию газеты «Терджиман». Медиев, обратившись к Гаспринскому, сказал: «Уважаемый учитель! Произошла русская революция. Народы всколыхнулись. В их умах проснулись мысли о национальном освобождении. Разве не настало время «Терджиману» изменить свое политическое направление, дать больше простора демократическим мыслям?». На это Гаспринский ответил: «Рево-

5 Шамиль Алядин. Приглашение на пир к дьяволу. — М., 1985. — С. 204–210.

люция произошла, но не победила. Жизнь осталась такой же, какой она была раньше. И поэтому надо ждать. Ждать лучших дней». Взволнованные посетители попытались убедить своего упрямого оппонента, что необходимо ускорить приход этих дней. Но Гаспринский считал, что «сейчас не время поворачивать руль»[6].

В юношеские годы Исмаилу Гаспринскому были близки идеи европейских утопистов. Особое влияние на него в этом плане оказал итальянский мыслитель Томмазо Кампанелла (1568–1639), один из философов-реформаторов, мечтавших создать новое общество, где нет эксплуатации человека, нет власти денег и денежных отношений, люди трудятся добровольно и получают по труду, всё национальное богатство в руках государства, люди образованны, нравственно безупречны. Есть все основания полагать, что свой роман «Дар-уль-Рахат мусульманлары» он написал под влиянием утопических идей Кампанеллы, его книги «Город солнца», являющейся ценнейшим памятником свободной человеческой мысли, призывом к борьбе за идеальное справедливое общество.

Однако литературные суждения И. Гаспринского нельзя рассматривать как проявление революционных идей, так как его практическая деятельность не выходит за рамки народного просвещения. И. Гаспринский принадлежал к либеральной группе просветителей, и его мировоззрение, практическая деятельность, творчество были целиком связаны с этим направлением.

По своим философским взглядам И. Гаспринский был близок к деизму. Деизм — религиозно-философское воззрение, согласно которому бог, сотворив мир, более не принимает в нем участия и не вмешивается в закономерное течение его событий. Бог — это мировой разум, создавший природу и давший ей законы развития. Деизм отвергает дальнейшее вмешательство бога в самодвижение природы. Деисты критиковали религию с позиций рационализма, вели борьбу за свободу совести и мысли, за независимость науки от религии. Среди его сторонников были Ньютон, Вольтер, Ломоносов и многие другие выдающиеся мыслители. Но некоторые склонны рассматривать деизм как форму компромисса с религией. Среди современных естествоиспытателей деистская идея единого творца вызывает поддержку как обоснование упорядоченности и единства законов природы.

И. Гаспринский, как деист, стремился, с одной стороны, беречь и развивать мусульманскую религию, а с другой — вел борьбу

6 Шамиль Алядин. Иблисниңъ зияфетине давет. — Ташкент, 1979. — С. 15.

против реакционного духовенства, препятствующего распространению знаний и светской культуры среди народных масс.

Во второй половине XIX века среди мусульман России возникло религиозно-реформаторское движение, получившее название джадидизм (от арабского усул-и-джадид — новый метод, новаторство). Идеологом этого движения был Исмаил Гаспринский.

Он выступал за реформу старой системы образования и создание новых школ с новыми методами обучения. Эти школы, открываемые в Крыму сторонниками Гаспринского, были шагом вперед по сравнению с устаревшими конфессиональными мектебе и медресе (усул-и кадим), так как в учебных планах новых школ наряду с религиозными предметами отводилось 20% учебного времени на изучение родного языка, арифметики, географии и некоторых других светских дисциплин. В целях упрощения новой системы образования крымских татар И. Гаспринский частично реформировал арабскую графику и ввел дополнительно некоторые знаки для обозначения на письме гласных звуков, издал учебники и учебные пособия по родному языку.

Программное произведение И. Гаспринского «Россия и Запад»

Против его новаторских идей в сфере образования резко выступила наиболее реакционная часть духовенства. Один из мударрисов медресе Ишмухаммед, весьма религиозный человек, не любил Гаспринского за его новомодное обучение и во всеуслышание заявил: «По моему уму-разуму, Исмаил Гаспринский — настоящий безбожник, не только потому, что он ввел в школах звуковой метод обучения, но и по складу своих мыслей и взглядов на жизнь».

Жертвами религиозных фанатов стали некоторые единомышленники Исмаила Гаспринского, принявшие на вооружение новые методы обучения. Сабри Айвазов в краткой автобиографии пишет, что против новой школы выступали многочисленные недоброжелатели, «начиная от кулаков, духовенства и до урядников и жандармов». В 1904 г. перед выпускным экзаменом С. Айвазов получил анонимное письмо, в котором было написано: «Атеист! Если ты хочешь умереть своей естественной смертью, то брось школу, а если ты хочешь, чтобы тебя убили как собаку, то продолжай учительствовать». Он на это анонимное письмо не обратил внимания и продолжал оставаться жить при школе. 24 июня 1904 г., когда С. Айвазов спал, в два часа ночи в него был брошен через окно большой камень весом 38,5 фунтов… камень попал ему в плечо, а другой камень, меньше первого, — в голову, который его ранил, шрам до сих пор остался»[7]. В качестве другого печального примера следует указать на убийство просветителя Усеина Шамиля Токтаргазы в 1913 году.

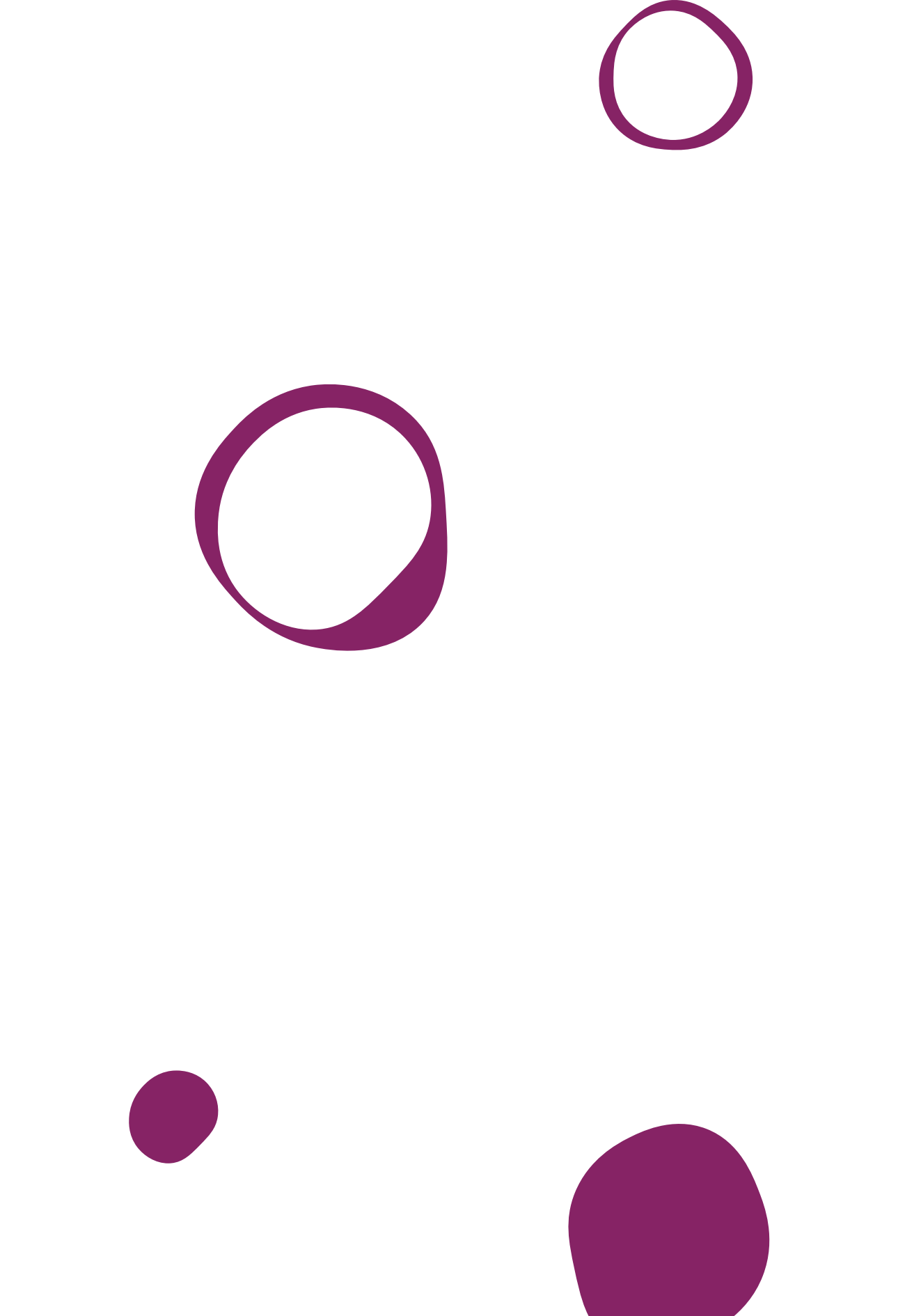
7 Последняя рукопись Сабри Айвазова… С. 16

Однако, несмотря на эти трагические происшествия, дело двигалось. Успешная деятельность И. Гаспринского в области примирения духовенства с нововведениями в системе народного образования привела к тому, что во время молитвы, посвященной празднованию 25-летия беспрерывного издания газеты «Терджиман», Аджы Эмир-Эфенди произнес: «О люди, помолимся за здравие и благополучие первого учителя, первого мектеба по «звуковому методу» Бекир-Халиль-Эфенди Эмекдарова[8], первых преобразователей наших медресе Аджи-Абибуллы Муслюма и Галимджана Баруди; за распространителя «звукового метода» на Кавказе Афуз-Эфенди Шейх-заде, первого муллы, начавшего писать и издавать на русском языке, Гатауллы Баязитова… Да здравствуют они!»[9].

Оценивая исторические заслуги И. Гаспринского, можно утверждать, что он дал бесконечно много для крымскотатарского образования, обогатив сокровищницу просветительских идей новым содержанием, реформировал национальную школу. Он подошел к решению многих социальных задач. Среди них были раскрепощение женщин и развитие женского образования, ликвидация неграмотности среди взрослого населения, распространение научных знаний среди масс, внедрение в быт народа элементов санитарии и гигиены, создание благотворительных обществ как формы общественной помощи развитию культуры и просвещения. Именно в этом огромная историческая заслуга Исмаила Гаспринского.

8 Институт рукописей им. Х. Сулеймана АН УзССР. Из архива материалов С. Гафарова. С. 18

9 Терджиман, 1908 г., 9 мая



IV

ИСТОКИ ФИЛОСОФСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ТАВРИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

О. А. Габриелян,
В.И. Шостка

Философы Крыма

1918–1921 гг.

Университеты, как и люди, имеют свои судьбы. Как правило, у всех они довольно сложные, насыщенные событиями, впитавшими все превратности пережитих времен… Крым с момента присоединения к Российской империи нуждался в многопрофильном высшем учебном заведении. Ему нужен был Университет. Основание высшего учебного заведения в Таврической губернии было обусловлено и подготовлено целым комплексом факторов, в частности, высоким уровнем общественного и культурного развития Тавриды, а также остротой вопросов, связанных с образовательным уровнем населения.

В августе 1916 года Таврическое губернское земство обратилось к правительству с ходатайством об открытии в губернии высшего учебного заведения и ассигновало на эти цели более миллиона рублей. Инициатива была поддержана не только общественностью Крыма, но и учеными Императорского Университета Св. Владимира (г. Киев). Идея создания университета была встречена общественностью с большим энтузиазмом. Уездные земства губернии собрали на ее воплощение около 500 тысяч рублей.

В декабре 1917 года в Ялте было принято решение об открытии филиала Киевского университета, и уже 10 мая в Киеве, а затем 11 мая 1918 г. в Ялте состоялось его фактическое открытие. До этого Советы факультетов Киевского университета утвердили учебные планы Таврического филиала, происходил подбор профессорско-преподавательского состава для чтения конкретных учебных дисциплин. Занятия проводились в зданиях Ливадийского дворца на медицинском и физико-математическом факультетах, где весной и летом прибывшие профессора читали лекции студентам, которых было около 900 человек.

Еще весной-летом 1917 г., по мере ухудшения ситуации в Петрограде и Москве, нарастания продовольственных трудностей, начался отток населения на юг. «Весной 1917 г. многие петербуржцы бежали в свои поместья в Крым», — вспоминал князь Ф. Юсупов. Летние поездки 1917 года в Крым и на Кавказ растягивались на неопределенный срок. Столичные жители стали рассредоточиваться в городах и населенных пунктах Юга или просто не уезжали с курортов. Их притоку в университет способствовало то обстоятельство, что в конце 1918 – начале 1919 года Крым был еще относительно спокойным в военном отношении местом и, в отличие от центральных губерний России, здесь в то время не свирепствовал голод.

На начальном этапе в состав университета было зачислено 25 профессоров, а через полгода на его пяти факультетах уже насчитывалось 46 профессоров и 14 доцентов, представлявших различные научные школы и направления. Несмотря на осложнившуюся на полуострове военно-политическую обстановку и ухудшение продовольственного снабжения, число преподавателей в университете продолжало увеличиваться. В Крым устремлялись не только не признавшие большевизм, но и просто уставшие от революционных потрясений ученые, желавшие найти место для научной работы и спокойную гавань для своей семьи. В продовольственном отношении здесь было относительно благополучно.

Профессор-правовед Н. Н. Алексеев, вошедший в штат университета в 1918 г., вспоминал, что Симферополь был «завален фруктами и рыбой». Студент Таврического университета в годы Гражданской войны, впоследствии ученый-геолог А. И. Спасокукоцкий отмечал изменения «в быте и культуре общества»

Здание Александровской мужской гимназии в Ялте, где 11 мая 1918 г. состоялось торжественное открытие Крымского филиала Киевского университета Св. Владимира.

«тихого до этого города» под влиянием университета. Все тяготы времени отразились на вузовской жизни, внося в нее неизбежные коррективы.

Источники изобилуют упоминаниями о холодных аудиториях, лабораториях и квартирах. «Гляжу как безумный на хладную печь, и мыслю с тоскою, не книги ль мне жечь», — записал И. А. Линниченко в дневнике, с печальным юмором перефразировав строки Пушкина.

Академик В. И. Вернадский, ставший ректором Таврического университета в октябре 1920 г., в интервью газете «Юг России» сообщал, что «университет встал на путь самодеятельности и организует сам ряд продуктивных центров — сельскохозяйственные фермы, разведение птиц, свиней, кроликов, устройство молочной фермы, собственное рыболовство, прачечную и т. п.». Сами ученые старались максимально увеличить количество источников заработка, работая одновременно в нескольких организациях, как правило, в государственных и частных вузах, гимназиях, исследовательских структурах, ведомствах просвещения, промышленности, путей сообщения, финансов, в издательствах и органах пропаганды.

В. И. Вернадский, гостеприимно принятый колегами в Крыму, написал в своем дневнике слова о «хорошей стороне медали нашего времени»: «Люди поняли, что нельзя жить без людей. Только этим путем можно пережить ужасное время. Совместное проведение досуга профессорами Таврического университета зафиксировано в воспоминаниях А. И. Спасокукоцкого: „Как-то само собой ученые с их семьями сгруппировались в два лагеря: представители естественных наук представили один, филологи другой. Первые собирались по средам у профессора Н. И. Кузнецова, занимавшего просторную квартиру в доме Христофорова, вторые повадились ходить без всякого порядка к профессору А. М. Лукьяненко“». Г. В. Вернадский вспоминал о пеших походах по Крыму с коллегами. Он также упоминал о регулярном общении на религиозные темы с православными профессорами — философами С. Н. Булгаковым (к тому времени принявшим священство), Н. Н. Алексеевым, П. И. Новгородцевым, П. П. Кудрявцевым, И. П. Четвериковым, архимандритом Вениамином (Федченковым) и другими, утверждая, что после временного свержения власти Советов «религиозное чувство и религиозно-философская мысль вырвались наружу».

В 1920 г. в университете работали 4 академика и 107 профессоров, представлявшие различные вузы и научные школы, главном образом — столичные. Руководство университета пыталось обеспечить им привычную, как в мирное время, деятельность. В штатном режиме проходили заседания ученых

советов, избрания на должности. Академик В. И. Вернадский, делая обзор научной работы ученых университета, писал: «Научная работа в Крыму в 1917 – 1921 годах шла непрерывно и временами, при мало-мальски благоприятных условиях, приобретала интенсивность, небывалую в истории края». Деятельность нового вуза, взаимодействие его научных обществ с другими крымскими научными объединениями позволили Г. В. Вернадскому спустя десятилетия резюмировать: «Несмотря на Гражданскую войну и трудные условия жизни, в Крыму был расцвет умственной и религиозной жизни».

Но к концу Гражданской войны, когда большинство из ученых ощущало полную растерянность,среди них усилились эмигрантские настроения. Моральным оправданием эмиграции выступала невозможность полноценной научной деятельности на Родине.

В ноябре 1920 года, после ожесточенных боев на Перекопе и Чонгаре, армия генерала Врангеля отступила под натиском голодных, полураздетых, обозленных потерями в боях красных. Начался трагический акт исхода на чужбину русских войск и гражданских беженцев. За пять дней ноября в Константинопольский порт прибыло 150 тысяч эмигрантов. Среди покинувших Крым оказались и некоторые ученые Таврического университета. Были среди них и философы. По-разному сложились за пределами родины их судьбы, но везде они продолжали свою научную работу, создавали русские академические сообщества, развивали научные традиции, разрабатывали новые идеи и передавали их молодому поколению русского зарубежья. Эта работа принесла ощутимые результаты.

Высокий уровень преподавания и научных исследований на историко-филологическом (философско-словесном) факультете был подготовлен вековой традицией философского мышления. У истоков этой традиции стояли выдающиеся мыслители, учёные, общественные деятели, которые работали в Таврическом университете в 1918 – 1921 годах:

- *академик* ***Владимир Иванович Вернадский***,
- *профессор* ***Лев Шестов (Лев Исаакович Шварцман)***,
- *профессор* ***Павел Иванович Новгородцев***,
- *профессор* ***Николай НиколаевичАлексеев***,
- *профессор* ***Пётр ПавловичКудрявцев***,
- *профессор* ***Иван Пименович Четвериков***,
- *профессор* ***Георгий Владимирович Вернадский*** и другие.

Каждый из них внес свой, особенный вклад в науку. О них и пойдет речь далее.

О. А. Габриелян,
В. И. Шостка

Павел **НОВГОРОДЦЕВ**

1866–1924

Павел Иванович Новгородцев родился 28 февраля 1866 года в г. Бахмуте Екатеринославской губернии. По окончании Бахмутской гимназии с золотой медалью он поступил в 1884 г. в Московский университет на естественное отделение физико-математического факультета, но в этом же году перешел на юридический факультет, который окончил в 1888 году[1].

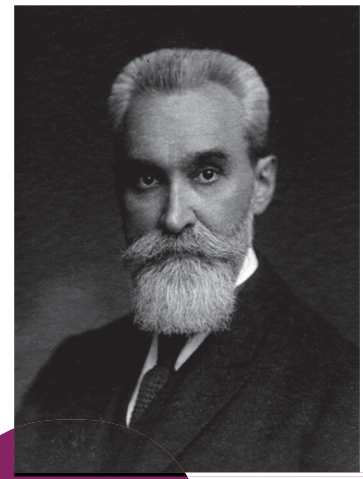
В конце 80-х гг. Павел Новгородцев сблизился с социал-либеральным кружком В. Вернадского и С. Ольденбурга «Приютинское братство» и принял участие в ряде его мероприятий. С 1896 г. Новгородцев читал лекции в Московском университете в качестве приват-доцента. В 1897 г. он защитил диссертацию на ученую степень магистра по теме «Историческая школа юристов, ее происхождение и судьба». Выдержав магистерский экзамен, он был командирован за границу. Посвятив себя изучению философии и права, в период с 1890 по 1899 гг. с небольшими перерывами провел более четырех лет за рубежом, работая в ведущих научных центрах Берлина и Парижа.

1 Подробнее см.: История Таврического университета (1918–2003) / Под общей ред. Н.В. Багрова. — К.: Лыбидь, 2003; Жуков В. Н. Философия права П. И. Новгородцева. — М., 2004; Ена В. Г. Профессора Таврического национального университета им. В. И. Вернадского / Сост.: В. Г. Ена, В. В. Бобков, В. К. Федоров. — К.: Либідь, 2007; Шостка В. И. и др. Источник знаний и просвещения. Люди, события, факты. — Симферополь: Петит, 2008; Филимонов С. Б. Из прошлого русской культуры в Крыму: поиски и находки историка-источниковеда. — Симферополь: Н. Оріанда, 2010; Жуков В. Н. Русская философия права: от рационализма к мистицизму. — М., 2013; Русская философия. Энциклопедия. Изд. второе, доработанное и дополненное. Под общей редакцией М. А. Маслина. Сост. П. П. Апрышко, А. П. Поляков. — М., 2014; Савонюк Р. Е. У истоков юридического образования и юридической науки в Крыму (1918–1920 гг.) / Р. Е. Савонюк, В. И. Шостка — Симферополь: АРИАЛ, 2015.

В 1901–1902 гг. вместе с представителями «критического направления» в русском марксизме он стал одним из основателей и редактором сборника «Проблемы идеализма» (1902 г.), положившего начало синтетическому либерально-социалистическому «идеалистическому направлению» в русском освободительном движении.

В 1902 г. защитил при Петербургском университете диссертацию на степень доктора государственного права по теме «Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве». В 1903 г. он был назначен экстраординарным профессором, а в 1904 г. — ординарным профессором Московского университета. Параллельно преподавал философию на Высших женских курсах.

Юрист и один из лидеров партии эсеров М. В. Вишняк, подчёркивая принципиальность профессора, не без иронии подмечал, что особой популярностью Павел Иванович пользовался среди своих слушательниц на Высших женских курсах: «Высокий, худой, с бледным лицом, украшенным ассирийской черной бородой и большими задумчивыми глазами, он обладал прекрасным бархатным баритоном, отличной дикцией и хорошо отделанным, немного витиеватым стилем». При всей своей утонченной деликатности П. И. Новгородцев был весьма взыскательный профессор. Примечательно, что в свое время он не допустил к магистерскому экзамену Н. А. Бердяева. Философ И. А. Ильин вспоминает: «Мы, начинающие студенты, слушали его по-особенному, многого не понимая, напряженно ловя каждое слово, напряженно внимая: он говорил о главном; не о фактах и не о средствах, отвлеченно, но о живом; он говорил о целях жизни и, прежде всего, о праве ученого исследовать и обосновывать эти цели. Вокруг него, его трудов, докладов и лекций шла полемика, идейная борьба, проникавшая даже в газеты; с ним соглашались, ему возражали; раздраженно выступали „материалисты“, энергично смыкали свои ряды „философы“. Слагалось „идейное бродило“, закладывались основы духовного понимания жизни, общественности и политики. Его семинарий был многолюдный, оживленный, со страстными встречами марксистов, народников, идеалистов и с атмосферой общего доверия к истинному, уравновешенному, внутренне горящему и внешне сдержанному руководителю. Я помню ту бурю приветствия, которою мы встретили его, вернувшегося из Петербурга после защиты докторской диссертации, его взволнованное, побледневшее лицо, его дрогнувший в словах благодарности голос…».



Павел Новгородцев

С 1904 г. П. И. Новгородцев состоял членом Совета «Союза освобождения». Сторонник либерально-правового государства, П. И. Новгородцев участвовал в создании Конституционно-демократической партии. В конце 1905 г. вступил

в Конституционно-демократическую партию, а в марте того же года был введен в члены ее ЦК. В 1906 г. он был избран депутатом I Государственной думы от Екатеринославской губернии. В связи с невозможностью совмещения преподавательской и депутатской деятельности он покинул кафедру, однако продолжал оставаться в Московском университете в качестве приват-доцента. После роспуска I Государственной Думы он подписал «Выборгское воззвание» о гражданском неповиновении в знак протеста против роспуска Думы, за что подвергся тюремному заключению. В результате этого он не получил утверждение в должности ординарного профессора и остался приват-доцентом университета. Вследствие несогласия с политикой Министерства народного просвещения он вместе с другими профессорами покинул университет в 1911 г. После этого П. И. Новгородцев сконцентрировал свою деятельность на Московском коммерческом институте, где он возглавлял кафедру государственного права, одним из основателей и бессменным директором которого он был с 1906 вплоть до 1918 г.

Новгородцев одним из первых провозгласил необходимость поворота в сознании русской интеллигенции в сторону идеализма как в общественных науках, так и в целом. Он был одним из организаторов известного сборника «Проблемы идеализма» (1902), где выступил с программной статьей «Нравственный идеализм в философии права». Ключевая проблема в философии права Новгородцева — социальный идеал и возможные условия его реализации. Он выступил как выдающийся критик основополагающей методологической установки западноевропейского рационализма, состоявшей в признании принципиальной реализуемости гармоничного бесконфликтного общества. В годы Первой мировой войны П. И. Новгородцев был активным сотрудником Всероссийского союза городов и московским уполномоченным Особого совещания по топливу. После Февральской революции 1917 года был избран профессором Московского университета, стал членом-учредителем «Лиги русской культуры» и ее Временного комитета в Москве.

Здесь вокруг Новгородцева как ученого сложилась школа философии права и социальных философов. Его учениками были И. А. Ильин, Б. П. Вышеславцев, С. Л. Франк и другие.

Избранный снова в состав ЦК кадетской партии, П. И. Новгородцев занял определенно правую позицию, считая необходимым установление военной диктатуры для предотвращения государственной катастрофы. В декабре 1917 года на 3-м Московском областном съезде кадетов сделал доклад по тактическим вопросам. Он — активный деятель «Правого центра», организованного на базе Совета общественных деятелей, Торгово-Промышленного союза, кадетской партии, Всероссий-

ского союза земельных собственников и монархических групп. После Февральской революции 1917 года Новгородцев поддержал П. Н. Милюкова и настаивал на твердости и неуступчивости по отношению к социалистам. Он заявил: «Воевать с врагом нельзя, не уничтожив Советов… Страна ждет власти и порядка. Надо покончить с большевистской революцией!.. Нельзя больше длить теперешнее гнилое положение. Все равно — дело идет на разрыв!..».

О Новгородцеве — политике того времени вспоминал его ученик И. А. Ильин: «В эти тягостные постыдные месяцы 17-го года он был весь — зоркость, тревога, отвращение. Он один из первых понял обречённость этого безмолвия, этой сентиментальности, этого сочетания интернационального авантюризма с исторической мечтательностью… Он понимал всю радикальность необходимых средств…»

В 1918 году П. И. Новгородцев стал одним из инициаторов создания и руководителем антибольшевистского подполья в Москве. Он настаивал на единстве всех сил, способных оказывать сопротивление большевизму. Тогда же принял участие в сборнике «Из глубины». Счастливо избежав ареста в мае 1918 года, перешел на нелегальное положение и вскоре под угрозой расстрела покинул Москву. Жил на юге России и преподавательской деятельностью не занимался. Из-за боязни навредить семье, оставшейся в большевистской Москве, он отказывался от занятия официальных постов и от публичных выступлений, хотя негласно участвовал в разработке законопроектов Особого совещания при Главнокомандующем вооруженными силами юга России генерале А. И. Деникине.

20 мая 1919 года в Омске на восточной конференции кадетов П. И. Новгородцев так обрисовал перспективы борьбы с большевиками: «Анархический большевизм, погубивший русскую государственность, поставил перед нами задачи более элементарного свойства, задачи сверхпартийного национального характера, и, прежде всего, основную задачу, восстановление русской государственности».

Постоянные переезды, публичные выступления, бесконечные совещания сказывались на самочувствии П. И. Новгородцева, который и прежде не отличался крепким здоровьем. В 1919 году во время харьковского съезда партии он простудился и слег с воспалением легких. Ввиду приближения Красной армии тяжелобольного Новгородцева пришлось срочно эвакуировать из Харькова в Ростов, а затем в Крым, где он, наконец, вернулся к научной деятельности. Лидеры кадетов намечали его и на министерские должности в Крымском краевом правительстве, однако в итоге это назначение не состоялось. Так волею су-

деб, как и многие представители интеллигенции того времени, он оказался в Крыму.

В Крыму он негласно помогал в реформах генерала П. Н. Врангеля. По предложению В. И. Вернадского, соратника по кадетской партии, согласился прочитать несколько курсов в Таврическом университете, ректором которого был друг его революционной юности. В конце 1920 г. Новгородцева избрали ординарным профессором Таврического университета. Своей манерой общения и стилем поведения он ярко выделялся на фоне остальных преподавателей. «Павла Ивановича Новгородцева любили и за его предмет, и за спокойный вдохновенный голос, и за удивительную красоту лица; … он был еще молод и чернобород; глаза выразительные до святости. Его философия права была для нас богословием, а он — пророком», — писал М. Осоргин, вспоминая свои студенческие годы. Преподавал он в Таврическом университете всего лишь несколько недель и после окончания осеннего семестра уехал в заграничную командировку. Однако после падения Крыма и эвакуации армии генерала Врангеля он уже не вернулся в Симферополь.

В 1921 – 1922 гг. Новгородцев читал лекции в Аахенской технической школе в Германии. Сотрудничал в кадетской газете «Руль» (Берлин). Принимал активное участие в деятельности Русской академической группы в Праге, был ее первым председателем.

Любимым детищем Новгородцева стал Русский юридический факультет в Праге. Вот его слова, произнесенные при открытии факультета в 1922 г.: «Среди неясных обстоятельств, перед лицом неведомого будущего начинаем мы дело, которое, прежде всего, требует твердого, спокойного и уверенного руко-

водства, большого напряжения сил и большой веры в Россию: Учреждая наш факультет, мы твердо верим, что приближается время, когда Россия со стихийной и неудержимой силой обратится к правовым началам, когда, истомленная и исстрадавшаяся, она придет к необходимости строить свое государственное и общественное бытие на строгих и точных началах права: Мы хотим, чтобы наши молодые люди, эти будущие строители России, твердо усвоили ту мысль, что среди тысячи путей, разрушенных и заброшенных в разоренной России, в ней должен быть, прежде всего, восстановлен такой важный и необходимый путь, как путь права, путь спокойного развития на началах свободы, законности и справедливости». Он хотел, чтобы РЮФ был исключительно высшим учебным заведением, отметавшим от себя любые агитационные цели. Новгородцев говорил по этому поводу: «Русский юридический факультет не должен быть ни школой контрреволюции, ни школой революции; он будет только школой науки».

П. И. Новгородцев был не только основателем, но и первым деканом юридического института (факультета) в Русском народном университете в Праге. Разработал идеи естественного права, опирающиеся на этику абсолютных ценностей. Много молодых людей, из числа недоучившихся студентов, в том числе бывшие солдаты Добровольческой армии, оказались за рубежом. Из-за сосредоточения высококлассной профессуры в Карловом университете, среди которых были профессора с мировым именем — Н. О. Лосский, П. Б. Струве, Г. В. Флоровский, Г. В. Вернадский, А. А. Кизеветтер, В. В. Зеньковский, М. М. Новиков, Н. Н. Алексеев и другие, а также благодаря активной университетской деятельности, Прагу в те годы стали именовать «русским Оксфордом».

В своей книге «Из Царьграда в Прагу» ученик П. И. Новгородцева философ и правовед Н. Н. Алексеев воспоминает: «Всего более популярны были практические занятия, руководимые Новгородцевым. У него был талант привлекать и собирать вокруг себя молодых людей — способность, которой обладают далеко не все даже выдающиеся ученые. Из Германии я привез, — пишет Н. Н. Алексеев, — некоторые свои замечания по поводу марксизма, составил по ним реферат и решил подать его профессору в качестве материала для практических занятий. Взяв доклад, он сказал: „Реферат ваш принят к чтению и обсуждению на практических занятиях, заходите ко мне в ближайшее воскресенье, тогда поговорим в подробностях…“ С тех пор я стал постоянным посетителем этих воскресений и членом кружка молодых приват-доцентов и студентов. Новгородцев был замечательным диалектиком, а также чрезвычайно начитанным человеком… я, действительно, с Новгородцевым

постоянно состязался в споре, но всегда чувствовал его превосходство. Он был настоящим учителем — благодаря своей широкой образованности и вследствие своего умения научить, как нужно научно работать, и в силу своего морального влияния на учеников. Философски он был в то время кантианцем, ближе всего к гейдельбергской школе Виндельбанда. Но школа самого Новгородцева отличалась широкой терпимостью: он умел собирать вокруг себя и материалистов, и скептиков, и эмпириокритицистов, и гегельянцев, — лишь бы они были философами. Он настойчиво внушал нам мысль, что человеческая личность есть высшая ценность и что человеком нельзя пользоваться как средством, т. к. он есть „цель себе“ … Это было его высшей моральной нормой — „категорическим императивом“».

Тогда все еще надеялись вернуться на Родину и понимали, что для этого нужны образованные кадры. Павел Иванович, помимо организации и администрирования юридического факультета, возглавил в ранге председателя религиозно-философское общество им. Вл. Соловьева. Летом 1922 года он принял участие в студенческой конференции Русского студенческого религиозного движения. В ноябре 1922 организовал выступление философа П. А. Сорокина, который прочитал в Русском доме лекцию «Проблема демократии и диктатуры». В декабре Новгородцев участвовал в проведении Всеславянского студенческого съезда (17 – 22 декабря 1922 года). В 1923 году по его приглашению в Прагу вновь приехал Сорокин и 18 июня прочел лекцию «Принудительно-коммунистическое общество». 16 октября 1923 года Новгородцев пригласил в Прагу Н. А. Бердяева с докладом. Выступления обоих философов вызвали бурные дискуссии и обмен мнениями. Постепенно нервное и физическое переутомление начало давать о себе знать. 18 декабря под председательством Новгородцева прошло ежегодное распределительное заседание, где он прочел свой последний отчет о деятельности факультета. На следующий, 1924 год, на его место был избран профессор-правовед Д. Д. Гримм.

В годы эмиграции многих удивил неожиданной поворот П. И. Новгородцева к религиозной проблематике. Как-то, рассказывая о своих политических взглядах, он выдвинул формулу: «Цезарь, благословляемый патриархом и церковью на восстановление государственности и национальной державности». И при этом добавлял: «Что ж, если это кадетские идеи, то останемся кадетами». Юрист, рационалист хотя бы по роду своих занятий, он оказался православным мыслителем и славянофилом.

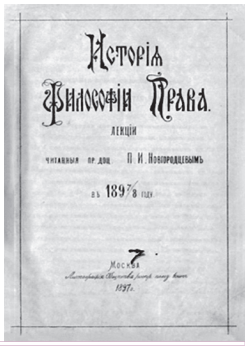
П. И. Новгородцев умирал долго, мучительно. Еще 29 февраля 1924 года Н. И. Астров в письме В. А. Оболенскому описывал ужасающее состояние Новгородцева, который страдал стенокардией, пережил два припадка. Перед смертью его не раз

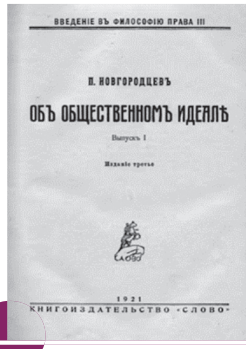
исповедовал священник, философ отец Сергий (С. Н. Булгаков). Новгородцев вспоминал всех знакомых, просил передать им привет. Умирая… он в предсмертном бреду жаловался на то, что в его сердце спорят между собою студенты. Этот бред его можно понять, как начало перехода от человеческого типа жизни к другому, более сложному, состоящему в том, что он становился душою целой общественной группы».

Павел Иванович скончался 24 апреля 1924 года, и было ему всего 58 лет. Могила Новгородцева находится на Ольшанском кладбище в Праге — вблизи одного из немногих православных храмов Чехии — храма Благовещения пресвятой Богородицы. По словам соратника и друга Павла Ивановича П. Б.Струве, «его смерть не пришла неожиданно, и все-таки весть о ней глубоко взволновала всех, кто знал его, работал с ним и кто, так или иначе, отдавал себе отчет в большом значении его заслуженной и упорной работы. В нем было редкое сочетание человека, жившего философским содержанием, с общественным деятелем, способным на упорную деловую работу».

П. И. Новгородцев — один из создателей русской школы философии права. Основные направления его научной деятельности — исследование государства и права, различных форм государственного устройства, вопроса об общественном и личном, об общественном идеале и его трансформации от античности до нашего времени. Талантливый преподаватель и воспитатель, он оставил после себя целую плеяду блестящих учеников. Секрет педагогического успеха Павла Ивановича Новгородцева заключался в ориентации не на бездумное, слепое заучивание материала, а на познание целей и идеалов. Это оказалось тем катализатором, который позволил максимально раскрыться творческому потенциалу таких философов, как И. А. Ильин, Б. П. Вышеславцев, Н. Н. Алексеев, Г. В. Флоровский и другие. Чрезвычайно активная жизнь Павла Ивановича вместила в себя целую историческую эпоху; в ней, как в зеркале, отразилась судьба русской интеллигенции периода трех русских революций, а этапы его жизни, в известном смысле, повторяют трагическую историю России первой четверти XX века.

В эмиграции П. И. Новгородцев, как и многие из его сподвижников, на обретенном новом жизненном опыте значительно изменил и свои политические взгляды, и свое мировоззрение в сторону Православия.Он пришел к выводу, что монархическая власть, в устранении которой кадеты видели путь к человеческому счастью, не является препятствием.Власть в разных странах и народах в разные времена может и должна быть разной, чтобы выполнять свое Божие законное предназначение по удержанию зла, тогда как пороки демократии вскрылись особенно в последнее время с наглядной очевидностью.


Исторія
Философіи Права.
лекціи
читанныя пр. доц. П. И. Новгородцевымъ
въ 189⅞ году.
Москва
1897.


ВВЕДЕНІЕ ВЪ ФИЛОСОФІЮ ПРАВА III
П. НОВГОРОДЦЕВЪ
ОБЪ ОБЩЕСТВЕННОМЪ ИДЕАЛѢ
Выпускъ I
Изданіе третье
СЛОВО
1921
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «СЛОВО»

П. И. Новгородцев прожил великую, но трагическую жизнь. Вера в идеалы, стремление воплотить прекрасную идею правового государства, которое населяют высоконравственные и самоопределяющиеся личности, на практике революционным путем, без оглядки на последствия, привела к тому, что тогда он потерял Россию навсегда…

Стоявший на позициях социального скепсиса и иррационализма, Новгородцев отвергал любую идеологию, предлагавшую «идею земного рая», в том числе либеральную, если она возводила в абсолют возможности правового государства. Важным компонентом творчества Новгородцева была его критика утопического сознания, основанного, как он полагал, на односторонне развитом рационализме.

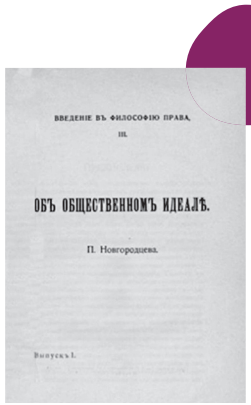
Большая часть работ Новгородцева посвящена изучению метафизических оснований права и морали, форм взаимосвязи и взаимопроникновения этических и юридических норм в духовной культуре, а также анализу особенностей реализации в социальной жизни абсолютной этической ценности. Важнейшей частью его концепции была развиваемая в ряде работ аксиологическая теория права, базирующаяся на философии неокантианства, учении о естественном праве и эволюционной эпистемологии.

Центральным пунктом либерально-правового учения Новгородцева стала нравственная автономия человеческой личности. Моральная идея личности — абсолютная основа естественного права, которая раскрывает себя лишь в этике и метафизике. Личность как «нравственная основа общественности» придает в таком понимании новое освещение и проблемам общественной жизни. «Общество по своему существу есть не ограничение личности, а ее расширение и восполнение». Именно эти положения являются, по его мнению, безусловными нормами правотворчества и бытия государства.

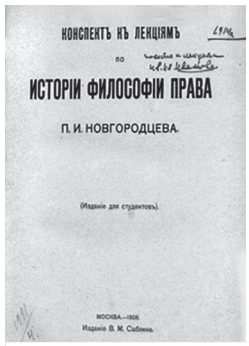
Философия естественного права П. И. Новгородцева утверждает связь доступных научному анализу областей с миром абсолютных ценностей и начал. В этом признании Новгородцевым законных прав метафизики сказалось влияние той русской философской традиции, у истоков которой стоял В. С. Соловьев.

Важную роль в концепции Новгородцева занимают размышления о демократии и правовом государстве. Для него философское учение о демократии имеет главной своей задачей анализ того кризиса, в котором демократия оказалась в XX веке. Демократия, отмечал он, означает «возможно, полную свободу личности, свободу ее исканий, свободу состязания мнений и систем. Демократия — возможно, полное и свободное проявление жизненных сил, живая игра этих сил, простор для раз-

личных возможностей, открытость и широта для всяких проявлений творчества». Демократическая идея требует свободы для всех без исключения и лишь с теми ограничениями, которые вытекают из условий общения. Свобода — основание демократии. Наряду со стремлением к свободе демократию отличает стремление к равенству. Задача современной политической теории заключается, по Новгородцеву, в том, чтобы развенчать фетишистский, догматический образ демократии, показать, какими поверхностными и наивными порой бывают представления о демократическом обществе. Новое учение о демократии должно снять с нее «ореол чудесного, сверхъестественного», ввести ее в ряд «естественных политических явлений, в ряд других политических форм». Теория эта указывает на «чрезвычайную трудность осуществления демократической идеи и на чрезвычайную легкость ее искажений». И сегодня в высшей степени актуально звучат его слова: «Наивная и незрелая политическая мысль обыкновенно полагает, что стоит только свергнуть старый порядок и провозгласить свободу жизни, всеобщее избирательное право, учредительную власть народа, и демократия осуществится сама собой». На самом же деле, когда демократия претворяется в жизнь, она часто оказывается, смотря по обороту событий, то олигархией, то анархией.


ВВЕДЕНІЕ ВЪ ФИЛОСОФІЮ ПРАВА.
III.
ОБЪ ОБЩЕСТВЕННОМЪ ИДЕАЛѢ.
П. Новгородцева.
Выпускъ I.

Неверно было бы понимать П. И. Новгородцева так, будто он, критикуя недостатки и противоречия демократии, становится ее противником. Философ категорически расходится с марксизмом в оценке значения, возможностей, форм и перспектив демократии.


КОНСПЕКТЪ КЪ ЛЕКЦІЯМЪ
ИСТОРІИ ФИЛОСОФІИ ПРАВА
П. И. НОВГОРОДЦЕВА.
(Изданіе для студентовъ).
МОСКВА.—1906.
Изданіе В. М. Саблина.

О Карле Марксе Новгородцев пишет: «Он отвергал демократию во имя нового порядка, освобожденного от колебаний свободы и поставленного на почву норм твердых и непреклонных, связей безусловных и всеобщих. Тут очевидно движение от демократического распутья, от духа критики и терпимости, от широты и неопределенности релятивизма к твердому пути социализма, к суровой догме, к абсолютно рациональной экономической организации». И пусть всегда есть за что критиковать демократическое реформирование общества, нужно объективно исследовать и его преимущества, и его противоречия. Это цель современной концепции социальной философии, философии права. Новгородцев решительно на стороне реформаторской демократии — при условии, что она опирается на религиозные и национальные святыни. Об этом он говорит в одной из своих работ «Восстановление святынь», отмечая, что бедность и оскудение демократических идей на российской почве в значительной степени проложили путь ложному народничеству, разожгли огонь, который грозит поглотить Россию. «Те, кто этим целым не дорожил, те, для кого революю-

ция была всё, а Россия ничто, те, для кого Россия была лишь костром для мирового пожара, совершенно последовательно настаивали на продолжении завоеваний революции…».

П. И. Новгородцев был решительно настроен против революции. Он требовал отказаться от революционной психологии, от стремления всё революционизировать и пересматривать. «Вначале стремились к народовластию, но достигли только безвластия». Произошло крушение народнических идей, которые были связаны с идеей бунта: «…сам по себе, в своей естественности и непосредственности, народ может быть и плох, и хорош, и поэтому не надо самому народу поклоняться, а только идеалам и святыням его». П. И. Новгородцев ссылается также на слова Ф. М. Достоевского о том, что народ «грешит и пакостит ежедневно, но в лучшие минуты, в Христовы минуты, он никогда в правде не ошибется». Все прошлое свидетельствует, что в душе русского человека уживаются рядом и тоска по воле, и тоска по Богу, и вот «тоска по воле разрывает иногда все связи и законы, божеские и человеческие, переходит все грани и меры и условные, и естественные». Тогда всё и заканчивается революцией.

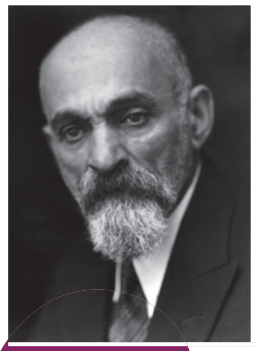
С точки зрения Новгородцева, народ, пережив кровавую бурю революции, должен пробудить свой дух, придти к тем своим святыням, которые связывают настоящее с прошлым, живущие поколения с давно ушедшими, и весь народ с Богом, как жребий, возложенный на народ, как талант, данный Богом народу. Самое важное в системе правового государства — личность, ее права и обязанности в контексте глубоко нравственного переворота… «Необходимо, — писал он, — чтобы замолкли инстинкты революционных домогательств, и проснулся дух жертвенной готовности служить общему и целому. Нужно, чтобы все поняли, что не какие-то механические выборы, какие-либо внешние формы власти выведут наш народ из величайшей бездны его падения, а лишь новый поворот общего сознания». Как видим, эти его слова актуальны и для современной России.

О. А. Габриелян,
В. И. Шостка

Лев **ШЕСТОВ**

1866–1938

Лев Шестов родился в Киеве 31 января (12 февраля) 1866 г. Выпускник юридического факультета Киевского университета (1889). Участник религиозно-философских собраний в Петербурге. В 1919 г. — профессор Таврического университета[1]. В 1920 г. эмигрировал за границу, жил в Женеве, с 1921 г. — во Франции. В своих трудах анализировал философские аспекты творчества Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, Д. С. Мережковского, Ф. Сологуба. Умер в Париже 20 ноября 1938 г.



Лев Шестов

У истоков философского образования в Крыму были выдающиеся мыслители, ученые, писатели, общественные деятели, которые работали на разных факультетах Таврического университета в 1918–1921 годах. Среди замечательных имен, с которыми связывают зарождение философии в Таврическом университете и русское культурное возрождение этой короткой эпохи, мы встречаем и имя Льва Шестова, яркого представителя Серебряного века, философа-экзистенциалиста и литератора.

Родился Лев (Иегуда Лейб) 24 января (5 февраля), по другим данным — 31 января (12 февраля) 1866 г. в Киеве в семье крупного коммерсанта Исаака Моисеевича Шварцмана.

1 Подробнее см.: Баранова-Шестова Н. Жизнь Льва Шестова: По переписке и воспоминаниям современников, тт. 1–2. — Париж, 1983; Ена В. Г. Профессора Таврического национального университета им. В. И. Вернадского / Составители: В. Г. Ена, В. В. Бобков, В. К. Федоров. — К.: Либідь, 2007; Шостка В. И. и др. Источник знаний и просвещения. Люди, события, факты. — Симферополь: Петит, 2008; Филимонов С. Б. Из прошлого русской культуры в Крыму: поиски и находки историка — источниковеда. — Симферополь: Н. Оріанда, 2010; Исцеление для неисцелимых: Эпистолярный диалог Льва Шестова и Макса Эйтингона / Сост., подг. текста В. Хазана, Е. Ильиной; вст. ст. и ком. В. Хазана. — М.: Водолей, 2014; Малахиева-Мирович В. Г. Маятник жизни моей: Дневник русской женщины. 1930–1954. — М.: АСТ, 2015.

Семья Шварцманов. Слева направо: Маня, мать Шестова, Лев Шестов, его отец, Александр, Соня, Лиза. [1910?]

В 1884 году Лев поступил на физико-математический факультет Московского университета, затем перешел на юридический факультет, один семестр учился в Берлине, окончил университет уже в Киеве в 1889 г. Диссертация его «О положении рабочего класса в России» была запрещена к печати цензурой. Так и не став доктором юриспруденции, Шестов был записан в сословие адвокатов, хотя и ни разу не выступил на адвокатском поприще.

По окончании университета, в 1890 – 1891 годах, проходил воинскую службу как вольноопределяющийся, затем недолго был помощником присяжного поверенного в Москве. В 1891 году вернулся в Киев, чтобы помочь отцу. Работал на предприятии отца до 1895 года. Опубликовал несколько статей по экономическим и финансовым вопросам. Это был период, когда он всерьез увлекся литературой и философией, период его первых литературных опытов, углубленного изучения В. Шекспира, оказавшего на него большое влияние. В 1893 – 1894 гг., постепенно отходя от марксизма, обращается к вере. В 1895 году он опубликовал в Киеве свои первые статьи по философии и литературоведению — «Вопрос совести (О Владимире Соловьеве)» и «Георг Брандес о Гамлете».

Лев Шестов в армии

Участвуя в торговом деле отца, он заболел острым нервным расстройством, вызванным, вероятно, гнетущей атмосферой предприятия отца и еврейскими погромами в Киеве. Это было время глубочайшего отчаяния Льва Исааковича, его внутренней катастрофы. В 1896 году он отправился за границу для лечения, побывал в Вене, Карлсбаде, Берлине, Мюнхене, Париже. В Париже он познакомился с молоденькой курсисткой — ме-

дичкой Анной Березовской. В феврале 1896 года Лев и православная русская девушка Анна Березовская поженились. Религиозная нетерпимость отца заставила долгие годы хранить этот брак в тайне и препятствовала возвращению семьи Шестова в Россию. В течение 10 лет они жили в разных городах, чтобы скрыть брак от родителей. По русским законам брак этот считался недействительным, а дети, рожденные в нем, — незаконнорожденными. В 1897 году у Шестовых родилась дочь Татьяна, в 1900-м — Наталья. С согласия Льва Исааковича дети были крещены. В 1899 г. вышла из печати его книга «Добро в учении гр. Толстого и Ницше», вызвавшая публичный диспут в Киеве.

В 1901 году Сергей Дягилев предложил Л. Шестову сотрудничество в журнале русских модернистов «Мир искусства». С этого времени начинается сближение Л. Шестова с петербургскими и киевскими литераторами, философами, проповедниками «нового религиозного сознания» — Д. Мережковским, З. Гиппиус, В. Розановым, А. Ремизовым, Н. Бердяевым, С. Булгаковым, Г. Челпановым. Л. Шестов публикует свои статьи в редактируемых ими журналах или сборниках, одна за другой выходят его книги «Достоевский и Ницше (Философия трагедии)» (1903), «Апофеоз беспочвенности (Опыт адогматического мышления)» (1905), «Начала и концы» (1908), «Великие кануны» (1911).

В это первое десятилетие творческой деятельности Шестов занимается как литературной критикой, так и философией. Одна из лучших работ этого периода — статья «Творчество из ничего» (1905), посвященная А. П. Чехову.

В 1913 году он начал работу над новой книгой — «Sola Fide» («Только верою»), однако не успел ее закончить в связи с началом первой мировой войны, вынужден был вернуться в Россию. Начатая им рукопись осталась за границей. Только в 1920 году, уже находясь в эмиграции, Льву Шестову удалось ее получить. Частично главы из этой рукописи и высказанные в ней идеи вошли в некоторые из его книг или были опубликованы отдельно. Полный текст рукописи «Sola Fide» был издан в Париже только в 1966 году.

Летом 1914 года Шестовы возвратились в Россию, в Москву. Когда Шестовы ехали в Россию, они надеялись поселиться там окончательно. Но суждено было им там прожить всего пять с половиной лет — четыре года в Москве (с октября 1914 по июнь 1918), год с лишним в Киеве (с июля 1918 по октябрь 1919) и два месяца в Ялте. Шестов часто выступает в литературных и философских обществах, поддерживает дружбу с Вяч. Ивановым, М. Гершензоном, Н. Бердяевым, С. Булгаковым, сестрами Герцык, Г. Челпановым, Г. Шпетом. Его статьи печатают журналы «Русская Мысль», «Вопросы философии и психо-

логии». В 1915 г. Лев Шестов становится членом Московского психологического общества. Несмотря на название, оно было скорее философским, чем психологическим. В Москве жизнь семьи постепенно налаживалась. В январе 1915 г. Таня и Наташа поступили в гимназию Хвостовой, а в феврале Анна начала работать в клинике.

Февральскую революцию Шестов пережил в Москве. В энтузиазме первых дней казалось, что революция до конца останется «великой и бескровной», как ее в то время называли.

Приход к власти большевиков в Москве 2 (15) ноября, после пяти дней боев, Шестовы пережили, находясь в городе. Там же, в Москве, прожили они трудную зиму 1917 – 1918 годов. Октябрьскую революцию Шестов не принял и не понял.

После гибели на фронте единственного сына в июне 1918 года, в начале июля Шестовы покинули Москву, где жизнь становилась все труднее и труднее, и поехали в Киев.

В Киеве он читает курс «История древней философии» в Народном университете, а также выступает с докладами и публичными лекциями. В июне 1919 г. Л. Шестов становится приват-доцентом философского отделения историко-филологического факультета Киевского университета. В 1918 – 1919 гг. он читал курс «История греческой философии». В январе 1919 г. Шестов окончил книгу «Власть ключей», куда вошли работы, опубликованные в 1916, 1917 и 1918 годах, и две большие работы, написанные, вероятно, в Киеве в 1918 и в январе 1919 года.

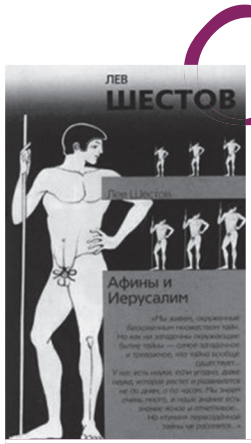
В конце августа 1919 года белая армия опять заняла Киев. В начале осени Шестовы начали готовиться к отъезду за границу. Выехать в то время из России было нелегко.

В середине октября Шестовы уехали из Киева в Ялту через Харьков, Ростов и Новороссийск. Хотя вещей взять с собой в дорогу можно было очень мало, всё же Шестов повез с собой чемодан с рукописями «Власти ключей» и «Дневника мыслей», рабочую тетрадь с набросками, вошедшими в «Тысячу и одну ночь», и содержавшую кроме этого много других неизданных набросков. После трудного путешествия они приехали в Ялту 9 (22) ноября. Там они начали хлопотать о выезде за границу.

О поездке из Киева в Ялту и о своих размышлениях в это время Шестов писал в «Дневнике мыслей»: «Месяц не писал: ехал в Крым. Теплушки, валянье на полу в Харькове, потом в Ростове, потом на пароходе, потом в Ялте. Сейчас есть комната, есть кровать. Но по-прежнему — принадлежишь не себе, а мелким заботам о насущном хлебе для сегодняшнего дня. «Мыслей» нет, и пропадает вера в мысль. Ничего угадать нельзя, ничего предсказать нельзя. И все кажется таким нелепым, бессмыс-

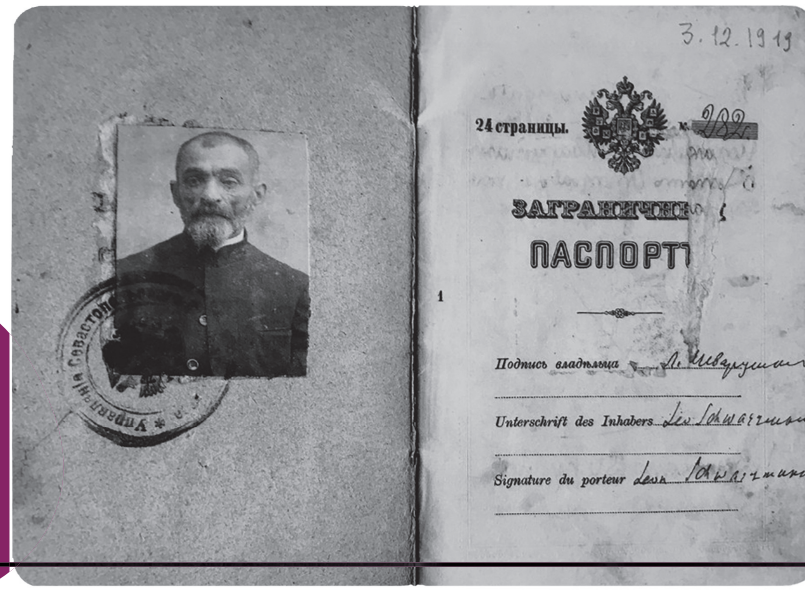
ленным. Кругом замученные люди, раздавленные, никчемные. Спроса нет ни на что, кроме крова, пищи, тепла…»

Будучи в Ялте, Шестов хлопотал о получении кафедры в Таврическом университете на случай, если не удастся выехать из России. По ходатайству С. Булгакова и профессора Киевской духовной академии И. Четверикова, а также благодаря широкой известности своих трудов Л. Шестов был зачислен приват-доцентом Таврического университета. Профессор Иван Пименович Четвериков писал ему в Ялту: «До меня дошли сведения о Вашем желании выставить свою кандидатуру в приват-доценты нашего университета. Если это верно, то я и Сергей Николаевич Булгаков с большим удовольствием сделаем представление о Вас; но для «вчинения» дела необходимо: 1. Знать, действительно ли Вы хотите выставить свою кандидатуру; 2. Иметь Ваше curriculum vitae… С. Н. (Булгаков) читает на юридическом факультете, так что всю философию представляю я один. Вы могли бы рассчитывать на получение обязательного курса, например, по истории новой философии. А получение обязательного курса влечет за собой оплату лекционных часов (не помню размеры оплаты), оплату комнаты и 30 пудов дров в месяц. Комнаты трудно находить, но находят… Всё это — при условии, конечно, если не удастся Ваш отъезд за границу. В Симферополе остановитесь, конечно, у меня… Вчера в заседании факультета был заслушан отзыв о Ваших работах и сделано постановление о допущении Вас к пробной лекции, после которой должны состояться выборы. Пробная лекция, выборы (только в факультете) и представление на утверждение управляющему министерством — простые формальности, требуемые уставом университетов. Можно сказать, что Вы уже состоите в корпорации нашего университета, и со следующего семестра могли бы начать курс лекций».



Сохранилось письмо Таврического университета от 19.12.1919 (1.01.1920), где указано: «Историко-филологический факультет в заседании 13-го декабря признал возможным допустить Вас к чтению лекций в качестве приват-доцента на основании… известности, приобретенной научными трудами». Однако разработанного курса лекций на историко-филологическом факультете Л. Шестов так и не прочитал, кроме нескольких пробных лекций. Он несколько раз выступил с докладами и принимал участие в дискуссиях Ялтинского и Симферопольского религиозно-философских обществ. Звание «приват-доцента Таврического университета» помогло Л. Шестову позже в его назначении в 1921 г. профессором Русского факультета, основанного в то время при Парижском Университете.

В январе 1920 г. вместе с семьей Л. И. Шестов отбыл из Севастополя в Константинополь на пароходе «Duguay Trouin», бла-



Заграничный паспорт, полученный Л. Шестовым в Севастополе 3.12.1919 г.

годаря визам, которые им послали родные, жившие в Париже, а уже оттуда в феврале 1920 г. через Геную — в Женеву. В 1920 году во французском журнале «Меркур де франс» он опубликовал статью «Что такое русский большевизм?»

В 1921 г. он переехал в Париж и получил должность профессора на Русском отделении Парижского университета (Сорбонны). Парижский период — самый продуктивный в творческой судьбе Льва Шестова. Репутация его в среде французских интеллектуалов была очень высока. С июня 1921 года Шестов стал членом Русской академической группы. Он являлся членом президиума Ницшевского общества, членом Кантовского общества. Он много и интенсивно работал, вел курс в Сорбонне по русской религиозной философии, выступал с докладами и лекциями, опубликовал целый ряд статей в крупнейших французских журналах, принимал участие в изданиях и переводах своих книг. В эти годы он познакомился с выдающимися учеными и мыслителями того времени — Т. Манном, А. Жидом, М. Бубером, А. Эйнштейном, Э. Гуссерлем, М. Хайдеггером, Л. Леви-Брюлем, М. Шелером, А. Мальро. Он разработал и читал курс лекций, посвященных философским идеям Федора Достоевского, Блеза Паскаля, Сирена Кьеркегора (Киргегарда), Владимира Соловьева и других.

В 1923 г. в Берлине в издательстве «Скифы» вышла его книга «Potestas Clavium» («Власть ключей»), привлекшая внимание С. Н. Булгакова. И хотя главное в его работах — фундаментальная философская проблематика, Л. Шестов оставался и в них верен темам, избранным в начале его литературного пути.

Книга «На весах Иова» (1929) не столько дает ответы, сколько поясняет «исповедание веры» современного Иова, так и не примирившегося с утешениями и обещаниями жрецов Разума, Морали и Прогресса.

Знакомство Л. И. Шестова с основателем феноменологии немецким философом Эдмундом Гуссерлем в 1929 году оказало большое влияние на его философские взгляды. В том же году он встретился с одним из наиболее известных немецких экзистенциалистов Мартином Хайдеггером, с которым, как и с Гуссерлем, подружился.

В 1932 году в парижском издательстве «ИМКА-Пресс» был напечатан сборник его статей «Скованный Парменид». Проблемам истории духовности посвящена книга Л. Шестова «Афины и Иерусалим», изданная в 1938 г. на французском и немецком языках. На русском языке ее издали только в 1951 г.

20 ноября 1938 г. Лев Исаакович скончался в Париже от бронхита и открывшегося туберкулеза. Похоронен на Новом кладбище в Булони.

В своей философии, насыщенной парадоксами и афоризмами, он восстал против общезначимых истин и гнета общеобязательных нравственных норм над суверенной личностью. Традиционной философии противопоставил «философию трагедии», в центре которой — абсурдность человеческого существования, а философскому умозрению — откровение, которое даруется всемогущим Богом.

Д. Е. Муза,
А. П. Цветков

Сергей **БУЛГАКОВ**

1871–1944

Сергей Николаевич Булгаков — выдающийся русский философ, экономист и общественный деятель, один из самых ярких представителей Серебряного века русской культуры (религиозно-философского Ренессанса конца XIX – первой четверти XX века) родился в 1871 году в городе Ливны Орловской губернии в семье потомственного священника. Следуя традиции, окончил Ливенское духовное училище, поступил в Орловскую духовную семинарию. Но в 14-летнем возрасте, потеряв веру, перешёл из семинарии в Елецкую гимназию, а в 1890 году поступил на юридический факультет Московского университета.

Специализируясь в области политической экономии, Булгаков становится теоретиком «легального марксизма». Но в начале XX века он отходит от марксизма и через философский идеализм возвращается в Церковь. С 1895 года молодой ученый преподает политэкономию в вузах Москвы, с 1901-го — Киева (Политехнический институт), с 1906-го — снова Москвы. В 1907 году Булгаков от партии кадетов становится членом 2-й Государственной Думы, в том же году разогнанной царским правительством. Когда в августе 1917 года в Москве открылся Всероссийский Поместный Собор Русской Православной Церкви, Булгаков был избран членом Собора от мирян Таврической епархии и по поручению избранного на Соборе Патриарха Булгаков написал «Послание Святейшего Патриарха Тихона о вступлении на Патриарший Престол», датированное 18 декабря 1917 года.

В этот момент, отягощённый началом чудовищных гонений на Церковь, Булгаков принимает сознательное и смелое решение стать священником. Получив благословение Патриарха Тихона, в июне 1918 года Булгаков был рукоположен во священни-

ки. Тогда же, в условиях Гражданской войны, семья Булгакова окончательно обосновалась в Крыму, который и стал последним местом его пребывания на Родине. В «Автобиографических заметках», в разделе «Моя Родина» (запись от 10.VII.1939), он сказал: «Родина — святыня для всякого и, как таковая, она всегда дорога и прекрасна. И моя родина есть прекрасный дар Божий, благословение и напутствие на всю жизнь… Но изломанными и таинственными путями Бог дал мне и вторую родину — Крым, но это не вторая, а тоже единственная, но которая явилась мне в другом образе славы…».

С Крымом С. Н. Булгакова связывают драматичные годы внутренней эмиграции (с 1918 по 1922 г.), желание жить и работать в идеологически и ценностно приемлемых условиях «белого Крыма», или же в некоторой духовной автономии в первые годы Советской власти. Напряжённый драматизм этого периода отражен в диалоге «На пиру богов» (1918), предназначенном для сборника «Из глубины», куда вошли статьи и других участников сборника «Вехи». Булгаков рисует безрадостную картину: «Все инородцы имеют национальное самосознание. Они самоопределяются, добывают себе автономии, нередко выдумывают себя во имя самостийности, только за себя всегда крепко стоят. А у нас нет ничего: ни родины, ни патриотизма, ни чувства самосохранения даже… Выходит, что Россия сразу куда-то ушла, скрылась в четвертое измерение и остались одни провинциальные народности, а русский народ представляет лишь питательную массу для разных паразитов»[1]. Деятельность С. Н. Булгакова на Крымском полуострове была чрезвычайно интересной, напряженной, насыщенной священническим служением, преподавательской работой, философско-богословскими исканиями, отмечена общественной и публицистической активностью. Здесь с осени 1918 года С. Н. Булгаков был профессором Таврического университета: руководил кафедрой истории экономических и социальных учений, преподавал политическую экономию; читал лекции по кафедре богословия. Работал преподавателем Симферопольской духовной семинарии. Кроме того, был активным членом Таврической ученой архивной комиссии, а также Религиозно-философских обществ в Симферополе и Ялте, Общества философии, истории и социологии при Таврическом университете. Выступал с докладами «Кризис русского самосознания (Родина или интернационал?)», «Духовные корни большевизма», «Памяти В. В. Розанова», «О церковном богослужении», «О святых мощах (по поводу их поругания)», «Трое (о единой России)» и другими. В Крыму Булгаков встречался и имел беседы с рядом выдающихся деятелей науки и культуры — Николаем Бердяевым, Максимилианом Волоши-

Сергей Булгаков

1 Булгаков С. Н. Соч., — М., 1993, т.2, с. 590.

В молодости

ным и другими. Интересно, что 1(14) октября 1919 года в однодневной газете Таврического университета «Vivat Academia!», посвященной первой годовщине университета, была напечатана статья Булгакова «Религия и наука». А 12 – 14 сентября 1920 года, в целях поднятия в Крыму религиозно-нравственного чувства, Временное Высшее Церковное Управление (ВВЦУ) на Юго-Востоке России провело так называемые «Дни покаяния». Булгаков от имени ВВЦУ подготовил текст специального послания к населению, где среди многочисленных грехов россиян поминалось и убийство царской семьи с невинными детьми. В Крыму С. Н. Булгаков служил в церквах Кореиза, Симферополя, Гаспры и Ялты. С сентября 1921 года служил 2-м священником в ялтинском Александро-Невском соборе. С приходом в Крым в ноябре 1920 года большевиков Булгаков был уволен из университета, а в октябре 1922 года был арестован, препровожден в Симферополь и допрошен. В декабре, в соответствии с предписанием московских властей, выслан за границу «бессрочно» — вместе с семьей был отправлен из Севастополя в Константинополь на пароходе «Janne» 14 (27) декабря 1922 года. В 1996 (!) году Прокуратурой Автономной республики Крым он был реабилитирован. К счастью, С. Н. Булгаков был востребован и в эмиграции. В 1923 – 1925 годах он — профессор церковного права и богословия на юридическом факультете Русского научного института в Праге, основанного при поддержке президента Чехии Томаша Масарика, известного знатока русской философии. Позже он — профессор богословия и декан Православного богословского института в Париже.

Если говорить о теоретических трудах философа, то крымский период можно расценивать как своеобразный апогей его творческой деятельности. Причем такой, который качественно отличается от предыдущего — социально-экономического периода (1898 – 1912 гг.) и периода сугубо богословского (1923 – 1944 гг.).Именно здесь, на Крымском полуострове, им были подведены своеобразные итоги прежних мировоззренческих поисков, наиболее последовательно и четко выраженных в сборнике, посвященном природе общественных идеалов — «Два града» (1911 г.), в докторской диссертации «Философия хозяйства» (1912 г.) и в «духовной автобиографии» — «Свете невечернем» (1917 г.) и «Тихих думах» (1918 г.). В качестве такого творческого итога можно рассматривать две фундаментальные философские работы — «Трагедия философии» и «Философия имени», а также несколько обстоятельных докладов, лекций и статей. Среди них в первую очередь нужно назвать статью «На пиру богов», доклады «Наука и религия» и «Памяти князя Евгения Николаевича Трубецкого», а также лекцию «Родина или интернационал?».

Говоря о крымском периоде, следует подчеркнуть, что последний, по большому счету, начался гораздо ранее: после женитьбы Сергея Николаевича Булгакова на Елене Ивановне Токмаковой (1868 – 1945), которая состоялась 14 января 1898 года, их молодая семья практически каждое лето проводила в Крыму, останавливаясь в Кореизе. Тогда произошло знакомство со Львом Толстым. С Кореизом семью Булгаковых также связывает и семейная трагедия — смерть сына Ивана, произошедшая 27 августа 1909 года.

Какова же была общая мировоззренческая позиция философа крымского периода его жизни? Разумеется, здесь нужна путеводная нить, способная привести не только к воссозданию облика мыслителя, но также и к мотивированной историко-философской реконструкции. Она должна вывести на проблематику, всегда его «сверлившую». В этом отношении сентенция Г. Д. Гачева, думается, может сослужить хорошую службу: «Философия Булгакова — это миросозерцание русского мужика-земледельца, поднятое до самых интеллектуальных высей…»[2]. И добавим — не только интеллектуальных, но прежде всего духовных. Об этом свидетельствует «Дневник духовный» отца Сергия, особенно запись в нем 17/30.VIII. 1924 года: «Над тобою бдит ангел, охранитель душ и телес наших, все святые, Матерь Божия, а ты бди только и храни сердце твое, его отдай и принеси Богу, его наполни елеем любви и радования»[3].

Итак, попытаемся, ухватившись за эту нить, пройти вместе с С. Н. Булгаковым к высотам его созерцающего духа, который направлен и на Бога, и на мир Божий, и на Софию как центральную категорию его мысле- и жизнетворчества. В заметке: «Мое безбожие» он так описал собственный лик: «Я родился и вырос под кровом церковным, и это навсегда определило мою природу»[4]. И, несмотря на потерю веры в Бога молодым человеком, в полной мере вкусившим «яд интеллигентщины», мыслителя всегда сопровождало «бессознательное религиозное вдохновение». Речь идет о событиях, связанных с Богородичными праздниками (накануне или после которых у Булгакова бывали всевозможные неприятности, вплоть до ареста, но Матерь Божия всегда вступалась за него), о видении «Белого царя» на набережной Ялты[5], о видении потустороннего мира при погребении

2 Гачев. Г. Д. Русская дума. Портреты русских мыслителей. — М.: Новости, 1991. С. 277.

3 Протоиерей Сергий Булгаков. Дневник духовный. — М.: Общедоступный православный университет, основанный протоиереем Александром Менем, 2003. — С. 33.

4 Булгаков С. Н. Мое безбожие // Булгаков С. Н. Тихие думы. — М.: Республика, 1996. — с. 319.

5 Легшее в основу статьи «Родине».

сына Ивашечки, о «муке духовного рождения» перед принятием священнического сана. Но самое, пожалуй, важное — это переживание от увиденного в Дрезденской картинной галерее.

Последнее впечатление нуждается в иллюстрации: «И вдруг нежданная, чудесная встреча: Сикстинская Богоматерь в Дрездене, Сама Ты коснулась моего сердца, и затрепетало оно от Твоего зова… И там мне глянули в душу Очи Царицы Небесной, грядущей на облаках с Предвечным Младенцем. В них была безмерная *сила чистоты* и *прозорливой жертвенности*, знание страдания и готовность на вольные страдания, и та же, вещая жертвенность виделась в недетски мудрых очах Младенца…» И далее: «Я не помнил себя, голова у меня кружилась, из глаз текли радостные и вместе с тем горькие слезы, а с ними на сердце таял лед, и разрешался какой-то жизненный узел. Это не было эстетическое волнение, нет, то была *встреча*, новое знание, *чудо*… Я (тогда марксист!) невольно называл это созерцание *молитвой* и всякое утро, стремясь попасть в Zwinger, пока никого там еще не было, бежал туда, перед лицо Мадонны, «молиться», и плакать, и немного найдется в жизни мгновений, которые были бы блаженнее этих слез»[6]. (*курсив — С. Б.*). Думается, что именно Богородичный образ и соответствующий ему мотив как раз и стали доминирующими в миросозерцании русского философа. Следует подчеркнуть, что этот мотив подкреплен доводом о важной роли религиозного чувства в бытии всякого человека и культуры. Поэтому, собственно, религия и личный опыт трактуются им как постижение и переживание трансцендентных сфер, которые, по сути, служат главным источником всякого творчества. После этих замечаний нужно обратиться к его софиологическому учению. В книге «Свет невечерний» философ определял Софию через космологический аспект, однако он связан с «вечной женственностью»: «В женственности — Тайна мира… Ангелом твари и началом путей Божиих является св. София. Она есть любовь Любви. Божественное триединство, Бог — Любовь, в Своем замкнутом, самодовлеющем, вечном акте Божественной, субстанциональной Любви внеполагает (в смысле метафизической внеположенности) предмет этой Божественной любви, любит его и тем изливает на него животворящую силу триипостасной Любви. Конечно, этот предмет любви не есть только абстрактная идея или мертвое зеркало, им может быть лишь живое существо, имеющее лицо, ипостась. И эта любовь есть София, вечный предмет Любви Божией, „услаждения“, „радости“, „игры“»[7].

6 Булгаков С. Н. Свет невечерний. Созерцания и умозрения. — М.: Республика, 1994. — с. 14.

7 Булгаков С. Н. Свет невечерний. Созерцания и умозрения. — М.: Республика, 1994. — с.186–187.

Нужно отметить, что данный мотив восходит к Вл. Соловьеву[8], но Булгаков идет дальше по пути конкретизации Софии как «мостика между небом и землей, движение по которому осуществляется в обоих направлениях», признавая вместе с этим и в правоту соловьевской художественной интуиции о «Вечной женственности»:

О лучезарная! тобой я не обманут:
Я всю тебя в пустыне увидал…
В моей душе те розы не завянут,
Куда бы ни умчал житейский вал.
Один лишь миг! Видение сокрылось —
И солнца шар всходил на небосклон.
В пустыне тишина. Душа молилась,
И не смолкал в ней благовестный звон.
Ещё невольник суетному миру,
Под грубою корою вещества
Так я прозрел нетленную порфиру
И ощутил сиянье Божества.

Для русского мыслителя важен сам факт «неустранимости» софиологической проблемы как исконно-христианской проблемы из структуры современного богословия[9]. И в этом вопросе Булгаков прав, поскольку в творчестве таких крупных богословов, как П. Тиллих и П. Тейяр де Шарден также встречается «широкий взгляд на реальность и историю»[10]. Для о. Сергия Булгакова очевидно, что лестница между небесами и землей не просто существует[11], но существует в виде Богочеловечества, конкретизируемого им посредством Премудрости Бо-

8 Напр., софиологическая тема заявлена В. С. Соловьевым в неоконченной работе «София», в поэме «Три свидания». Далее она развита, хотя и несколько в модифицированном виде, в «Философских началах цельного знания», «Чтениях о богочеловечестве» и «Смысле любви»

9 См. Протоиерей Сергий Булгаков. Еще к вопросу о Софии, Премудрости Божией // Протоиерей Сергий Булгаков. Путь Парижского богословия. — М.: Издательство храма святой мученицы Татианы, 2007 — С.468–469.

10 Жак Л. Актуальность богословия С. Булгакова в диалоге с Западом // Православное богословие и Запад в XX веке: История встречи. Материалы международной конференции Синодальной Богословской комиссии Русской Православной Церкви и итальянского Фонда «Христианская Россия» (Италия, 2004) — М.: Христианская Россия, 2006. — С.129.

11 По ходу нужно заметить, что Булгаков тем самым указывает на несостоятельность «двух крайних полюсов» в христианском мироощущении — «мироотрицающем манихействе» и пантеизме. В первом случае между небом и миром постулируется непреодолимая пропасть, которая не подразумевает соединяющего их воедино «Богочеловечества». Во втором — мир принимается таковым, как он есть в своей фактичности, где дифференциация горнего и дольнего представляется излишней.

жией, или Софии. Кроме того, в софиологическом фокусе булгаковских построений чрезвычайно важен мотив мудрости, который весьма характерен для русской религиозно-философской мысли[12]. Для Булгакова эта грань оказалась весьма важной, свидетельством чему служила разработка Ветхозаветного учения о Премудрости Божией[13], а также специальное исследование, посвященное истолкованию представлений о Премудрости Божией у св. Афанасия Александрийского[14].

Первая работа из написанных в крымский период — «Трагедия философии», может рассматриваться как одна из центральных. Суть обсуждаемой проблемы — это чрезвычайно напряженные отношения философии и религии. В самой ее постановке уже содержится актуальная задача: рассмотреть «догмат христианский как не только критерий, но и меру истинности философских построений», а значит, и совершить «имманентный суд над философией»[15] (!). Такой взгляд, между тем, позволяет увидеть то, чего нет в стандартных курсах истории философии (например, Г. Ф. В. Гегеля, К. Фишера, В. Виндельбанда), где она предстает или как история мнений, или как история идей, или как история духа. У Булгакова же речь идет о том, что история философии есть не что иное, как последовательно совершающаяся трагедия. В частности, она есть «повесть о повторяющихся падениях Икара и о новых его взлетах»[16]. Однако для такого суждения должно быть прочное основание. Его экспликация выглядит достаточно неожиданно: сами взлеты философской мысли, — будь то идеалистические системы, панлогистические системы или системы реалистические, — они во многом (если не во всём) выступают в виде ереси или сознательной и заведомой односторонности по отношению к тройственной структуре самоопределяющейся мысли, точнее — к триединой структуре человеческого духа. И вполне логично, что человеческий дух трактуется философом как «живое свидетельство о Св. Троице»[17]. Рассматривая эту тройственную структуру самоопределения мысли: < 1) ипостась или личность; 2) идея

12 Напр.: Лазарев Ф. В., Трифонова М. К. Оправдание мудрости: монография. — Симферополь: Синтагма, 2011. — С. 93 – 98.

13 Прот. Сергий Булгаков. Ветхозаветное учение о Премудрости Божией // Прот. Сергий Булгаков. Купина неопалимая. — Париж: б.и., 1926. — С. 234 – 260.

14 Прот. Сергий Булгаков. Учение о Премудрости Божией у Св. Афанасия Александрийского // Прот. Сергий Булгаков. Купина неопалимая. — Париж: б.и., 1926. С. 261 – 288.

15 Булгаков С. Н. Трагедия философии // Булгаков С. Н. Сочинения в двух томах. — М.: Наука, 1993. — Т.1. Философия хозяйства. Трагедия Философии. — С. 311.

16 Там же, с. 314.

17 Там же, с. 390.

ее или идеальный образ, логос, смысл; 3) субстанциональное бытие как единство всех моментов или положения бытия, как реализующееся всё> или в терминах логико-грамматических <подлежащее, сказуемое и связка>, — Булгаков находит, что различные философы выделяли и абсолютизировали, как правило, одну из сторон общего в ущерб остальным. Так, например, было в случае со Спинозой, выстроившим представление о субстанциональной связке всего, включая человека как модуса[18], было с Кантом, ставшим на путь философии как сказуемости[19]; так было с Шопенгауэром, сделавшим ставку на подлежащем, а именно «противосмысленном учении о первоосновной воле»[20]; так было с Гегелем — «радикальным панлогистом», этим творцом «чистой сказуемости». Но все эти взгляды заметно проигрывают иному образу философии, который реализуется посредством идеи «триединой природы человеческого духа», живущей ничем иным, как «свидетельством о Св. Троице»[21]. Естественно, такой ход мысли приводит к необходимости продуцирования соответствующей антропологии, которая призывает понимать человеческое «я» как триединство. Для этого Булгаков использует категорию соборности, которая вообще объясняет наличие подлинной первоосновы бытия человека (подлежащее), равно как и все реальные и потенциальные формы (сказуемое), включая любовь как связку (!). Но последняя реализуется в церкви, поскольку «кто воистину в церкви, имеет в себе всех, сам есть вся церковь, но обладаем всеми»[22]. То есть перед нами модель многоипостасного человеческого духа. Однако сам диалог Бога с человеком, как диалог личностей, осуществим в слове. В слове как таинстве, поскольку «Вначале было Слово». Именно поэтому им и была написана «Философия имени».

Для отца Сергия именование — это онтологический акт, поскольку «язык дан человеку потому, что в нем и через него говорит вся вселенная, он есть логос вселенной, и всякое слово не есть только слово данного субъекта о чем-то, но и слово самого чего-то»[23]. Такое расширительное толкование слова имеет логичное продолжение: «Слова-идеи суть голоса мира, звучание вселенной, ее идеация»[24]. Но именно человеку в этой

18 Булгаков С. Н. Трагедия философии // Булгаков С. Н. Сочинения в двух томах. М.: Наука, 1993. — Т. 1. Философия хозяйства. Трагедия Философии. — С. 372–274.

19 Там же, с. 335 и сл.

20 Там же, с. 348.

21 Там же, с. 390.

22 Там же, с. 411.

23 Булгаков С. Н. Философия имени. — СПб.: Наука, 1998. — С. 36.

24 Там же.

конструкции отведена особая функция: всякий аспект бытия, каждая вещь через человеческую личность, наделенную космическими словоформами, имеет возможность «ожить», став собой, получить «голос», «зазвучать» … При этом тема Софии здесь продолжает свое развитие: поскольку София — суть вместилище идей, благодаря которым вещи «творятся» в актах именования, то она ответственна за всю энергию творения. Это положение можно свести к лапидарной формуле: «София есть Имя имен, всеимя всечеловека»[25]. Иначе говоря, решая задачу по переводу идей в имена, а затем оформляя с их помощью материю, София, подчиняясь Божественному Логосу-Христу, привлекает для этого «софийного универсального человека Адама-Кадмона»[26]. Ему, этой универсальной личности, этому «многоименному умопостигаемому человеку» и поручено свыше стать: а) законодателем имен природных вещей; б) основой исторического человечества. Тем самым человек подтверждает и оправдывает свой софийный статус. Вообще такой личностный поворот булгаковской мысли связан с желанием обнаружения устойчивого в человеке (имена человеческие написаны на небесах), которое опять упирается в Софию. Такая общая, хотя и весьма вариативная редакция проблемы Софии не отменяет, а скорее предполагает и не менее значимую тему — тему России, причем взятую в ракурсе «Россия — удел пресвятой Богородицы». Сама эта софиологическая проекция на исторический процесс и, тем самым, определение места и роли в нем России, имеет два измерения: позитивное и негативное. Если говорить о позитивном восприятии России, то нужно вспомнить признание о. Сергия Булгакова, сделанное им в конце 30-х – начале 40-х[27]. Он касается судьбоносного для всякого русского человека понятия Родины[28]. В своей автобиографической заметке «Моя Родина» он писал: «Родина — святыня для всякого и, как таковая, она всегда дорога и прекрасна. И моя родина есть прекрасный дар Божий, благословление и напутствие на всю жизнь. И вот бреду я эту долгую жизнь, и внемлю завещанию, и всё яснее раскрывается она мне, как первозданная улыбка Софии Божественной, которой она позвала, приласкав меня, как младенца, и тихим, тихим шепотом сказала мне свое имя… И теперь, на пороге иной и новой жизни, я возвращаюсь сердцем на эту мою родину и узнаю ее Имя»[29].

25 Там же, с. 261

26 Булгаков С. Н. Философия имени. — СПб: Наука, 1998. — С. 256.

27 Времени тяжелой, смертельной болезни.

28 См., напр., мою работу: Муза Д. Е. В поисках духовной Родины. Проблема культурной идентичности в русской религиозно-философской мысли XIX–XX вв. Монография. — Донецк: Лебедь, 2005.

29 Булгаков С. Н. Моя родина // Булгаков С. Н. Тихие думы. — М.: Республи-

Протоиерей Сергий Булгаков среди преподавателей и студентов Свято-Сергиевского Богословского Института. Париж

Понятно, что в промежутке между жизнью на родине, включая благословенный Крым, и эмиграцией нужно искать и другой образ России. Он вычитывается в ряде работ, и в чем-то напоминает «Апокалипсис нашего времени» В. В. Розанова, «Падение священного русского царства» Н. А. Бердяева и «Крушение России» И. А. Ильина. И тут показательно одно из его размышлений о России: «Россия, как ты погибла? Что с тобой? Никогда не было загадки загадочнее, непонятнее. Загадку эту дал Бог, а разгадывает дьявол, обрадовавшийся временной и кажущейся власти. „О недостойная избрания, ты избрана“» (так пели славянофилы), а теперь приходится говорить: ты отвергнута, проклята, но ведь Бог никогда не отвергает и не проклинает, почему же Россия отвергнута? Раньше я всё понимал и толковал, а теперь этой судьбы России я не понимаю и не берусь истолковывать, Богу я верю, потому что верю в Бога, значит, верю, что произошедшее с Россией нужно, совершилось не только по грехам нашим, но и да явятся дела Божии…[30] И далее — сугубо личное признание, вполне характеризующее личность православного мыслителя и патриота: «Я не хочу быть неблагодарным, свиньей, эгоистом (хочу и нахожу, что раз мне дана жизнь, я могу радоваться этой жизни), я не дам пинка копытом

ка, 1996. — С.318. Примечательно также, что в своем завещании он просил о следующем: «У меня нет никакого пожелания относительно места погребения, после изгнания из родины, где я преждевременно избрал себе место около могилы сына на Кореизском кладбище… Однако я прошу положить мне в гроб горсть родной земли, зашитой в ладанку и взятой с могилы моего сына, соединив ее с горстью земли из Гефсимании, заключенной в мешочке под моими иконами…» — Булгаков С. Н. О моих похоронах // Булгаков С. Н. Тихие думы. — М.: Республика, 1996 — С. 419.

30 Булгаков С. Н. Из «Дневника» (запись 18 (31) декабря 1922 года // Булгаков С. Н. Тихие думы. — М.: Республика, 1996 — С. 352.

несчастной родине, но я не буду ни лгать, ни сентиментальничать у одра гноящегося Иова, да не возгремит с неба Вышний на горе[31]. Как известно, «И благословил Бог последние дни Иова более, нежели прежние… (Иов 41:12), проведя его через испытания. То же, по мнению мыслителя, ожидает и Россию.

И последнее. Понятно, что для софиологического дискурса С. Н. Булгакова, его философско-богословских исканий и окончательного синтеза нужна и важна некоторая общая установка, которая отражает как его собственные, так и объективные процессы. В своей работе «Православие» (1964) отец Сергий писал: «Православие имеет видение *умной красоты*, к которой душа ищет путей приближения. Это есть небесное царство идей, которое в язычестве созерцал еще Платон, — образы ангельского мира, духовное „небо“ (Быт. 1,1), которое смотрится в земные воды. Это есть идеал не только религиозно-эстетический, который лежит уже по ту сторону добра и зла в их разделении. Это есть свет, который светит на пути земных странников. Он зовет за пределы теперешней жизни к её преображению»[32]. Собственно, отец Сергий Булгаков и был носителем живой православной традиции, всегда искал умную (софийную) красоту, ей служил и ее исповедовал, странствовал, водимый неземным светом, и по мере своих сил способствовал преображению земного бытия.

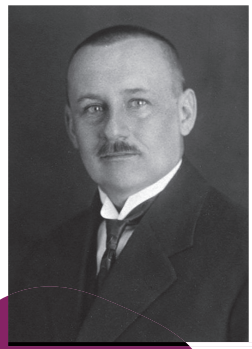
31 Там же.

32 Булгаков С.Н. Православие: Очерки учения православной церкви. — М.: Тера, 1991. — С.323.

С. Б. Филимонов

Георгий **ВЕРНАДСКИЙ**

1887–1973



Георгий Вернадский

Выдающийся русский историк, культуролог, один из теоретиков евразийства, деятель культуры русского зарубежья Георгий Владимирович Вернадский родился 20 августа (1 сентября) 1887 г. в Петербурге в семье ученого-энциклопедиста В. И. Вернадского. В 1910 г. Вернадский с отличием окончил историко-филологический факультет Московского университета. Свою магистерскую диссертацию «Русское масонство в царствование Екатерины II», выполненную под руководством профессора С. Ф. Платонова, Вернадский успел защитить в Петербургском университете 22 октября 1917 г., за 3 дня до большевистского переворота и, таким образом, формально может считаться последним видным представителем дореволюционной русской исторической науки[1].

С сентября 1917 г. Вернадский — приват-доцент, с января 1918 г. — профессор кафедры русской истории историко-филологического факультета Пермского университета (читал курс русской истории нового времени). Был избран членом Совета Общества исторических, философских и социальных знаний при Пермском университете, а также товарищем (заместителем) председателя Пермской ученой архивной комиссии.

В 1918 г., спасаясь от захвативших Пермь большевиков, Г. В. Вернадский вместе с профессором Б. Д. Грековым осенью того же года очутились в Симферополе. Здесь Вернадский становится профессором кафедры русской истории историко-филологи-

1 Подробнее о крымском периоде биографии Г. В. Вернадского см.: Филимонов С. Б. Отец и сын Вернадские [в Крыму] // Филимонов С. Б. Из прошлого русской культуры в Крыму: поиски и находки историка-источниковеда. Симферополь, 2010. С. 157–199; Филимонов С. Б. Научные общества при Таврическом университете // Там же. — С. 94–100.

Слева направо: Георгий Вернадский, дядя — Павел Егорович Старицкий, мать — Наталья Егоровна, сестра Ниночка, отец Владимир Иванович Вернадский. 1908 г. В Полтаве.

ческого факультета Таврического университета, членом-учредителем и председателем Общества философских, исторических и социальных знаний при Таврическом университете, товарищем (заместителем) председателя симферопольского Религиозно-философского общества, членом Таврической ученой архивной комиссии (ТУАК) и заведующим ее архивом, научным сотрудником учрежденного 22 мая 1919 г. Крымского Центрального архива.

Непосредственный вклад Г. В. Вернадского в развитие архивного дела в Крыму состоял в следующем. Им были куплены на личные средства и тем спасены для науки продававшиеся на симферопольском базаре по 2 рубля за фунт в качестве оберточной бумаги документы симферопольского полицейского архива. Им были разобраны, систематизированы и научно описаны вывезенные из имения Тавель материалы большого и чрезвычайно ценного архива В. С. Попова, правителя дел канцелярии князя Г. А. Потемкина. Летом 1920 г. Вернадский должен был принять участие в разборе архивов удельных имений (т.е. имений, принадлежавших членам царской фамилии) на Южном берегу Крыма, но обстоятельства Гражданской войны помешали ему выполнить это поручение ТУАК.

В Крыму Г. В. Вернадский вел интенсивную научную работу. В 1-й книге «Известий Таврического университета» (1919) была напечатана его статья «Скрытый источник конституции Н. М. Муравьева».

На заседаниях ТУАК в 1919 – 1920 гг. он выступал с научными докладами, большинство из которых тогда же были напечата-

ны на страницах «Известий» ТУАК: «К истории колонизации Азовского побережья», «А. С. Лаппо-Данилевский как историк России XVIII века», «Письма М. А. Гарновского кн. Г. А. Потемкину-Таврическому», «Стихи кн. Потемкина-Таврического на основание Екатеринослава», «Записки о необходимости присоединения Крыма к России», «Об историко-философских воззрениях С. Ф. Платонова», «А. С. Пушкин как историк».

На страницах симферопольской газеты «Таврический голос» за 1919 – 1920 гг. удалось выявить следующие остававшиеся неизвестными (они не значатся в изданном в 1975 г. в Нью-Йорке списке печатных трудов Г. В. Вернадского) его статьи: «Академик А. С. Лаппо-Данилевский», «Памяти С. Ф. Платонова» (статья эта была вызвана поступившей в Крым из Петрограда вестью о кончине академика С. Ф. Платонова, оказавшейся ложной; Платонов умер в ссылке в Самаре в 1933 г.), «Столетие военных поселений», «Дар Екатерины (к восстановлению памятника императрице Екатерине)», «Советский социализм и крепостное право», «Английская революция в XVII веке», «Французская книга о русской революции» (последняя статья подписана псевдонимом, который, впрочем, легко расшифровать: Г. В-ій). Примечательно, что эти статьи сына внимательно читал отец, академик В. И. Вернадский. 10 (23) января 1920 г. он записал в дневнике: «Прочел статьи Георгия в симфер[опольских] газетах. Ясно, что он как историк считает вероятным, что окончательное успокоение и воссоздание мощной

В Нью-Хэйвене (США). 1930-е гг.

России — неизбежное и неотвратимое — может произойти через годы и десятилетия. То же чувство и у П. И. [Новгородцева]. Может быть, это правильный путь мышления».

В сентябре 1920 г. Г. В. Вернадский принимает предложение генерала П. Н. Врангеля и становится начальником отдела печати в его правительстве. Справедливо полагая, что с приходом большевиков он будет немедленно расстрелян, 30 октября (12 ноября) 1920 г., за три дня до вступления частей Красной Армии в Севастополь, Вернадский на пароходе «Рион» покидает Родину. Как оказалось, навсегда.

Начались обычные для эмигранта скитания. Константинополь, Афины, с 1922 г. — Прага. Здесь Вернадский становится профессором русского права Русского юридического факультета Карлова университета, сотрудничает с крупнейшим русским византологом и медиевистом, искусствоведом и культурологом академиком Н. П. Кондаковым и глубоко воспринимает его идеи, примыкает к движению евразийцев, особенно плодотворно общаясь с П. Н. Савицким.

В 1927 г. по рекомендации М. И. Ростовцева, выдающегося русского историка античности и археолога, и американского историка Ф. Голдера Г. В. Вернадский перебирается в США и становится профессором русской истории Йельского университета.

По заказу университета он подготовил однотомный учебник по истории России (1929), признанный классическим. Среди многочисленных статей и монографий Вернадского особое место занимает его многотомный труд «История России». В США и Европе Г. В. Вернадский признан крупнейшим специалистом по русской истории. Он — лауреат премии «За выдающиеся заслуги в славянских исследованиях» Американской ассоциации содействия славянским исследованиям (1970).

Г. В. Вернадский — автор ряда опубликованных в США воспоминаний, в том числе о Крыме. Вспоминая о своем пребывании на полуострове в годы Гражданской войны, Вернадский писал: «В Крыму был расцвет умственной и религиозной жизни…». Скончался 12 июня 1973 г. Похоронен на кладбище Бивердейл Мемориал Парк в Нью-Хэйвене (США).

В. И. Шостка

Петр **КУДРЯВЦЕВ**

1868–1940

Петр Кудрявцев

Фундамент научных традиций и философского образования в Таврическом университете был заложен всемирно известными мыслителями, учёными, общественными деятелями в 1918–1920 годы, когда преподавателями вуза были крупнейшие ученые, бежавшие от красного террора из университетских центров России и Украины в Крым.

Среди ученых, заложивших такие традиции в Таврическом университете, был и профессор П. П. Кудрявцев — философ, теолог, историк-византинист, который работал в 1919–1921 гг. профессором историко-филологического факультета Таврического университета на кафедре истории и древней философии.

Петр Павлович Кудрявцев[1] — автор более 250 научных работ

1 Подробнее о биографии ученого см.: Филиппенко Н. Г. Киевское Религиозно-философское общество (1908 – 1919): неизвестные страницы истории. Организация, люди, судьба (по материалам архивов и дореволюционной периодики) // Практична філософія. — 2005. — № 4; Ена В. Г. Профессора Таврического национального университета им. В. И. Вернадского / составители: В. Г. Ена, В. В. Бобков, В. К. Федоров. — К.: Либідь, 2007; Шостка В. И. и др. Источник знаний и просвещения. Люди, события, факты. — Симферополь: Петит, 2008; Филимонов С. Б. Из прошлого русской культуры в Крыму: поиски и находки историка — источниковеда. — Симферополь: Н. Оріанда, 2010; «Мы бы приобщили Ваши воспоминания к нашим и постарались бы их сохранить для истории прошлого Киева и Киевской академии…» (письма Петра Павловича Кудрявцева к Алексею Афанасьевичу Дмитриевскому (1924–1929) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. Вып. 2(8), 2014; Биографический словарь выпускников Киевской духовной академии:1819–1920-е гг.: Материалы из собрания проф. Протоиерея Ф. И. Титова и архива КДА: в 4 т. / [сост. В. И. Ульяновский] — К.: Издательский отдел Украинской Православной Церкви, 2014, т.2: К — П. — 2015; Савонюк Р. Е. У истоков юридического образования и юридической науки в Крыму (1918 – 1920 гг.) / Р. Е. Савонюк, В. И. Шостка — Симферополь: Ариал, 2015.

по историко-философской, богословской, религиозно-публицистической, литературоведческой проблематике. Он — яркий представитель киевской школы философского теизма, одним из первых подвергший критике мировоззренческую парадигму эмпириокритицизма. В своих трудах философ знакомил читателя со всеми существовавшими на то время философскими направлениями, пытаясь через критику эмпиризма, марксизма, позитивизма, в частности и эмпириокритицизма, отстоять этические основания христианской веры. В то время эмпиризм и релятивизм определялись еще как враги, которых нужно обозначить и как-то с ними бороться. Борьба политических партий шла рука об руку с борьбой различных философских направлений.

Лекции Пётр Павлович читал с подъемом, иногда останавливаясь на том или ином положении трактуемого философа и освещая его подробным анализом. Не отстранялся он и от фактов современной действительности.

Проблеме теоретического исследования эмпириокритицизма посвящена работа П. П. Кудрявцева «Очерки современного эмпиризма», в основу которой положена его речь на академическом итоговом собрании 26 сентября 1903 года. Главное внимание в этой работе он сосредоточил на проблеме соотношения веры и знания представителями метафизического идеализма и чистого эмпиризма Э. Маха, Г. Авенариуса, Е. Литтре, В. Шуппе. Прежде всего он указывал, что «если бы человек одним актом сознания мог охватить всё разнообразие бытия в его целостности и единстве, тогда бы не было бы и речи о различии между верой и знанием. Но тогда человек был бы не человеком, а Богом: только божественный разум имеет способность постигать всё бытие единым актом интеллектуального созерцания».

Кудрявцев принимал активное участие и в образовательном процессе. Он был одним из инициаторов дискуссии светской и духовной профессуры Киева в конце XIX – начале XX века по поводу введения пропедевтики (подготовительного, вступительного) курса философии в средних учебных заведениях. Он выступал за введение преподавания философских дисциплин в объеме 5 уроков в неделю в старших классах гимназий и семинарий. Изучение этих дисциплин, по его мнению, способствовало бы подготовке выпускников к слушанию расширенных курсов по философии в университетах и духовных академиях, что обеспечивало бы преемственность среднего и высшего образования. Пользу от прослушанных гимназистами философско-пропедевтических курсов он усматривал в том, что в студенческие годы им «не придется тратить время на ознакомление с элементами логики и психологии и на освоение философской терминологии: всё это будет сделано в средней школе». Этот вопрос остается актуальным и в наше время.

Несмотря на свои радикальные политические взгляды, П. Кудрявцев в области философии оставался верным духовно-академической традиции, отстаивал позиции философского теизма, продолжал разрабатывать методологические принципы критики позитивизма в его новой форме — эмпириокритицизма.

В 1918 году была создана Всеукраинская академия наук (ВУАН), первым президентом которой стал В. И. Вернадский. Он старался оказывать возможную поддержку Киевской духовной академии. Несколько ее профессоров стали штатными сотрудниками ВУАН, а профессор Н. И. Петров за свои заслуги в области украинистики был избран одним из первых действительных членов ВУАН.

В. И. Вернадский, возглавив в 1918 году Комиссию по организации Украинской академии наук, в поисках опоры среди киевской интеллигенции, занес в дневник: «Наиболее выдающиеся личности … в Духовной академии — В. И. Экземплярский, П. П. Кудрявцев…». Петр Павлович Кудрявцев, профессор кафедры истории философии Киевской духовной академии, вместе с В. И. Экземплярским создавал Киевское религиозно-философское общество и возглавлял его, пока церковная администрация не потребовала от сотрудников академии выйти из общества. Это требование было одной из мер, предпринятых в связи с толстовской речью В. И. Экземплярского. Тем не менее, сотрудники академии — и П. П. Кудрявцев прежде всего — продолжали неформальное участие в заседаниях общества. У П. П. Кудрявцева вообще была репутация «левого» — то есть либерального религиозного мыслителя, понимающего необходимость церковной реформы. Архиепископ Волынский Антоний, проводивший в1906 году ревизию Киевской духовной академии, был напуган вольнодумством ее профессоров и в своем отчете именовал Петра Кудрявцева — не более, не менее — «русским Вольтером».

15 октября 1919 г. П. П. Кудрявцев переехал в Симферополь, где возглавил кафедру философии Таврического университета (1919 – 1921). Он, по сути, был одним из тех профессоров, которые стояли у истоков философского образования и философской науки в Крыму. Профессор принимал активное участие в жизни университета, участвовал в работе религиозно-философского общества в Симферополе и Ялте. 27 октября (9 ноября) 1920 года выступил с докладом на VII съезде Таврической научной ассоциации с докладом «Судьба русской философии XIX века».

Ректор Таврического университета В. И. Вернадский неоднократно обращался к Бела Куну, председателю Крымревкома, с просьбой оградить университет, его преподавателей и сотрудников от притеснений, реквизиций и воинского постоя.

«Абсолютизм или релятивизм? Опыт историко-критического изучения чистого эмпиризма новейшего времени в его отношении к нравственности и религии» (выпуск I, Киев, 1908, магистерская диссертация П. П. Кудрявцева)

Однако реформирование университета началось практически сразу же после взятия Крыма Красной Армией. Полностью начал меняться социальный состав студентов, преподавателей и сотрудников. Менялся также объем и характер изучаемых дисциплин. Уже к декабрю 1920 года был упразднен старый Совет университета. Отдел высшей школы губнаробраза направил ректору циркуляр об уравнении в правах профессоров, доцентов и приват-доцентов, имеющих трехлетний стаж научной работы и читающих обязательные курсы в качестве профессоров. Остальные приват-доценты и старшие ассистенты были переведены в должности старших преподавателей. Лекторы, младшие ассистенты и репетиторы — на должности младших преподавателей. Однако состав и структура университета не удовлетворяли Крымревком. Судьба Таврического университета была предрешена 23 декабря 1920 года. Были ликвидированы юридический и историко-филологический факультеты, вместо них был создан факультет общественных наук. Финансовое положение университета резко ухудшилось. Жалованье профессорам, преподавателям и служащим было чисто символическим. Дороговизна достигла невиданных размеров. Надвигающийся голод, начавшаяся ломка Таврического университета, некомпетентное вмешательство «красных комиссаров» в управление университетом побудили виднейших ученых с мировым именем покинуть Крым и искать работу в других научных центрах страны. Не минула эта судьба и профессора П. П. Кудрявцева, проработавшего в университете чуть более года.

В январе 1921 г. он вернулся в Киев, стал сотрудником Византологической комиссии Всеукраинской академии наук, затем сотрудником комиссии «Биографического словаря деятелей Украины» и комиссии истории Киева.

П. П. Кудрявцев — видимо, поняв со всей остротой, что эпоха завершается, духовная школа, со всеми ее проблемами и достижениями, уничтожена, а последние делатели русской научно-богословской традиции уходят из земной жизни — старался сохранить память о них для последующих поколений. Будучи привлеченным в ВУАН к составлению биографического словаря выдающихся деятелей Украины, он старался использовать возможность для включения в этот словарь памятных статей о светочах «духовной учености». Для «Биографического словаря» составил цикл биограмм церковных деятелей и профессоров Киевской духовной академии. Хотя словарь издан не был, П. П. Кудрявцев успел составить комплекс очерков о жизни и творчестве киевских богословов XIX века.

С 1929 г. ВУАН утрачивает самостоятельность и попадает под жесткий контроль и давление власти: из академии исключаются лица с дореволюционным прошлым, закрываются секции.

В начале 1930-х годов профессор П. П. Кудрявцев был осуждён на лагерные работы за антисоветскую деятельность, освобожден через 3 года по болезни сердца.

С 1934 г. П. П. Кудрявцев вынужден устроиться техническим работником в агрохимическую лабораторию Украинского научно-исследовательского института социалистического земледелия. Через четыре года, 16 августа 1938 г., он вновь был арестован и находился под следствием до 13 апреля 1939 г.

10 апреля 1939 г. было вынесено постановление следователем Боткисом о прекращении следствия «за отсутствием состава преступления» и освобождении П. П. Кудрявцева из-под стражи. 11 апреля Кудрявцев был освобожден с возвращением конфискованных материалов.

За недоказуемостью вины П. П. Кудрявцев был освобожден из тюрьмы, но жить ему оставалось чуть больше года. После освобожденияработал сотрудником АН УССР.

Умер профессор Павел Петрович Кудрявцев 30 июня 1940 г. Похоронен в Киеве.

О. А. Габриелян,
В. И. Шостка

Николай **АЛЕКСЕЕВ**

1879–1964

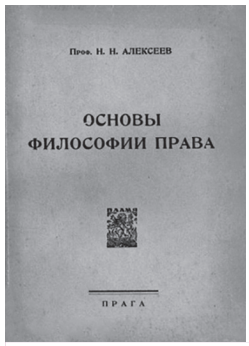
Николай Алексеев

Николай Николаевич Алексеев родился 1(13) мая 1879 года в Москве в семье профессионального юриста. Семья Алексеевых — рязанская, из города Данкова. Прадед был протоиереем собора в городе Данкове, получил орден Владимира IV степени и потомственное дворянство. Николай Алексеев окончил гимназию в Москве и поступил на юридический факультет Московского университета. В студенческие годы он пережил увлечение марксизмом, который был им воспринят не отвлеченно созерцательно, а как руководство к действию. Это единство мировоззрения и жизнедеятельности явилось отличительной чертой характера Николая Алексеева, которой он был верен до конца своих дней. Она же послужила причиной того, что в 1902 г. студент Алексеев за революционную деятельность был исключен из Московского государственного университета и приговорен к шести месяцам тюремного заключения, которое отбывал в Митавской тюрьме в Курляндии. Свое образование будущий философ права продолжил за границей, в Германии, в Дрезденском политехникуме и только после событий 1905 г. смог вернуться на родину, а в 1906 г., в возрасте 27 лет, закончить обучение в Университете[1].

1 Подробнее о биографии ученого см.: Бернацкий Г. Г. Николай Николаевич Алексеев / Бернацкий Г. Г., Соболев В. Г. // Основы философии права. — СПб.: Лань, 1999; Стародубцев Г. С. Международно-правовая наука российской эмиграции, 1918–1939., науч. изд. / Г. С. Стародубцев — М.: Книга и бизнес, 2000; Ена В. Г. Профессора Таврического национального университета им. В. И. Вернадского / составители: В. Г. Ена, В. В. Бобков, В. К. Федоров. — К.: Либідь, 2007; Томсинов В. А. Николай Николаевич Алексеев (1879–1964) / В. А. Томсинов // Российские правоведы XVIII–XX веков: Очерки жизни и творчества. В 2-х томах (Том 2). — М., 2007; Шостка В. И. и др. Источник знаний и просвещения. Люди, события, факты. — Симферополь: Петит, 2008; Филимонов С. Б. Из прошлого русской культуры в Крыму: поиски и находки історика-источниковеда. — Симферо-

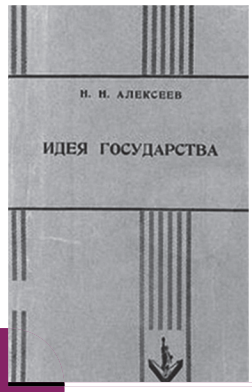
За время своей учебы Алексеев смог продемонстрировать столь незаурядные способности, что его наставник, профессор П. И. Новгородцев, предложил ему остаться на кафедре философии права для подготовки к профессорскому званию по кафедре энциклопедии и философии права. В 1907 – 1908 гг. выдержал магистерские испытания и был зачислен в приват-доценты Московского университета. В 1908 г. Н. Н. Алексеев становится приват-доцентом.

С конца 1908 по 1910 год Алексеев находился на стажировке за границей в Берлине, Гейдельберге и Париже. Слушал лекции и посещал семинары в Берлине у профессоров А. Гиля и Г. Зиммеля, в Гейдельберге у профессоров В. Виндельбанда и Г. Еллинека, в Марбурге у Г. Когена и П. Наторпа. В Париже слушал лекции А. Бергсона и Ж. Бартелеми-Сент-Илера. После возвращения в Россию, в 1911году, защитил магистерскую диссертацию по теме «Науки общественные и естественные в историческом взаимоотношении их методов». Материалы его диссертации были опубликованы отдельным изданием в 1912году под названием «Науки общественные и естественные в историческом взаимоотношении их методов: очерки по истории и методологии общественных наук».



В 1912 году Н. Н. Алексеева избрали экстраординарным профессором Московского коммерческого института и секретарем его учебного комитета. В то же время он оставался приват-доцентом Московского университета и читал лекции на историческом и историко-филологическом факультетах. Казалось, теперь ничто не может помешать научной карьере талантливого ученого.

С началом Первой мировой войны Н. Н. Алексеев занялся активной общественной деятельностью. В феврале 1915 г. он стал членом Всероссийского земского союза, уполномоченным и начальником Урмийского отряда союза в Тифлисе и на турецком фронте. Революционные события 1917 года спутали все планы молодого ученого.



После февральской революции Алексеев работал редактором в издательстве при Временном комитете Государственной думы, а также состоял в редакционном совете еженедельного журнала «Народоправство», был одним из участников юридической подготовки Учредительного собрания.

поль: Н. Оріанда, 2010; Назмутдинов Б. В. Политико-правовые воззрения евразийцев в российском государствоведении XX века: учебное пособие / Б. В. Назмутдинов. Нац. исслед. ун-т «Высшая школы экономики»; кафедра теории права и сравнительного правоведения. — М.: НИУ ВШЭ, 2013; Савонюк Р. Е. У истоков юридического образования и юридической науки в Крыму (1918 – 1920 гг.) / Р. Е. Савонюк, В. И. Шостка — Симферополь: АРИАЛ, 2015.

Октябрьскую революцию он не принял. После октябрьского переворотаон, как противник большевизма, принял решение покинуть Россию. 21 июля 1918 года он выехал в трёхмесячную научную командировку в Берлин. Затем в октябре 1918 г. он отправился из Берлина в Киев, а уже оттуда переехал в Крым.

В 1918–1919 гг. вышли два издания работы Алексеева по теории права, где он попытался проанализировать сущность революции: «Введение в изучение права» (1918) и «Общее учение о праве» (Симферополь, 1919) и книга «Очерки по общей теории государства» (М.,1919). Алексеев, создавая свою оригинальную философию права, во многом связывал ее с феноменологией. Он утверждал, что философия права — это прежде всего эйдетическая наука, подчиненная базовой задаче выявления идеи государства и права. А поскольку данная идея коренится в человеческом сознании, постольку ее можно исследовать преимущественно методом феноменологии. В этой связи мыслитель уточняет, что философия права, основанная на феноменологии, является не гносеологией, а своеобразной юридической онтологией.

Его феноменологическая концепция права совершенно оригинальная и едва ли не единственная в своем роде.

В июне 1920 г. Н. Н. Алексеев получил приглашение от имени главнокомандующего генерала Врангеля вернуться в Крым и занять место начальника информационной части при штабе армии. Без промедления он принял приглашение и вернулся в Россию, был избран также профессором Таврического университета в Симферополе, кроме того, преподавал в Юридическом институте Севастополя.

После поражения армии генерала Врангеля он окончательно эмигрировал из России. В Константинополе в 1921 году он работал инспектором русской школы, инекоторое время оставался вне сферы науки.

Только в 1922 Алексеева пригласили на должность профессора в Пражский Русский университет, где в это время преподавал его учитель П. И. Новгородцев. Перебравшись в 1922 г. в Прагу, он стал профессором и секретарём Русского юридического факультета Карлового университета. Основное внимание в своей исследовательской и преподавательской деятельности в Праге Алексеев уделял вопросам философии права, которые впервые выделены им из общей теории права в самостоятельный круг проблем. Здесь он сблизился с будущими евразийцами, в чьих изданиях стал принимать регулярное участие с 1927 г. В 1922–1923 гг. совместно с А. Ф. Андерсоном и А. С. Ященко издавал «Вестник самообразования». Как секретарь факультета входил в состав юридической испытательной комиссии; участвовал в ра-

боте Философского общества, постоянно выступал с докладами. На съезде ученых в Праге (25.9 – 20.10.1924) прочитал доклад на тему: «Понятие об обществе и явлениях общественности».

В 1924 г. был избран профессором Русского научного института в Берлине, где регулярно преподавал с 1922 г. С группой соавторов работал над двухтомным трудом «Право Советской России» (1925). Продолжением исследований Алексеева в области истории и философии права стала книга «Идея государства. Очерки по истории политической мысли», изданная в Нью-Йорке в 1955 году.

Основные усилия Алексеева были сосредоточены на анализе проблем истории философии права, теории государства, религиозного обоснования нравственности, права и т.п.

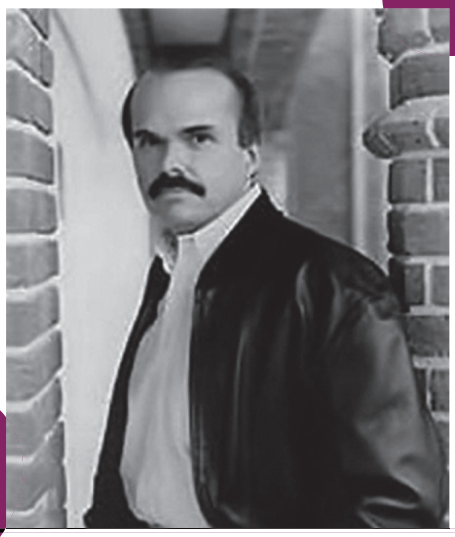
Алексеев был одним из теоретиков евразийства, разрабатывал в первую очередь государственно-правовую программу этого движения. Критически оценивая европейскую философию права, базирующуюся на концепции «естественного права», Алексеев акцентировал единство правовых и нравственных моментов в жизни государства и апеллировал к соответствующему опыту древнерусской государственности (идеал Святой Руси как «Государства Правды»). В основе его научной методологии лежал общий для евразийцев принцип «познай себя и будь самим собой». Изучая народные представления о «Государстве Правды», главное внимание он уделял маргинальным группам, остававшимся, как правило, вне поля зрения большинства историков. Воззрения «заволжских старцев», старообрядцев, сектантов, казаков, этих хранителей подлинно народных представлений о правде и справедливости и должны были стать, по мнению Алексеева, основой для построения новой праведной государственной идеологии.В России — Евразии, согласно Алексееву, сильная государственная власть предполагает наличие духовной элиты («духовного ордена»), обладающей безусловным моральным авторитетом в обществе и действующей в интересах большинства. Алексеев считал, что на смену «объективному» (нормативному) праву должно придти право «установочное», гораздо в большей степени укорененное в культурно-историческом опыте народа и в его религиозно-метафизической традиции. В экономическом плане он отстаивал идею «государственно-частной системы хозяйствования», призванной устранить имущественное и сословное расслоение общества и обеспечить определенное регулирование экономических отношений. Предметом философского познания, считал Алексеев, является «мир как целое», и в этом заключается особая роль философского опыта и его отличие от других наук, которые исследуют отдельные элементы действительности.

Н. Н. Алексеев, едва ли не единственный из русских правоведов, попытался применить метод феноменологического исследования к политико-правовым явлениям. Наиболее весомый вклад он внес в разработку концепции евразийского движения: «Евразийцы и государство» (Париж, 1927), «Обязанность и право» (Париж, 1928), «Народное право и задачи нашей правовой политики» (Париж, 1927), «Евразийство и марксизм» (Прага, 1929), «Советский федерализм» (Париж, 1927) и др. В 30-е годы центр движения переместился в Париж и Берлин. Здесь вышли новые работы Алексеева: «Религия, право и нравственность» (1930); «Духовные предпосылки евразийской культуры» (1935), «Мировая революция и духовное назначение человека» (1935), «О гарантийном государстве» (1937), «Пути и судьбы марксизма. От Маркса и Энгельса к Ленину и Сталину» (1936).

Евразийство внесло в политический лексикон новые понятия и термины: «правящий отбор», «идея-правительница», «идеократическая и гарантийная государственность». Большая заслуга в этом принадлежит Н. Н. Алексееву, разработавшему политическую доктрину евразийства.

После раскола евразийского движения Алексеев как один из его руководителей выступил против просоветски настроенных «раскольников». Советский строй Н. Н. Алексеев рассматривал как власть идеократического государства, тотально подчинившего себе всю жизнь общества. Подчеркивая важность государства для России, он пытался связать аристократизм и демократизм, поскольку правящий слой специалистов в новом государстве формируется путем отбора из народа и образует нечто вроде «духовного ордена». Правовое устройство будущего государства он строил на основе понятия правды, понятой как справедливость, как единство прав и обязанностей, как установленное право, коренящееся, в противовес объективному праву западноевропейских стран, в религиозном сознании и самосознании. Идеализируя федералистское устройство Советской России, он полагал, что будущая Россия также будет строиться на началах федерализма. Гарантийное и демократическое государство, являясь также идеократическим, основывается на утверждении идей и ценностей православия, в котором он видел силу, спасающую Россию. Н. Н. Алексеев полагал, что всё лживое, что было свойственно советскому строю, со временем исчезнет, а здравые идеи останутся и будут развиты и рано или поздно найдут свое воплощение в православном правовом государстве.

Религиозное обоснование права дается им в таких работах, как «Идея „Земного Града“ в христианском вероучении» (1926), «Русский народ и государство» (1927), «Христианство и социализм» (1931), «Христианство и идея монархии» (1937), «Религия, право и нравственность» (1937) и других.



Н. Н. Алексеев. 1928 г. Прага.

После победы национал-социализма в Германии и краха евразийского соблазна он противопоставляет им идею демократического государства, которое призвано обеспечить гарантии участия специалистов в управлении обществом.

В 1931 Русский народный университет в Праге прекращает свое существование, и Н. Н. Алексеев переезжает в Берлин. После прихода в Германии к власти нацистов он эмигрировал во Францию, сначала в Страсбург, а затем в Париж, где стал профессором юридических курсов в Сорбонне, а в 1940 году — в Белград, где принимал активное участие в движении Сопротивления. В 1942 году Алексеев уволен с должности профессора Белградского университета правительством Недича. После освобождения Югославии он был восстановлен в звании и должности.

В 1946 году Н. Н. Алексеев принял советское гражданство. В 1950-м, в связи с осложнением положения русских в Югославии, переехал в Швейцарию. Печатался в эмигрантских периодических изданиях — газете «Евразия», журналах «Евразийский временник», «Евразийский сборник», «Утверждение евразийцев», «Евразийская хроника», «Путь», «Грани», «Вестник русского (студенческого) христианского движения», «Новый град», «Русские записки», «Архив русской революции», «Новый журнал».

Умер Николай Николаевич Алексеев в Женеве 2 марта 1964 года.

О. А. Габриелян,
В. И. Шостка

Сергей **АЛЕКСЕЕВ** (АСКОЛЬДОВ)

1871–1945

Сергей Алексеевич Алексеев родился 25 февраля (9 марта) 1871 г. Его отцом был известный философ Алексей Александрович Козлов (1831–1901). Увлечение отца социализмом и народничеством в молодые годы сказалось на судьбе сына. Так как Алексей Козлов женился на крестьянке, то его дети — Сергей, Екатерина и Наталья считались незаконнорожденными. Фамилией Сергея стало отчество его отца — Алексеев[1].

Сначала семья проживала в Машарове, в Калужской губернии, затем в конце 1875 г. они переехали в Париж, а в 1876 г. вернулись в Россию и поселились в Киеве. Там Сергей закончил гимназию, а затем в 1891 г. поступил в Петербургский университет. В университете произошло окончательное становление Сергея Алексеева как философа, и огромную роль в этом сыграл его отец. Учась в университете на физико-математическом факультете, Сергей Алексеевич начал серьезно заниматься философией и гуманитарными науками. Два последних курса он являлся слушателем историко-филологического факультета. В 1895 г., получив диплом по естественному отделению физико-математического факультета Петербургского университета,

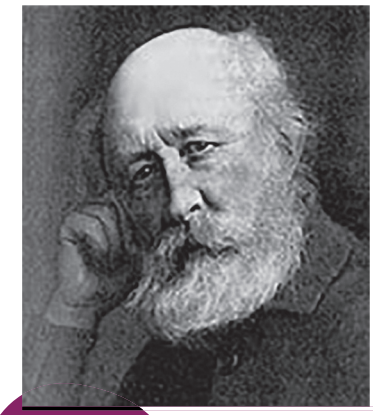
1 Подробнее о биографии ученого см.: Ена В. Г. Профессора Таврического национального университета им. В. И. Вернадского / составители: В. Г. Ена, В. В. Бобков, В. К. Федоров. — К.: Либідь, 2007; Шостка В. И. и др. Источник знаний и просвещения. Люди, события, факты. — Симферополь: Петит, 2008; Филимонов С. Б. Из прошлого русской культуры в Крыму: поиски и находки історика-источниковеда. — Симферополь: Н. Оріанда, 2010; Лихачёв Д. С. Воспоминания. СПб.: Logos, 1995; Новая философская энциклопедия. В четырех томах. / Ин-т философии РАН. Научно-ред. совет: В. С. Степин, А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин. — М.: Мысль, 2010, т. I, А–Д, с. 189–190; Филиппов Б. С. А. Алексеев-Аскольдов. // Русская религиозно-философская мысль 20 в., 1975; Петруня О. Э. Вст. ст.// Аскольдов С. Гносеология. Статьи. — М., 2012.

он поступил на службу в Департамент таможенных сборов, где выполнял обязанности, связанные с химической и текстильной экспертизой, вплоть до 1917 г.

В конце 1897 – начале 1898 г. при Петербургском университете открылось Философское общество. Сергей Алексеевич сразу принял участие в его работе.

В 1900 г. С. А. Алексеев женился на Елизавете Михайловне Голдобиной (1880 – 1955). Впоследствии у них родилось четверо детей — сын и три дочери: Владимир, Антонина (умерла в младенчестве), Мария и Александра.

В 1900 г. он издал первую свою книгу «Основные проблемы теории познания и онтологии», весомо заявив о себе как о философе. Можно только догадываться, какая напряженная интеллектуальная и духовная работа происходила в душе автора книги. Философия являлась для С. А. Алексеева, как и для его отца, образом жизни, а не профессией. Он стал печатать свои работы в журнале «Вопросы философии и психологии», в энциклопедии Брокгауза и Ефрона и других изданиях. Сергей Алексеевич явился одним из основателей Петербургского религиозно-философского общества и первым председателем его совета с момента избрания на учредительном собрании 9 сентября 1907 г. В 1910 г. он выдержал магистерский экзамен по философии в Московском университете, что формально давало право преподавательской деятельности. Однако на тот момент он уже преподавал на различных частных курсах.



Сергей Алексеев

В 1912 г., будучи уже известным философом, С. А. Алексеев опубликовал по-своему уникальную книгу, посвященную философскому творчеству отца, — «Алексей Александрович Козлов», где он не только подробно описал биографию А. А. Козлова, но дал систематическое изложение его философских взглядов.

1914 год — год начала мировой войны — можно назвать поворотным в истории России. Таким же он стал и в судьбе С. А. Алексеева: он выходит из Религиозно-философского общества и публикует свою главную книгу «Мысль и действительность», защищает магистерскую диссертацию, становится приват-доцентом Петербургского университета.

Дело в том, что в самом начале деятельности Общества в нем определилось два религиозных направления (политических направлений было больше): православное и либерально-реформаторское. Алексеев, тогда он уже взял себе псевдоним Аскольдов, олицетворял собой первое, о чем недвусмысленно высказался. Либерально реформаторское «неохристианское» течение олицетворяла собой группа интеллигенции, близкая

Мережковскому, проповедовавшая грядущий «Третий Завет» и «религию Святого Духа». З. Гиппиус писала в своем дневнике: «Общество, затеянное по примеру собраний, а теперь едва прозябавшее, мы взяли в свои руки, сильно подняли и оживили его. Мы внесли в работу Общества мятежный дух, меняющий направление». Т.е. общество превращалось в некую революционную организацию под знаменем нового религиозного сознания, весь пафос которого был направлен против самодержавной власти и Русской Православной Церкви. В таком обществе Сергей Алексеевич, конечно, не мог находиться. Поводом для оставления Сергеем Алексеевичем Общества послужило политическое судилище над В. В. Розановым, устроенное «мережковцами».

16 ноября 1914 г. С. А. Аскольдов защищает в Московском университете магистерскую диссертацию, в основу которой легла его книга «Мысль и действительность». Книгу высоко оценил Л. М. Лопатин, высказавшись о ней в журнале «Вопросы философии и психологии». После защиты диссертации Сергей Алексеевич начинает преподавательскую деятельность в качестве приват-доцента Петроградского университета. В апреле 1918 г. его избирают доцентом кафедры философии, а с 1919 г. — профессором. В том же году по приглашению Московского университета С. А. Алексеев выступил с лекциями по религиозной психологии, основой для которых стала его работа «Сознание как целое». К сожалению, столь удачно начавшаяся карьера преподавателя философии довольно быстро закончилась.

Он вынужден был покинуть Москву и переехать в Крым, где 3 августа 1919 года он был утвержден исполняющим обязанности экстраординарного профессора кафедры философии Таврического университета. Крым, как последняя опора «единой и неделимой», переживал в то время сложные, насыщенные драматическими событиями годы. Притоку в Таврический университет преподавателей и студентов из разных уголков бывшей Российской империи способствовало, во-первых, то, что тогда Крым был относительно спокойным в военном отношении регионом; во-вторых, в отличие от центральных губерний России, здесь пока не наступил голод; в-третьих, в молодом университете работали выдающиеся ученые, представлявшие известные научные школы. Этим, по-видимому, можно объяснить, то, что Сергей Алексеевич оказался в Крыму, а не в Киеве.

23 ноября 1919 года газета «Крымский вестник» сообщала: «Работа в Таврическом университете идет полным ходом. Все профессора уже съехались и читают лекции. Университет пополнился новыми преподавателями, между прочим, на юридическом факультете начал чтение лекций известный философ профессор С. Булгаков».

В университете собрались самые известные российские философы С. Н. Булгаков, П. П. Кудрявцев, С. А. Алексеев, Н. Н. Алексеев, И. П. Четвериков, П. И. Новгородцев, А. К. Сынопалов, Л. И. Шестов и др. По словам Георгия Владимировича Вернадского, в Крыму «был расцвет умственной и религиозной жизни». При университете работали научные общества: Математическое, Педагогическое, Хирургическое, Общество изучения музыки, Общество философии, истории и социологии, Центральный архив, Религиозно-философское общество, Юридическое Общество и другие. Трудно переоценить тот вклад, который внесли преподаватели университета в развитие просвещения и науки в Крыму.

Аскольдов. 1912 г.

В Таврическом университете Сергей Алексеевич Алексеев преподавал философию и гносеологию по только что вышедшим в Петрограде книгам «Гносеология» и «Философия».

Но уже в ноябре 1920 года Добровольческая армия покинула полуостров. Красная армия взяла Симферополь без боя. Едва заняв Крым, новые власти приступили к утверждению на полуострове революционного порядка. Сергей Алексеевич Алексеев вынужден был уехать из Крыма. После двух лет мытарств он вернулся в Петроград. Здесь он восстановился на кафедре философии Политехнического института.

В 1922 г. В. И. Ленин предложил заменить для представителей русской интеллигенции, активно выступавших против советской власти, расстрел высылкой за границу. Эта кампания получила название «философского парохода», так как большинство высланных, более 160 человек из 225, стали пассажирами двух рейсов немецких судов «Berbürgermeister Haken» (29 – 30 сентября) и «Preussen» (16 – 17 ноября), направлявшихся из Петрограда в Штеттин. Были высланы коллеги Алексеева по кафедре философии — Н. О. Лосский, И. И. Лапшин. Сергей Алексеевич не попал в списки высылаемых, возможно, потому, что был «молодым» профессором, хотя и идеалистом. В начале 20-х последнее еще не было приговором, тем более, что в крайней «антисоветчине» Сергей Алексеевич замечен не был. Правда, в 1918 г. была его статья в сборнике «Из глубины…», подводившем итоги русской революции. После, как известно, много воды утекло, много было написано, а еще больше сделано.

Тем не менее оставаться на кафедре Алексеев не мог — философы, не проповедовавшие большевистские взгляды, лишались работы. А Сергею Алексеевичу необходимо было кормить семью. В 1922 г. его сыну Владимиру исполнилось 19, старшей дочери Марии — 15, а младшей Александре — 11. Ему пришлось вернуться к преподаванию общей технологии и товароведения

в Политехническом институте. Параллельно он преподавал в средней школе логику и психологию.

К этому времени и относятся воспоминания академика Дмитрия Сергеевича Лихачева об Алексееве: «Когда в начале 20-х гг. Сергей Алексеевич Алексеев пришел преподавать психологию в нашу школу имени Лентовской, на Плуталовой улице Петроградской стороны, он был очень красив. Большая его фотография с белой бородой висела в витрине мастерской фотографа на Большом проспекте. Мы ходили группами смотреть на нее, чтобы сравнивать с «натурой». Фотографические витрины были в те послереволюционные годы чем-то вроде нашего телевидения: они создавали популярность персонажам снимков. Зная очень мало о действительных заслугах Сергея Алексеевича перед русской философией и русской культурой в целом, мы считали его знаменитостью только потому, что его фотографическим портретом любовалась вся Петроградская сторона. У нас в классе он не преподавал, а преподавал в классе постарше. Зато я его постоянно видел и слушал в тех многочисленных кружках, которыми наполнен был Петроград того времени. Прежде всего философские и литературные кружки были в самой нашей школе; на их заседания приходили многие «взрослые»: сам С. А. Алексеев, другие преподаватели.

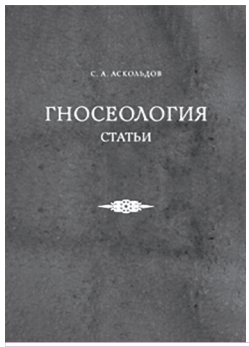
Что было замечательно в преподавателях тех лет? — они все что-то продолжали изучать, у них были свои пристрастия, они умели спорить при людях, не боясь уронить свое достоинство и достоинство того, с кем спорили. Слушать их, когда они все собирались вместе и приводили своих друзей (одним из них был Евгений Павлович Иванов, начавший затем руководить занятиями одного из кружков), было сущим удовольствием. С молодежью Сергей Алексеевич всегда общался как с равными… Он приглашал меня к себе домой (жил он с семьей, из которой хорошо помню его сына-поэта, на Кронверкской улице в отличном доме). Он не только давал мне книги для прочтения, но и разговаривал со мной о своих впечатлениях от музыки и поэзии. Когда перед самым моим поступлением в университет от пристани на Васильевском острове отошел в Штеттин пароход «Preussen» («Пруссия») с учеными — цветом русской интеллигенции, о Сергее Алексеевиче «забыли», и он, по-моему, был этим даже немного обижен. Я не помню Сергея Алексеевича улыбающимся или смеющимся. Он всегда был серьезен, всегда думал. Его часто видели на велосипеде с развевающейся седой бородой (ездил он гулять на Острова), но и на велосипеде у него был такой вид, точно он глубоко над чем-то задумался».

В журнале «Мысль» вышли в свет две философские работы Алексеева — «Аналогия как основной метод познания» и «Время и его преодоление». К сожалению, последняя статья была

опубликована только частично, так как журнал власти закрыли. Впоследствии философ смог опубликовать в основном литературоведческие статьи — о творчестве Достоевского и Белого, о форме и содержании в искусстве. В 1923 г. закрыли Философское общество при Петроградском университете. Однако духовная активность интеллигенции переместилась в неформальные общества, которых на тот момент в Петрограде было достаточно много. Сергей Алексеевич принимал активное участие в работе кружка Хельфернак («Художественно-литературная, философская и научная академия»). Расцвет кружка приходился на 1921–1925 гг. Во второй половине 20-х гг. кружок все более приобретал религиозный характер, что было связано с гонениями, которым в тот период подвергалась Русская Православная Церковь. Все происходящее горячо обсуждалось на заседаниях. Стали подумывать об изменении направления кружка и о его новом названии. Все участники согласились, что кружок, из которого ушли уже многие атеистически настроенные участники, следует назвать «братством»». Под влиянием С. А. Алексеева было принято решение называться «Братством святого Серафима Саровского».

Д. С. Лихачев писал: «1 августа 1927 г. в день обретения мощей Серафима Саровского, на квартире родителей Люси Скуратовой, прелестной и очень религиозной девушки, был отслужен молебен. Служил отец Сергий Тихомиров. Комната (очевидно, гостиная) была большая, светлая, служил отец Сергий с необыкновенным чувством.

В русском богослужении проявление чувства всегда очень сдержанно. Сдержанно служил и отец Сергий, но настроение передавалось всем каким-то особым образом. Не могу это определить. Это была и радость, и сознание того, что жизнь наша становится с этого дня какой-то совсем другой. Мы расходились по одному. Против дома одиноко стояло орудие, стрелявшее в ноябре 1917 г. по юнкерскому училищу. Слежки не было. Братство Серафима Саровского просуществовало до дня нашего ареста 8 февраля 1928 г.».



Сергея Алексеевича арестовали в сентябре 1928 г. В год ареста ему удалось опубликовать только одну статью, сделавшую его впоследствии знаменитым среди лингвистов, — «Концепт и слово». С 1928 г. для Алексеева началась череда арестов и ссылок. Вначале он был сослан в Рыбинск. Нервное потрясение и глубокие душевные переживания привели Сергея Алексеевича к тяжелой болезни. В Рыбинске С. А. Алексеев подружился с Алексеем Алексеевичем Золотаревым, председателем Рыбинского научного общества. Здесь Сергей Алексеевич попал под новое обвинение и был выслан в Коми-Зырянскую область.

С осени 1933 г. он получил возможность жить в Новгороде, где преподавал математику в средней школе. Отсюда ему даже удавалось приезжать в Ленинград, чтобы навещать семью.

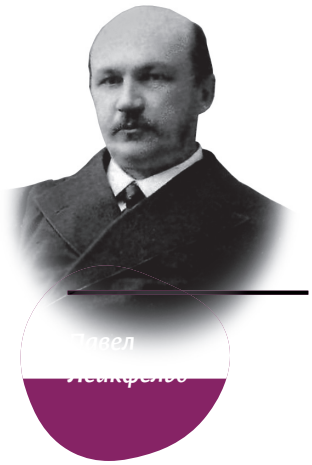
В 1935 г. ему было разрешено переселиться в Новгород. В 1941 г. Новгород был занят немцами. В 1944 с оккупированной территории он уехал в Ригу, позже жил в Праге, Берлине. В 1944 получил премию за книгу «Критика диалектического материализма».

Умер Сергей Алексеевич Алексеев (Аскольдов) 23 мая 1945 г. Похоронен в Потсдаме (Германия).

В. И. Шостка

Павел **ЛЕЙКФЕЛЬД**

1859–1930



Павел Эмильевич Лейкфельд[1] родился 13(25) ноября 1859 года в д. Павловка Бахмутского уезда Екатеринославской губернии в семье отставного офицера Эмиля Васильевича Лейкфельда. С 1871 г. по 1878 г. он обучался и закончил с золотой медалью 2-ю Харьковскую гимназию, которая была открыта в 1841 г. О высоком уровне преподавания в этой гимназии свидетельствовали успехи ее выпускников, среди которых были такие именитые люди, как филолог А. А. Потебня (1835–1891), юрист А. Д. Градовский (1841–1889), композитор Н. В. Лысенко (1842–1912), художники Г. И. Семирадский (1843–1902) и С. И. Васильковский (1854–1917), биолог и Нобелевский лауреат И. И. Мечников (1845–1916).

В 1878 г. Павел Лейкфельд поступил на историко-филологический факультет Харьковского университета. Во время обучения он стал одним из лучших студентов факультета. В 1881 г. был награжден золотой медалью за сочинение «Логические учения Герберта Спенсера». Английский философ и социолог Герберт Спенсер(1820–1903) был не только основателем философского эволюционизма, но также разработал разные аспекты фи-

1 Подробнее о биографии ученого см.: История Таврического университета (1918–2003) / Под общ. Ред. Н. В. Багрова. — К.: Лыбидь, 2003; Ена В. Г. Профессора Таврического национального университета им. В. И. Вернадского / составители: В. Г. Ена, В. В. Бобков, В. К. Федоров. — К.: Либідь, 2007; Шостка В. И. и др. Источник знаний и просвещения. Люди, события, факты. — Симферополь: Петит, 2008; Таврический университет. Времена и люди: 90 лет служения науке / В. Н. Бержанский, В. Ф. Шарапа, Г. Ю. Богданович, В. И. Шостка и др. — К.: Лыбидь, 2008; Филимонов С. Б. Из прошлого русской культуры в Крыму: поиски и находки историка — источниковеда. — Симферополь: Н. Оріанда, 2010; Абашник В. А. «О логическом учении об индукции» П. Э. Лейкфельда (1895) / В. А. Абашник // Гілея : наук. вісн. 2012, Вип. 63 (8); Абашник В. А. Философская деятельность П. Э. Лейкфельда / В. А. Абашник // Грані : наук.-теор. і громад.-політ. альм. 2012, 8(88).

лософии, биологии, социологии, этики в своей десятитомной «Системе синтетической философии»). В 1883 г. Павел Эмильевич окончил университет со степенью кандидата философии, а с 1-го января 1884 г. по рекомендации заведующего кафедрой философии Ф. А. Зеленогорского был определен стипендиатом при кафедре для приготовления к профессорскому званию. После успешной сдачи магистерского экзамена и прочтения пробных лекций в 1886 г. он стал приват-доцентом, и с ноября 1886 г. начал преподавательскую деятельность в Харьковском университете. В 1891 г. Павел Лейкфельд успешно защитил диссертацию на тему «Различные направления в логике и основные задачи этой науки» (Харьков 1890) в Варшавском университете и был утвержден в степени магистра философии.

С 27 февраля 1893 г. магистр Павел Лейкфельд был назначен исправляющим должность экстраординарного профессора кафедры философии Харьковского университета. После этого он подготовил и 2 марта 1897 г. успешно защитил в Харькове докторскую диссертацию «Логическое учение об индукции в главнейшие исторические моменты его разработки». Уже в 1897 г. Лейкфельд был назначен экстраординарным профессором, а с 24 июня 1899 г. — ординарным профессором философии Харьковского университета. На этой должности П. Э. Лейкфельд проработал до конца 1912 г., когда был выведен за штат и утвержден «заслуженным» профессором философии Харьковского университета.

П. ЛЕЙКФЕЛЬДЪ.

ЛОГИЧЕСКОЕ

УЧЕНІЕ ОБЪ ИНДУКЦІИ

ВЪ ГЛАВНѢЙШІЕ

ИСТОРИЧЕСКІЕ МОМЕНТЫ

ЕГО РАЗРАБОТКИ.

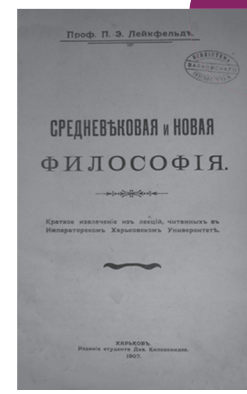
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Павел Лейкфельд владел немецким, английским, греческим и французским языками, что давало ему возможность не только читать классическую и актуальную зарубежную философскую и психологическую литературу, но и публиковать свои работы на иностранных языках. Он принимал участие в международных научных конгрессах и съездах.

С 6 апреля по 15 июня 1907 г. П. Э. Лейкфельд побывал с ознакомительными визитами в Австрии и Германии, где посетил три психологических института. Об этом он написал и опубликовал свой «Отчет» (1907), в котором также содержатся важные философские и психологические выводы.

По возвращении в Харьков с осеннего семестра 1907 г. Павел Лейкфельд начал подготовительные работы по открытию кабинета экспериментальной психологии при кафедре философии Харьковского университета. Этот кабинет был открыт в январе 1908 г., а для его работы были закуплены новейшие аппараты для опытов со слуховыми и зрительными ощущениями, относительно восприятия тепла и холода, а также для опытов «над осязательными ощущениями». В кабинете экспериментальной психологии Лейкфельд знакомил студентов и слушателей с от-

дельными аспектами новейшего философского учения «объектологии». Также по образцу лабораторий в Граце и в Лейпциге он проводил опыты по экспериментальной психологии. В «Отчете о состоянии и деятельности Императорского Харьковского университета за 1908 год» было указано: «По кафедре философии практические занятия велись по экспериментальной психологии и заключались в ознакомлении с приборами, употребляемыми в данной области и в примерных психологических опытах с приборами, имевшимися в кабинете. Студенты образовали для практических занятий 12 групп; работы велись с каждой группой отдельно».


Проф. П. Э. Лейкфельдъ.

СРЕДНЕВѢКОВАЯ и НОВАЯ

ФИЛОСОФІЯ.

Краткое извлеченіе изъ лекцій, читанныхъ въ Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ.

ХАРЬКОВЪ.

По окончании учебного года летом 1918 г. заслуженный профессор философии П. Э. Лейкфельд переселился из Харькова в Крым. Как известно, в Таврическом филиале Киевского Университета Святого Владимира в мае 1918 г. в Ялте начались занятия на двух факультетах: медицинском и физико-математическом. 30 августа 1918 года университет перебрался в Симферополь. Он включал пять факультетов: агрономический, историко-филологический, медицинский, физико-математический и юридический. Павел Лейкфельд стал профессором историко-филологического факультета Таврического университета и начал читать философские дисциплины (логика, история философии). Вместе с другими университетскими профессорами, среди которых были его бывшие харьковские коллеги профессора М. А. Остроумов и А. Н. Деревицкий, в 1920 г. он также был членом экзаменационной комиссии. В это время многие известные ученые из Украины и России перебрались в Крым и начали преподавательскую деятельность в Таврическом университете. Георгий Владимирович Вернадский был коллегой профессора П. И. Лейкфельда в Симферополе. Он преподавал здесь с 1918 г. и стал одним из основателей и первым председателем Общества философии, истории и социологии при университете, а также членом местного Религиозно-философского общества, в которое вступили многие профессора, в том числе и Павел Лейкфельд.

После прихода большевиков в Крым и установления советской власти с осени 1920 г. началась поэтапная реорганизация Таврического университета. В ее рамках с 22 ноября 1920 г. историко-филологический факультет был преобразован в философско-словесный факультет. Профессор Павел Лейкфельд продолжил свое преподавание на этом факультете. В январе 1921 г. Таврический университет был еще раз реорганизован и переименован в Крымский университет им. М. В. Фрунзе. При этом философско-словесный и юридический факультеты были упразднены, а на их основе создан новый факультет общественных наук. Профессор П. Э. Лейкфельд сначала препо-

Фото выпускников 1927 года: во втором ряду справа — П. Э. Лейкфельд, А. К. Сынопалов.

давал на факультете общественных наук, включавшем в себя отделение общей педагогики с 12 кафедрами. Основными дисциплинами, курсы по которым он читал, были история новой философии (до Канта включительно), логика и теория познания. После закрытия факультета общественных наук и педагогического отделения 1 марта 1922 г. профессор Лейкфельд продолжил читать свои курсы в Педагогическом институте, который в 1923 г. был преобразован в Педагогический факультет в рамках Крымского университета им. М. В. Фрунзе.

По воспоминаниям Б. Д. Спиртуса, который в те далекие годы был студентом педагогического факультета при университете, «в первые годы в университете работали крупные ученые, в числе которых были академики А. Е. Ферсман, В. И. Вернадский, А. Ф. Иоффе, Б. Д. Греков и др. Ректором университета в 1924 году был маленький, худенький старичок, к которому я зашел со своей командировкой. Это был бывший министр просвещения последнего состава Временного правительства С. С. Салазкин. К 1924 году наиболее именитые ученые уже уехали из Крыма, но оставалось еще немало крупных ученых, настроенных аполитично и даже антисоветски…Первый курс был общий для всех отделений. Нам читали самые разнообразные предметы. Например, историю культуры (проф. Г. А. Максимович), общую биологию (проф. В. В. Лункевич), полезные ископаемые (проф. П. А. Двойченко), прикладную ихтиологию (проф. И. И. Пузанов), технологию металлов, машиноведение (доц. Лампси), анатомию и физиологию человека (проф. Б. И. Воротынский), психологию (проф. П. Э. Лейкфельд), систему народного образования (доц. К. И. Тодорский) и др. Состав лекторов был высококвалифицированным.

После упразднения Крымского университета им. М. В. Фрунзе (1925) педагогический факультет стал основой Крымского педагогического института им. М. В. Фрунзе. Занятия в институте начались с 1 октября 1925 г. После смерти профессора Б. И. Воротынского кафедру психологии возглавил профессор П. Э. Лейкфельд. Важное место на всех факультетах пединститута отводилось психолого-педагогическим дисциплинам. Курс педагогики читали профессор А. К. Сынопалов (до его увольнения в 1928 г.), доцент К. И. Тодоровский и профессор Н. К. Бауман (с 1928 г.). Психологию и педологию (детскую психологию) преподавали профессор П. Э. Лейкфельд, доценты В. М. Белоус, И. К. Тодоровский, младший ассистент П. М. Петров».

При кафедре был основан по харьковскому образцу кабинет экспериментальной психологии. Результаты исследований под руководством П. Э. Лейкфельда в его крымский период (с 1918 г.) публиковались в виде статей в «Известиях Крымского педагогического института им. М. В. Фрунзе».

Дочь профессора П. Э. Лейкфельда, Евгения Павловна Лейкфельд (1889 – после 1961 г.), обучалась на историко-филологическом факультете Харьковского университета. Она поступила «вольной слушательницей» в Харьковский университет в 1907 г., где посещала философские и психологические занятия своего отца и приват-доцента И. С. Продана. В 1913 г. Евгения Лейкфельд успешно окончила историко-филологический факультет, и с 1918 г. переехала с отцом в Симферополь. Здесь она стала личным секретарем Луки (Валентина Феликсовича Войно-Ясенецкого, (1877 – 1961), архиепископа Симферопольского и Крымского. В 1946 – 1961 гг. Евгения Лейкфельд записала несколько богословских посланий и философских трактатов из уст плохо видевшего, а с 1956 г. ослепшего архиепископа Луки и, таким образом, сохранила важные документы периода репрессий против церкви в СССР. К сожалению, не удалось установить даты смерти Павла Эмильевича и его дочери Евгении Павловны.

В. И. Шостка

Иван **ЧЕТВЕРИКОВ**

1875–1969

Судьба Ивана Пименовича Четверикова — философа, богослова и психолога, профессора Таврического университета — типична и нетипична одновременно. С одной стороны, он, как и множество российских ученых того времени, с лихвой испытал все трагические стороны жизни в начале XX века, с другой, в конце жизни став «зарубежным» ученым, он автоматически погрузился в полное забвение на родине. Лишь небольшие и разрозненные фрагменты информации о нем показывают нам духовно богатую личность, большого российского ученого[1].

1 Подробнее о биографии ученого см.: Филиппенко Н. Г. Киевское Религиозно-философское общество (1908 – 1919): неизвестные страницы истории. Организация, люди, судьба (по материалам архивов и дореволюционной периодики) // Практична філософія. — 2005. — № 4; Ена В. Г. Профессора Таврического национального университета им. В. И. Вернадского / составители: В. Г. Ена, В. В. Бобков, В. К. Федоров. — К.: Либідь, 2007; Шостка В. И. и др. Источник знаний и просвещения. Люди, события, факты. — Симферополь: Петит, 2008; Филимонов С. Б. Из прошлого русской культуры в Крыму: поиски и находки историка-источниковеда. — Симферополь: Н. Оріанда, 2010; Биографический словарь выпускников Киевской духовной академии: 1819 – 1920-е гг.: Материалы из собрания проф. Протоиерея Ф. И. Титова и архива КДА: в 4 т. / [сост. В. И. Ульяновский] — К.: Издательский отдел Украинской Православной Церкви, 2014, т.2: — К — П. — 2015; Савонюк Р. Е. У истоков юридического образования и юридической науки в Крыму (1918 – 1920 гг.) / Р. Е. Савонюк, В. И. Шостка — Симферополь: Ариал, 2015; Мазилов В. А. Профессор В. С. Филатов как основатель ярославской психологической школы // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 15; Гусельцева М. С. Изучение художественного воспитания в Государственной академии художественных наук (по материалам протоколов заседаний 1925 – 1929 гг.) // Психологические исследования. 2011. № 4 (18); Вернадский В. И., Дневники. 1941 – 1943. — М.: РОССПЭН, 2010; Зернов Н. М. (сост.), Русские писатели эмиграции: Биографические сведения и библиография их книг по богословию, религиозной философии, церковной истории и православной культуре: 1921 – 1972. Boston: G.K. Hall & Co., 1973; Сизинцев П. В. Исследование жизни профессора И. П. Четверикова и архивный обзор истории семьи — жена, дети. / П. В. Сизинцев // Инновации

Во-первых, хотелось бы уточнить дату его рождения. В различных источниках, в том числе и в книге «Профессора Таврического национального университета им. В. И. Вернадского», указано, что Четвериков Иван Пименович родился 10 января 1880 года. На самом же деле он родился 6 (18) января 1875 г. в Туле, что подтверждается послужным списком формуляра Киевской духовной семинарии доцента статского советника И. П. Четверикова. Сначала он в 1895 году закончил Тульскую духовную семинарию. Выпускник 1 отделения 1 разряда был награжден книгой за успешное окончание семинарии и направлен для продолжения образования в Киевскую духовную академию. Далее в формуляре четко указано, что в 1895 г. И. П. Четвериков со званием студента поступил в число студентов и обучался по исторической группе наук с 1895 по 1899 г. в академии. Уже на студенческой скамье он увлекся научными исследованиями в области философии и психологии в аспекте педагогики и религиозных верований. Окончив курс академии со степенью кандидата богословия, в 1899 г. И. П. Четвериков был направлен для работы в качестве преподавателя русского и церковно-славянского языков в Екатеринодарское епархиальное училище. Спустя три месяца, 9 декабря 1899 года, по приказу обер-прокурора Св. Синода К. П. Победоносцева Иван Четвериков получил направление в Калужскую духовную семинарию на должность преподавателя сразу нескольких дисциплин: логики, психологии, начальных оснований и краткой истории философии, дидактики. «Учащиеся философии и философствующие, — учил он, — да соблюдают тверде и добре православную веру и божественные заповеди, пребывая в чистоте душевней и телесней».

Иван Четвериков

Своеобразной вехой в научной деятельности Ивана Пименовича Четверикова стала его магистерская диссертация «О Боге как личном существе», которую он защитил в 1904 году. Защите предшествовала его книга, вышедшая под тем же названием в 1903 году в Киеве. Следует заметить, что издание монографий не было обязательным в то время для защиты диссертаций. Скорее всего, И. П. Четверикову хотелось донести до широкой аудитории свои размышления о моральных императивах Христа, так как, по его мнению, их этическая ценность очень важна для развития человечества. По Четверикову, логика оценивает пригодность факта для знания. Психология изучает явления

и инвестиции, № 8, 2014; Стоюхина Н. Ю., В. А. Мазилов В. А. Четвериков Иван Пименович: данные биографии #1 // История российской психологии в лицах: Дайджест — 2016. № 4; Баранова-Шестова Н. Л. Жизнь Льва Шестова. По переписке и воспоминаниям современников. Paris : Presse libre, Cop. 1983; Орловский С. (С. Н. Шиль). К истории московского литературно-художественного кружка «Камена» // НЛО. 2010. № 105; Профессора ЯГПУ. 1918 – 2008: биографические очерки (сост. А. В. Еремин; под ред. д-ра истор. наук, проф. М. В. Новикова). Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2008.

как факты душевной жизни вне зависимости от их пригодности для знаний. Априорность есть понятие логики, и априорное познание может быть распространено только на мир явлений, но не на мир вещей в себе. Метафизика как учение об истинном бытии вполне возможна в виде веры. Человек способен мыслить то, чего не способен представить — душу, идею. И. П. Четвериков считал, что понятие о Боге выводится на основании гносеологических данных, дабы обосновать вопрос: доступно ли нашему уму познание Абсолютной Личности. Тогда гносеология дает основания для построения понятия о Боге как личном существе. Обоснование учения о Боге как личном существе встречает возражения со стороны философских учений эмпиризма, рационализма и критицизма. Путем критического анализа направлений философии по вопросу теизма И. П. Четвериков выдвигал утверждение, что «исходным пунктом обоснования теизма может быть только понятие целостного бытия, точно определенного философским путем». Концепции, изложенные молодым богословом, были позитивно восприняты в научных и теологических кругах.

В 1906 – 1908 гг. его направили на стажировку в университеты Лейпцига, Геттингена, Мюнхена «по постановке преподавания психологии и философии». Отправившись в научную командировку в Германию, И. П. Четвериков познакомился с деятельностью экспериментальной психологической лаборатории В. Вундта в Лейпциге, посещал лекции Т. Липпса и М. Шеллера в Мюнхене, учился у И. Мюллера и Э. Гуссерля в Геттингене. В 1908 году, вернувшись в Россию, он работал некоторое время профессором Высших женских курсов (Киев).

С 1909 г. И. П. Четвериков был избран доцентом Киевской духовной академии по курсу психологии. Как религиозный психолог и философ, он внимательно следил за философскими изысканиями Э. Гуссерля. Он указал, что под влиянием Э. Гуссерля был создан феноменологический анализ психических переживаний, отличный от естественнонаучных методов исследования и возвративший психологию в группу философских дисциплин. Как сторонник идей школы русского персонализма, он видел возможность проведения подобного анализа на основе непосредственного или имманентного усмотрения природы переживаний, приводящего к постижению вневременной сущности переживания в его сущностном же отношении к человеческой личности. С 1910 года Четвериков был членом совета Киевского религиозно-философского общества. Так, 23 марта 1913 года он прочитал лекцию «Современный философский и культурный кризис на Западе» в педагогическом музее им. цесаревича Алексия. В 1915 году возникает идея об издании ежемесячного журнала «Христианская мысль». В одном из писем,

датированном 9 апреля 1915 года, Четвериков писал, что принимает самое активное участие в создании журнала, который, по его мнению, должен сыграть определенную роль в общественной и культурной жизни Киева.

10 ноября 1915 года в газете «Киевская мысль» была очерчена содержательная направленность этого журнала: «Новый журнал ставит своей задачей отвечать на духовные запросы современного общества и содействовать повышению темпа религиозной жизни… Являясь органом православного самосознания, «Христианская жизнь» имеет в виду также следить и знакомить читателей с различными религиозными исканиями и настроениями как в России, так и за ее пределами. Содержание будущего журнала определяется тем, что в нем принимают участие как представители богословской науки и философской мысли в России, так и многие из известных русских писателей по религиозным вопросам». Глубокие знания философии пригодились Ивану Пименовичу в последующей жизни.

В 1916 году он избран на должность экстраординарного профессора по кафедре философии Юрьевского университета. Он не жил в Юрьеве постоянно, а приезжал туда на период учебных занятий и сессионных экзаменов, числясь в списках преподавателей историко-филологического факультета. И. П. Четвериков читал религиозно-философские лекции по эстетике и вел практические занятия по психологии. Во второй половине 1917 г. к ним добавились лекции по психологии, хотя он по-прежнему занимал должность магистра и экстраординарного профессора философии. После Октябрьской революции 1917 года он остался в Киеве, преподавал в качестве профессора в Киевской духовной академии, а в 1918 г. стал профессором, деканом литературного факультета Киевского университета им. Св. Владимира.

Тяжкие испытания, пришедшиеся на долю крымской интеллигенции в годы революции и гражданской войны, а также в последовавший за ними период социалистического строительства, являются частью общей трагедии, постигшей население полуострова.

Зарождавшийся в начале 1918 года, Таврический университет оказался вовлеченным в водоворот бесконечно сменявших друг друга политических режимов. В апреле 1918 года Крым был оккупирован германскими войсками. Но, несмотря на тяжелое время, занятия в Таврическом филиале Киевского университета в Ялте начались в срок. Однако вскоре было решено перевести университет в Симферополь. Уже в начале осеннего семестра в Крыму оказалось достаточно много известных ученых, которые волею судеб были заброшены в Крым и которые

внесли весомый вклад в становление и развитие университета. Был среди них и Иван Пименович Четвериков, который преподавал в Таврическом университете философию и психологию на юридическом и историко-филологическом факультетах с 1918 до начала 1921 года.

В октябре 1918 года Советом Таврического университета он был избран ординарным профессором по кафедре психологии. Кроме преподавательской деятельности, Четвериков активно включился в работу местных научных обществ: был избран товарищем председателя Общества философских, исторических и социальных знаний, действовавшего при Таврическом университете (председатель — Г. В. Вернадский), в котором выступал с докладами или был оппонентом по другим докладам.

Из дневников В. И. Вернадского мы узнаем, что во время его пребывания в Крыму, когда Добровольческая армия установила свою власть, он стал ближе общаться с И. П. Четвериковым, в ноябре 1919 г. организовавшего при университете Педагогическое общество «для ознакомления широкой общественности Крыма с педагогическими идеалами и основными методами их осуществления». И. П. Четвериков был избран председателем этого общества.

Еще ранее, в марте 1919 года, активизировало свою деятельность Религиозно-философское общество в Симферополе, Ялте и Севастополе. К концу 1919 года оно насчитывало 138 членов, среди которых были профессора: священник Сергей Булгаков, историк Г. В. Вернадский, философы П. П. Кудрявцев и И. П. Четвериков, ялтинский священник С. Н. Щукин и другие. Председателем общества был епископ Вениамин.

12 марта 1920 года И. П. Четвериков выступил с докладом «Памяти Е. Н. Трубецкого». 4 мая 1920 года — с докладом «В. В. Розанов и его отношение к христианству».

18 мая 1920 года в симферопольском театре Таврического дворянства ректором Таврического университета профессором Р. И. Гельвигом была прочитана публичная лекция «Наше время в свете исторического прогресса». После лекции в обсуждении приняли участие профессора — историк Б. Д. Греков, юрист П. И. Новгородцев, философ и психолог И. П. Четвериков. Деньги, вырученные в ходе данного мероприятия, были направлены на обустройство студенческого общежития.

7 августа 1920 года профессор И. П. Четвериков выступил с докладом «Духовные корни большевизма». Еще за год до этого с таким же докладом выступал в Ялте на заседании Общества Сергий Булгаков.

Он произнес очень глубокую и эмоциональную речь «Кризис

русского сознания». «Мы потеряли родину, — говорил он. — Но, чтобы иметь родину, ее нужно любить и чтить, как святыню. Вопрос о родине — не есть вопрос каких-либо политических комбинаций; это зов каждого сердца. Практическое безбожие нашего времени упразднило родину, т.к. мы, интеллигенты, стали ниже этой святыни. Мы отдались во власть люциферических обольщений, и они привели нас к кризису, они сделали нас духовными эмигрантами…»

Дочь русского философа-экзистенциалиста Л. И. Шестова Н. Баранова-Шестова в книге о своем отце приводит выдержки из писем И. П. Четверикова, сохранившихся в их семейном архиве, когда Шестов, находясь в Ялте, готовился к отъезду, но на случай, если не удастся уехать. Л. И. Шестов тогда хлопотал о кафедре в Таврическом университете. Четвериков писал ему: «До меня дошли сведения о Вашем желании выставить свою кандидатуру в приват-доценты нашего университета. Если это верно, то я и Сергей Николаевич Булгаков с большим удовольствием сделаем представление о Вас; но для «вчинения» дела необходимо

1. *Знать, действительно ли Вы хотите выставить свою кандидатуру;*
2. *Иметь Ваше curriculum vitae;*
3. *Ваши труды* […]. *(Симферополь, середина ноября 1919)*.

Пишу несколько слов относительно устройства при университете. Рекомендация моя и С. Н. [Булгакова] будет выслушана в ближайшее заседание факультета. Можно рассчитывать на благоприятный исход выборов. Вопрос с материальным обеспечением стоит тоже. В настоящее время в нашем университете с финансами обстоит дело не так благополучно, как Вам кажется. […] всю философию представляю я один. Вы могли бы рассчитывать на получение обязательного курса, напр., по истории новой философии. А получение обязательного курса влечет за собой оплату лекционных часов (не помню размеры оплаты), оплату комнаты и 30 пудов дров в месяц. Комнаты трудно находить, но находят… Всё это — при условии, конечно, если не удастся Ваш отъезд за границу. В Симферополе остановитесь, конечно, у меня. Простите, что сообщаю Вам неопределенные сведения по вопросам материального характера. Симферополь, 4.12.1919».

И вот выдержка из другого письма: «Вчера в заседании факультета был заслушан отзыв о Ваших работах и сделано постановление о допущении Вас к пробной лекции, после которой должны состояться выборы. Пробная лекция, выборы (только в факультете) и представление на утверждение управляющему

министерством — простые формальности, требуемые уставом университетов. Можно сказать, что Вы уже состоите в корпорации нашего университета, и со следующего семестра могли бы начать курс лекций. Вы можете объявить свой собственный курс, а сверх того я внесу в факультет предложение о предоставлении Вам обязательного курса по истории новой философии от Канта, если — конечно — Вы согласитесь на это [...] Симферополь, 15.12.1919».

Представляют интерес небольшие фрагменты лекций И. П. Четверикова, читанные им в Таврическом университете на историко-филологическом факультете в 1918–1919 гг. Личность он определяет, как «пучок перцепций, связку, объединение отдельных переживаний, возникающих в сознании. «Я хочу, мыслю, чувствую и т.д. ...» Совокупность этих переживаний и составляет то, что называется личностью. «Нет абсолютного единства личности. Переживания распадаются на несколько групп, а по сему можно говорить о многих личностях в душе человека:

- *физической («переживания, обусловленные связью человека с физическим миром, посредствующим началом является наше тело»);*
- *социальной (жизнь человека в определенной социальной среде порождает ряд психических переживаний — желаний, стремлений и т.д., образующих «социальную личность человека, которая также распадается на несколько личностей: классовую, сословную», и существование классовой этики, чести, что свидетельствует об особой социальной личности);*
- *культурной, или, духовной.*

Каждая личность, по мнению Четверикова, — источник стремлений, волевых актов, порой взаимно исключающих и нередко приводящих к конфликту «многих личностей в сознании». Любой человек стремится устранить этот внутренний диссонанс, прийти к гармонии. Как это сделать, Иван Пименович в лекциях не собирался рассматривать, он только хотел показать, что «неудовлетворенность разрозненностью личностей и стремление объединить их в одно» — естественное желание. Тяготение к гармоничному единству этих трех личностей объясняется статическим и динамическим единством личности, хотя некоторые психологи отрицают единство личности. Он критиковал мнение Т. Рибо и В. М. Бехтерева, которые говорили об одновременном существовании в человеке двух личностей, одновременных источников стремлений: сознательного и подсознательного. Т. Рибо приводит пример рассогласованности личности, но Четвериков с этим не согласен: «Все эти факты настолько неточно описаны, что из них нельзя строить новых

выводов относительно изменения личностей», — и настаивает на двух основных стремлениях личности к человеческому сознанию: требование единства в каждый момент и требование тождества («чтобы я не изменял убеждениям»).

В Крыму Иван Пименович, несмотря на тяжелое время, нашел свою половинку. Он женился на Аделаиде Яковлевне Гольденберг. Ей было тогда 30 лет. Она родилась в 1896 году. По воспоминаниям ее племянницы, она была врачом-рентгенологом, окончила медицинский институт в Москве, работала в госпитале Добровольческой армии. «Это был брак по большой любви. Они встретились в Симферополе, где он читал лекции в качестве профессора философии. Аделаида взяла фамилию мужа и стала православной христианкой. Моя бабушка, казалось, не возражала. У них родился сын, Николай Четвериков. Аделаида умерла в Москве в 1976 году».

После взятия Крыма красными войсками в ноябре 1920 г. Иван Пименович с группой других профессоров Таврического университета был приговорен Крымским революционным комитетом к «ссылке на север» как «социально опасный» для новой власти, и в 20-х числах февраля 1921 г. они выехали из Крыма. Семья Четвериковых находилась в одном вагоне с семьей Вернадских, и ученые вели интересные разговоры, о чем упоминал в своих дневниках В. И. Вернадский.

С 1921 года И. П. Четвериков жил и работал в Москве. В своей исследовательской работе по истории Высоко-Петровского мужского монастыря Л. П. Борейко сообщает следующий факт: «С 1921 г. в храмах Высоко-Петровского монастыря проходили занятия Московской Духовной академии, которая была изгнана властями в 1919 г. из Троице-Сергиевской лавры. Владыка Варфоломей ранее был ее насельником и профессором Духовной Академии по кафедре Ветхого Завета». Среди группы профессоров, читавших лекции, были профессора Московской Духовной Академии: святитель Илларион (Троицкий), протоирей Иоанн Смирнов, протоирей Павел Флоренский, И. В. Попов, С. С. Глаголев, Н. Д. Кузнецов, С. И. Соболевский и др., а также профессор Киевской духовной академии Иван Пименович Четвериков».

С 1921 г. Четвериков — профессор Медико-педологического института Наркомздрава в Москве, член Центральной педологической комиссии и одновременно профессор Ярославского университета, а позднее пединститута, где читал курсы экспериментальной психологии и экспериментальной педагогики, основы педагогики, философию религии.

Педагог, поэтесса, писательница и литературовед Софья Николаевна Шиль (1863–1928), писавшая под псевдонимом Сергей Орловский, в своих воспоминаниях сообщает, что, когда

она, «возвратившись из Крыма в Москву в 1921 году, задумала создать свой литературный и художественный вольный кружок для всех желающих, то ее поддержал профессор И. П. Четвериков». С января 1922 г. кружок «Камена» начал свою работу. Курс эстетики читал Четвериков, она ранее видела его лекции, изданные на каких-то педагогических курсах. Он заинтересовал ее «философской широтой своей и яркой определенностью». И хотя «первая лекция по эстетике профессора И. П. Четверикова собрала полную залу и доставила ему всеобщее поклонение», в дальнейшем Софья Николаевна огорчалась из-за равнодушия слушателей к этим лекциям: «Должно думать, они были слишком трудны, или непривычка к философскому мышлению сказывалась. Обстановка тоже была плохая. В темном пустынном деревянном доме отпирала нам двери престарелая няня; мы являлись со своей лампочкой, привинчивали ее и озирали запущенные поломанные старые скамьи, доверху промерзшие окна и всё то заброшенное, что к 1922 году осталось от прежнего. Мерзли, сидя все наши часы в шубах, но всегда с удовольствием уходили. Так, у И. П. Четверикова собиралось человек 10, а иногда и 4. Он обижался». Впрочем, плохо посещали не только лекции Ивана Пименовича, но и других профессоров, и вскоре кружок закрылся.

О работе Четверикова в Ярославле известно немногое. Так, в 1924 г. он докладывал на Ярославском губернском медико-санитарном съезде о решении создать в городе центральную психологическую лабораторию, где были бы объединены усилия губоно, губздравотдела и университета на почве борьбы с беспризорностью. Это дало бы возможность сблизить университет с жизнью, привлечь студенчество к общественной работе, придать кафедрам экспериментальной педагогики и экспериментальной психологии производственный характер, когда можно будет практикум по экспериментальной психологии и педагогике, детской неврологии и психопатологии проводить на практической работе по изучению беспризорных Ярославского края.

Известно также о большой работе ученого в Государственной академии художественных наук (ГАХН) (она была организована в 1921 г. как Российская академия художественных наук), ставшей культурным центром российских интеллектуалов, объединившей множество известных ученых для изучения проблемы синтеза искусств. Как писали сами сотрудники Академии, ее «деятельность должна была развиваться в двух направлениях: горизонтальном и вертикальном. Первое направление имеет целью изучение искусства со стороны его элементов, исследование его социальной природы и, наконец, подход к нему со стороны его теоретического обобщения. Для

достижения этих целей при Академии организовано три отделения: физико-психологическое, социологическое и философское. Деятельность отделений протекает под углом зрения синтетического изучения явлений искусства». В течение 1923–1924 гг. Иван Пименович был заместителем заведующего физико-психологического отделения.

Три четверти докладов, представленных на общих собраниях Академии, подготовлены физико-психологическим отделением, а Четвериков докладывал «Об экспериментальной лаборатории». В задачи отделения входило «изучение материала, из которого формируются произведения искусства; изучение формы и законов ее реализации; изучение конструкции в творчестве как принципа воплощения художественного замысла; изучение законов синтетического художественного выражения; изучение композиции в искусстве как принципа построения идеи произведения».

И. П. Четвериков, как действительный член академии, был активным участником отделения на всех его этапах, в том числе, и когда там начали работать новые комиссии, изучавшие проблемы ритма, восприятие пространства, художественное восприятие и творчество в условиях внушения и гипноза, внушающее действие художественного слова, опиравшиеся на практические достижения лабораторного характера. Об этом говорят его доклады: 23 января 1923 г. — «Эксперимент в эстетике», 20 марта 1924 г. — «Феноменологический метод в психологии и эстетике», 28 октября 1924 г. — «Влияние ритма на психику человека», 26 января 1925 г. — «Об исследованиях объема внимания».

29 сентября 1926 г. в комиссии по изучению вопросов художественного воспитания обсуждался доклад И. П. Четверикова о предстоящей работе комиссии, где он предлагал: «в качестве основной темы для изучения в текущем году взять изучение эволюции идей художественного воспитания, начиная с античной культуры и до наших дней с тем, чтобы в результате составился сборник статей, могущий быть напечатанным (поскольку такой работы нет ни в русской, ни в западной литературе». В своем сообщении, предполагаемом, как вводная глава к намеченному сборнику по истории идеи художественного воспитания, Четвериков «вкратце обрисовал наиболее существенные черты философского мировоззрения трех основных эпох истории Европы: античного мира, средних веков и нового времени. И в связи с ними установил главнейшие этапы развития художественно-воспитательных идей. Античный мир характеризуется целостностью мировоззрения и мироощущения, оттого и основой педагогических идей является понятие гармонического развития. Средние века — эпоха анализа, раздвоен-

ности мировоззрения, его искусство богато противоречиями, всюду смешение любви и мадонны, со стремлением подчинить первую второй. То же и в области воспитания. Новая история — эпоха развития сенсуализма и рационализма, восприятия мира лишь с определенных точек зрения; художественное воспитание сводится лишь к изучению техники отдельных видов искусства. Однако сейчас кризис мировоззрения, близится новая культура, которая должна вернуть к единству, синкретизму греков. Оттого первый выпуск сборника по истории идеи художественного воспитания посвящается Греции не только по хронологическим основаниям, но и принципиальным». В протоколах заседаний ГАХН зафиксированы также выступления Четверикова по выступлениям своих коллег, например, по докладам: А. Ф. Лосева «Учение Аристотеля об эстетическом воспитании» (15 декабря), Н. Ф. Дератани «Эстетическое воспитание в древнем Риме. Художественное воспитание по Цицерону и Квинтиллиану» (20 декабря), С. И. Радцига «Элементы эстетизма в воспитании оратора в древней Греции» (23 декабря). В комиссии по экспериментальному изучению ритма 25 ноября 1927 г. Четвериков также выступал с сообщением «Новая работа Саре о сущности ритма». Государственную Академию художественных наук закрыли в 1929 г.

В 1929 – 1930 гг. Иван Пименович Четвериков, по результатам обследования Ярославского педагогического института комиссией Наркомпроса, был уволен «как ярый противник курса рефлексологии и настроенный антиобщественно». К тому времени он читал курс «Основы педагогики», был известным специалистом-педологом.

После он жил в Москве, был профессором психотехники. 13 февраля 1933 г. его арестовали, после заключения в Бутырскую тюрьму 27 апреля 1933 г. Коллегия ОГПУ СССР приговорила И. П. Четверикова по ст. 58-11 УК РСФСР за «ведение нелегальной подготовки антисоветских кадров из церковников» к 3 годам высылки в Казахстан. Возможно, он находился в ссылке в Барнауле. После заключения ему было запрещено жить в Москве. С 1937 г. он жил в Малоярославце Московской области. Опираясь на свидетельство В. И. Вернадского, оставшееся в его дневниках, можно попробовать представить сложность жизненного пути Четверикова в тот период. 27 июля 1942 г. Вернадский писал: «Когда в октябре был взят Малоярославец, то впечатление у местных жителей было, что советская власть рушится, т[ак] к[ак] [когда] войска отступали, их не видели, а немецкое офицерство держало себя по отношению к населению сносно. В Малоярославце [оставался] проф[ессор] Ив[ан] Пим[енович] Четвериков, бывший профессор Киевского университета, занимавшийся греческой философией

и действительно — без всякой вины, кроме того, что он верующий православный, без всякого суда и без всякой вины оказался в положении парии. Он не мог жить в Москве, скрывался, когда посещал семью (жена и сын жили в Москве) и брать там работу, как специалист по древнегреческой философии. И так продолжалось более 5 лет. У меня он брал книги и весной 1941 года взял лучшее новое греческое издание. Он [И. П. Четвериков] был благородный человек, преданный науке и православию».

Сразу после войны его имя обнаруживается в списках членов Вендлингенской общины православных беженцев в Германии, руководимой о. Адрианом (Рымаренко) (1893 – 1973), будущим архиепископом Роклендским Андреем, где служили выдающиеся священнослужители Русской Православной Церкви за рубежом, а в дальнейшем — Православной Церкви в Америке.

После войны И. П. Четвериков находился в лагере для перемещенных лиц под Штутгартом. Член епархиального совета Германской епархии РПЦЗ (1950-е гг. – 1969). Читал лекции в качестве приглашенного профессора парижского Свято-Сергиевского богословского института по кафедре догматического богословия (1953 – 1954).

В послевоенные годы Четвериков читал лекции о православии во многих городах Германии. Он автор богословских статей в различных европейских журналах. Умер 2 октября 1969 г. в возрасте 94 лет в Штутгарте (Германия).

В. И. Шостка

Анатолий **СЫНОПАЛОВ**

1885 – после 1950 г.

Анатолий Константинович Сынопалов родился в семье чиновника, по некоторым сведениям, в семье царского генерала, 5 ноября 1885 года в г. Ревеле (ныне Таллинн, Эстония). После окончания гимназии в 1901 году он поступил в Гейдельбергский университет, затем заканчивал образование на историко-философском факультете Дерптского (Юрьевского, Тартуского) университета[1].

1 Подробнее о биографии ученого см.: Сынопалов А. К. Возникновение и организация Крымского педагогического института // Извести Крымского пединститута им. М. В. Фрунзе. — С. 1927, кн.1; Научные работники Крыма: справочник / Крымская секция научных работников; сост. А. А. Танатар. Симферополь, 1927; Крымский педагогический институт имени М. В. Фрунзе. 1918 – 1928. Отв. ред. ректор Института Г. П. Вейсберг. — Издание Крымского педагогического института. — Симферополь, 1928; Загородских Ф. С., Зайцев В. Л. Секиринский С. А. История Крымского педагогического института имени М. В. Фрунзе. — Крымиздат, 1960; По страницам первого номера газеты Таврического университета «Vivat Academia» / Публикация С. Б. Филимонова // Крымский архив. — 2000. — № 6; Русская интеллигенция: автобиографии и биобиблиографические документы в собрании С. А. Венгерова: аннотированный указатель / Под ред. В. А. Мыслякова: В 2 т. Т. 1. СПб.: Наука, 2001; Любищев А. А. Дневник А. А. Любищева за 1918 – 1922 гг. — М.: Биографии и мемуары, 2002; Дементьев Н. Е., Непомнящий А. А. Крымский государственный педагогический институт в 1925 – 1941 годах // История Таврического университета / Под ред. Н. В. Багрова. Киев: Либідь, 2003; История Таврического университета (1918 – 2003) / Под общ. Ред. Н. В. Багрова. — К.: Лыбидь, 2003; Лавров В. В., Бобков В. В. Юридическое образование в Крымском университете им. М. В. Фрунзе: факультет общественных наук // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского Серия «Юридические науки». Том 19 (58), № 2. 2006; Таврический университет: времена и люди: 90 лет служения науке / [авт. — сост.: В. Н. Бержанский, В. Ф. Шарапа, Г. Ю. Богданович, В. И. Шостка и др.] — К.: Лыбидь, 2008; Филимонов С. Б. Из прошлого русской культуры в Крыму: поиски и находки историка — источниковеда. — Симферополь: Н. Оріанда, 2010; Государственный исторический архив немцев Поволжья (далее ГИАНП). —

Период с 1896 года по 1917 год характеризуется большой активностью, прежде всего — талантливых молодых ученых, многие из которых на рубеже XIX – XX столетий обучались в немецких (или немецкоязычных) университетах, получили там фундаментальное философское образование и превосходно владели немецким языком. Это Анна Тумаркина, Богдан Кистяковский, Николай Гартман, Сергей Гессен, Генрих Ланц, Моисей Рубинштейн, Федор Степун, Анатолий Сынопалов, Николай Бубнов. К ним следует также отнести одного из основателей интуитивизма Н. О. Лосского, который обучался на философском факультете Бернского университета (Швейцария). Судьбы многих из них сложились очень непросто. Кому-то удалось сделать довольно удачную академическую карьеру в Германии, как Николаю Гартману и Николаю Бубнову, или в Швейцарии, как Анне Тумаркиной. Кто-то после обучения вернулся в Россию и остался до конца жизни, например, Богдан Кистяковский, Анатолий Сынопалов и Моисей Рубинштейн, либо был вынужден эмигрировать за границу, как это произошло с Сергеем Гессеном, Федором Степуном, Генрихом Ланцем, Николаем Лосским.

Анатолий Сынопалов

Анатолий Сынопалов был участником Третьего Мирового философского конгресса в Гейдельберге (31 августа – 5 сентября 1908 г.) Философ Н. А. Васильев написал, что его «вряд ли можно назвать удачным». Знаменитому логику конгресс показался таким потому, что на нем отсутствовали ведущие фигуры мировой философии — А. Бергсон, Ф. Брэдли, В. Вундт, Д. Джемс, Р. Зиммель, Г. Коген, Э. Мах, П. Наторп, А. Риль, Г. Риккерт — и еще потому, что средний уровень секционных рефератов (т. е. докладов) был невысок, не поднимаясь выше обычной университетской лекции. Но всё же было не так уж плохо. Активное участие в работе конгресса приняли Э. Бутру, В. Виндельбанд, В. Иерусалем, Л. Кутюра, Б. Кроче, Д. Ройс, Х. Файхингер, Ф. Шиллер. А это — отнюдь не второстепенные имена. Что касается русских участников конгресса, то среди них были серьезные, «остепененные» и уже известные в узких кругах ученые-философы: отец и сын Васильевы из Казани,

Ф. Р-847. — Оп. 1. — Д. 348. — Л. 77; Гартвиг Б. В. Национальная модель высшего образования в немецкой автономии. // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: История России, Изд-во: РУДН, — М., 2014. — № 4; Савонюк Р. Е. У истоков юридического образования и юридической науки в Крыму (1918 – 1920 гг.) / Р. Е. Савонюк, В. И. Шостка — Симферополь: Ариал, 2015; Саликов А. Н. Российско-германский философский диалог в конце XIX – первой половине XX века: Публикации отечественных философов в журналах «Кант — Штудиен» («Kant – Studien») и «Логос» («Logos»). Кантовский сборник, Изд-во: Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, Калининград, 2015, № 3; Непомнящий А. А. Перипетии судьбы российского профессора: неизвестные сюжеты биографии А. Н. Деревицкого / А. А. Непомнящий // Пространство и Время. — 2016. — № 3 – 4 (25 – 26).

В. Ивановский, П. Лейкфельд с супругой, профессор Духовной академии в Петербурге В. Серебренников… На Конгрессе были активны выходцы из России А. Тумаркина, Г. Ительсон. Но более интересны наши студенты, обучавшиеся тогда в Германии: Николай Бубнов, Федор Степун, Алексей Минор и Анатолий Сынопалов.

В 1909 году А. К. Сынопалов в Гейдельбергском университете защитил докторскую диссертацию на тему «Учение Канта о трансцендентальной апперцепции. Исследование развития чистого мышления», материалы которой были им опубликованы в журнале «Kant – Studien» в 1910 году. Вернувшись в родной Ревель в 1912 году, молодой философ начал свою преподавательскую деятельность в Ревельском городском коммерческом училище. Параллельно он преподавал логику и немецкий язык в городском реальном училище. Так продолжалось вплоть до 1917 года, когда у него был обнаружен туберкулез. Необходимо было сменить место жительства. До этого он несколько раз выезжал на лечение в Крым. После раздумий, посоветовавшись с супругой, он переезжает в Алушту. Здесь было решено создать гимназию. Распоряжение об открытии гимназии было подписано министром народного просвещения Временного правительства профессором А. А. Салазкиным 19 сентября 1917 года.

А уже 1 октября 1917 года гимназия в Алуште начала свою работу. Располагалась она сначала в помещении Тихомировского земского училища. Ввиду того, что желающих учиться в гимназии было очень много, в начале 1918 года гимназию перевели в здания имения «Ялы — Бахча». Директором гимназии был Анатолий Константинович Сынопалов. А. А. Брандт вспоминал: «У директора гимназии А. К. Сынопалова была довольно большая библиотека, и он иногда ссужал мне книги». («Листья пожелтелые. Передуманное и пережитое» — Белград, 1930).

Осенью 1918 года А. К. Сынопалов был приглашен в качестве старшего ассистента на юридический факультет Таврического университета, преподавал немецкий язык, вел семинарские занятия по философии Канта.

В 1920 году доцент А. К. Сынопалов принимал участие в работе Религиозно-философского и Педагогического обществ.

После прихода в Крым в ноябре 1920 года большевиков Общество некоторое время все еще существовало. Об этом свидетельствует протокол заседания Таврической ученой архивной комиссии от 5 февраля (23 января) 1922 года, посвященного 35-летию существования комиссии. В приветствии Общества философских, исторических и социальных знаний при Крымском университете отмечалось: «Еще прежде, чем при здешнем Университете образовалось Общество Философских, Исторических и Соци-

альных Знаний, весьма многие из будущих членов его нашли место, где можно было читать, подвергать научному обсуждению и даже печатать их ученые работы. Таким местом явилась для них Таврическая Ученая Архивная Комиссия в Симферополе, которая не только раскрыла пред ними двери, но и сумела широко привлечь их к своей работе. Систематическая и плодотворная деятельность ее, не прекращавшаяся даже в самые трудные моменты существования, под опытным руководством ее маститого уважаемого председателя А. И. Маркевича, разносторонность предметов ее изучения, охватившего между прочим вопросы всех гуманитарно-исторических дисциплин без исключения, а также широкий научный подход к ним, исключительное обилие и высокое научное достоинство ее изданий, — всё это создавало редко благоприятную атмосферу и служило стимулом для соучастия членов Университета, представляющих эти дисциплины своей ученой работой, в трудах Комиссии. И после того, как три года тому назад при Университете образовалось самостоятельное Общество Философских, Исторических и Социальных Знаний, оно повело свою работу и поныне продолжает ее вести в тесной связи с Архивной Комиссией. Вот почему наше молодое Общество с особенно горячим и сердечным чувством приветствует своего старшего собрата — Таврическую Ученую Архивную Комиссию по случаю исполнения 35-летия ее деятельности и желает ей долгих лет процветания.

Председатель профессор А. Смирнов.

За секретаря Ан. Сынопалов».

В 1921 году А. К. Сынопалов был избран Ученым секретарем, заместителем декана факультета общественных наук Крымского университет им. М. В. Фрунзе. Первоначально факультет общественных наук размещался в здании духовной семинарии, а затем, в помещениях бывшего духовного училища (ныне территория Медицинской академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского). Несмотря на тяжёлое материальное положение, университету к началу 1922 года удалось полностью сохранить профессорско-преподавательский состав, несколько расширить студенческий контингент. В январе 1922 года в университете работали 65 профессоров и 184 преподавателя, обучалось 4080 студентов. Факультет общественных наук имел 4 отделения: правовое — 9 кафедр, общей педагогики — 12 кафедр, экономическое — 6 кафедр, восточное — 6 кафедр. На факультете работали 13 профессоров и 20 преподавателей. Всего на 4 отделениях обучалось 435 студентов. В распоряжении факультета было 8 лабораторий, 4 клиники, 2 кабинета. Здесь работали профессора П. Н. Ардашев, П. Г. Бондарев, В. М. Гордон, П. Э. Лейкфельд, М. О. Гриденгер, А. А. Раевский, Н. К. Гудзий, С. А. Богуславский,

А. М. Лукьяненко, А. А. Смирнов, И. А. Линниченко, А. И. Маркович, М. А. Штромберг, доценты А. К. Сынопалов, А. Н. Дмитревский, А. Н. Федорович, Л. В. Жирицкий, П. И. Новицкий, С. С. Макульский, Н. Ф. Яницкий, М. П. Гирра, В. О. Филоненко, Н. Г. Чернобаев, М. Е. Бененсон, И. И. Власов, Г. Н. Абрамов, М. П. Ряснянский. Деканом факультета был профессор М. О. Гриденгер.

А. К. Сынопалов выполнял также обязанности помощника архивариуса Крымского архивного управления.

После окончательного установления в ноябре 1920 года в Крыму советской власти отдел народного образования Крымревкома поручил профессору Таврического университета Б. Д. Грекову работу по организации Крымского архивного управления (Крымцентрархива). В январе 1921 года оно уже имело утвержденный штат служащих: заведующего (Б. Д. Греков), двух архивариусов (А. И. Маркевич и Н. М. Марков), двух помощников архивариусов (А. К. Сынопалов и П. В. Маслов), двух сотрудников (А. П. Ястребов и М. Ф. Яновский), младшего служащего (Л. Э. Баук-Гаге). Должность делопроизводителя занимал профессор М. О. Гредингер, заменивший в июле 1921 года Б. Д. Грекова, уехавшего и Москву.

Усилия КрымЦИК и Совнаркома по сохранению в составе университета факультета общественных наук не увенчались успехом. 22 августа 1922 года на заседании Президиума СНК Крыма было решено реорганизовать его следующим образом: экономическое и правовое отделения объединить в социально-экономический институт, содержимый на местные средства и располагающий 6 пайками вместо 14, предоставлявшихся двум отделениям факультета. В состав временного бюро по управлению институтом до организации его Совета были введены преподаватели Прейс, Левковский и профессора М. О. Гриденгер, Н. Г. Чернобаев. Деканом института был утверждён преподаватель Прейс. На базе педагогического отделения создавался педагогический институт, также содержимый на местные средства и располагавший 8 пайками из прежних 14. Временное бюро по управлению институтом было утверждено в составе преподавателей И. И. Новицкого и Дмитревского, профессоров А. К. Сынопалова, Лукьяненко и Смирнова. Деканом назначался преподаватель П. И. Новицкий. Приёмной комиссии университета предлагалось осуществить приезд слушателей в новые институты. 22 сентября 1922 года в газете «Красный Крым» сообщалось о предстоящем открытии при Крымском университете двух институтов. 15 октября 1922 года состоялось торжественное открытие социально-экономического института, а 2 ноября 1922 года в здании 5-ой Советской школы состоялось торжественное открытие педагогического инсти-

тута. Регулярные занятия в нём начались 8 ноября 1922 года. Летом 1923 года был ликвидирован социально-экономический институт. Почти все его профессора и преподаватели перешли на работу в педагогический институт.

С 1 октября 1925 года педагогический факультет окончательно был преобразован в Крымский педагогический институт имени М. В. Фрунзе, а Крымский университет был упразднён. Почти все профессора и преподаватели бывшего Крымского университета остались работать в педагогическом институте.

После реорганизации Крымского университета с октября 1925 года по 1928 год профессор А. К. Сынопалов исполнял обязанности проректора по учебной части Крымского государственного педагогического института им. М. В. Фрунзе. Кроме того, читал введение в философию, педагогику и немецкий язык.

Философу Сынопалову посвятила стихи известная в то время поэтесса Аделаида Герцык:

Шутка

За горами, за долами,
В некоем спасенном граде
Приютился дом в прохладе
Под лапчатыми листами.
Много в нем людей живало,
Но красой его и славой
Был ученый ворон Галя
И философ Сынопалов.
Ворон был известный критик,
Хоть угрюмо молчаливый,
Неустанный аналитик,
Всё исследовал ревниво.
К болтунам был беспощаден.
Ницше гнал неутомимо,
Каждый раз, шагая мимо,
Он щипал его изрядно.
А философ Сынопалов
Всех топил в потоках речи…
Грохотала, услаждала
Всех, попавшихся навстречу…

Весна 1925.

В 1927 году А. К. Сынопалов подготовил и опубликовал в «Известиях Крымского педагогического института имени М. В. Фрун-

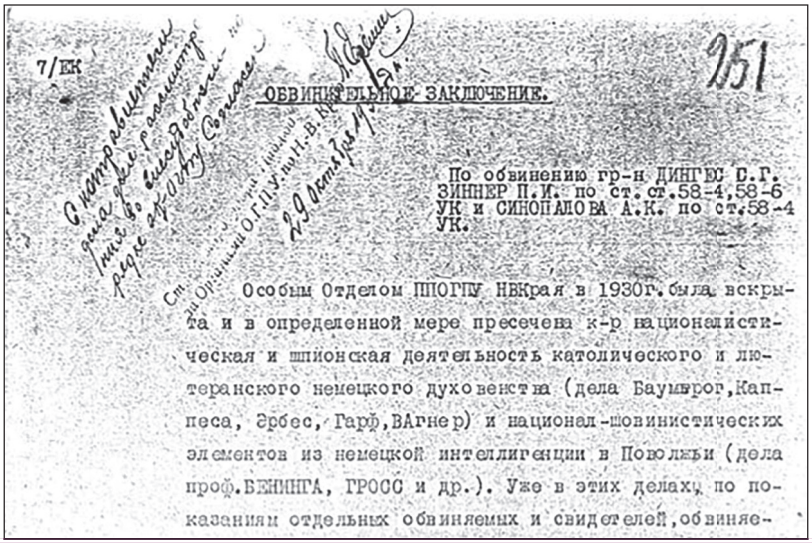
зе», одним из инициаторов издания которых был он сам, статью «Возникновение и организация Крымского педагогического института имени М. В. Фрунзе», посвященную 10-летию первого высшего учебного заведения Крыма. В статье приводится личный состав Крымского педагогического института:

По количеству высококвалифицированных научных кадров Крымский пединститут занимал одно из первых мест в стране.

Однако, как и большая часть его коллег, А. К. Сынопалов негативно воспринял назначение в 1927 г. ректором Крымского педагогического института им. М. В. Фрунзе ассистента С. Т. Бобрышева, читавшего в вузе историю ВКП(б). В конце 1927 г. на перевыборах ректора и проректора по учебной части профессура, организованная профессором А. Н. Деревицким, оказала «дерзкое сопротивление» кандидатурам, предложенным обкомом партии. Показательно, что в составленной Крымским обкомом ВКП(б) справке «Профессура и преподавательский состав Крымского педагогического института» профессор А. Н. Деревицкий охарактеризован как «политический вдохновитель, организатор и вождь антисоветских элементов здешней профессуры», а, бывший заместителем директора по учебной части института, А. К. Сынопалов — как «его ставленник, верный приказчик и авантюрист». Конечно, небольшой группе профессоров не удалось переломить ситуацию в институте. Однако вместо ассистента С. Т. Бобрышева тогда директором института был избран преподаватель социологии и педагогики, известный краевед и деятель народного образования Григорий Петрович Вейсберг. А. К. Сынопалова, не без помощи обкома партии, убрали из института. Он уехал и искал работу в Москве. «С его [Сынопалова] отъездом из Симферополя, — говорилось в справке обкома партии, — атмосфера в пединституте значительно разрядилась. А. Н. Деревицкий — и тот совсем утих, и в настоящее время работа в институте вошла в нормальную колею». После увольнения из пединститута А. К. Сынопалов работал преподавателем немецкого языка в институте аспирантуры при Сельскохозяйственной академии им. В. И. Ленина.

Глубокий анализ состояния народного образования, проведенный в Автономной Советской социалистической республике немцев Поволжья, созданной Наркомпросом в 1928 году комиссией в составе Г. Дингеса, А. Лонзингера, И. Брауна, И. Фрей и А. Сынопалова, позволил обратиться в правительственные органы страны с предложением о создании немецкого педагогического института в г. Энгельсе (Покровске).

18 сентября 1928 года Совнарком принял Постановление об открытии Немецкого пединститута «по подготовке преподавательского персонала как для АССР НП, так и для немецкого



7/ЕК

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

По обвинению гр-н ДИНГЕС Г.Г. ЗИННЕР П.И. по ст.ст.58-4,58-6 УК и СИНОПАЛОВА А.К. по ст.58-4 УК.

Особым Отделом ПОГПУ НКРая в 1930г. была вскрыта и в определенной мере пресечена к-р националистическая и шпионская деятельность католического и лютеранского немецкого духовенства (дела Баумгрог, Каппеса, Эрбес, Гарф, ВАгнер) и национал-шовинистических элементов из немецкой интеллигенции в Поволжьи (дела проф. БЕЙНИГА, ГРОСС и др.). Уже в этих делаху по показаниям отдельных обвиняемых и свидетелей, обвиняе-

Обвинительное заключение

населения всего Союза в целом». В развитие данного Постановления Главное управление профессионального образования Наркомпроса РСФСР разработало Положение об организационном комитете Немецкого педагогического института. Возглавил его председатель Совнаркома В. А. Курц, его заместителем стал Н. Н. Беллендер, заместитель наркома просвещения, представителем от обкома партии был назначен Г. Шульц. В оргкомитет вошел представитель от наркомата просвещения УССР, научный секретарь, профессор А. К. Сынопалов, консультантом и экспертом был назначен профессор Саратовского государственного музея, директор Центрального музея республики Г. Г. Дингес.

Институт был открыт 1 октября 1929 года. Это событие совпало с одиннадцатилетием провозглашения Немецкой автономиии. Не успели отзвучать победные фанфары, как новому, только что открывшемуся учебному заведению был нанесен тяжелейший кадровый урон: 30 января 1930 года органами НКВД была арестована группа преподавателей вуза, и в их числе профессора Г. Г. Дингес и А. К. Сынопалов. Им было предъявлено обвинение в антисоветской контрреволюционной деятельности. «Вина» ученых была и в том, что они считали институт высшей профессиональной школой, призванной играть огромную роль в культурном строительстве, а не в воспитании революционеров.

Роковую роль в судьбе профессора А. К. Сынопалова сыграла директор немецкого пединститута Анна Георгиевна Пауль-Горст. Она является автором статьи «Сынопаловщина» в газете «Трудовая правда» («Nachrichten») от 2 августа 1930, что дало повод для репрессий организаторов и первых пре-

подавателей Немпединститута в г. Энгельсе А. Сынопалова, Г. Дингеса и П. Рау.

Г. Г. Дингес умер в ссылке в 1932 году, а А. К. Сынопалова освободили ввиду обострения туберкулеза, тем более, что вину он не признал. В пединститут он так и не вернулся.

После освобождения некоторое время он работал в институте аспирантуры при Сельскохозяйственной академии им. В. И. Ленина, в котором он трудился до Немецкого пединститута. Известно только то, что в 1950 году он перевел с французского «Страсти души» Р. Декарта. На русском языке «Страсти души» были впервые опубликованы в переводе Н. Н. Сретенского в Сочинениях Декарта (Казань, 1914). Для издания 1950 г. новый перевод был сделан профессором А. К. Сынопаловым. Дальнейшая судьба ученого неизвестна.

С. Б. Филимонов

Религиозно-философские общества в Крыму

С конца XIX века под влиянием в первую очередь В. С. Соловьева важным направлением развития русской философии становится осмысление религиозных вопросов. Это привело, в частности, к тому, что в 1901 – 1903 годах в Санкт-Петербурге возникают Религиозно-философские собрания, а чуть позже в трех крупнейших городах Российской империи — Религиозно-философские общества: в 1905 году — в Москве, в 1907-м — в Санкт-Петербурге, в 1908-м — в Киеве. Увы, деятельность этих обществ продолжалась недолго: вскоре после октябрьских событий 1917 года они прекратили свое существование.

Но после 1917 года интеллигенция, спасаясь от большевистского террора, устремилась в провинцию, в том числе в «белый» Крым. В результате осенью 1918 года здесь был открыт Таврический университет, а в 1919 году — Религиозно-философские общества в Симферополе, Севастополе и Ялте.

К сожалению, архивов этих обществ найти не удалось — вероятно, они погибли в огне Гражданской войны. Но регулярно появлявшаяся на страницах крымских газет 1919 – 1920 годов информация о деятельности этих обществ позволяет воссоздать их историю. Эти источники свидетельствуют о том, что в деятельности крымских Религиозно-философских обществ ведущая роль принадлежала профессорам Таврического университета, а выдающаяся роль — профессору-священнику Сергию Булгакову.

Религиозно-философское общество в Симферополе формально было образовано еще в начале 1910-х годов. Но энергичную деятельность оно развернуло лишь с марта 1919 года, в разгар Гражданской войны. Вот что об истории Общества рассказывал осенью 1919 года знаменитый иерарх Русской Православной

Церкви, в то время — епископ Севастопольский (викарий Таврической епархии) Вениамин (Федченков): «Оно (Общество. — *С. Ф.*) возникло в Симферополе лет 7–8 назад. Потом деятельность его замерла. Лишь после поста (так в тексте. — *С. Ф.*), когда религия стала снова привлекать к себе сердца людей, оно возродилось. Члены Общества стали по понедельникам собираться в покоях архиепископа и беседовать на религиозно-философские и связанные с событиями темы».

О начале деятельности Общества в марте 1919 года газета «Таврический голос» сообщала: «В понедельник 4 (17) марта в зале Епархиального Совета (в Духовной Консистории) состоялось под председательством преосвященного Вениамина первое собрание Таврического православного религиозно-философского кружка. Был заслушан доклад преосвященного Вениамина «О современных задачах церковной деятельности для интеллигенции». Докладчик, между прочим, познакомил собравшихся с новым произведением С. Н. Булгакова «На пиру богов». За докладом последовала оживленная беседа. Собрание прошло с большим подъемом. Заседания кружка решено устраивать каждый понедельник в 6 часов вечера. Товарищами председателя кружка избраны профессора А. П. Кадлубовский и Г. В. Вернадский».

К концу 1919 года Общество насчитывало 138 членов. Среди них — профессор Таврического университета священник Сергий Булгаков, историк профессор Г. В. Вернадский, историк профессор Б. Д. Греков, историк литературы профессор А. П. Кадлубовский, философ и теолог профессор П. П. Кудрявцев, юрист профессор Ф. В. Тарановский, философ и психолог профессор И. П. Четвериков, знаменитый ялтинский священник С. Н. Щукин, в свое время друживший с А. П. Чеховым и способствовавший написанию последним рассказа «Архиерей»[1], и другие. Председателем Общества был епископ Вениамин (Федченков).

Проводить заседания Общества еженедельно, как первоначально предполагалось, судя по газетной информации, не удавалось. Сохранившиеся газеты зафиксировали следующие заслушанные на заседаниях Общества доклады (перечисляю их в хронологическом порядке, сохраняя, как это было принято в «белом» Крыму, старый стиль):

4 марта 1919 года. Епископ Вениамин. «О современных задачах церковной деятельности для интеллигенции»;

1 См.: Пшенева И. А., Филимонов С. Б. Епископ Таврический Михаил (Грибановский) на страницах Полного собрания сочинений и писем А. П. Чехова (опыт источниковедческого прочтения) // Культура народов Причерноморья. — Симферополь, 2001. — № 25. — С. 51–54.

25 марта 1919 года. М. К. Богословский. «О причинах удаления русской интеллигенции от веры и церкви и о средствах, могущих содействовать возвращению»;

31 марта 1919 года. М. М. Седакова. «Религия и нравственность в средней школе»;

7 апреля 1919 года. Б. Д. Греков. «Достоевский и социализм»;

19 августа 1919 года. П. М. Петров. «Философия смерти»;

22 сентября 1919 года. С. Н. Булгаков. «Духовные корни большевизма»;

25 сентября 1919 года. С. Н. Булгаков. Памяти В. В. Розанова; епископ Вениамин. Памяти В. В. Розанова;

4 и 11 ноября 1919 года. А. П. Кадлубовский. О церковном богослужении;

18 ноября 1919 года. Епископ Вениамин. «Красота пасхального богослужения»; С. Н. Булгаков. О церковном богослужении;

25 ноября 1919 года. С. Н. Щукин. О религиозном миросозерцании Владимира Соловьева;

2 декабря 1919 года. Ф. В. Тарановский. «Религия и наука»;

24 апреля 1920 года. А. И. Яроцкий. «Идеализм как физиологический фактор»;

4 мая 1920 года. И. П. Четвериков. «В. В. Розанов и его отношение к христианству»;

октябрь 1920 года. Митрополит Киевский Антоний (Храповицкий). «Почему Иисус Христос именовал себя «Сыном Человеческим» и почему его именовали «Сыном Божиим»;

12 октября 1920 года. П. П. Кудрявцев. «В поисках коренной причины переживаемых нами бедствий»; «Организация питания с христианской точки зрения».

Епископ Вениамин (Федченков), председатель Религиозно-философского общества в Симферополе

О большинстве докладов, заслушивавшихся на заседаниях Общества, газеты лишь упоминали. Иначе обстояло дело с докладами С. Н. Булгакова. Особое внимание газеты уделили его докладу «Духовные корни большевизма». Докладу предшествовала броская реклама, содержание доклада было изложено на страницах и «Таврического голоса», и «Южных ведомостей», доклад вызвал печатные отзывы — и восторженный, и язвительно-отрицательный, и взвешенный отзыв профессора Н. К. Гудзия. Поскольку эти публикации (равно как и все другие, связанные с участием С. Н. Булгакова в деятельности научных обществ в Крыму в годы Гражданской войны) не значатся в из-

данном списке печатных трудов С. Н. Булгакова и литературы о нем, они оставались малоизвестными.

А вот что писали газеты о некоторых других докладах С. Н. Булгакова в Религиозно-философском обществе в Симферополе и его выступлениях в прениях. Газета «Таврический голос», сообщая о состоявшемся 25 сентября 1919 года заседании Общества, посвященного памяти В. В. Розанова, отмечала, что «проф. С. Н. Булгаков сделал доклад о гениальном русском мыслителе В. В. Розанове. За неимением в данный момент произведений покойного, докладчик лишен был возможности обрисовать В. В., как писателя, яркими красками». 2 декабря 1919 года, выступая в прениях по докладу профессора Ф. В. Тарановского «Религия и наука», С. Н. Булгаков подчеркивал, что «подвиг ученого есть иноческий подвиг. На Западе нередко наблюдается, что монастыри представляют обители ученых, ведущих самые ответственные научные изыскания. От[ец] С. Н. Булгаков указал и на некоторые расхождения с докладчиком в вопросах более специального философского характера». Выступал С. Н. Булгаков в прениях и по докладам о. Сергия Щукина о Владимире Соловьеве и И. П. Четверикова о В. В. Розанове.

В Крыму в годы Гражданской войны Религиозно-философские общества, помимо Симферополя, были образованы еще и в Севастополе и Ялте. Но если о существовании Религиозно-философского общества в Севастополе свидетельствует единственная заметка (других источников обнаружить не удалось), то о деятельности Религиозно-философского общества в Ялте газеты содержат обширную информацию.

Оказывается, еще летом 1918 года в Ялте образовалась группа лиц, интересующихся религиозно-философскими вопросами. Устраивались собрания, читались и обсуждались доклады. Так, знаменитый лесовод профессор Г. Ф. Морозов выступил с докладом «Наука и религия», зоолог профессор С. И. Метальников — с докладами «Наука и этика», «Механическое мировоззрение и современная действительность», а драматург В. И. Ребиков прочел свою драму «Антихрист». Предполагалось преобразовать этот узкий по составу кружок в открытое для публики научное общество. Но приход весной 1919 года к власти в Крыму большевиков помешал осуществить задуманное. Лишь в октябре 1919 года, при власти генерала А. И. Деникина, было образовано ялтинское Религиозно-философское общество.

Учредителями Общества стали следующие лица: Д. Ф. Азбукин, граф П. Н. Апраксин, профессор С. Н. Булгаков, П. И. Веденисов, С. Н. Волобуев, Н. А. Зевакин, Г. Г. Знаменский, П. П. Извольский, В. И. Клиппель, С. С. Кострицкий, профессор С. И. Метальников, профессор Г. Ф. Морозов, драматург

С. А. Найденов, В. И. Поль, драматург В. И. Ребиков, В. А. Тернавцев, Г. С. Чернорук, протоиерей Сергий Щукин.

В совет Общества были избраны Д. Ф. Азбукин, граф П. Н. Апраксин, Н. А. Зевакин, Г. Г. Знаменский, П. П. Извольский, профессор С. И. Метальников, профессор Г. Ф. Морозов, Г. С. Чернорук. Председателем Общества избрали протоиерея Сергия Щукина, почетным членом — профессора священника С. Н. Булгакова, секретарем — А. Д. Мещерякова.

23 октября 1919 года в газете «Ялтинский вечер» появилась заметка председателя Общества протоиерея Сергия Щукина «К открытию религиозно-философского общества». Заметка содержала указания на причины возникновения Общества и его задачи:

«В пятницу, 25 октября, в 5½ час. вечера, в зале мужской гимназии состоится публичное заседание ялтинского Религиозно-философского общества.

Религия была в России долгое время в загоне.

Она казалась пережитком далекого прошлого; быть религиозным считалось признаком некультурности; не сомневались, что религия есть опора политического застоя. Религиозность выдающегося человека, такого как Гоголь, считалась показателем его умственного расстройства.

‹…›

Нелегким следует назвать путь неверующего к религии, к вере и церкви. «Скудно взыскуется и слабо брезжит в душе свет (религии) чрез темное облако греха и смятенности, труден путь чрез современность к православию и обратно», — говорит проф. Булгаков в предисловии к своей книге «Свет невечерний». Но уже многие двинулись в путь, близится Бог к человеку. По мысли учредителей общества, оно в выборе докладов для обсуждения не будет стоять на какой-либо односторонней или на вероисповедной точке зрения; важно лишь, чтобы доклад был отмечен серьезной религиозно-философской мыслью.

Желательно, чтобы лица, которым не чужды интересы религии и философии, не прошли мимо возникающего общества».

Первое заседание Общества состоялось 25 октября 1919 года. Заметка об этом событии появилась на следующий же день. Поскольку она содержит уникальную информацию обо всех заслушанных на заседании сообщениях, в том числе о докладе С. Н. Булгакова «Кризис русского сознания», остававшемся неизвестным исследователям творчества ученого, ниже воспроизвожу эту заметку полностью.

«Переполненный публикой зал мужской гимназии, горячие выражения сочувствия ораторам говорят за то, что возобнов-

ление деятельности общества очень своевременно, что истерзанный современностью дух стремится к религиозно-философской мысли, как к пристанищу успокоения.

На эту назревшую потребность указал первый оратор, Г. С. Чернорук, рассказавший историю возникновения общества в Ялте и выступивший с защитой идеалистического миропонимания, т.к. позитивно-материалистическое не может дать полного удовлетворения духовным запросам.

Священник о. С. Щукин в тепло произнесенном слове говорил о тревоге, возникшей в душах людей еще задолго до войны, о богоискательстве, о том, что изменилось наше отношение к христианству. Мы забыли основную его идею — идею страдания Богочеловека за людей, и обратили внимание на Бога — отмстителя и карателя. Благодаря этому забыта идея вселенского братства, спаянного любовью.

Следующий оратор, Н. А. Зевакин, поставил вопрос о смысле жизни. Нужно найти этот скрытый высший смысл, синтез разума и любви, управляющий миром. Не наука и искусство помогут его найти, а религиозно-нравственные идеи, обладающие универсальной доступностью, и в этом их большая ценность. Религиозно-философское общество объединит членов работой над вопросами высшей морали и самоусовершенствованием.

Священник профессор С. Н. Булгаков произнес глубокую, логически спаянную и пламенно убедительную речь о кризисе русского сознания, кризисе родины.

Мы потеряли родину. Но, чтоб иметь родину, ее нужно любить и чтить, как святыню. Вопрос о родине — не есть вопрос каких-либо политических комбинаций; это зов каждого сердца. Практическое безбожие нашего времени упразднило родину, т.к. мы, интеллигенты, стали ниже этой святыни. Мы отдались во власть люциферических обольщений, и они привели нас к кризису родины, они сделали нас духовными эмигрантами. Этот процесс начался давно, когда так. наз. «лишние люди», излюбленные нашей литературой, не умели найти себя на родине. Думали, что жизнь можно устроить на основании отвлеченных идей равенства, братства, социализма, но эти рецепты составлялись неизвестно для кого; чувству к родине здесь не было места. Ведь «международное» единение не знает родины; оно знает лишь человека, гражданина вообще. И вот мы стали эмигрантами из страны этих отвлеченных идей, мы потеряли родину. Во время войны мы ощутили ее, как стихию, а в эпоху революции этот кризис родины обострился, но не преодолен он и сейчас. Чтобы его преодолеть, нужно пересмотреть свой идейный багаж, произвести рево-

люцию внутри себя, более трудную, чем революция на улицах. Но нельзя смотреть на родину и народ как на высшие ценности только потому, что это свое. Такой национализм местный ведет к уродливым проявлениям национализма мелких народностей нашего времени; он ниже интернационализма, все же высокой вселенской идеи.

Идея нации может иметь лишь религиозный смысл и оправдание. Нужно подняться до идеи нации в религии (не в литературе, искусстве, науке, языке). Чтобы быть патриотом, нужно иметь сердца, открытые горнему миру без идолопоклоннической страсти к своему национальному. Нация существует постольку, поскольку она имеет свое религиозное лицо; ведь культура стоит на религиозной основе. Оратор вспоминает, что сознание родины у русских и XVI, и XVII и XIX века (у славянофилов) было религиозным. Идея родины стала антирелигиозной и потому слабой у русской руководящей интеллигенции XIX в., забывшей свое историческое прошлое, свою веру. Вопрос о возрождении родины — это вопрос о духовной борьбе за русскую душу, за темные истоки творчества, которые таятся в вере. Большевизм — бич Божий и напоминание, что мы должны возродиться каждый внутри себя, должны отрешиться от интернационала во всех его формах. Нужно вернуться из духовной эмиграции на родину, вернуться с покаянием в грехе заблуждения и нелюбви. Родина должна родиться в сердцах образованного общества.

Речь о. С. Булгакова прослушана с напряженным вниманием и вызвала возгласы сочувствия».

Крымские газеты времен Гражданской войны зафиксировали также следующие заслушанные на заседаниях Общества доклады (перечисляю их в хронологическом порядке в соответствии с указаниями газет, т.е. по старому стилю):

25 октября 1919 года. Г. С. Чернорук. «Организация Общества»; протоиерей Сергий Щукин. «Вступительное слово»; Н. А. Зевакин. «О необходимости и своевременности разработки религиозно-философских вопросов»; профессор С. Н. Булгаков. «Кризис русского сознания»;

22 ноября 1919 года. Г. В. Бостунич. «Основные мировоззрения теософии»;

6 декабря 1919 года. А. Д. Мещеряков. «В. В. Розанов о Христе и христианстве»;

20 декабря 1919 года. Профессор С. Н. Булгаков. Чтение «последнего произведения «На пиру богов: современные диалоги»;

6 февраля 1920 года. Заседание, посвященное памяти скончавшегося от тифа в Новороссийске князя Евгения Николаевича Трубецкого. Протоиерей о. Сергий Щукин. «Вступительное слово»; С. К. Маковский. «Об отношении князя Е. Н. Трубецкого к искусству»; Н. В. Тесленко. «Князь Е. Н. Трубецкой как общественный деятель»; профессор С. Н. Булгаков. «Князь Е. Н. Трубецкой как религиозный мыслитель»;

7 августа 1920 года. Профессор И. П. Четвериков. «Духовные корни большевизма» (напомню читателям, что почти годом раньше, 22 сентября 1919 года, на заседании Симферопольского Религиозно-философского общества доклад с таким же названием был прочитан С. Н. Булгаковым);

4 сентября 1920 года. Профессор С. Н. Булгаков. «Религия и школа».

Как видим, доклады С. Н. Булгакова и начинали, и завершали деятельность ялтинского Религиозно-философского общества. Два месяца спустя после последнего доклада в Ялту вступят части Красной Армии, и ялтинское Религиозно-философское общество перестанет существовать…

О большинстве докладов, заслушивавшихся на заседаниях Общества, газеты лишь упоминали. Иначе обстояло дело с материалами докладов С. Н. Булгакова.

4 (17) сентября 1919 года в газете «Ялтинский курьер» появилась блистательная публицистическая статья знаменитого драматурга С. А. Найденова «Из дневника современника», написанная под впечатлением прочитанной им книги С. Н. Булгакова «На пиру богов». Поскольку три с половиной месяца спустя Найденов, будучи членом ялтинского Религиозно-философского общества, вероятно, прослушает еще и доклад Булгакова на ту же тему, эту статью Найденова можно в определенной степени рассматривать как отзыв не только о книге, но и о докладе Булгакова.

2 февраля 1920 года, за 4 дня до доклада С. Н. Булгакова, посвященного памяти Е. Н. Трубецкого, в газете «Ялтинский курьер» была напечатана его статья «Памяти князя Евгения Николаевича Трубецкого», послужившая, вероятно, основой доклада. Из библиографического указателя трудов Булгакова, изданного в 1996 году, явствует, что эта статья (ошибочно указано, что она напечатана в «Ялтинской газете», — в 1920 году газеты с таким названием не было) переиздавалась лишь один раз, давно и за рубежом (в 1970 году в парижском «Вестнике русского студенческого христианского движения»); следовательно, статья эта малоизвестна современному отечественному читателю.

А между тем эта статья была последней работой С. Н. Булгакова, при его жизни опубликованной на Родине…

О докладе Булгакова «Религия и школа», до недавнего времени остававшемся неизвестным специалистам, общее представление дает напечатанная 16 (29) сентября 1920 года в газете «Ялтинский вечер» заметка барона П. Л. Меллера-Закомельского «Религия и школа: Реферат проф. С. Н. Булгакова».

В «Ялтинском вечере» удалось выявить и еще одну публикацию, имеющую непосредственное отношение к Булгакову. 26 сентября (9 октября) 1919 года в симферопольской газете «Южные ведомости» были напечатана статья «Экзекуторы», направленная против Булгакова и епископа Вениамина за их выступления с обвинением интеллигенции в атеистическом влиянии на народ. 3 октября 1919 года в «Ялтинском вечере» появилась статья Николая Савича «Интеллигенция и духовенство» в поддержку позиции С. Н. Булгакова.

В ноябре 1920 года Крым стал красным в прямом (от крови) и переносном значении этого слова. Ряд членов крымских Религиозно-философских обществ эмигрировали (граф П. Н. Апраксин, профессора Г. В. Вернадский, П. П. Кудрявцев, С. И. Метальников, Ф. В. Тарановский, И. П. Четвериков). Другие умерли (профессора А. П. Кадлубовский, Г. Ф. Морозов). Третьи были репрессированы (С. Н. Булгаков[2], С. Н. Щукин). На религиозную философию большевиками на долгие годы был наложен запрет…

2 Подробнее о крымском периоде биографии С. Н. Булгакова см.: Филимонов С. Б. С. Н. Булгаков // Филимонов С. Б. Из прошлого русской культуры в Крыму: поиски и находки историка-источниковеда. — Симферополь, 2010. — С. 118–156; Филимонов С. Б. Религиозно-философские общества в Крыму // Там же. — С. 101–102; Филимонов С. Б. «Выслать за границу бессрочно…» (Дело отца Сергия Булгакова) // Филимонов С. Б. Тайны крымских застенков. Документальные очерки о жертвах политических репрессий в Крыму в 1920–1940-е годы. Изд. 3-е, доп. — Симферополь, 2007. — С. 20–33.

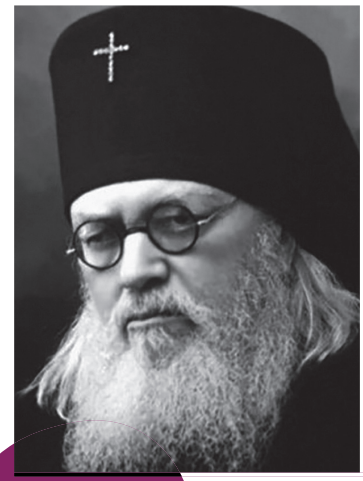
Н. Н. Доненко

Богословие **МУЧЕНИЧЕСТВА**

Русская жизнь, русский мир полны противоречий и взаимоисключающих движений. В нашей истории были удивительнее взлеты и трагические провалы, трещины и разрывы, из которых поднимались инфернальные испарения… Но были и удивительные прозрения, божественные посещения. Порой взаимоисключающее сосуществовало, находилось рядом так близко, как только могло быть, образуя боль и трагедию для целого поколения. Но мы знаем, Господь наш Иисус Христос присутствует не над бурей, не над схваткой, не в стороне от трагических событий, но, напротив, в центре человеческой боли. И мы можем это разглядеть, подобно апостолам во время бури на Генисаретском озере, и подобно апостолу Петру, пойти по волнам навстречу Спасителю. В своем роде это богословие, богословие действием, рождающееся в сердце, любящем Христа. И только при наличии такой решительности даруется чудо, и утихают внешние и внутренние бури, человек обретает мир, тишину и реальную встречу со Христом в своем умиротворенном сердце.

История Крыма, как и всей России, особенно в XX веке, была исполнена потрясением и болью, которая красной нитью прошла через судьбы лучших представителей нации, способных говорить нет лукавству, лжи и насилию, в каких бы обличиях они не представлялись. Подобные люди — свет и соль нашей земли, в первую очередь, мученики, исповедники и подвижники благочестия. Если мы может говорить с другими народами на равных, то это потому, что у нас есть такие же гениальные писатели, ученые, философы, как во Франции, Германии, Англии, и если их присутствие дает нам право вести равноправный диалог, то наличие великих святых дает нам особое дерзновение

свидетельствовать об Истине, их глазами видеть самих себя и весь мир в свете евангельской правды и, соответственно, свидетельствовать об этой правде своими словами, поступками, всей своей жизнью. Собор новомучеников Российских — это не что иное, как смысловая и духовная скрепа, сохраняющая вопреки всему, русский мир целостным. Для русской и восточно-христианской цивилизации вообще — это несущая конструкция нашей жизни, некая Богом дарованная реальность, краеугольный камень, то, что помогает нам увидеть иное качество бытия, ощутить и осмыслить свое предназначение. За последние десятилетия мы пережили множество кризисов — экономический, политический, культурный, моральный, но самый страшный из них — это кризис нашей идентичности. Мы усомнились в своем первородстве, в своем особом предназначении, что повлекло великие потрясения и общенациональную трагедию. Нам необходимо вернуться к незамутненным источникам нашего духовного и национального жития, устремить свой ум и сердце ко Христу и Его Святой Церкви. И в этом отношении духовный опыт XX века, начиная от Св. Патриарха Тихона до святителя Луки Крымского, есть не что иное, как источник нашего национального вдохновения. Это новые обстоятельства в истории русского мира, порождающие новые смыслы, которые в свою очередь приводят нас на Голгофу, к Животворящему Кресту. Именно оттуда проистекает Божественная правда, облекаясь в плоть и кровь русской истории, являясь для нас непреходящей ценностью, особым смыслом, небесной радостью, которую мы должны вместить в свое сердце, и поделиться ею с другими.



Архиепископ Лука

Феномен христианского мученичества не всегда доступен для людей, живущих вне церкви. Как правило, для них невинно пострадавший человек — уже мученик. А между тем необходимо различать тех, кто пострадал за свои политические убеждения, социальное происхождение, культурные предпочтения или просто в силу сложившихся обстоятельств, и тех, кто сознательно принял страдания ради Христа и Его Церкви. Не умаляя человеческих страданий первых, мы должны сказать, что именно вторые и только они являются христианскими мучениками, которые осознанно приняли трагические обстоятельства своей жизни и добровольно по своей свободной, никем и ничем не принуждаемой воле согласились страдать ради Христа.

В данном случае важно, что мученик — это трезвый и адекватный человек, соглашающийся с ситуацией, в которую его поместил Господь, — с той эпохой, политическими и идеологическими обстоятельствами, которые привели его в тюрьму или лагерь. И он говорит себе: «Я признаю, что это так», в отличие от тех, кто, подобно неблагоразумному разбойнику, возму-

щается, шумит и пытается преодолеть обстоятельства своей жизни. Христианский же мученик не только соглашается с объективными реалиями жизни, но и принимает их как от Самого Христа. Тогда, когда он отдает свою свободную волю, сердце и ум, всего себя и свою надежду Христу, всё удивительным образом преображается, и он становится благоуханной жертвой Богу. И эта, уже новая реальность, связующая земное с небесным, становится достоянием всего мира. Для безбожника страдания — черная дыра, пустое место, не имеющее смысла, которое невозможно проговорить словами. Но для христианина, верящего и доверяющего Богу Действительному и Действующему во всякий момент истории, даже в самый мрачный и непроницаемый ее период, страдания, в силу добровольного принятия, становятся не бессмысленным мучением, но претворяются в благодатный творческий акт отдачи себя Богу: «Вот я» (Ис. 6, 8). В падшем мире скорби и потрясения неизбежны, но отнестись к ним можно по-христиански, сделав шаг им навстречу в духе любви. Страдания и боль становятся созидательными, когда христианский мученик принимает их по своей воле, как и, напротив, они могут быть разрушительными для тех, кто злобой и ропотом пытается их отогнать. Жертвы насилия, каких было много, лишены голоса, но не молитвы.

Все главные события XX века, на мой взгляд, происходили в России или так или иначе имели к ней отношение. Те, кто еще совсем недавно представлялся большинству главным в истории ушедшего столетия, — деятели и творцы новой коммунистической реальности, — медленно, но верно растворяются в памяти нового поколения. И в то же время на историческом горизонте появляются блистательные имена, такие как преподобномученица княгиня Елизавета и инокиня Варвара, царственные страстотерпцы, конечно, Святейший Патриарх Тихон, священномученики Петр Крутицкий, Иларион Верейский, Фаддей Тверской, и конечно же крымские святые — совершители практического богословия, в первую очередь священноисповедник чудотворец Лука Крымский, который с удивительным блеском соединил в себе православное богословие, целостность научной картины мира, исповеднический подвиг и огромный труд врача-хирурга и теоретика. Его жизнь была подобна человеку, идущему вверх по лестнице: каждый шаг дается с трудом, но в то же время поднимает его на новый уровень. Удивительным образом камнем преткновения, о который спотыкались его современники, для него становились ступенями, ведущими к вершинам духовного совершенства. У святителя Луки была редкая способность в любых, самых сложных жизненных ситуациях умом и сердцем разворачиваться в нужном направлении, безошибочно чувствовать, что задумал о нем Господь, что Он хочет от него в конкретный момент. И эта глубинная религиозная

интуиция, абсолютная жажда вечности устремляли его ум и великую силу духа к Горнему Отечеству.

Архиепископ Лука (в миру Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий (1877–1961) — епископ Русской православной церкви, архиепископ Симферопольский и Крымский. Он — российский и советский хирург, ученый, автор трудов по анестезиологии, доктор медицинских наук, профессор, духовный писатель, доктор богословия (1959), лауреат Сталинской премии первой степени (1946) за выдающиеся достижения в области медицины. Жизненный путь святителя Луки был исключительно трудным. Но если малые страдания выводят нас из себя, то великие возвращают нас к себе и в конце концов приводят ко Христу. Несомненно, важнее, как человек принимает свою судьбу, нежели какова она на самом деле. И святитель Лука принимал обстоятельства своей жизни как дар свыше, с легкостью, которая рождается только в смиренном сердце. Все, чем он занимался в своей многотрудной жизни, он делал серьезно, с максимальной ответственностью и пониманием важности происходящего. Со всеми, кто приходил к нему, — а это были очень разные люди, — он обращался со вниманием и отеческой заботой, которая всегда с любовью ищет возможности помочь тому, кто оказался рядом. «Не великие дела угодны Богу, — говорит святитель Василий Великий, — а великая любовь, с которой они делаются. Нет ничего великого, когда любят мало, и нет ничего малого, когда любят много».

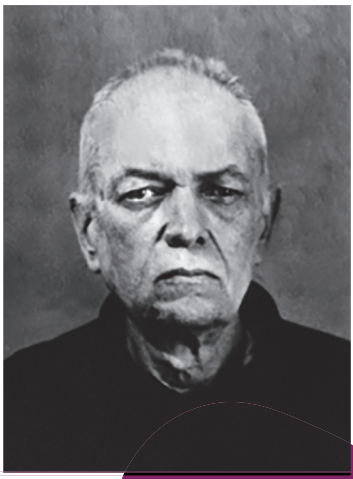
В. Ф. Войно-Ясенецкий

Слова Василия Великого с особой ясностью помогают нам понять, каким был в своей земной жизни архиепископ Лука, что было для него главным, неотменяемо важным. Он всегда радовался, когда к нему приходили страждущие как к врачу, но неизменно подчеркивал, что если те же люди придут к нему как к архиерею, то он будет радоваться еще больше. Главным в своей жизни он считал архиерейское служение, свидетельство истины Христовой, за что претерпел огромные страдания, гонения, тюремные заключения. Перед любой смертельной опасностью он без колебаний исповедовал свою веру.

Подобным образом поступали и другие новомученики и исповедники Крыма. Нельзя не сказать о замечательном архиерее священномученике Никодиме (Кроткове, 29.09.1868 – 21.08.1938). Его жизненный путь был особенным. Потеряв жену в 22 года, он вскоре принял монашество и всю свою жизненную энергию отдал служению Православной Церкви. Был ректором духовной семинарии в Пскове и Ардоне, служил епископом в Кишиневе и Киеве, побывал в плену у поляков вместе с митрополитами Антонием (Храповицким) и Евлогием (Георгиевским). По благословению Святейшего Патриарха Тихона в 1920 году с риском для жизни пересек фронт и возглавил Крымскую

епархию. Когда под давлением Красной Армии большинство архиереев решили покинуть Отечество вместе с Добровольческой Армией, он, вопреки смертельной опасности, принял решение остаться со своей паствой. Когда началась трагическая компания по изъятию церковных ценностей, сопровождавшаяся кощунством и насилием, он встал на защиту христианских святынь. В союзе с НКВД бесчинствовала так называемая обновленческая церковь, ее представители отнимали приходы у православных, подстрекали власти на более радикальные гонения и, захватив епархиальное управление, объявили себя реальной церковной властью. Архиепископу Никодиму предложили отказаться от управления епархией и покинуть Крым, что он решительным образом отверг. Его позиция была выверена умело продуманным сочетанием церковных канонов и советских законов. Но власти нужна была безоговорочная капитуляция священнослужителей перед ложными обвинениями и полное признание своей вины. Перед лицом неизбежного ареста он совместно с архиепископом Димитрием (Абашидзе) принял решение в тайне от всех, в первую очередь властей, рукоположить во епископа вдового протоиерея Александра Зверева (24.02.1870 – 20.11.1937), который служил в Петро-Павловском соборе в Симферополе и преподавал в Таврической семинарии.

28 августа 1922 года поздно вечером на подворье Космо-Дамиановского монастыря в Симферополе для пострига и архиерейской хиротонии прибыл архиепископ Димитрий (Абашидзе), который находился под домашним арестом в Топловском монастыре. На хиротонии присутствовал настоятель Александро-Невского собора священномученик Димитрий Игнатенко и игумения Космо-Дамиановского монастыря Вирсавия (Подозникова). В силу особых обстоятельств вместо обычной торжественно-продолжительной речи епископ Сергий ограничился лаконичным заявлением, в котором, признавая Советскую власть, говорил о своей решимости, если это потребуется, быть исповедником. Его попытка найти взаимопонимание с властью основывалась на готовности пострадать за Истину: «…Мы не можем не признавать гражданской власти и не повиноваться ей, мы приветствуем решение нашей республики о совершенном отделении Церкви от государства и школы от Церкви и нежелание ее вмешиваться во внутренние дела какой-нибудь религии. Со своей стороны, мы идем навстречу всем добрым пожеланиям республики и позволяем себе никакими нашими деяниями ставить какие-либо препятствия к осуществлению Республики и ее власти.



Епископ Лука. Ташкент, тюрьма НКВД. 1939 год

При этом мы надеемся, что гражданские власти нашей республики не станут вмешиваться в наши религиозные убеждения, не станут вынуждать нас идти за них только на мучения».

После того как большевики одержали победу стало ясно, что и из противоборствующих политических сил, каких было много во время революции и гражданской войны., именно эта сила стала политической реальностью. Епископ Сергий, как и архиепископ Никодим и другие, признали ее как жестокую, богоборческую, но все же реальную власть. И несмотря на весь трагизм такой перспективы, придерживались этого убеждения до конца.

На смену преподобническому подвигу пришли времена исповеднические, за каждый церковный поступок и даже слово правды неминуемо приходилось давать ответ.

В конце ноября 1922 года начался образцово-показательный суд над священномучеником Никодимом и группой священнослужителей епархии. Власти хотели обратить максимальное внимание общественности на так называемые преступления Церкви. Свое право силы они пытались представить силой права. Архиепископ Никодим с достоинством православного архиерея опроверг нелепые обвинения и представил свою позицию как безупречную с точки зрения советского закона. Но поставленная политическая задача была выполнена. Он был осужден и отправлен в нижегородскую тюрьму с лишением права когда-либо проживать в Крыму и на Украине. Впоследствии его много раз арестовывали, и в конце концов он умер во время допросов в костромской тюрьме.

Недолго оставался на свободе и священномученик Сергий. В 1923 году его арестовали и выслали из Крыма. Дальнейшая его жизнь чередовалась сменой кафедр, арестами и заключением. В карагандинском лагере он снова обвинен с группой других священнослужителей и там же расстрелян.

Другим замечательным священнослужителем был епископ Порфирий (Гулевич, 26.02.1864 – 02.12.1937). 11 сентября 1931 года он был переведен на Крымскую кафедру. Он часто служил и проповедовал, разъясняя пастве вес сложности и опасности, происходящие от безбожников и обновленцев. Многим он стал духовным отцом. Совершая богослужение, владыка преображался, всем своим существом возносясь ко Господу, увлекая своим вдохновенным молением. По свидетельству очевидцев, с епископом Порфирием было легко молиться, все постороннее отступало, и архипастырь, предстательствующий за возлюбленных чад, соединялся с ними в молитве пред Горним престолом. Святитель много раз подвергался арестам и гонениям, пребывание на Крымской кафедре было для него временем бескровного мученичества.

9 октября 1936 года владыка был арестован по обвинению в контрреволюционной деятельности и после четырехмесячного пребывания в симферопольской тюрьме сослан в Казахстан, на

станцию Уш-Тоб. 20 ноября 1937 года ему было предъявлено новое обвинение. Виновным он себя не признал. 1 декабря 1937 года епископ Порфирий был приговорен к расстрелу. 2 декабря приговор приведен в исполнение.

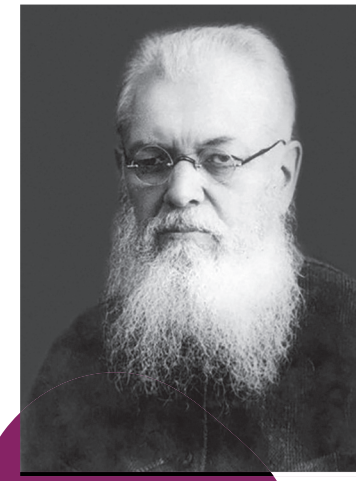
Вместе со священномучеником Порфирием были арестованы лучшие священнослужители Крымской епархии, его ближайшие сподвижники, такие как священномученик Димитрий Киранов, происходивший из древнего болгарского священнического рода, в котором были мученики и исповедники, пострадавшие от турок. С 1913 года священномученик Димитрий служил в ялтинском Иоанно-Златоустовском соборе. За мужественное исповедание веры он неоднократно подвергался гонениям, узам и ссылке. Как верный свидетель Истины он был расстрелян 4 января 1938 года.

Его родной брат писал жене и дочери из лагеря: «Путь ко спасению проходит нормально, по указанию апостола Иакова — сперва страдания, затем терпение, а перенося их, приучаешься к смирению, которое, надеюсь, породит в будущем любовь и приведет ко спасению (…). Страдаю я, как вам известно, совершенно невинно юридически и фактически, так как перед государством и перед властью ни в чем не повинен, весь город это может подтвердить (…). Перед Богом же виноват за многие и многие грехи, за что и несу это ужасное наказание как заслуженное. Карцер — отсюда только и просить Бога, чтобы простил меня, а я Его лишь благодарю за милость исправления этим путем. Всех вас прошу: да будет мир между вами во спасение ваше, а мне в утешение».

С особой любовью в памяти православной Евпатории запечатлелся образ священномученика Елеазара Спиридонова, настоятеля греческой Ильинской церкви. Смиренный, кроткий, он в то же время был духовным центром не только города, но всех греческих общин Крыма. Его мудрые советы, духовное руководство были небесным даром и спасительным утешением. В жестокие годы лихолетья он помогал осознать колеблющимся, ради чего должен жить христианин и за что умирать. Летом 1937 года его арестовали и сослали на Колыму, где он мученически скончался 6 декабря 1938 года.

Его родной брат мученик Димитрий Спиридонов — человек большого ума и незаурядной эрудиции. В то же время он обладал удивительным смирением и кротостью, которые рождали поистине изумительную, лишенную всякой мнительности деликатность, которой многие современники искренно удивлялись. После окончания СПДА он с 1913 по 1916 год провел в Греции, занимаясь научной работой, где он сблизился со многими университетскими профессорами и архиереями. Опу-

бликовал интересные исследования: «Древнехристианские мученики», «Новациан и его раскол», «К вопросу о мученичестве св. Климента, папы Римского, в Крыму», «Уроженцы Северного побережья Черного моря в истории древнегреческой мысли» и «О мариупольских греках», переводил святого Климента Римского и других древних авторов, вел обширную научную переписку. В 1938 году в Симферополе, как староста Троицкого храма, был арестован. Отвергнув всякие обвинения, 29 ноября 1938 года принял мученическую кончину.



Архиепископ Лука в Крыму

В это же время пострадали и другие новомученики Крымской епархии, прославленные на Юбилейном соборе 2000 года. Их великий подвиг помогает нам осознать, что скорби, переносимые верующим человеком, являются своеобразной прививкой к Лозе — Христу. И пока ее нет, плоды могут быть красивыми и изобильными, но для пищи непригодными. Но когда прививка страданием произошла, «мног плод сотворите» (Ин. XV, 8).

Богословие мученичества писалось на скрижалях крымской истории кровью и страданиями. А как мы знаем, на крови мучеников произрастает Церковь, в недрах которой мы спасаемся. Разумеется, в объеме данной статьи мы не можем говорить подробно об особенностях жизненного пути многих священномучеников Крыма, но их присутствие в нашей истории было и остается лучом божественного света, помогающим осмыслить нашу жизнь.

Новомученики Крыма наполняют нашу историческую память особым смыслом и являются духоносными творцами русской истории, а те, кто принимал полубожественную славу, чьими именами переименовывали города и улицы, уходят в забвение. Все, что соотносимо с Христом, Его Божественной правдой, имеет особый строй и особый статус и принадлежит не только земной истории.

Именно здесь, на окраине Русской империи, на ее священной границе, за которой начинается чуждый и враждебный мир, с особой остротой можно почувствовать отечественную историю, Божественный замысел о ней, к которому должен прикоснуться своим сердцем всякий русский человек, не желающий утратить свое первородство. Крым, Южный берег, царские места, — это особое пространство для нашего исторического сознания, где был пережит большой террор, жестокость братоубийства и все исторические несправедливости, которые помогают нам осознать простую вещь — за свою душу нужно бороться. Если мы не будем думать о себе, о своем духовном и историческом предназначении, об этом будут думать другие… И то, что они придумают, скорее всего нам не понравится,

хотя бы потому, что будет мало совместимо с нашей духовной и национальной жизнью. К сожалению, подобное происходило в нашей истории, и всякий раз, когда мы доверяли просвещенным европейцам думать и решать вместо себя, к нам неизменно приходили бродившие по Европе призраки марксизма, либерализма, облекались в русскую одежду, и, как следствие, проливалась невинная кровь.

Центром нашей цивилизации, национальной жизни и, конечно же, нашей личности является Господь Иисус Христос. В идеале мы от Него исходим и к Нему возвращаемся. Вне Христа, вне Евангельской Истины ничего богоугодного совершить невозможно. Всем лучшим, как уже говорилось, что есть у нас и в нас, мы обязаны Церкви, святоотеческому прочтению Евангелия, которое хранится на Престоле православного храма и в недрах нашего сердца. В заамвонной молитве, когда заканчивается Божественная литургия, есть слова: «Всяко даяние благо, и всяк дар совершен свыше есть, сходяй от Отца светов». И это несомненно так. Всякий подлинный дар нисходит свыше, потому что за всяким даром есть подлинная жертва — крестная жертва Самого Господа, через которую мы приобщаемся Христовой любви. И в первую очередь тогда, когда снимается ложная самозащита и Бог входит в человеческое сердце. А те, кто этого еще не сделал, должен помнить, что Христос, подобно нищему, смиренно стоит у порога нашего сердца и ждет подаяния любви. Мы должны помнить, что христианское мученичество, которое нам так блистательно было явлено в XX веке, напрямую связано с крестными страданиями Христа. И, являясь главным нервом русской истории, напрямую связано с литургическим сознанием, Божественной Евхаристией. В центре христианского мученичества всегда Крест Христов и Его божественная любовь.

Как мне представляется, первейшая наша задача — усвоить, по преимуществу мученический, опыт XX века, сделать его своим. Раскрыть для себя и мира величие лучших сынов нашего Отечества, в первую очередь дарованных нам Богом великих святых. На мой взгляд, мало одержать победу, ее надо еще удержать, сделать ее своей для грядущих поколений. Наивно думать, что ее никто не захочет отнять или оклеветать. Бесы лжи и подмены в нашей информационной эпохе, как мы видим, доминируют, и наивные люди неизменно становятся их жертвой. Русскую историю неоднократно переписывали в зависимости от политических и идеологических установок. И если мы на это соглашаемся, то совершаем грех против духа, против национальной души, и в конце концов против Самого Бога.

Мы должны набраться мужества, а не только смелости и силы, которым может быть противопоставлена чужая, большая сила,

а именно мужества, чтобы противостать тому, что сильнее и больше тебя. Даже самое тихое «нет», которое сказано в этом мире, остается всегда священной реальностью, если оно сказано ради Христа, если его целью было отрицание лжи, лукавства и всякой подмены. Решимость сказать «нет» любым химерам, внешним сумеркам и даже своему страху есть особый опыт новомучеников XX века. Самый реальный и действенный способ отстаивать непреходящую Истину: «Иисус Христос вчера и сегодня и во веки Тот же» (Евр. 13, 8). Уникальный опыт мученичества XX века органически вырос из Богообщения преподобных отцов, которых было так много в тысячелетней русской истории, рожденной выбором великого князя Владимира. В течение долгих столетий в совершенно разных обстоятельствах лучшие сыны нашего Отечества, великие князья, цари, мученики, преподобные молитвенным подвигом, подвижнической жизнью и даже собственной смертью свидетельствовали о ду-

Памятник святителю Луке в Симферополе

ховном выборе князя Владимира, подтверждая ту цивилизационную, культурную, а главное, святоотеческую традицию, восходящую к святым Апостолам. Все главное в нашей вере, а, стало быть, в жизни, не менялось с апостольских времен, оставаясь краеугольным камнем русской истории. Святоотеческая традиция иногда расширялась, иногда сужалась, но никогда не прекращалась. И сейчас, перед лицом внешних вызовов и угроз, а также внутренних нестроений мы должны подтянуть свою историческую память и обратиться к незамутненным источникам национально-культурного бытия, органически выросшего из апостольской проповеди. В этом жизненно важном деле у нас есть помощники — Собор новомучеников XX века, дерзновенно молящийся у Престола Божия о своих собратьях и русской державе. Для нас это источник вдохновения, серьезный повод к духовной решимости осознать самих себя и свое предназначение, и всей своей жизнью свидетельствовать об Истине, игнорируя пафос умных и сильных, технически доминирующих в этом мире. Вместе с Апостолом Павлом и новомучениками Российскими мы не хотим знать ничего, «кроме Иисуса Христа, и притом распятого» (1 Кор. 2, 2).

Мы прошли через великие страдания и потрясения и вправе ожидать многого от своей исторической памяти. Настроение сегодняшнего дня может быть преодолено коллективным воспоминанием о том лучшем, что освящено Богом в нашей истории. Прославляя мучеников, исповедовавших Христа Сыном Божиим, мы созерцаем Божественную любовь, не дающую нам окончательно погрузиться в греховную тьму.

Всем лучшим, что есть у нас, в нашем сердце, жизни, культуре и цивилизации, мы обязаны Православной Церкви, Христову свету «просвещающему и освящающему всякого человека, грядущего в мир». Представления о жизни и смерти, небе и земле, истине и справедливости, верности, жертвенности и так далее выросли из опыта прочтения Нового Завета, вошли в нашу культуру, быт и повседневность, стали отличительной частью восточно-христианской цивилизации.

Христианские идеалы, представление о возможном и должном делали все необходимое, чтобы в человеке выживало человеческое, чтобы скотское, низменное не могло стать приоритетным и альтернативным человеку как образу и подобию Творца. В идеале только человеческое в человеке может быть преображено Божественным Духом и стать наследником Небесного Царства.

V

НАЧАЛО НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ НООСФЕРЫ

В. В. Буряк
В. И. Шостка

Владимир **ВЕРНАДСКИЙ**

1863–1945

Владимир Иванович Вернадский родился 28 февраля (12 марта) 1863 г. в Петербурге. В 1885 г. окончил физико-математический факультет Петербургского университета. С 1890 г. — приват-доцент минералогии Московского университета. В 1898–1911 гг. — профессор Московского университета, академик Петербургской академии наук (1912).

С 1914 г. — директор Геологического и минералогического музея Петербургской академии наук. Один из организаторов Комиссии по изучению естественных производительных сил России, в 1915–1930 гг. — председатель Комиссии, создатель и первый президент Украинской академии наук (1919).

В 1920 г. — профессор кафедры геологии, в 1920–1921 гг. — ректор Таврического университета.

В 1922–1939 гг. — директор Государственного радиевого института. Член Чехо-словацкой (1926) и Парижской (1928) академий наук.

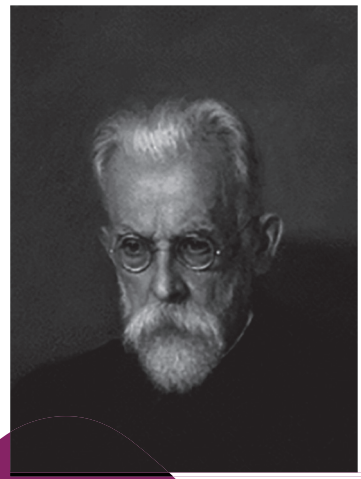
В 1927 организовал в Академии наук СССР отдел живого вещества, преобразованный в 1929 г. в биогеохимическую лабораторию, директором которой являлся в 1927–1945 гг.

Лауреат Государственной премии СССР (1953). Основоположник геохимии, радиогеологии, биогеохимии, создатель учения о биосфере и ноосфере. Автор теории строения силикатов и алюмосиликатов, новой эволюционной теории происхождения минералов. Исследователь геохимических закономерностей строения и состава Земли, месторождений радиоактивных элементов, химического строения биосферы, истории науки. Автор исследований по проблемам минеральных ресурсов Крыма.

Умер 6 января 1945 г. в Москве[1].

Современное научное знание поступательно развивается, специализируется, в результате чего постоянно формируются новые научные направления. Эта тенденция характерна для всего поля динамически трансформирующейся науки. В такой ситуации проявляются две основные тенденции: дифференциация и интеграция наук. Наряду с этим существует также стремление учёных к поискам осуществления междисциплинарной коммуникации. Ноосферология на этапе своего формирования и представляется в качестве комплексной, междисциплинарной научной программы.

В свете адекватного видения и прогнозирования трансформаций систем «природа — общество» и «человек — природа», предположения о катастрофических последствиях глобализации (согласно «весомой» аргументации традиционалистов и антиглобалистов) ясно, что феномен глобализации для понимания нуждается в адекватном концептуальном каркасе. Ввви-



Владимир Иванович Вернадский

1 Подробнее о биографии ученого см.: Вернадский В. И. Дневники, 1917–1921. Январь 1920 – март 1921/ Сост. С. Н. Киржаев и др. — К., 1997; Вернадский В. И. О научной работе в Крыму в 1917–1921 годах // Крымский архив. 2000, № 6; Вернадский В. И., Жизнеописание. Избранные труды. Воспоминания современников. Суждения потомков. — М.: «Современник», 1993; Ена В. Г. Профессора Таврического национального университета им. В. И. Вернадского / составители: В. Г. Ена, В. В. Бобков, В. К. Федоров. — К.: Лыбидь, 2007; Шостка В. И. и др. Источник знаний и просвещения. Люди, события, факты. — Симферополь: Петит, 2008; Таврический университет: времена и люди: 90 лет служения науке / [авт. — сост.: В. Н. Бержанский, В. Ф. Шарапа, Г. Ю. Богданович, В. И. Шостка и др.] — К.: Лыбидь, 2008; Филимонов С. Б. Из прошлого русской культуры в Крыму: поиски и находки историка — источниковеда. — Симферополь: Н. Оріанда, 2010; В. И. Вернадский и Крым: люди, места, события… / Н. В. Багров, В. Г. Ена, В. В. Лавров и др. — 2-е изд., перераб. — К.: Лыбидь, 2012; Шостка В. И. Роль и значение современного образования в формировании интеллектуального человека будущего. // В. И. Шостка, Ю. М. Дубинянский // Современные проблемы науки и образования. — Харьков: Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина. — 2012; Буряк В. В. Владимир Иванович Вернадский — основоположник учения о ноосфере / В. В. Буряк, И. А. Ильченко // Учёные записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Философия. Культурология. Политология. Социология». — Симферополь, 2014. — Том 27 (66). — № 1–2; Савонюк Р. Е., Шостка В. И. У истоков юридического образования и юридической науки в Крыму (1918–1920 гг.) — Симферополь: Ариал, 2015; Буряк В. В. Тенденции развития современной науки. История и методология / В. В. Буряк, В. И. Шостка, Н. В. Шостка // Симферополь: ДИАЙПИ. — 2016; Башта А. И. Университетское образование: инновационные педагогические тренды для профессионального обеспечения оптимальной устойчивости ноосферного развития региона / А. И. Башта, В. В. Буряк, Г. Н. Ротанов, В. О. Смирнов, В. И. Шостка, Н. В. Шостка // Устойчивое инновационное развитие: проектирование и управление, 2016. — Т. 12, № 2 (31); Башта А. И. Комплексный междисциплинарный подход к пониманию актуальных проблем формирования современного высшего образования в контексте учения В. И. Вернадского /А. И. Башта, В. В. Буряк, В. О. Смирнов, В. И. Шостка, Н. В. Шостка // Устойчивое развитие: наука и практика», 2016. — вып. 2 (17).

ду этого основанием теоретической схематизации и является понятие ноосферы. Оно имеет универсальный междисциплинарный статус, что позволяет использовать его достаточно эффективно не только в области философии, естествознания, но также в сфере социальных наук и гуманитарных дисциплин.

Формирование целостной системы знаний о тенденциях трансформаций современного высокотехнологического общества, о рисках, условиях безопасности и принципах устойчивости — одна из главных задач ноосферологии. Согласно определению «Философского энциклопедического словаря», «***Ноосфера — новая, высшая стадия биосферы, связанная с возникновением и развитием в ней человечества, которое, познавая законы природы и совершенствуя технику, начинает оказывать определяющее влияние на ход процессов, в охваченной его воздействием сфере Земли, глубоко изменяя её в ходе своей деятельности***» (Философский энциклопедический словарь, 1983). Здесь содержится перечисление наиболее характерных признаков ноосферы, выделенных в разное время В. И. Вернадским. Будучи энциклопедистом и великим мыслителем, он ясно аргументировал воздействие пресловутого «человеческого фактора» на биосферу («природу»), космос и возвратным образом — на самого же человека.

В. И. Вернадский в студенческие годы

Ученый и общественный деятель — академик Владимир Иванович Вернадский (1863–1945) был равно признан и в царской России, и в Советском Союзе, и в постсоветской России. Он один из немногих русских ученых, влияние, идей и самой личности которого вышло далеко за рамки научного сообщества и остается неизменно ощутимым на протяжении всей истории России в XX веке.

Несмотря на огромное число публикаций, жизнь и некоторые аспекты деятельности Вернадского до сих пор мало изучены. Даже до конца не осознав всей глубины воззрений его на мир живой и неживой природы, роль общества и человека в этом мире, роль государства в формировании человека будущего, современная наука всецело пользуется его идеями.

Владимир Иванович Вернадский родился в Петербурге в 1863 году. Через пять лет семья Вернадских переехала в Харьков. Рано научившись читать, Владимир многие часы проводил за книгами, читая их без особого разбора, постоянно роясь в библиотеке отца. Большое впечатление произвели на него географические книги, описания путешествий и великих явлений природы. Интересовался он историей, главным образом греческой. Читал, конечно, стихи и рассказы, но прежде заглядывал в конец: терпеть не мог печальных финалов.

Петербургская классическая гимназия, где он учился с третьего класса, была одна из лучших в России. Здесь хорошо препода-

вались иностранные языки, история, философия. В дальнейшем Вернадский самостоятельно изучил несколько европейских языков. Он читал литературу, преимущественно научную, на пятнадцати языках, а некоторые свои статьи писал по-французски, по-английски и по-немецки. Интерес к истории и философии ученый сохранил на всю свою жизнь.

В 1885 году окончил Петербургский университет. В 1886 – 1888 гг. работал в минералогическом музее Петербургского университета, в 1889 – 1890 стажировался за границей. С 1890 г. приват-доцент, в 1898 – 1911 гг. — профессор Московского университета. В 1912 г. избран действительным членом Российской академии наук. Один из организаторов и председатель (1915 – 1930) Комиссии по изучению естественных производительных сил России (КЕПС) при Академии наук.

В 1917 – 1921 гг. работал на Украине, он главный организатор, первый президент и академик (1919) Академии наук Украины. Огромную роль в жизни ученого сыграл Крым. Он воодушевлял и вдохновлял ученого, давая ему пищу для размышлений. Несмотря на тяжелые моменты жизни в период гражданской войны в Крыму, полуостров стал для него источником духовности, нравственного потенциала и научного вдохновения, о чем свидетельствуют не только сохранившиеся дневниковые записи, но и его научные труды, написанные в тот период.

В 1920 г. В. И. Вернадский становится профессором кафедры геологии, в 1920 – 1921 гг. — ректором Таврического университета. Самые насыщенные и драматические моменты крымского периода жизни В. И. Вернадского связаны с Симферополем, с Таврическим университетом. В Симферополе он неоднократно бывал во времена своих поездок на полуостров. Теперь же ему предстояло работать здесь около года. Этот год был наполнен бурной научной и административной деятельностью. В это время в Симферополе В. И. Вернадский столкнулся с чуждым ему по своей сути миром насилия и невежества. Здесь же его ожидало прощание со многим из того, что было для него самым дорогим в жизни. В Симферополе навсегда разошлись судьбы Владимира Ивановича и его сына Георгия. Здесь же расстался он навсегда со многими своими коллегами.

Таврический университет, профессором которого он стал в марте 1920 года, можно считать детищем В. И. Вернадского. Еще в декабре 1916 года, являясь членом Государственной Думы, он поддержал идею создания первого высшего учебного заведения в Крыму. Летом 1917 года, в период, когда он работал товарищем (заместителем) министра народного образования по высшей школе, Вернадский снова поддержал эту идею, и как официальное лицо от имени правительства дал согласие на уч-

реждение университета в Крыму. Соответствующее решение было принято 9 сентября 1917 года. А 9 октября 1917 года Совет Киевского университета Святого Владимира на своем заседании, в соответствии с «Общим уставом российских университетов», принял решение об открытии своего филиала в Крыму в составе четырех классических по тем временам факультетов: медицинского, физико-математического, юридического, историко-филологического, а также агрономического отделения. Университет в тот период стал ядром образования научных обществ в Крыму: математического, религиозно-философского, общества естествоиспытателей, педагогического и др.

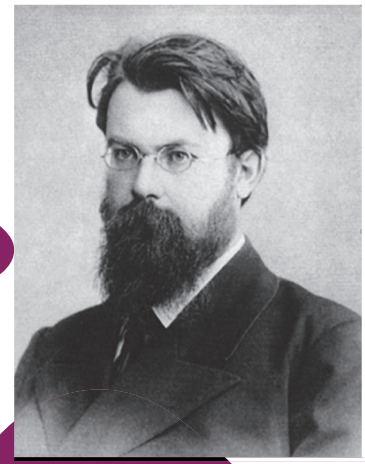
В открытом в 1918 году Таврическом филиале Киевского университета им. Св. Владимира, а затем и в Таврическом университете, к 1920 году, когда он сначала стал профессором, а затем и ректором университета, волею судеб собралась целая плеяда известных ученых. В то время в университете работали 4 академика и 107 профессоров. Среди них были его коллеги — Н. И. Андрусов, В. А. Обручев, А. Г. Гурвич, А. В. и В. И. Палладины, Г. Ф. Морозов и другие.

Со многими из них В. И. Вернадский был не только тесно связан по долгу службы и научной деятельности, но и находился в дружеских, приятельских отношениях. И вполне закономерно, что судьба свела их всех в одном университете, который в силу исторических обстоятельств стал одним из последних оплотов дореволюционной российской науки. 4 февраля 1920 года В. И. Вернадский передал через профессора Н. И. Кузнецова заявление, в котором выразил желание прочесть курс лекций по геохимии в Таврическом университете. Утверждение его в должности профессора состоялось 4 марта на общеуниверситетском Совете. Уже в апреле он начал читать лекции. Студенты прониклись к нему глубочайшим уважением. В. И. Вернадский читал им избранные разделы из «Минералогии алюмосиликатов» и «Геохимию». «Каждое слово его запоминалось надолго и приносило максимум новых знаний. Уже тогда, в 1920 году, перед нами раскрывались самые глубины естествознания, — вспоминал один из студентов тех лет, впоследствии профессор, лауреат Государственной премии СССР Б. А. Федорович. — Речь его была плавной и тихой. Не было в ней никаких аффектаций. А когда лекция прерывалась, то оказывалось, что всё погружено в абсолютную тишину, и еще некоторое время мы не могли «прийти в себя», — так действовала на нас глубина раскрываемых перед нами тайн природы…»

В Симферополе, с его прекрасными для научной деятельности условиями, несмотря на продолжавшуюся гражданскую войну, оправившись после тяжелой болезни, В. И. Вернадский испытывал душевный и творческий подъем. Почти весь симферопольский период он продолжал работу над своим главным

трудом «О живом веществе». Он включается в жизнь местных научных обществ, которые активизировали свою деятельность благодаря поддержке ученых университета. Несмотря на тяжелейшие условия гражданской войны, В. И. Вернадский со своими коллегами старался максимально поддерживать исследования по использованию природных ресурсов полуострова, развитие научных и просветительских учреждений Крыма. В июне при Крымском обществе естествоиспытателей по его инициативе была создана Комиссия по изучению естественных производительных сил (КЕПС) Крыма.

Возглавив осенью 1920 года университет, В. И. Вернадский пытался использовать все свои знания на его благо, а для развития научной деятельности — все свои связи, официальные контакты, общественные инициативы. Университет в октябре 1920 г., отмечал он в своих дневниковых записях, «представлял собой одну из самых сильных научных школ в стране».



В. И. Вернадский — профессор Московского университета

В естественных и других науках В. И. Вернадский значительное внимание уделял междисциплинарным исследованиям, что дает нам возможность оценки его идей и концепций, выходящих за пределы дисциплинарного видения отдельно взятой науки. Он полагал, что «проблемы, вышедшие за пределы одной науки, неизбежно создают новые области знания, новые науки, всё увеличивающиеся в числе и в быстроте своего появления, характеризующие научную мысль XX столетия».

С самого начала существования Таврического университета его основатели установили очень высокую планку развития науки.

Академик В. И. Вернадский, имя которого носит Крымский федеральный университет, как было указано ранее, — основоположник геохимии, радиогеологии, биогеохимии, создатель учения о биосфере и ноосфере, создал геохимическую лабораторию и возглавил научные исследования в данном направлении.

Академик В. А. Обручев, автор фундаментальных трудов по геологии и географии, научных теорий и открытий, организовал работу минералогической лаборатории и создал геологический музей. Геоморфологическое направление исследований связано с именами таких видных ученых, как Н. И. Андрусов, В. А. Обручев, С. П. Попов и В. И. Вернадский.

Будущий вице-президент Академии наук, ученик Вернадского, автор учения о твёрдых растворах, по металловедению и металлургии, химии высоких температур, теории огнеупоров и цементов, профессор А. А. Байков организовал химическую лабораторию.

Профессор А. Г. Гурвич создал лабораторию гистологии, в которой он сделал свое знаменитое открытие способности кле-

ток излучать свет (митогенетическое излучение). Сфера его научных исследований — цитология, эмбриология, биофизика, теоретическая биология, физиология клеточного деления (митоз). Он ввел в науку понятие биологического (морфогенетического) поля.

Под руководством профессора Н. М. Ляпина был запущен первый 110-миллиметровый телескоп и начаты регулярные наблюдения солнца и звезд (телескоп работает и поныне в Крымской юношеской астрономической обсерватории в детском парке Симферополя).

Первый декан физико-математического факультета, профессор кафедры ботаники Н. И. Кузнецов создал лабораторию морфологии и систематики растений и заложил основы богатейшей коллекции университетского гербария.

Академик В. И. Палладин, один из основателей университета, создал лабораторию физиологии растений; член-корреспондент РАН, профессор Э. А. Мейер, работавший деканом агрономического факультета, организовал зоологический кабинет; профессор С. И. Метальников — зооанатомический кабинет, которым впоследствии заведовал профессор П. П. Сушкин, выдающийся орнитолог, ставший в 1923 году академиком Российской Академии Наук.

В развитии аграрной науки большую роль сыграли всемирноизвестные ученые, академики: И. В. Якушкин (наука об удобрениях), И. И. Калугин (животноводство), а также профессора: Д. Ф. Синицын (анатомия и физиология животных), Н. Н. Клепинин (почвоведение), П. К. Слезкин (общее земледелие), Н. П. Соколов (механизация сельского хозяйства), В. К. Воблый (сельскохозяйственная статистика), М. В. Щербаков (виноделие), П. Г. Шитт (плодоводство), А. В. Вознесенский (метеорология), В. П. Краинский (общее садоводство), М. П. Архангельский (частное земледелие), Ф. В. Церевитинов (консервное производство).

В становлении исторической и археологической науки неоценимую роль сыграл один из организаторов университета, первый декан историко-филологического факультета профессор Алексей Николаевич Деревицкий. Он выполнял обязанности председателя Крымского областного архивного управления в Ялте, а также осматривал книги и рукописи из частных имений Южного берега Крыма для пополнения библиотеки Таврического университета, был членом старейшего и авторитетнейшего местного союза краеведов — Таврической ученой архивной комиссии. Активное участие в работе комиссии принимали ученые с мировыми именами: профессора Б. Д. Греков, Н. Л. Эрнст, И. А. Линниченко, С. Ф. Платонов, Г. В. Вернад-

ский (сын В. И. Вернадского), Д. В. Айналов, приват-доцент А. И. Маркевич и другие.

У истоков юриспруденции стояли профессоры: А. И. Елистратов (государственное и административное право) — первый декан юридического факультета, П. П. Гензель (финансовое право), Ф. В. Тарановский (русское право), П. И. Новгородцев (история философии права и энциклопедия права). Формировали юридическую науку также профессоры: Н. Н. Алексеев (психологическая теория и философия права), В. М. Гордон (социально-гражданское и торговое право), С. Е. Сабинин (римское право), Н. И. Палиенко (современное право), М. О. Гредингер (гражданское право, общая теория права, история правовых институтов), Н. Н. Паше-Озерский (уголовное право), Б. В. Попов (семейное право), С. Н. Булгаков (политэкономия, богословие, церковное право), А. Д. Киселев (криминалистика, уголовное право и судопроизводство), Г. В. Демченко (история и теория уголовного права и уголовного процесса), С. К. Гогель (криминология).

Литературоведческую школу создавали академик Н. К. Гудзий и член-корреспондент Российской (Петербургской) Академии наук Е. Н. Петухов. В создании лингвистической научной школы в университете участвовали профессоры: А. Н. Деревицкий, А. М. Лукьяненко, А. А. Смирнов, А. П. Кадлубовский, Б. В. Чобан-Заде, В. И. Филоненко, Г. В. Улашин и др.

Фундамент научных традиций и философского образования в университете был заложен всемирно известными учеными: религиозным философом С. Н. Булгаковым (философия, богословие), философом и психологом И. П. Четвериковым, философом-экзистенциалистом Л. И. Шестовым (история религии и искусства, философия), П. И. Новгородцевым (философия права). Огромное влияние на становление исследовательских традиций в философской области оказал и сам ректор В. И. Вернадский.

Математическая научная школа была представлена блестящей плеядой ученых: Н. М. Крыловым, Д. А. Граве, М. Л. Франком, В. И. Смирновым, Н. С. Кошляковым, Л. А. Вишневским, М. А. Тихомандрицким, Н. В. Оглоблиным, Н. М. Герсевановым, А. С. Кованько и др.

У истоков физической науки стояли ученые, чьи имена сейчас известны всему миру: А. Ф. Иоффе, Л. О. Кордыш, И. Е. Тамм, Я. И. Френкель, С. Н. Усатый, Л. О. Струве, И. И. Тихановский и др. Активное участие в создании научных лабораторий принимали студенты, работавшие лаборантами и препараторами, — будущие светила отечественной науки: И. В. Курчатов, К. Д. Синельников, Д. И. Щербаков, Н. Ф. Правдюк и др.

Научную школу экспериментальной психологии возглавлял известный ученый профессор П. Э. Лейкфельд (учение о сущности и значении наук, экспериментальная психология, познавательные психические процессы).

Исследования в области медицины были начаты в университете под руководством ректора Р. И. Гельвига, а затем продолжены профессорами: М. М. Дитерихсом, М. М. Павловым, К. Э. Добровольским, В. Г. Коренчевским, М. С. Уваровым, Н. Х. Флеровым, Н. Г. Ушинским и др.

За счет книг и журналов, переданных в дар учеными и изъятых из дворцов Южнобережья, быстрыми темпами формировались фонды научной библиотеки университета. Огромную роль в формировании научной библиотеки сыграл и сам В. И. Вернадский, который выписывал необходимые книги и журналы из стран Европы. Большинство наиболее ценных экспонатов музея редкой книги были получены библиотекой именно в период его работы в университете.

Большое внимание академик В. И. Вернадский уделял народному образованию. Для начала приведем некоторые из его высказываний из лекции, которую он прочитал на кооперативных курсах в Симферополе 31 октября и 7 ноября 1920 года:

- *Нет сейчас вопроса более грозного и более важного, чем вопрос о народном образовании.*
- *Россия может быть только федералистской или состоящей из широко автономных провинций. Для организации народного образования это имеет огромное значение.*
- *В народном образовании заинтересовано государство, семья, человеческая личность, общественные организации. С ним связаны теснейшим образом такие великие творения духовной жизни человечества, как наука, философская мысль, религия, художественное творчество …*

Далее В. И. Вернадский формулирует новые принципы организации народного образования, которые, как нам кажется, не утратили своего значения и актуальности и в наше время. Они изложены в его записках в виде следующих тезисов:

- *Реформа министер[ства] народного образования. Должно ли быть министерство?*
- *Высшая школа — автономна.*
- *Единая школа — общеобразовательная. Недостаток этого решения. Государственный комитет по народному образованию.*
- *Децентрализация.*
- *Школы национальные.*

- *Школы церковные.*
- *Необходимость большей свободы для школы.*
- *Опасность централизации, все равно, будет ли это [государство] социалистич [еское] или абсолютистское…*

Приведем еще несколько цитат на злободневную тему реформирования народного образования, изложенную В. И. Вернадским 12 января 1921 года при официальном отказе от должности ректора в «Записке о необходимости сохранения Таврического университета»:

«*Университет удалось создать в 1918 году при автономном крымском правительстве… Он еще не окреп и требует к себе внимательного, вдумчивого и осторожного отношения. Те резкие эксперименты, которые могут быть перенесены без окончательной гибели старыми университетами, не могут не отразиться на Таврическом университете самым пагубным образом. То, что делается в других местах, где, в противоречии с идеалами коммунизма проводится университетская политика — не социалистическая, а наполеоновская, связанная с превращением факультетов в отдельные школы или академии, а, следовательно, и с разрушением университета как целого, — может привести молодой Таврический университет к полной гибели и к такому состоянию, от которого не оправиться долгие годы…*

Исходя из интересов минуты, нередко остаются в стороне как не отвечающие моменту общие задачи чистого знания, а желают поддержать и развивать только прикладную науку. Но кто возьмет на себя смелость определить — что такое прикладное знание и что такое чистая наука? … Настоящая сила будущего есть наука в ее полном объеме, не прикладная ее часть, неизбежно уменьшенная в своем действии. Русский народ в своей борьбе за счастье должен иметь необходимое для этого оружие — знание в полном объеме, как и другие народы, а не в уменьшенном размере. … Поспевать за ходом науки можно, лишь охватывая ее всю. Наука идет сейчас вперед с небывалой в истории быстротой и переживает в данный момент революцию, по своему значению и глубине более значительную, чем та социальная революция, которая так охватывает нас в жизни».

Прошло почти сто лет, но слова гениального ученого актуальны и сегодня, в период реформирования образования. Работникам высшей школы необходимо решить проблемы оптимизации университетского образования, сформировав при этом новую модель образовательно-воспитательного процесса. При этом необходимо учитывать наиболее важные аспекты образовательного процесса, сформулированные В. И. Вернадским:

- *Для формирования гармоничной личности необходимо знать и учитывать подлинное место человека в структуре мироздания;*

- *Человек — это закономерное явление не только в масштабах Земли, но и Космоса;*
- *Человек — это не только единица структуры общества, это, прежде всего, представитель ноосферы — сферы существования разума, которую следует рассматривать как планетарное и космическое явление;*
- *Изучая ноосферу и ее структуру, необходимо делать ставку на комплексность знания, рождающегося во взаимосвязи различных фундаментальных научных и гуманитарных дисциплин;*
- *Нужно смотреть на образовательную систему не как на «искусственную среду», являющуюся результатом умственной, рациональной деятельности человека и складывающуюся из теорий, формул и понятий, а как на часть социальную, скорее даже космического целого.*

Образование и воспитание современного человека по Вернадскому — это процесс формирования гармоничной личности, основу которой составляет высокоразвитый интеллект, духовное богатство и физическое совершенство. И эта гармония должна быть направлена на качественное взаимодействие с развивающимся информационным пространством и на полноценную реализацию внутренних творческих потенциалов и побуждений.

В течение октября 1920 года В. И. Вернадский неоднократно выступал с изложением своего видения просветительской миссии интеллигенции. Так, 31 октября он начал читать лекции на кооперативных курсах в Симферополе под общим названием «О русской интеллигенции и образовании», а 7 ноября выступил с докладом «Русская интеллигенция и новая Россия» на съезде Таврической научной ассоциации.

«…Отвратительные черты ленивого, невежественного животного, каким является русский народ — русская интеллигенция, не менее его рабья, хищническая и продажная… < …> заставляют … иногда отчаиваться в будущем России и русского народа.

Нет честности, нет привычки к труду, нет широких умственных интересов, нет характера и энергии, нет любви к свободе.

Русское «освободительное» движение было по существу рабье движение. Идеал — самодержавный и крепостнический строй.

Сейчас по отношению к своему народу испытываешь не ненависть, а презрение. Хочется искать других точек опоры. Для меня исчезает основа демократии. Ведь русская демократия — это царство сытых свиней.

<…— Рабья и русская интеллигенция с ее трусливой левизной.

Ужасны назначения чиновников… <…> Но у меня такое разочарование и в «левых», что я не знаю — кто лучше, они или «правые», и те, и другие по духу рабы и огромное большинство обоих — воришки и в духовном, и в историческом смысле этого слова…», — жестко характеризовал сложившуюся ситуацию В. И. Вернадский. После ожесточенных боев в ноябре 1920 года армия Врангеля отступила. «Всё рухнуло — началась паника. Началось бегство из Севастополя и Симферополя», — вспоминал он. Об этих днях, круто изменивших жизнь В. И. Вернадского, немало написано членами его семьи. В их памяти они запечатлелись еще и потому, что стали последними днями, когда большая и дружная семья Вернадских была вместе.

Рушилось всё. Революционные вихри не прошли мимо Таврического университета. Установившийся в Крыму военно-революционный режим к концу 1920 года ужесточился. Начались аресты преподавателей и сотрудников университета. Вернадский, как мог и насколько позволял ему его авторитет, защищал коллектив университета. Он неоднократно обращался в Ревком к его председателю Бела Куну с просьбами об освобождении университета и квартир преподавателей от постоя войск и реквизиции. Началась радикальная реорганизация университета. Были созданы революционные тройки, началась фильтрация преподавательского состава. Смысл происходящего В. И. Вернадский понял сразу. Начались повальные аресты профессоров. Вытащив одних из чекистских застенков, В. И. Вернадский предпринимает меры по освобождению других. Несмотря на постоянные угрозы со стороны новой власти, он смело продолжал бороться за спасение преподавателей и студентов. Неприятие большевистской реформы Таврического университета В. И. Вернадским и другими профессорами университета стало причиной их фактической высылки из Крыма. 12 января 1921 года он официально отказался от должности ректора. В. И. Вернадский оставался в Крыму еще месяц. 23 февраля 1921 года он и еще группа профессоров под усиленной охраной выехали из Симферополя в Москву. В. И. Вернадский покидал Крым навсегда. И всё же главное было сделано: он вез с собой законченную рукопись «О живом веществе», которая впоследствии принесла ему всемирную славу. Этим была проведена черта под определенным периодом его жизни, в котором огромную роль играл Крым.

Оказавшись в июле 1921 г. в Петрограде, он был арестован ЧК, но затем освобожден. Он прочитал ряд лекций по геохимии в университете, а в Доме литераторов сделал доклад, где высказал мысль о бесконечности космоса и жизни.

По инициативе Вернадского начали создаваться многие научные учреждения: Радиевый институт, Институт минералогии и геохимии, Институт географии, Керамический и Опти-

ческий институты, Метеоритный комитет, Совет по изучению производительных сил России, Комиссии по изучению вечной мерзлоты, по минеральным водам, по изотопам, по истории знаний.

В декабре 1921 г. из Франции в Академию наук пришло официальное письмо, подписанное известным математиком П. Аппелем, ректором Сорбонны, с просьбой предоставить академику В. И. Вернадскому возможность прочитать в университете курс лекций по геохимии. В мае 1922 г. вместе с женой и дочерью Владимир Иванович выезжает во Францию. В этой командировке он пробыл три с половиной года. Он привез в Париж два больших чемодана рукописей, накопленных за время Гражданской войны. Теперь он использует их, не только читая лекции в Сорбонне, но и проводя многочисленные эксперименты в лабораториях. Именно здесь он работал над проблемой размножения живого вещества и пришел к выводу, что живое не подчиняется таким же законам, как неживое. Оказалось, что эти законы столь же строги, но абсолютно другие, и связаны они с размножением, с движением умножающихся масс, что напоминает инерцию в механике. Результаты этих исследований вошли в монографию «Биосфера», которая вышла в мае 1926 г., и в «La Geochimie», напечатанную на русском языке в 1927 г. под названием «Очерки геохимии». После публикации этих трудов авторитет и признание новаторских концепций В. И. Вернадского значительно выросли не только в России, но и в кругах научной мировой среды. Его работы получили большое распространение в США, Франции, Германии, Великобритании, Италии, Норвегии, Польше и других странах Европы, а также в Индии и Японии. Владимир Иванович мечтал об использовании атомной энергии на 18 лет раньше, чем это произошло в истории. В Париже, работая в лаборатории Ф. Жолио-Кюри, он слышал высказывания всемирно известного физика: «Наука необходима народу. Страна, которая ее не развивает, превращается в колонию». Эти слова перекликались с тем, что когда-то в России говорил хорошо ему знакомый физиолог И. П. Павлов: «Моя вера — это вера в то, что счастье человечеству даст прогресс науки».

Научные интересы Вернадского естественным путем подвели его к фундаментальным философским и науковедческим проблемам, которые волновали самых крупных ученых и философов тех лет: А. Эйнштейна, Н. Бора, Д. Бернала, Б. Рассела и других. Они, как и В. И. Вернадский, заставили задуматься исследователей о всепланетных последствиях общественного прогресса, совершенно по-новому взглянуть на весь процесс развития природы, социальной жизни, науки и техники.

После командировки во Францию В. И. Вернадский еще неод-

нократно выезжал в разные страны Европы читать лекции, доклады, проводить лабораторные эксперименты.

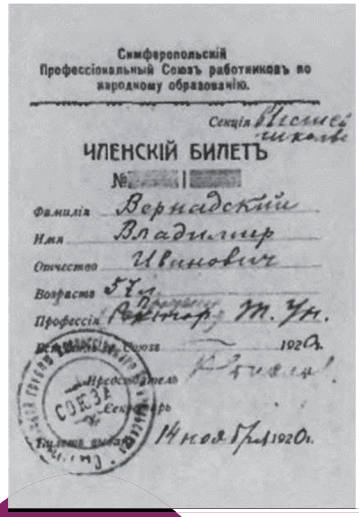
В 1926 г., вернувшись в Ленинград, он организовал «Отдел живого вещества», а затем Биогеохимическую лабораторию (БИОГЕЛ, в 1928 г.), преобразованную в 1947 г. в Институт геохимии и аналитической химии АН СССР его имени.

В 1928 г. он встретился с Эдуардом Леруа и Пьером Тейяром де Шарденом. Де Шарден в книге «Феномен человека» обосновал глубокую идею эволюции человеческого разума к высшему проявлению и единству в космических масштабах. Основываясь на геохимическом понимании биосферы, Э. Леруа в конце 20-х годов прошлого столетия впервые ввел понятие ноосферы. С 1936 года это понятие также стал применять в своих работах и В. И. Вернадский. Однако идейно-теоретическая работа по созданию синтетической эволюционной концепции возникновения разумной ступени природного бытия и решающей роли «человека разумного» — учение о ноосфере — в различных формулировках началата была В. И. Вернадским гораздо раньше.

Учение о геологической роли организмов В. И. Вернадского стало подлинной революцией в естествознании. На земной поверхности, писал ученый в «Биосфере», нет химической силы, «более постоянно действующей», а потому и более могущественной по своим конечным последствиям, чем живые организмы, взятые в целом. Всё человечество как часть живого вещества планеты представляет ничтожную массу ее вещества. Мощь человечества связана не с его материей, но с его мозгом, разумом и направляемым этим разумом трудом.

«В геологической истории биосферы перед человеком открывается огромное будущее, если он поймет это и не будет употреблять свой разум и свой труд на самоистребление <...> В будущем нам рисуются, как возможные, сказочные мечтания: человек стремится выйти за пределы планеты в космическое пространство. И, вероятно, выйдет» Космический мотив в творчестве Вернадского отмечался неоднократно. Запись в его дневнике 24 ноября 1930 г.: «Мы видим сейчас как ясную и исполнимую задачу ближайшего будущего захват человеком Луны и планет». Дневниковая запись 20 мая 1931 г.: «Человек выйдет из своей планеты. То, что явилось в фантазиях XVIII в., и у Жюль Верна, или Лассвица — то сейчас для моих детей м[ожет] б[ыть] будет реальностью?». В статье «Изучение явлений жизни и новая физика» (1931) он пишет: «Мы, видимо, выходим за пределы планеты, так как всё указывает, что действие — геохимическое — разума, жизни цивилизованного человечества не остановится размерами планеты» ...

«Мы видим в нашей социальной среде проявление — стихий-


Симферопольскій
Профессіональный Союзъ работниковъ по народному образованію.

Секція

ЧЛЕНСКІЙ БИЛЕТЪ

№

Фамилія Вернадский

Имя Владимир

Отчество Иванович

Возрастъ 57 л.

Профессія

Вступилъ въ Союзъ 1920 г.

Предсѣдатель

Секретарь

Билетъ выданъ 14 ноября 1920 г.

Членский билет профсоюза работников образования В. И. Вернадского. 1920 г.

ное стремление — для некоторых личностей в реальных мечтаниях и действиях вырваться из нашей планеты, проникнуть конкретно на построенных ими аппаратах за пределы Земли, в другие миры Космоса. Это стихийное стремление, надо думать, рано или поздно выльется в фактические результаты… Создание и развитие авиации позволили человеку проникнуть, правда, сперва только в нижние слои стратосферы, и развитие техники позволило подойти реально к веществу нижней границы биосферы <…> Реально начинает рассчитывать человек о выходе в космическое пространство».

«Может ли строго мыслящий натуралист признать, — спрашивал В. И. Вернадский в статье „Изучение явлений жизни и новая физика“, — что в эволюции форм жизни разум Homo sapiens faber есть конечное, максимально возможное, окончательное проявление духовных достижений организованных существ? Или надо думать, что здесь на Земле в данное геологическое время перед нами развернулось только промежуточное выявление духовных возможностей жизни и что в Космосе где-нибудь существуют ее более высокие в этой области проявления?». «„Homo sapiens“ не есть завершение создания, он не является обладателем совершенного мыслительного аппарата. Он служит промежуточным звеном в длинной цепи существ, которые имеют прошлое и, несомненно, будут иметь будущее, которые имели менее совершенный мыслительный аппарат, чем его, и будут иметь более совершенный, чем он имеет».

Вершиной творчества Вернадского является разработанное

Симферополь. Дом науки. Здесь осенью 1920 г. работал академик В. И. Вернадский

им учение о биосфере Земли и неизбежности эволюционного преобразования ее в сферу человеческого разума — ноосферу. По убеждению ученого, рано или поздно создание ноосферы станет целью государственной политики и социального строя: «Научная мысль при правильном ходе государственной работы не должна сталкиваться с государственной силой, ибо она является основным источником народного богатства, основой силы государства. Борьба с ней — болезненное, преходящее явление в государственном строе».

Мы видим, что гений обогнал своё время. Лишь сейчас мы начинаем понимать значение его трудов для дня сегодняшнего и дня будущего.

Примечательно, что именно в Крыму, в Симферополе уточнялась и апробировалась им новая теория. Одна из его лекций крымского периода имела знаковое для всей последующей жизни и творчества название — «О роли человека, его сознания и воли для жизни природы». Этот важный момент в формировании учения о ноосфере характеризуется формулированием основных направлений научной деятельности: наука как геологическая сила; человек как геологическая сила; связанная с этим переоценка ключевых духовных ценностей человечества. В учении о ноосфере заложен огромный эвристический потенциал, который, на наш взгляд, сегодня наиболее продуктивен для оценки перспектив и рисков технологически, экологически и экономически кризисной ситуации в глобальном масштабе. Разработка междисциплинарного поля ноосферологии в конечном счёте позволяет прогнозировать развитие постиндустриальной цивилизации. Последняя важная концептуальная публикация — «Несколько слов о ноосфере» — была издана в 1944 г. Программная работа учёного-энциклопедиста «Научная мысль как планетное явление» была впервые опубликована только в 1977 году.

Ряд трудов В. И. Вернадского посвящен философским проблемам естествознания и истории науки. Он по праву может быть причислен к выдающимся представителям русского космизма наряду с И. М. Сеченовым, Д. И. Менделеевым, К. Э. Циолковским, А. Л. Чижевским в естествознании, И. В. Киреевским, В. С. Соловьевым, Н. Ф. Федоровым, П. А. Флоренским в философии, Л. Н. Толстым и Ф. М. Достоевским в литературе.

Живое вещество В. И. Вернадский считал частью Земли и Космоса. За частным он всегда видел общее, за фактами — выводы, за обобщениями — живую природу и познающего ее человека. Но если это так, то он, безусловно, философ. Ведь именно философия исследует наиболее общие вопросы развития природы, человеческого общества и мышления. Вернадский, занима-

ясь конкретными специальными научными вопросами, всегда оставался мыслителем.

Но его отношение к философии не однозначно. Он говорил: «Я философский скептик. Это значит, что я считаю, что ни одна философская система…не может достигнуть той общеобязательности, которую достигает (только в некоторых определенных частях) наука. И как философский скептик могу спокойно отбросить без вреда и с пользой для дела в ходе моей научной работы все философские системы, которые сейчас живы».

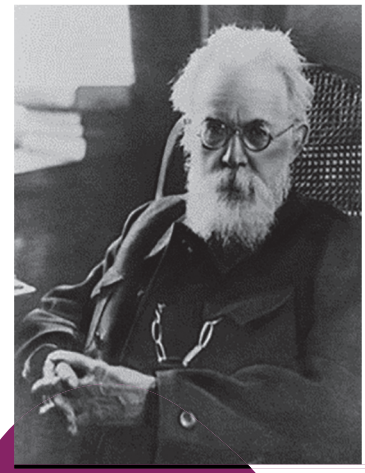
В конце тридцатых и начале сороковых годов, разрабатывая методологические вопросы естествознания, В. И. Вернадский показал, что он стоит на позициях диалектического материализма. К концу своей жизни, признав под влиянием научных фактов возможность зарождения жизни в земных условиях, он встал на позиции диалектического материализма и в понимании живой природы. Он не стремился создать какое-то особое философское учение или направление. Он выработал свое личное мировоззрение, соответствующее его складу ума и характера, моральным принципам, знаниям.

Вернадский никогда не претендовал на знание каких-то особых, навеки незыблемых истин. Его эмпирические обобщения подобны ограждающим дамбам, не позволяющим потоку растечься в стороны. Он всегда оговаривал возможность появления новых фактов, которые заставят изменить или уточнить его обобщение.

На склоне лет Вернадский отметил: «Я никогда не жил одной наукой». А мыслил он для того, чтобы полнее жить. Занятия наукой были для него средством глубже познать природу, самого себя, все человечество. Он верил в великое будущее человечества и стремился приблизить его. По его собственному признанию, жизнь для него определялась любовью к людям и свободным исканием истины.

«Граница между философией и наукой — по объектам их исследования — исчезает, когда дело идет об общих вопросах естествознания. Временами даже называют эти обобщающие научные представления философией науки. Я считаю такое понимание вековых объектов изучения науки неправильным, но факт остается, и философ и ученый охватывают общие вопросы естествознания одновременно, причем философ опирается на научные факты и обобщения, но не только на них. Ученый же не должен выходить, поскольку это возможно, за пределы научных фактов, оставаясь в этих пределах, даже когда он приходит к научным обобщениям», — писал В. И. Вернадский.

До конца жизни Вернадский считал философию не наукой, а совершенно особой сферой духовной человеческой деятельности, несомненно, влияющей на развитие научных исследований, но принципиально отличающейся от них дедуктивным способом мышления. Науку, философию и религию он рассматривал в качестве самостоятельных, но тесно связанных друг с другом проявлений духовной деятельности человека. «Наука неотделима от философии и не может развиваться в ее отсутствие <...— наука не может не идти так глубоко в анализ понятий; философия создает их, опираясь не только на научную работу, но и на анализ разума». Рассматривая духовную жизнь человечества в целом, ученый, не отрицая значения в ней религии, философии и искусства, особо подчеркивал роль науки в решении глобальных проблем, стоящих перед человечеством, в превращении биосферы в ноосферу.



В.И.Вернадский в последние годы жизни

«Мы подходим к новой эре в жизни человечества и жизни на нашей планете вообще, когда точная научная мысль как планетная сила выступает на первый план, проникая и изменяя всю духовную среду человеческих обществ, когда ею охватываются и изменяются техника жизни, хозяйственное творчество, философская мысль, религиозная жизнь. Это явилось неизбежным следствием — впервые на нашей планете — захвата всего разумом», — писал Вернадский в своей книге «Научная мысль как планетное явление».

«Ноосфера — последнее из многих состояний эволюции биосферы в геологической истории — состояние наших дней: сейчас мы переживаем новое геологическое эволюционное изменение биосферы. Мы входим в ноосферу», — писал Вернадский. Им были заложены концептуальные основы устойчивого развития общества, под которыми он понимал такую стадию «эволюции биосферы Земли, на которой в результате победы коллективного человеческого разума начнут согласованно развиваться и сам человек как личность, и объединенное человеческое общество, и целесообразно преобразованная людьми окружающая природная среда».

Вернадский выступает как твёрдый последователь и в некотором смысле создатель основ научного мировоззрения, оригинальной натуралистической философии и социально-этических идеалов. Его мировоззрение опиралось на единство естественно-исторических, природных и космических факторов. Вернадский обеспечивает подлинно системный подход к определению сущности научного мировоззрения. Талантливый учёный, он вскрывал и доказывал наличие глубинных взаимосвязей, взаимодействий и взаимозависимостей между такими науками, как геология, минералогия, кристаллография, гео- и гидрохимия, почвоведение, география, биология. И всё

это, в конечном счёте, тесно связано с математикой, физикой, химией и другими науками. Как выразился К. П. Флоренский, «он всегда видел явления в их общей взаимосвязи». От частных наблюдений он перешёл к системной методологии, в основу которой им был положен естественнонаучный подход, позволивший соединить в единую картину разнородные явления, события и процессы. Вместо дифференциации и дробления наук он предложил больше обращать внимание на междисциплинарность исследований, на их интеграцию и синтез, комплексность, органическую целостность.

Наука оказывает всестороннее воздействие и на философию, и на религию. Вернадский пишет: «Рост науки неизбежно вызывает… необычайное расширение границ философского и религиозного сознания человеческого духа: религия и философия, восприняв достигнутые научным мировоззрением данные, всё дальше и дальше расширяют тайники человеческого сознания». Для него междисциплинарные исследования науки были не только главной целью человеческой интеллектуальной активности, но и наибольшей надеждой рода человеческого, так как только наука была для него универсальной связующей, интегрирующей силой. Он считал, что развитие техники будет сопровождаться совершенствованием форм общества. Это будет вести к сознательной трансформации биосферы в ноосферу. Ноосфера была для Вернадского прежде всего средой, в которой человечество могло самореализоваться. Он видит ноосферу как неизбежную стадию в эволюционном развитии биосферы. Суть понятия ноосферы — вера в призвание людей как творцов, которые должны изменить биосферу при помощи развития науки и технического прогресса.

Роль и значение философии постоянно расширяются под влиянием развития науки, позволяют ей открывать перед человеческим сознанием новые горизонты и более широкие перспективы. «Процесс роста метафизической мысли, — подчёркивает Вернадский, — так же не может закончиться и получить неподвижное, застывшее выражение, как мало может закончиться область научно познаваемого».

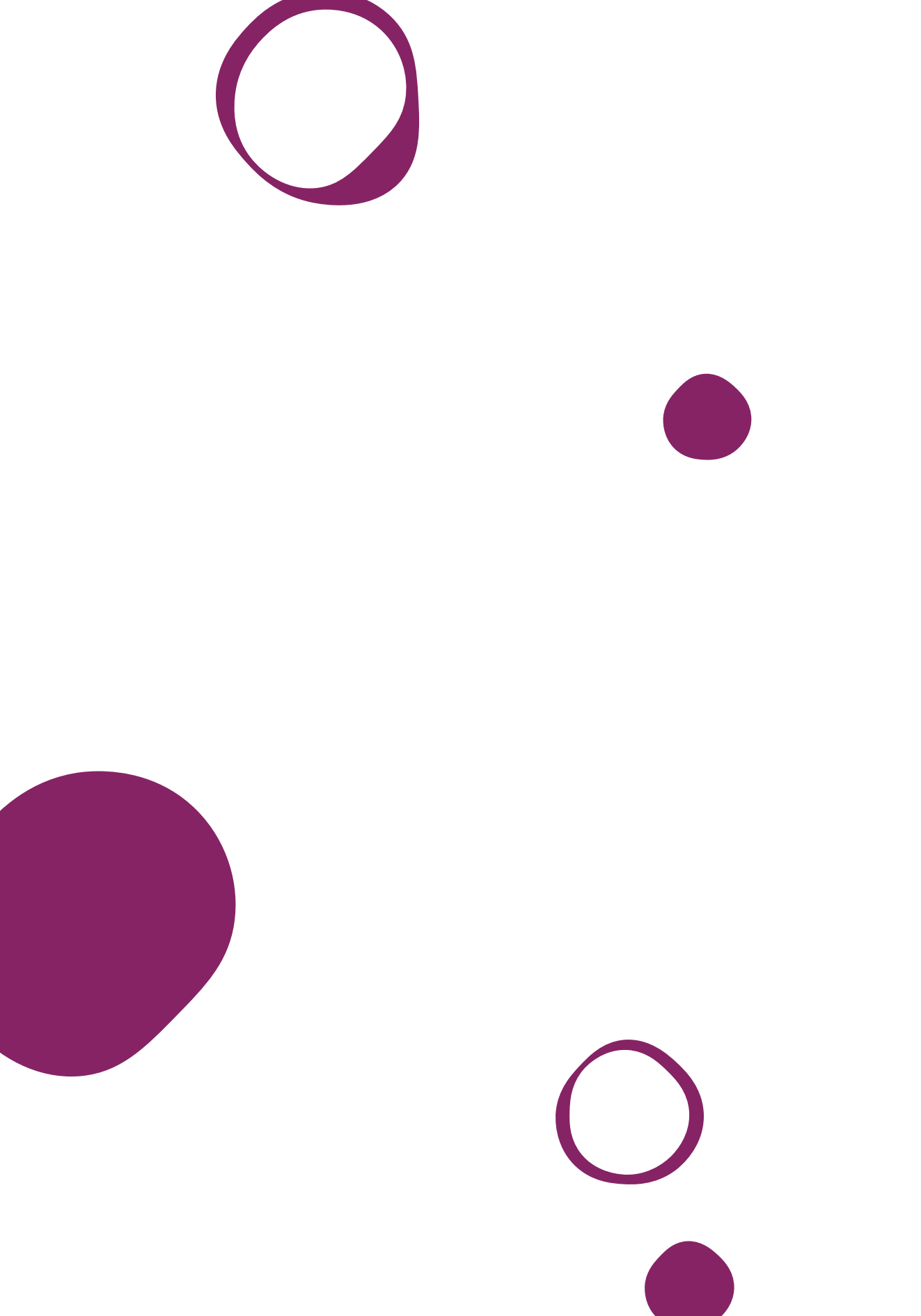
Человеческая мысль стала планетным явлением, наука — непосредственной производительной силой. В развитии общества всё более просматривается примат сознания над бытием. Отсюда вытекает вывод о возрастающей роли образования, получения знаний, овладения богатствами мировой и национальной культуры, духовностью и гуманизмом. На основе этого человек более плодотворно воздействует на все процессы, происходящие в природе, обществе, при освоении Космоса. Он берёт на себя регулирующие функции и ответственность за всё, что творится не только на нашей планете, но и во Вселенной.

Летом 1940 года по инициативе В. И. Вернадского начались исследования урана на получение ядерной энергии. С началом войны его семья была эвакуирована в Казахстан, в село Боровое, где он работал над книгами «О состояниях пространства в геологических явлениях Земли. На фоне роста науки XX столетия» и «Химическое строение биосферы Земли и её окружения». В эвакуации скончалась его жена Наталья Егоровна. Эту утрату он тяжело переживал.

В 1943 году к 80-летию со дня рождения «за многолетние выдающиеся работы в области науки и техники» В. И. Вернадский был удостоен Сталинской премии 1-й степени. Вернувшись в Москву в конце этого года, он полностью погрузился в работу.

25 декабря 1944 года Владимир Иванович попросил принести ему кофе. И пока дочь ходила на кухню, у ученого произошло кровоизлияние в мозг. Подобная беда постигла его отца, и он очень боялся умереть такой же смертью. После случившегося В. И. Вернадский прожил еще тринадцать дней, так и не приходя в сознание. Умер он в 17 часов 6 января 1945 года на 82 году жизни. Похоронен В. И. Вернадский на Новодевичьем кладбище в Москве.

Многие из гениальных идей Вернадского уже вошли в плоть и кровь современной науки, но целый ряд его идей, быть может, самых удивительных, самых потрясающих и неожиданных, еще ждут своих исследователей.



VI

КРЫМСКИЕ КОНТЕКСТЫ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Н. М. Мирошниченко
И. А. Курьянова

Максимилиан **ВОЛОШИН**

1877–1932

Жизнь есть философия, а философия есть жизнь…
(Г. Сковорода)

Культура начала XX века отделена от нас уже столетием. Почему же она так интересна современному человеку? Мы ведь стремимся понять прежде всего себя, свое время, свою жизнь. Исследование и понимание культуры своего времени — дело не простое, но учитывая, что культура воспроизводит «архетипный опыт человечества» (П. С. Гуревич), — возможное, если инструментарием исследования избирается принцип аналогии. Русская культура Серебряного века является чрезвычайно значимой в нашем историческом развитии, и понимание ее должно помочь в познании собственной ситуации.

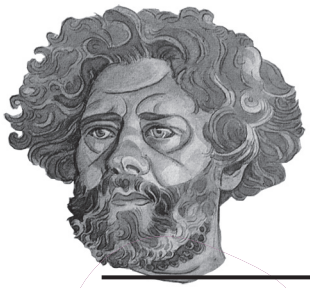
Сложность и уникальность проблематики нестабильного рубежного времени ставит вопрос о новой роли философии в современном мире. Сегодняшняя философия переносит внимание с основного вопроса о возможностях познания мира человеком на вопрос о самом человеке и проблеме его существования в мире. Потому новая философия выступает в основном в бытийной и ситуативной форме — в форме практического жизненного философствования. Разнообразные формы такого личностного философского творчества и составляют опыт философской интерпретации проблем, с которыми сталкивается современное общество. Становясь культурной доминантой нестабильной эпохи, практическое философствование субъектов тесно переплетается с разными видами культурной деятельности, в частности, с искусством. Это весьма плодотворное соединение, так как художественное сознание располагает большими возможностями познания жизни Духа. Искусство, благодаря своей высокой чувствительности и мобильности средств, способно быстро генерировать новое проблемное поле, привлекая к нему общественный интерес и вызывая желание его осмыслить. Когда мыслитель стоит пе-

ред задачей познать и включить в теоретический дискурс живую динамичную жизнь, он поневоле начинает говорить языком образов, становясь художником. История культуры изобилует примерами прорастания философской и художественной форм сознания друг в друга.

В русской духовной традиции философский и художественный способы постижения мира изначально органично слиты воедино: от «Слова о полку Игореве», через Ломоносова, Пушкина и Толстого, до Рериха и современных авторов. Такое срастание искусства и философии особенно ярко проявляется в культуре нестабильного времени, что связано с желанием человека не только осмыслить происходящее, но и повлиять на саму жизнь, изменив её по законам гармонии и красоты. Эпоха кризиса рождает у поэтов и философов желание научить людей жить в сложной ситуации, не теряя человеческого достоинства. В условиях, когда неизвестно «сколько ночи еще впереди», главное — «дать человеку возможность находить звезды и ориентироваться по ним», — считал немецкий философ М. Вебер, небезосновательно полагая, что временная нестабильная ситуация может оказаться постоянной для жизни целого поколения. Поэтому опыт жизни поколения, прошедшего с честью испытание кризисом, «поколенья рубежа» (А. Белый) конца XIX – начала XX веков, чрезвычайно актуален для нас сегодня.

Когда поймешь, что Человек рожден,
Чтоб выплавить из мира
Необходимости и Разума —
Вселенную Свободы и Любви, —
Тогда лишь
Ты станешь Мастером.

Волошин «Подмастерье»
24 июня 1917 г. Коктебель.



М. Волошин. Автопортрет

Яркой звездой на небосклоне Серебряного века сияет имя нашего земляка — поэта, художника и оригинального мыслителя М. А. Волошина. Говоря о личности Максимилиана Волошина, не перестаешь удивляться величию его мировосприятия. Ощущение гармонии большого и малого, микрокосма человека и макрокосма вселенной, природы и духа, повседневного быта и творческого полета было основой его жизни и миропонимания.

Широкому кругу читателей имя поэта Максимилиана Александровича Волошина стало известно не так давно. В полный голос о нем заговорили после 1977 года, когда к 100-летию поэта вышла небольшая книжечка его стихов. Редкими были и выставки его акварелей. Но, что поистине удивительно, — созданный Волошиным в начале XX столетия Дом Поэта в Коктебеле, чу-

М. Волошин в своем кабинете. Коктебель

десным образом не погибший в перипетиях эпохи, всегда был наполнен друзьями и почитателями таланта поэта и никогда не переставал быть островком культуры, духовности, свободомыслия, творчества.

Этот Дом — символ Серебряного века, Дом — корабль, плывущий сквозь время в киммерийском пространстве. В 1932 году историк искусства, прозаик и поэт Эрик Голлербах в докладе «Памяти Волошина» сказал: «Есть маленькие города, имения и местечки, становящиеся эпохой, школой, стадией в истории литературы и искусства. … В этом смысле был примечателен Коктебель. … Не знаю, какое название придумать вольному содружеству, из лета в лето населявшему этот дом; … его можно было бы назвать академией. В том позабытом смысле слова, какой знавала Древняя Греция. … Разве сам хозяин этого дома не походил на учителя мудрости? … Без Максимилиана Волошина немыслимо представить себе Коктебель. … Долгие годы прожил он здесь и так проникся духом Киммерии, так пропитался весь соленою влагой морской, горьким духом полыни, солнцем и ветром, так «вжился» в эту природу, столько раз

им воспетую в стихах полнозвучных и красочных, что, в самом деле, стал каким-то киммерийским божеством, которому подчинились стихии и покорились люди»[1].

Максимилиан Александрович был человеком маргинальным, который принципиально никогда не принадлежал какой-либо системе, по собственному определению «близкий всем, всему — чужой». Свой мир, свою жизнь он моделировал на основе свободного самостоятельного определения необходимости тех или иных поступков, а необходимость для поэта-философа всегда определялась главным нравственным законом — любовью к человеку и верой в него. Человек, по определению М. Цветаевой, «со-бытийный», проникновенно участливый к людям, Волошин не раз был «строителем судеб». И даже Дом свой — «такой ЕГО по духовному праву, кровный, внутренне свой, как бы с ним со-рожденный, похожий на него больше, чем его гипсовый слепок»[2] — поэт построил не для себя одного, он открыл его двери для всех, кому необходим был дом для жизни и творчества в трудные и сложные годы всеобщей разрухи и бездомности.

Русская мысль Серебряного века — философия космизма, всеединства и соборности — это поиск и обретение человеком-творцом высшего смысла бытия, это философия надежды и спасения в рушащемся, опасном и неустойчивом мире войн и революций. Реальный путь к спасению, по мнению мыслителей и философов этого периода, — в спасении души человеческой, а надежды на будущее связаны с теургической деятельностью личности. Ощущая трагизм и неустойчивость бытия, культура искала опору в деятельной и активной творческой личности, способной не только понять или объяснить действительность, но и оформить и эстетизировать её хаос и обнаружить в нём экзистенциальные опоры человеческому духу, стабилизирующие бытие надеждой на будущее. Тесное единение жизни и творчества в акте жизнетворчества, понимание культуры как сферы присутствия, участия и ответственности человека перед миром — эта особенность именно славянского типа художников-философов особенно ярко проявилась в культуре Серебряного века. Разнообразные варианты философско-художественного способа освоения действительности сложились в творчестве В. Соловьева, Н. Бердяева, А. Белого, Вяч. Иванова, В. Розанова, Д. Мережковского, М. Волошина, А. Скрябина.

Построенный на окраине России, в пустом, «забытом богом», по словам самого поэта, Коктебеле, Дом Поэта стал одним из духовных центров культуры Серебряного века и величай-

1 Хранится в Доме-музее М. А. Волошина (далее — ДМВ), А 269, КП 17295

2 Цветаева М. Живое о живом (Волошин). — СПб.: Сердце, 1993. — С. 7.

шим творением М. Волошина, деятельной формой его жизнетворчества. Гениально сыграв в культуре начала XX века роль теурга, художник-философ сотворил не миф, а реальный мир в виде уютного гостеприимного дома на берегу теплого моря, возле мистически красивого Кара-Дага. Здесь можно было, забыв о суровой реальности гражданской войны, погрузиться в мир красоты, мечты, философии и искусства.

Создав свой Дом в условиях культурного и социального кризиса, Макс Волошин подарил миру альтернативу: в ситуации раздора он собирал и мирил, в разруху — строил, в условиях опасности для жизни — давал стены, способные защитить, смерти противопоставлял возможность жить духовно и творчески. Так М. Волошин в условиях хаоса нестабильного времени смоделировал свой собственный гармоничный образ мира, пригодный не только для выживания, но и для творческой жизни людей, для жизни культуры, и воплотил его в реальность стен дома в Коктебеле.

Сегодня Дом Поэта, как представляется, не только идеальное «место памяти». Соединяющая в себе географический и геокультурный топосы «Волошинская Киммерия» и сегодня успешно участвует в формировании культурного пространства-действия в традициях, заложенных одним из самых загадочных «ликов творчества» времени и гением места Максимилианом Волошиным.

Максимилиан Александрович родился в Духов день, 16 (28-го по новому стилю) мая[3] в Киеве в семье юриста, коллежского советника Александра Максимовича Кириенко-Волошина (1838 – 1881) и Елены Оттобальдовны (1850 – 1923), урожденной Глазер, из семьи обрусевших немцев. Вскоре семья переехала в Таганрог, а после смерти отца мать с четырехлетним Максом перебралась в Москву, где они прожили более десяти лет. В Московской гимназии Максимилиан учился без вдохновения, зато с пяти лет в круг его чтения входили Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Гоголь и Достоевский. Свои впечатления о первой поездке с матерью в Крым, в Севастополь запечатлел в автобиографии: «Мечтаю о юге и молюсь о том, чтобы стать поэтом…»[4]. Снимать квартиры в столице дорого, и в «исполнение заветнейших желаний» в 1883 году Елена Оттобальдовна приняла решение переехать в Коктебель, где на берегу моря было

3 Примечательно, что свой день рождения Максимилиан Волошин если и отмечал, то только в Духов день, а не в число, считая, очевидно, что благодать именно этого праздника имела значение для его судьбы более, чем факт самого появления на свет.

4 М. А. Волошин: Автобиография от 15.11. 1925 г. — машинопись с авторской правкой и добавлениями (Хранится в Доме-музее М. А. Волошина) ДМВ, А569 КП 17747.

куплено недорогое маленькое имение. Коктебель той поры пустынен и дик: «Я искал в Коктебеле «общих мест» юга, а их тут необычайно мало, — вспоминал поэт позднее. — Первое время я видел только скупость и скудость природы и красок»[5]. Учился в Феодосийской гимназии. Здесь нашел себе верного друга и духовного наставника на всю жизнь — преподавательницу женской гимназии Александру Петрову[6]. Она посвятила Максимилиана в прекрасный и «трагический смысл киммерийских пейзажей». «Коктебель не сразу вошел в мою душу: я постепенно осознал его, как истинную родину моего духа. — Позже напишет поэт в «Автобиографии». — И мне понадобилось много лет блужданий по берегам Средиземного моря, чтобы понять его (Коктебеля — прим. наше) красоту и единственность»[7].

В 1897 году Волошин поступил на юридический факультет Московского университета, но в конце второго курса был на год

5 Цит. по кн.: Давыдов З., Купченко В. Крым Максимилиана Волошина. Фотоальбом — Киев: Мистецтво, 1994. — С. 7.

6 Петрова Александра Михайловна (1871–1921). В конце жизни М. Волошин писал: «Она оказалась моим очень верным спутником во всевозможных путях и перепутьях моих духовных исканий» (ИРЛИ, Ф 562, оп.1, ед. хр. 445, л. 7.

7 М. Волошин. Автобиография // MaxVoloshin.ru

М. Волошин у своего дома в Коктебеле. 1920-е годы

исключен за участие во Всероссийской студенческой забастовке и выслан в Феодосию под негласный надзор полиции. Мятежная натура не позволяла усидеть на месте, и Максимилиан отправляется с матерью в путешествие по Европе. По возвращении сдает экстерном экзамены, переводится на третий курс и вновь отправляется в Европу. Теперь он путешествует с друзьями по разработанному им самим маршруту, по большей части пешком, ведет журнал[8]. По возвращении в Россию Волошин арестован по подозрению в деятельности Всероссийского исполнительного студенческого комитета, этапирован в Москву. Две недели отсидел в одиночной камере, за недостатком улик освобожден и выслан из столицы, что ускорило его отъезд в добровольную ссылку в Среднюю Азию, в изыскательскую партию по строительству железной дороги. «1900 год, стык двух столетий, был годом моего духовного рождения. Я ходил с караванами по пустыне. Здесь настигли меня Ницше и «Три разговора» Вл. Соловьева. Они дали мне возможность взглянуть на всю европейскую культуру ретроспективно — с высоты азиатских плоскогорий и произвести переоценку культурных ценностей»[9]. «Здесь я почувствовал Азию, Восток, древность, относительность европейской культуры»[10]. Волошин принял решение не возвращаться в университет, а ехать в Европу, заниматься самообразованием. Париж стал для Максимилиана многогранной школой, он слушал лекции в Сорбонне, учился живописи, писал стихи, статьи об искусстве, работал в Национальной библиотеке, был в гуще творческого общения. Его печатают во многих периодических изданиях России, таких как «Русь», «Весы», «Золотое Руно», «Аполлон». Восхищение Францией, увлечение её культурой, творчеством импрессионистов выкристаллизовалось в необычайно живописный цикл стихов «Париж». «У вас удивительно красочный язык. … У вас глаз непосредственно соединен с языком…»[11] — восхищался манерой раннего Волошина мэтр русской поэзии Вяч. Иванов.

В Париже Волошину довелось близко познакомиться с Хамбу-Ламой Тибета и прикоснуться к истокам буддизма. «Это было моей первой религиозной ступенью. В 1902 году я также близко соприкоснулся с католическим миром, во время моего пребывания в Риме, и осознал его как спинной хребет всей европейской культуры. Затем мне пришлось пройти сквозь

8 «Журнал путешествия (26 мая 1900 г. – ? [24 июля (6 авг. по ст.ст.) 1900 г.]), или Сколько стран можно увидать на полтораста рублей». Дневник хранится в рукописном отделе ИРЛИ, Ф 562, оп.1, ед. хр. 438.

9 ДМВ.А 569 КП 17747.

10 М. Волошин. Автобиография. MaxVoloshin.ru

11 Рукопись дневника М. А. Волошина «История моей души» хранится в ИРЛИ, ф. 562, оп.1, ед. хр. 4.

близкое знакомство с магией, оккультизмом и франкмасонством, с теософией и, наконец, в 1905 году встретиться с Рудольфом Штейнером, человеком, которому я обязан больше, чем кому-либо, познанием самого себя»[12]. В том же 1905 году М. Волошин был посвящен в масоны регулярной Великой Ложи Франции, в 1908 — во 2-ю масонскую ступень, а в 1909 он получает Удостоверение посвящения в 3-й градус Ложи, возведен в степень мэтра, имеет именной «Устав…». Всё это говорит о широком кругозоре и глубоких философских, мистических и оккультных знаниях Максимилиана Волошина, которые, преломляясь и переплавляясь в его душе, одушевляли его творчество. Очень важно заметить, что Волошин не просто усваивал разные знания, а синтезировал их, пропускал через внутреннее понимание и переплавлял в нечто новое свое: «Человек должен суметь развернуть свиток своих мозговых извилин, в которых записано всё, и прочесть всю свою историю изнутри. … В будущее можно проникать только желанием. Для человечества воспоминание — все. Это единственная дверь в бесконечность. Наш дух должен всегда идти обратным ходом по отношению к жизни»[13]. Свое жизненное кредо поэт сформулировал так:

…Всё видеть, всё понять, всё знать, всё пережить,
Все формы, все цвета вобрать в себя глазами.
Пройти по всей земле горящими ступнями,
Всё воспринять и снова воплотить.

1904. «Сквозь сеть алмазную…»

Здесь надо поставить ударение на словосочетании «снова воплотить», ибо в этом и особенность творческого метода философствующего поэта и художника Максимилиана Волошина, метода — итога, метода — синтеза: как можно больше узнать, прочувствовать, пропустить через себя и на основе всего создать свой собственный художественный мир, включив в него всё лучшее из усвоенного.

Эти годы стали для Волошина также периодом «больших личных переживаний романтического … характера». Максимилиан Александрович в гостях у известного коллекционера С. Щукина встретил девушку, поразившую его своей необычной красотой, утонченностью и творческой оригинальностью — художницу Маргариту Сабашникову. В 1906 году они обвенчались в Москве, но брак оказался недолгим, уже через год молодые расстались, сохраняя, впрочем, дружеские отношения до конца жизни. Любовь оставила горечь в сердце и цикл

12 М. Волошин. Автобиография MaxVoloshin.ru

13 М. Волошин. История моей души / В кн.: Максимилиан Волошин. Автобиографическая проза. Дневники — Москва: Книга, 1991. — С. 201.

стихов «Amori Amara Sakrum» («Святилище горькой любви»). И сегодня в сердце волошинского дома, в его святая святых — каюте в мастерской, живет удивительно похожая на Сабашникову копия скульптурного портрета египетской царицы Таиах. Образ загадочной, ускользающей Вечной Женственности.

Жизнь для Волошина — это познание, претворение и полное её приятие: «Для меня жизнь — радость. Хотя, может, многое, что другие называют страданием, я называю радостью. Я страдание включаю в понятие радости…»[14].

Это созидательное страдание сопровождало Волошина на протяжении всей жизни, преображаясь в творчество. Первый сборник «Стихотворения. 1900 – 1910» вышел в Москве в 1910 году, когда Волошин стал заметной фигурой в литературе: влиятельным критиком и сложившимся поэтом с репутацией «строгого парнасца». В 1914 году вышла книга избранных статей о культуре «Лики творчества», а в 1915 — книга трагических стихотворений об ужасе войны — «Anno mundi ardentis. 1915» («В год пылающего мира 1915»). События Первой мировой войны разворачивались, когда поэт находился в самом сердце Европы — в Швейцарии, участвуя в строительстве антропософского храма Гетеанума[15], несшего в себе идею духовного единения всех культур и наций. «Для меня европейская война не была неожиданностью: я осознавал ясно, какими катастрофами чревата европейская культура», — напишет он позже в статье «Скрытый смысл войны». В войне для Волошина более всего неприемлемой была гибель людей и вдруг возникшая из политических событий ненависть граждан враждующих стран друг к другу. «Когда на земле происходит битва, разделяющая всё человечество на два непримиримых стана, надо чтобы кто-то стоял в своей келье на коленях и молился за всех враждующих: и за врагов, и за братьев. В эпоху всеобщего ожесточения и слепоты надо, чтобы оставались люди, которые могут противиться чувству мести и ненависти и заклинать обезумевшую реальность — благословением. В этом высший религиозный долг, в этом «дхарма» поэта»[16]. Эту позицию «молюсь за тех и за других» Волошин пронесет через революции, гражданскую войну, голод и лишения.

В канун нового 1917 года Волошин возвратился в Россию. Сначала в Москву, где оказался в центре событий февральской

14 Там же, — С. 203.

15 Гетеанум (Иоганес-Бау) — Храм Св. Иоанна, задуманный и построенный под руководством Рудольфа Штейнера увлеченными его антропософскими идеями людьми из разных стран. Находится в Швейцарии, в Дорнахе, возле Базеля.

16 М. Волошин. Судьба Верхарна, статья-лекция. / Волошин М. А. Собрание сочинений, Т. 6 (1). Проза 1906 – 1916 гг. — М.: Эллис Лак, 2007. — С. 610.

революции. События эти вызывают у Волошина, склонного к историко-философским обобщениям, аналогии с историей французской революции. Поэт-пророк знает, что все революции, начинавшиеся бескровно, оказываются потом самыми кровавыми. Сменивший долгую историю Империи период Временного правительства видится поэту временем Смуты. Все дифирамбы в честь свободы и демократии воспринимались как ложь. Правда объявилась в октябре 1917 года.

Но Волошин к этому времени покинул столицы и отправился на «родину духа» в Коктебель. Там, как ему казалось, в тишине, можно подумать о происходящем. «Мы живем в эпоху, когда всё сдвинуто в мире, нет устоев, нет чувства тяжести, мы не знаем, где верх и низ. Европа сорвана войной, Россия сорвана революцией. Наступило время, когда надо, с закр‹ытыми› глазами, как слепому, внутри себя нащупать те тяготения, те точки опоры, которые ускользнули в мире внешнем. … Две силы есть у творческой воли человека: познание и любовь. … Познание — это творчество, развернутое в обратном порядке. Понимание — негативный оттиск творения. … Все положительные творческие силы человека — в любви. Любовью он вносит в мир новое, ею он сочувствует в работе Иерархий в качестве одной из них. Задачу человека в мире можно определить так: человек погружен во вселенную мудрости, в которой всё связано архитектурой причинности. Его задача оставить после себя Вселенную любви»[17].

Накопились и поэтические произведения. Волошин начинает собирать новую книгу стихов «Иверни» (осколки), как мозаику своей почти сорокалетней жизни. Среди них — поэтический «символ веры» — «Подмастерье» (1917г.):

Мне было сказано:
…
Ты будешь подмастерьем
Словесного, святого ремесла.
Ты будешь кузнецом
Упорных слов.
Вкус, запах, цвет и меру выплавляя
Их скрытой сущности…

Творчество — это труд и самопожертвование: «Для ремесла и духа — единый путь: Ограничение себя…». Поэт — «себя забывший бог» на земле и вечный путник, затерявшийся во вселенных…

Когда поймёшь, что человек рождён,
Чтоб выплавить из мира
……

17 М. Волошин. Заметки 1917 г. читать на bookZ.ru

Необходимости и Разума —
Вселенную Свободы и Любви,
Тогда лишь
Ты станешь Мастером.

1917. «Подмастерье»

В Коктебеле Волошин пережил революционные события и гражданскую войну, интервенцию и смены властей, голод и попытки реквизировать его дом, находил свое имя в расстрельных списках. Его понимание бесценности человеческой жизни утверждалось в борьбе с террором «независимо от его окраски». Его бесстрашие проявлялось в деятельном участии в спасении людей. Волошин писал в письме Я. Глотову, племяннику матери: «Моя первая книга «Демоны глухонемые» вышла в январе 1919 года в Харькове и была немедленно распространена большевистским Центрагом. А второе её издание готовится издавать Добровольческий Осваг. Из этого ты можешь видеть, что я стою, действительно, над партиями. … Между тем, как развертывающаяся историческая трагедия меня глубоко захватывает, и я благодарю судьбу, которая удостоила меня чести жить в такую эпоху.

Хочется только успеть формулировать всё, что видишь и переживаешь. Но эта неуверенность в завтрашнем дне делает только шпоры в работе. В конце концов, ко мне все сменявшиеся режимы относились очень хорошо в лице центральных властей, и скверно в лице местных. Но они почему-то не решались ничего сделать. Я же относился ко всем партиям с глубоким снисхождением как к отдельным видам коллективного безумия, ни к одной из них не питаю враждебности: человек мне важнее его убеждений. Поэтому единственная форма активной деятельности, которую я себе позволял — это мешать людям расстреливать друг друга. И пока довольно удачно»[18]. «…Но возможно спасти единицы. А дело шло о тысячах…»[19]. Волошин становится сотрудником феодосийской секции Крымского отдела охраны памятников искусств и старины и членом Всероссийского союза работников искусств, ратует за создание в регионе Народного университета, который, как ни странно, был открыт в декабре 1921 года.

Максимилиана Александровича подводит здоровье: перестала слушаться правая рука, болят ноги, мучает астма, «барахлит» сердце. Наступивший 1922 год не радовал — в Крыму от голода умирали тысячи людей, были случаи людоедства. Волошин

18 ДМВ, А 1228

19 М Волошин. Письмо к Т. Д. Цемах от 1 марта 1923 г. из Коктебеля. ДМВ. А 548, с. 1.

занимается организацией помощи голодающим, читает лекции, пишет стихи и острые статьи, такие как «Русская бездна», «Судьбы Крыма», «Россия распятая» и пр. Стихи Волошина наполняются совсем непоэтической лексикой, поскольку сама жизнь и «ветер смут, побоищ и погромов…» враждебны поэзии. Все чаще грязь и безобразие земной жизни приводят Волошина к мысли о «Граде Господнем», высшем суде, равном для всех, и о необходимости для России религиозной революции. «Из самых глубоких кругов преисподней Террора и Голода я вынес свою веру в человека», — пишет Волошин в «Автобиографии».

В 1923 году в Берлине вышел сборник стихов М. Волошина «Стихи о терроре», и уже в июле он попал в «Список недопущенных к распространению в РСФСР заграничных книг на русском языке»[20]. Вскоре «немудрый век» проявляет себя — начинается травля поэта через центральные органы печати. В 1925 году Максимилиан Александрович подводит итог в «Автобиографии»: «в совокупности мои стихи не могут быть изданы книгой ни при белых, ни при красных по [общим] цензурным условиям. Таким образом, мое положение писателя, стоящего вне литературы, остается таким же…»[21]. Книга стихов «Неопалимая купина» о России, войне и революции так и не увидела свет при жизни автора. Но как же они современны!

…Мы вышли в путь в закатной славе века,
В последний час всемирной тишины,
Когда слова о зверствах и о войнах
Казались всем неповторимой сказкой.
Но мрак и брань, и мор, и трус, и глад
Застигли нас посереди дороги:
Разверзлись хляби душ и недра жизни,
И нас слизнул ночной водоворот.
Стал человек — один другому — дьявол;
Кровь — спайкой душ; борьба за жизнь — законом;
И долгом — месть.
Но мы не покорились:
Ослушники законов естества —
В себе самих укрыли наше солнце,
На дне темниц мы выносили силу
Неодолимую любви, и в пытках

20 Купченко В. П. Труды и дни Максимилиана Волошина. 1917–1932. — СПб.: Алетейя; Симферополь: Сонат. 2007. — С. 191.

21 Волошин М. А. Собрание сочинений, Т. 7 кн. 2 — М: Эллис Лак, 2000, 2008. — С. 237

Мы выучились верить и молиться
За палачей, мы поняли, что каждый
Есть пленный ангел в дьявольской личине,
В огне застенков выплавили радость
О преосуществленьи человека,
И никогда не грезили прекрасней
И пламенней его последних судеб…

1921. «Потомкам (во время террора)»

Волошин продолжает работать. Пишет акварели. Работает над большой историософской поэмой «Путями Каина», ухаживает за больной матерью, женится. Но самое главное, что в эти дни «доносов и тревог»:

Счастливый жребий дом мой не оставил:
Ни власть не отняла, ни враг не сжёг,
Не предал друг, грабитель не ограбил.
Утихла буря. Догорел пожар.
Я принял жизнь и этот дом как дар
Нечаянный — мне вверенный судьбою,
Как знак, что я усыновлён землёю.

1926. «Дом Поэта»

Этот Дом, открытый «навстречу всем дорогам», стал приютом для многих, кому в это страшное и разрушительное время нужен был дом, кому нужна была помощь, друзья. Здесь состоялся первый в стране Дом Творчества, где гости не только отдыхали, а много и плодотворно работали. Гибели культуры, которую нес ей мир, Дом М. А. Волошина противопоставил жизнь с её главным свойством и бесценной возможностью — творчеством. Стены этого Дома стали в прямом и переносном смысле опорами человеческому духу. В голодное неуютное время здесь не благоденствовали. Но когда вокруг были голод, холод, разруха, в этом доме шла жизнь творческая, насыщенная и интересная, что так не вязалось с общей атмосферой тревоги и страха, в которой жила вся остальная страна. Литературные споры, поэтические состязания, шуточные мистификации, совместные прогулки и чаепития с беседами, вечерние собрания на крыше Дома, где под коктебельскими звездами читали только что написанные стихи, пели песни — всё это создавало желанную атмосферу творчества. Пир духа во время чумы.

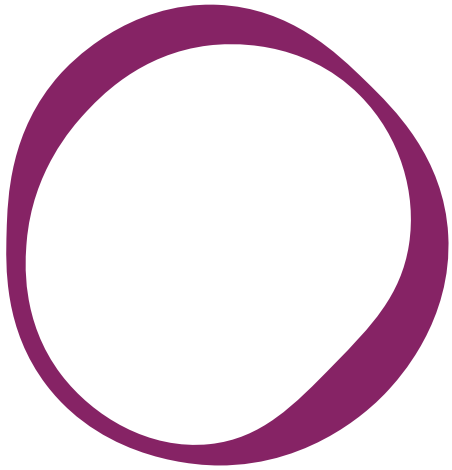
По большому счету, М. Волошин был истинный «Homo Ludens» (человек играющий), гениально сыгравший в культуре начала века роль теурга, творца не только собственной жизни, но и жизни Культуры. И, конечно, Дом Поэта состоялся прежде

всего благодаря Личности хозяина — оригинального мыслителя, поэта, художника большого (во всех смыслах) Человека — Максимилиана Александровича Волошина. Это он, гостеприимный и радушный, стал тем магнитом, который притягивал сюда людей и был, по определению М. Цветаевой, «очагом», у которого «все грелись и горели». Вера в «правоту Верховных сил» и любовь к человеку определили силу духа Максимилиана Александровича.

Аура души поэта до сих пор освящает Коктебель, и Дом Поэта продолжает выполнять заданные ему Волошиным функции сбережения и созидания культуры. Даже сама природа Коктебеля свидетельствует о постоянном и вечном присутствии здесь Волошина: «И на скале, замкнувшей зыбь залива, Судьбой и ветрами изваян профиль мой…» («Коктебель». 1918) — таинственное, необъяснимое и действительно существующее совпадение профиля скалы Кок-Кая на западе бухты с профилем поэта. Похоронить себя Волошин завещал на восточном (противоположном) мысе коктебельской бухты. На западе — профиль, на востоке — место вечности, а посередине — море и Дом.

Усадьба Волошиных — единственная волею судьбы оставшаяся целой от дачного поселка Коктебель, выросшего в конце XIX – начале XX века. Во многом это заслуга хрупкой и мужественной женщины — второй супруги Максимилиана Волошина — Марии Степановны. Этот необыкновенный Дом и сегодня «населен» людьми и событиями. Сегодня это музей — отдел Коктебельского эколого-историко-культурного заповедника «Киммерия М. А. Волошина». Здесь проходят международные творческие симпозиумы, научные конференции, литературные фестивали и конкурсы. Это открытая площадка для дружеских встреч, творческих вечеров, театральных представлений, мастер-классов, концертов.

Дом Волошина и через 100 лет остается Домом творчества и вдохновения. Поэзия, живопись и жизненная философия Максимилиана Александровича сегодня как никогда актуальны и интересны людям. Волошин вошел в историю как личность, творившая судьбы людей, страны, культуры. Николай Бердяев такое умение называл святостью. Дом Поэта в Коктебеле — воистину святое место для всех творческих и духовных людей.



VII

СОВЕТСКАЯ И ПОСТСОВЕТСКАЯ ФИЛОСОФИЯ КРЫМА

А. И. Креминский

Университетская философия в Крыму

Создание Таврического университета в Крыму в 1918 году — неординарное событие не только для охваченной гражданской войной России. В мировой истории — это уникальный феномен возникновения образовательного, научного и культурного центра на изломе эпох. Чтобы на минуту представить, в каких условиях создавалось и работало учреждение, вспомним хронологию того времени.

Языки пламени мировой и гражданской войн охватывают Россию со всех сторон. На 1/6 части планеты происходят события, отголоски которых слышны во всех уголках Земли. Первая мировая война, подобно распрямляющейся пружине, привела в движение миллионы людей. Протянувшийся на тысячи километров фронт в Европе, как древнеримский бог войны Марс, требовал всё новых и новых жертв. И правительства воюющих

Торжественное открытие главного учебного корпуса Крымского пединститута, 1965

стран бросали в огонь полыхающей войны огромные людские массы. Это не могло не вызвать народный протест. Наиболее решительную форму по своему проявлению он приобрёл в России. Ни одна из партий, кроме большевистской, не была готова к кардинальному решению самых острых вопросов российской жизни — покончить с непонятной и ненавистной для простого народа войной, покончить с социальным неравенством, установить элементарный порядок в стране, побороть голод и разруху, решить национальный вопрос.

Последовавшая затем гражданская война сорвала с мест сотни тысяч людей. Среди них были люди интеллектуального труда, многие из которых бежали от войны в далёкий Крым, надеясь найти в нём пристанище для спокойной и безопасной жизни и творчества. Так в Симферополе, Ялте собралась целая плеяда выдающихся учёных с мировым именем. Идея организовать учебное заведение витала в воздухе. И университет был создан 14 октября 1918 года. В тяжёлые годы светлые головы думали о будущих и ныне живущих поколениях. О том, что им предстоит учиться, работать и жить во благо Родины. Как показало время, они не ошиблись. Из стен университета вышли великие учёные, чьи труды помогли СССР стать мировой державой, сохранить для своих граждан право на жизнь и независимость.

А.Т. Шумилин. 1970-е годы

Гуманитарная составляющая всегда присутствовала в образовательном процессе. Преподаватели, прошедшие гражданскую войну, формировали фундамент ведущего образовательного и научного центра Крыма. В предвоенные годы, военное время и послевоенный период в тогда уже педагогический институт приходили закаленные в труде и бою люди, жизнь которых представляла для студентов образец служения Родине. Студенческий контингент комплектовался в основном из выпускников крымских школ и соседних областей.

В 60-е годы Крымский педагогический институт наращивает потенциал не только как образовательный, научный, но и учебно-методический и культурный центр. Это требовало усиления гуманитарной и философской основы образования по ряду причин. Одна из них — изучение методологических основ науки и образования. Преподаватели-гуманитарии вели на своих факультетах методологические семинары. Среди преподавателей кафедры философии, которая была образована весной 1961 года, было много участников Великой Отечественной войны.

***Первый заведующий кафедрой** — Даниил Павлович Горелов, кандидат философских наук, доцент, участник боевых действий.*

***Пётр Афанасьевич Федченко** — кандидат философских наук, доцент, участник боевых действий, сержант, на фронте ранен.*

***Аркадий Тихонович Шумилин**, доктор философских наук, профессор, участник боевых действий, старший лейтенант, командир артиллерийской батареи, на фронте контужен.*

***Владимир Иванович Русин** — кандидат философских наук, доцент, участник боевых действий, майор, начальник штаба полка.*

***Борис Давыдович Спиртус** — кандидат философских наук, доцент. Специалист по историко-философским исследованиям.*

***Нина Ивановна Селиванова** — кандидат исторических наук, старший преподаватель, участник боевых действий, капитан, помощник начальника строевого отдела корпуса. Преподавала религиоведение.*

***Любовь Никифоровна Симоненко** — кандидат философских наук, старший преподаватель, участник боевых действий, заведующая библиотекой полка. Преподавала эстетику.*

***Аршалуйс Артёмович Шолян** — старший преподаватель, участник боевых действий, рядовой разведывательной роты, на фронте ранен. Полковник в отставке. Преподавал этику.*

***Иван Алексеевич Енин** — кандидат философских наук, доцент, участник боевых действий, политрук. После войны работал директором школы. Преподавал диалектический и исторический материализм.*

Свежи ещё были воспоминания о тяжких испытаниях, выпавших на долю советского народа. Прошедшие горнило войны, пережившие все её ужасы, эти люди несли студенчеству свет знаний, патриотизм, душевность и любовь к жизни. С верой в светлое будущее они шли в студенческую аудиторию. Своим примером они заслужили уважение студентов.

П. А. Федченко заведовал кафедрой философии с 1962 по 1974 год. Пётр Афанасьевич создал на кафедре дружелюбную дело-

Преподаватели философии с коллегами. 1980-е годы

вую атмосферу и организовал сильный творческий коллектив единомышленников. Эта тенденция никогда не прерывалась. В сферу научных интересов П. А. Федченко входили философские проблемы астрономии и физики. Он преподавал на физическом факультете, который по научной работе в вузе всегда занимал лидирующее место.

Преобразование педагогического института в университет требовало обновления и усиления кадрового состава. В частности, в Симферополь был приглашён доктор философских наук, профессор ***Аркадий Тихонович Шумилин*** (30.10.1919 – 26.09.1998), который возглавлял кафедру с 1974 по 1984 год. Шумилин был выпускником историко-филологического факультета Ростовского университета. Кандидатская диссертация «Роль практики в процессе познания» (1956), докторская — «Диалектический путь познания действительности» (1970). Он рассматривал творчество как высшую форму деятельности человека. Исследуя познание, его содержание, структуру и формы творческого процесса, этапы творческого поиска, он искал пути повышения эффективности творческой деятельности. Он автор монографий «Проблемы структуры и содержания процесса познания» (М., 1969); «Проблемы теории творчества» (М., 1989).

Под руководством Шумилина разрабатывалась комплексная кафедральная тема «Творчество, его сущность; структура и специфические формы; закономерности и логика; социальная детерминация и пути оптимизации творческого процесса». Великолепные организаторские качества Аркадия Тихоновича позволили не только сплотить разнородный по составу и научным интересам коллектив, но и создать из него сильную команду. Проведение шести Всесоюзных конференций по проблемам творчества в течение девяти лет, публикация восьми сборников материалов конференций, семинаров, симпозиумов и коллоквиумов представляли значительное достижение в плане практического философствования, что остаётся актуальным и на сегодняшний день. При этом следует отметить широкий охват участников, которые приезжали в Симферополь со всего Советского Союза. Среди них были не только маститые учёные, представлявшие весь спектр научного знания, но и аспиранты, научно-технические работники, инженеры, педагогические работники, военные — те, кто интересовался проблемами творчества.

Преподаватели и сотрудники кафедры опубликовали более 150 статей, более 200 тезисов, 3 монографии. Одна из них составила содержание докторской диссертации, защищённой ***Владимиром Николаевичем Николко*** в 1991 году (г. Свердловск).

Разработка теории творчества нашла практическое воплощение в выполнении хоздоговорной темы «Оценка результатов научно-технического творчества». В ней предложена методика количественной оценки (автор ***Алексей Давыдович Шоркин***), опирающаяся на выявленные при этом методологические и качественные основания такой оценки.

По проблематике творчества защитили кандидатские диссертации ***Александр Иванович Креминский*** «Роль моделей и мысленного моделирования в творческом поиске» (г. Томск, 1989) и Ольга Николаевна Париенко (г. Киев, 1992).

На кафедре философии преподавались следующие дисциплины: диалектический и исторический материализм, история философии, научный атеизм, этика, эстетика. Специалист в области этики А. А. Шолян в рамках темы «Становление художественного образа» тесно сотрудничал с Крымским академическим театром им. М. Горького и его главным режиссёром А. Новиковым. Он организовывал посещения студентами генеральных репетиций перед театральными премьерами спектаклей и дальнейшее их обсуждение с участием актёров и режиссёра. Его энтузиазм и доброта снискали уважение студентов многих факультетов к театру как очагу культуры, вообще к искусству.

Кафедра философии шефствовала над землячествами иностранных студентов: арабским и кубинским. Отвечал за эту работу А. И. Креминский. Проводились встречи с преподавателями, культурно-массовые мероприятия, чаепития. Интернациональная работа осуществлялась в рамках политики университета по обучению и воспитанию дружественных нашей стране иностранных кадров. Многие из них остались в СССР, а те, кто уехал к себе на родину, навсегда сохранили добрую память о пребывании в нашей стране.

В 1979 году в университете была заложена традиция, существующая и поныне, которая заслужила признание в качестве фундамента научно-исследовательской работы. Речь идёт об общевузовских конференциях профессорско-преподавательского состава и студентов. Тогда первая такая конференция была посвящена путям совершенствования методов обучения студентов университета. Среди докладов ведущих специалистов профессор А. Т. Шумилин и доцент А. Д. Шоркин представили свою тему: «Социологические исследования по изучению эффективности учебного процесса». Необходимо отметить, что преобразование Крымского педагогического института в университет (1972 год) предполагало колоссальную работу по переходу на более высокий уровень работы, на университетские учебные планы. Нужны были новые программы, новые учебники, новые формы работы кафедральных специализированных кабинетов, которые бы соответствовали профилю кафедры. Такой кабинет имела кафедра философии. В нём проводились учебные занятия, консультации.

Антонина Серафимовна Архангельская с 1963 по 2009 г. работала в Крымском Педагогическом институте, позже СГУ им. Фрунзе, позже ТНУ им. Вернадского. Разработала спецкурсы по вопросам эстетики, этики, аксиологии. С 1969 по 2009 являлась организатором и руководителем Большого дискуссионного клуба и Клуба любителей фантастики. Автор книг «Возвращение к недосказанному. Философические беседы: сборник статей и эссе» (Симферополь, 2009.) и «Вечные вопросы и вечные ценности» (Симферополь, 2014). Ею написано около сотни статей по широкому спектру вопросов: философских, культурологических, общественно-политических.

Она — выпускница философского факультета Ленинградского государственного университета (1949 – 1954), преподаватель в г. Карл-Маркс-Штадт (ГДР) (1954 – 1958), член Союза журналистов СССР (1960), аспирантка Московского государственного университета (1967 – 1977), где защитила диссертацию «Взаимодействие научного и художественного познания». Тонкий знаток души человека, Антонина Серафимовна и в своих произведениях, и в преподавательской и общественной деятельно-

В. Сагатовский, А. Архангельская, М. Каган. Санкт-Петербург. 2001 г.

сти. приглашала к диалогу, к размышлению над вечными жизненными проблемами. Большой дискуссионный клуб собирал огромную аудиторию студентов разных факультетов, прежде всего математического, исторического и романо-германской филологии, где она преподавала.

К поколению преподавателей, которое приняло эстафету от участников Великой Отечественной войны, принадлежит ***Александр Петрович Цветков***. За его плечами трудный жизненный путь и богатый опыт. Он закончил железнодорожный техникум, руководил строительством железной дороги на Байкале. Дальнейшая служба на флоте закалила характер и определила дальнейшую судьбу сначала студента историко-филологического факультета Крымского пединститута, а с 1971 года преподавателя кафедры философии. Кандидатская диссертация на тему «Симметрия и асимметрия как философские категории» была защищена в Московском государственном педагогическом институте в 1975 году. Для философского стиля А. П. Цветкова характерна литературная отточенность языка, способствующая ясному и глубокому изложению мысли. С 2008 г. — профессор, читает курс лекций по истории русской философии и методологии гуманитарного познания.

С середины 70-х гг. на кафедре философии работает ***Алексей Давыдович Шоркин***. Его докторская диссертация была посвящена проблемам философии культуры.

Историко-философскую традицию продолжала ***Людмила Ивановна Зиннурова***, тонкий знаток и ценитель истории философии, квалифицированный педагог, умеющая увлечь студентов. Она возглавила работу по теоретическому и методическому обеспечению данного лекционного курса. В значительной

степени благодаря её усилиям кафедра достойно справлялась со сложными задачами гуманитарного образования и воспитания студентов. Научный атеизм преподавал доцент ***Михаил Федорович Захаров***.

В 1984 году заведующим кафедрой стал доктор философских наук, профессор ***Валерий Николаевич Сагатовский*** (11 января 1933, Ленинград — 3 апреля 2014, Санкт-Петербург) — создатель целостной концепции философии развивающейся гармонии (антропокосмизм) как основы ноосферного мировоззрения.

В. Н. Сагатовский в 1955 году окончил философский факультет Ленинградского госуниверситета. Работал на Алтае, преподавал философию в Томске, Симферополе, с 1993 г. — профессор кафедры философии и культурологии Республиканского гуманитарного института Санкт-Петербургского госуниверситета. Кандидатская диссертация «Чувственные основы и логическая природа понятия» (1962), докторская — «Основы систематизации всеобщих категорий» (1969). Автор более 350 публикаций. В 2008 году В. Н. Сагатовскому присвоено звание «Заслуженный деятель науки Российской Федерации».

С приходом В. Н. Сагатовского изменилась комплексная кафедральная тема. Она стала называться «Творчество и проблема человека». Акцент научно-исследовательской работы сместился в сторону методологии: деятельностного и системного подходов. Методологический тренд, который тогда наметился, существует в научной традиции кафедры уже 30 лет. Получилось, что в это время благодаря ряду научных конференций в Новосибирске, посвященных проблематике интеллектуальных систем, были установлены научные связи между кафедрой философии СГУ и Институтом истории, филологии и философии (ИИФФ) Сибирского отделения АН СССР, Новосибирским государственным университетом и Томским государственным университетом. В. Н. Сагатовский до переезда в Симферополь заведовал кафедрой философии в Томском медицинском институте. В то время вышла в свет его монография «Философия как теория всеобщего и ее роль в медицинском познании». Валерий Николаевич способствовал научным контактам, в результате которых в Новосибирске были опубликованы работы Ф. В. Лазарева и А. И. Креминского (в соавторстве). А. И. Креминский проходил стажировку в ИИФФ СО АН СССР (1987 год), а в Томском государственном университете защитил кандидатскую диссертацию (1989 год).

В это же время на кафедру философии была принята ***Лейла Сафетовна Бекирова***, которая преподаёт философию на факультете крымскотатарского языка и литературы (в дальнейшем — факультет восточной филологии). Под руководством профессора Ф. В. Лазарева она защитила диссертацию на тему «Регулятив-

но-креативная функция традиции в этнокультуре (на материале опыта крымско-татарского народа)».

Собственно говоря, А. Т. Шумилин, А. Д. Шоркин, В. Н. Сагатовский, Ф. В. Лазарев и составили ту «могучую кучку», которая выдвинула кафедру философии в один ряд с сильнейшими кафедрами университетских центров Советского Союза. Они заложили традицию последующего возникновения научных школ. Это было фундировано как самобытностью каждого из плеяды этих философов (А. Т. Шумилин — теория творчества, А. Д. Шоркин — схемы универсумов в культуре, В. Н. Сагатовский — деятельностный и системный подходы, Ф. В. Лазарев — интервальный подход и постклассический антропологический поворот), так и умением работать в команде, своего рода универсальной способностью к командной игре. Изучение их творчества еще впереди, в перспективе, и ждет своего исследователя. В частности, в 2008 году вышла монография «Философское творчество Ф. В. Лазарева в контексте ноосферной культуры» (автор — А. И. Креминский), 2-е издание вышло в 2012 году.

Условно этот период в развитии кафедры философии — классический, он характеризуется становлением научных школ и направлений, во главе которых стоят вышеназванные крымские философы. В преподавательском составе появляется своего рода «новая волна». В 1986 году на кафедру приходит выпускник философского факультета МГУ ***В. В. Буряк***, который в 1999 году защитил кандидатскую диссертацию на тему «Основные типы рационального знания». Он продолжил историко-философскую традицию, нашедшую воплощение в преподавательской деятельности Б. Д. Спиртуса, Л. И. Зинуровой, А. П. Цветкова. Эта традиционная для кафедры нить исследований никогда не прерывалась и в дальнейшем нашла продолжение в творчестве профессора, доктора философских наук ***Лоры Турарбековны Рыскельдиевой***. С 2009 г. она заведует кафедрой философии. Были изданы учебники по истории античной философии. За серию работ по ноосферологии В. В. Буряк был отмечен медалью имени В. И. Вернадского (2012 год). В 2002 году под редакцией В. В. Буряка вышла в свет коллективная монография учёных кафедры философии, которые поставили перед собой достаточно сложную задачу — подвергнуть критическому рассмотрению методологические стратегии, доминировавшие в философии на протяжении XX века. В авторский коллектив монографии вошли Ф. В. Лазарев, А. Д. Шоркин, В. В. Буряк, А. И. Креминский, Л. Т. Рыскельдиева, М. К. Трифонова, О. В. Зарапин, А. М. Тимохин. Выход монографии был знаковым событием и в том плане, что на последующие годы сфокусировал особый интерес философов методологии науки и культуры. В настоящее время, с созданием в апреле 2017

Ф. В. Лазарев. 1960-е годы

года кафедры философии естественнонаучного профиля (заведующий — доктор философских наук, профессор ***Олег Аршавирович Габриелян***), эта научная традиция и научная школа получили дальнейшее развитие. В. В. Буряк опубликовал монографии «Глобальное гражданское общество и сетевые революции» (2011), «Динамика культуры в эпоху глобализации» (2011), «Ноосферогенез, глобализация и современное информационное общество» (2014), а также учебники «Античная философия» (2009), «Основы учения о ноосфере» (2010).

Организатором логических исследований является профессор ***Владимир Николаевич Николко***. Наиболее важные результаты содержатся в его монографиях «Краткий курс логики» (1998), «Теория определений» (2003), «Аналитическая определимость явлений» (2004), в которых представлен оригинальный авторский курс логики и предложена онтологическая трактовка определимости в применении к семиотике. Данное направление поддержано результатами исследований Юлии Михайловны Коротченко по моделированию знаковых структур на материалах текстов культуры. Ю. М. Коротченко, выпускница философского факультета Киевского государственного университета, защитила кандидатскую диссертацию в Спецсовете на философском факультете ТНУ.

А. И. Креминский — выпускник математического факультета Симферопольского государственного университета (1978 г.), защитил кандидатскую диссертацию в 1989 году. Участвовал в секции логики, которую возглавляет В. Н. Николко, признанный специалист в сфере логических исследований, организатор

логического семинара факультетского проекта «Анахарсис». В 2005 году был издан учебник А. И. Креминского «Логика». С 2014 года логику преподаёт О. А. Шапиро.

В 1994–1995 годах заведующими кафедрой были ***Александр Петрович Цветков*** и ***Юрий Николаевич Мартынюк***. Ю. Н. Мартынюк защитил докторскую диссертацию в 1994 году. В область его научных интересов входили проблемы теории познания и методологии науки.

Алексей Давыдович Шоркин

Реалии постперестроечного периода вызвали необходимость пересмотра образовательных стратегий, которые востребовали новые специальности. Первая из них появилась в 1993 году. Был произведен набор студентов на философское отделение исторического факультета по специальности «Философия». Затем в 2000 году открылись отделения культурологи и политологии, которые готовят студентов по специальностям соответственно «Культурология» и «Политология». Выпускающей по первой специальности является кафедра культурологии (название с 2002 года). До этого называлась кафедрой украинской и зарубежной культуры (1994 год, заведующая — доктор философских наук, профессор ***Диана Сергеевна Берестовская***). В 1991 году была образована кафедра политологии и социологии. Её руководителем стал доктор философских наук, профессор Геннадий Иванович Мельников. Выпускник Иркутского университета, историк, социолог, он заведовал с 1988 года кафедрой научного коммунизма СГУ. С 1999 года заведующим кафедрой политологии и социологии становится доктор философских наук, профессор Олег Аршавирович Габриелян. Сама кафедра с 2001 года приобрела название кафедры политических наук.

Кадровый потенциал трех названных кафедр, а также студенческий контингент по соответствующим специальностям позволил в 2003 году открыть философский факультет. Этому предшествовал колоссальный труд, проделанный инициаторами открытия факультета В. Н. Николко и А. Д. Шоркиным. Их напор и энергичные усилия получили поддержку руководства ТНУ. Первым деканом философского факультета стал Алексей Давыдович Шоркин, которого в 2007 году сменил Олег Аршавирович Габриелян. В 2009 году должность декана переходит к Юрию Андреевичу Катунину, а в 2015 году деканом вновь становится О. А. Габриелян.

С 1995 года кафедрой философии заведовал доктор философских наук, профессор ***Феликс Васильевич Лазарев***. Подготовка студентов-философов, которая осуществлялась с момента открытия специальности «Философия», требовала тщательного обеспечения учебного процесса, подготовки программ читаемых курсов и спецкурсов, без которых студенты не состоялись бы как про-

фессионалы, а сама идея выглядела бы профанацией. Основная работа легла на коллектив кафедры философии, которую возглавил ученый, заслуживший авторитет и признание благодаря разносторонней научной и педагогической деятельности, направления которой можно обозначить как многочисленные и результативные попытки преодоления кризисных ситуаций, присущих не только отечественной, но и мировой культуре. Основанием всех оригинальных концепций Ф. В. Лазарева является интервальный подход. Он является одним из семи крупных методологических открытий в сфере гуманитарного знания в XX веке.

С 1997 года работает Специализированный совет по защите кандидатских диссертаций по трём философским направлениям (председатель — Ф. В. Лазарев, учёный секретарь — А. И. Креминский). Было защищено свыше 50-ти диссертаций. После преобразования совета в докторский осуществлялись защиты диссертаций на соискание учёной степени доктора философских наук. Плодотворная работа совета позволила обеспечить квалифицированными научными кадрами философский факультет на последующие два десятилетия. В дальнейшем от совета отделились специальности «Культурология» и «Политология», образовав свои советы.

В значительной степени плодотворной работе совета способствовало наличие в университете двух ВАКовских журналов: «Учёные записки ТНУ им. В. И. Вернадского» и «Культура народов Причерноморья» (издаётся с 1997 года). Последний журнал издавался благодаря усилиям доктора философских наук, профессора ***Юрия Андреевича Катунина (1955–2016 гг.)***. Его подвижническая деятельность помогла многим преподавателям университета обеспечить защиту диссертаций ВАКовскими публикациями.

Комплексная кафедральная тема «Антропологические перспективы современной философии» разрабатывалась в многочисленных публикациях преподавателей кафедры. Вышел в свет учебник «Философия» (Ф. В. Лазарев, М. К. Трифонова), который выдержал два издания. Его отличительная особенность — «заточенность» на передний край научного и культурного развития. М. К. Трифонова работала на кафедре философии и в Специализированном совете. Она оказывала творческую поддержку аспирантам и соискателям, внеся весомый вклад в подготовку научной молодёжи. Ее докторская диссертация «Наука и образование в условиях современной социокультуры» посвящена весьма актуальной теме в контексте современных цивилизационных тенденций.

В 2001 году создана кафедра социальной философии, которой руководил доктор философских наук, профессор ***Игорь Иванович Кальной***.

В результате разработки комплексной кафедральной темы «Проблемы гражданского общества и гражданского согласия» под его руководством и при его непосредственном участии издано 12 монографий. Кафедра была отмечена как лучшая кафедра университета, в дальнейшем она была преобразована в кафедру социологии и социальной философии. С 2014 года ею руководит доктор социологических наук, профессор ***Виктор Александрович Чигрин***. В 2017 году кафедра преобразована в кафедру социологии.

С созданием философского факультета гуманитарная составляющая образовательного процесса получила новый импульс. Это нашло выражение как в дифференциации преподаваемых кафедрами дисциплин, так и в количественном росте остепенённых преподавателей факультета. Совет по философским наукам проводил защиту по трём специальностям: «Онтология, гносеология, феноменология», «Социальная философия и философия истории», «Философская антропология и философия культуры». Председатели Совета — Ф. В. Лазарев. Совет был открыт в 1997 году. Совет по политическим наукам с 2004 года проводит защиту по двум специальностям: «Политические институты и процессы», «Этнополитология и этногосударствоведение». Председатель Совета — О. А. Габриелян, С. В. Юрченко. Совет по культурологии работает с 2008 года. Председатель Совета — Д. С. Берестовская. Сейчас на факультете работают преподаватели, которые в этих Советах защитили диссертации: И. А. Андрющенко, В. В. Буряк, О. В. Брыжак, С. В. Величко, О. В. Зарапин, Н. В. Зудилина, Е. Б. Ильянович, Н. В. Киселева, Ю. М. Коротченко, А. В. Костромицкая, Н. Н. Кузьмин, И. А. Курьянова, Х. Э. Мамутова, П. И. Пашковский, А. В. Синичкин, А. М. Тимохин, А. С. Филатов, З. З. Хайрединова, Л. Г. Халанская. О качестве работы говорит и тот факт, что ни одна из диссертаций не получила на защите отрицательной оценки. С 2002 года берёт начало традиция проведения кафедрой культурологии международных научных конференций «Культура народов Причерноморья с древнейших времён до наших дней». Результаты исследований публикуются в одноимённом журнале. С 2005 года проводятся Таврические чтения «Анахарсис» (автор и руководитель проекта — А. Д. Шоркин). Масштабные конференции собирают специалистов из многих стран мира. Публикуются материалы в «Ученых записках» университета.

Игорь Иванович Кальной

В 1991 году была образована кафедра политологии и социологии. Ею руководил доктор философских наук, профессор ***Геннадий Иванович Мельников***. В феврале 1999 года заведующим кафедры становится доктор философских наук, профессор Олег Аршавирович Габриелян. С 2001 года — кафедра поли-

Кафедра философии. 2000-е годы

тических наук, а с 2009 года — кафедра политических наук и международных отношений. С 2009 года кафедрой заведует доктор политических наук, профессор ***Сергей Васильевич Юрченко***. Весьма разнообразна тематика научных исследований: методология политической науки, регионалистика, межэтнические отношения, политическая коммуникация, государственное управление. При кафедре работали Институт мира и Центр этносоциальных исследований. Сотрудниками кафедры выполнено более 30 международных проектов. Издан ряд работ: «Гражданское общество и социальные права» (под ред. Т. А. Сенюшкиной, А. Д. Шоркина, 1997), «Межэтническое согласие в Крыму» (под ред. О. А. Габриеляна, А. Д. Шоркина, 2002), «Гражданское общество и религия» (под ред. О. А. Габриеляна, 2005), «Политические процессы в Крыму: последнее десятилетие XX века» (О. А. Габриелян, 2000), «Политическая наука в Украине: становление и перспективы» (под ред. О. А. Габриеляна, А. Д. Шоркина, 2002), «Диалог культур: проблемы интеграции в крымском сообществе» (под ред. О. А. Габриеляна, 2002), «Ноосферология: наука, образование, практика» (под ред. О. А. Габриеляна, 2008). Преподаватели кафедры активно участвуют в международном семинаре «Религия и гражданское общество» (руководитель — профессор Татьяна Александровна Сенюшкина). В 2016 году создана кафедра религиоведения (заведующая — доктор философских наук, профессор О. А. Грива). В 2017 году образована кафедра философии естественнонаучного профиля (заведующий — доктор философских наук, профессор О. А. Габриелян) и кафедра философии гуманитарного профиля (заведующая — доктор философских наук, профессор Л. Т. Рыскельдиева). Это свидетельствует о творческом росте философского факультета.

В. А. Бахревский

Анатолий **ДОМБРОВСКИЙ**

1934–2001

Поколение рожденных в 30-е годы, воспитанное мечтать о высоком, понимать жизнь как восхождение, веровало в будущее — в претворенные в действительность пророчества о вселенском могуществе человечества, о полноте раскрытия творческого потенциала личности, и не только отдельных личностей, но и народов. Счастливейшие в потоке времени, люди эти были убеждены в возможности избавления человека от его природной жестокости, от сокрушительного злобного начала.

Год с цифрой «2» и тремя нулями для рожденных в 30-е казался далеким, как коммунизм. Анатолий Иванович Домбровский родился 12 декабря 1934 года, умер 17 октября 2001. Писатель успел прожить в третьем тысячелетии майскую пору. И еще — пять месяцев мучительной болезни.

Будучи философом по образованию, по жизни, творчеству, Домбровский мог объяснить ужас происходящего — принять «лихие девяностые» не было сил.

Уход писателя в сияющий мир Эллады — не бегство из времени попранных духовных ценностей. Романы Домбровского о древнегреческих философах — призыв опамятоваться. Но, оживляя любовью образы искателей истины, драгоценной и для нынешнего мира, Анатолий Иванович и сам был счастлив.

Да только разве можно замкнуть сердце от беды, постигшей Родину? И вот она, боль о нашем общем горе, об изуверском предательстве надежд человечества: «Делириум, или Безысходность — род безумия». Это и детектив, и психологическая драма, и документ о контрреволюционном перевороте.

Но если уж говорить о творчестве, так по порядку.

Есть книги — читаешь, а горле все время комок: от нежности, от печали. Такую книгу Анатолий Иванович Домбровский написал много лет тому назад. С этой тоненькой повестушкой он и отправился в путь за писательской судьбой: пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что. «Голубая тень белого камня» — книга о прекрасном мире отрочества в прекрасной, счастливой стране. Ни единого высокого громкого слова не позволил себе писатель, но это воистину гимн крымской земле. Море моря, море света, море любви.

От волшебника ждут новых и новых чудес…

В недавнем прошлом, когда издавали тысячи и тысячи новых книг, власть редактора была почти неограниченной. Парадокс, но именно редакторы презрели детство писателя Домбровского, с его солнечным лиризмом, полетом мысли, с его легким светлым словом, напоенным запахами моря и степи. Та же «Голубая тень белого камня», за которую Домбровский получил премию Всесоюзного конкурса, не сразу пришлась ко двору издательству «Молодая гвардия». Эта повесть — о петухе, которому злая свинья откусила ногу, о студенте Егорыче, спасшем петуха (приделал ему деревянную ногу), о Мальчике Санче, умевшем превращаться в сверчка, воробья, в чайку — чего не сделаешь ради любви к девочке…

Первую пробу пера обогнали «нужные» книги. Книга очерков «Мы пишем с целины» вышла в 1967 году в Алма-Ате, повесть о крымских школьниках, переживших немецкую оккупацию, «Птицы ничего не расскажут» — в 1968-ом, в «Молодой гвардии», а первая из написанного, самая трепетная и самая счастливая — только в 1970-м.

Анатолий Домбровский. 1970-е годы

Домбровский создал еще несколько детских крымских повестей: про обычных деревенских ребят, про жизнь совершенно земную, но щемяще прекрасную. А было это в самую трудную для него пору, когда остался без работы, без дома, без каких-либо надежд на будущее.

Тут, наверное, самое время рассказать о жизни писателя, об истоках творчества, тогда станет понятным, почему Домбровский написал романы о философах, а также философские романы о несчастье, случившемся с нашей страной.

Он родился в степном деревенском Крыму. Отец его Иван Кузьмич никогда не считал себя поляком, хотя происходил из малоземельных переселенцев, пришедших на Украину при Екатерине Великой. Прадед Франц Ареевич получил надел, но его сыну Кузьме пришлось не столько хлеб сеять, сколько выказывать молодецкую стать. За богатырскую силу и рост взяли в лейб-гвардию Его Величества. Иван Кузьмич, имея за плечами церковно-приходскую школу, получил в юности прекрасную техническую подготовку. Жил в семье отставного полковника, школьного учителя, страстно любившего физику. Работая с полковником в его мастерской, Иван Кузьмич научился токарному, слесарному, плотницкому делу, освоил работу с электричеством… В Крым переселился, спасаясь от голода 30-х годов. Прошел войну, дослужился до сержанта, среди его наград орден «Красной Звезды», медали «За отвагу», «За взятие Кенигсберга»… Чудо-умельцем остался до глубокой старости, мог починить мотоцикл и ружье, выточить деталь к мясорубке и вернуть жизнь древним ходикам.

Умные руки писатель Домбровский унаследовал от Ивана Кузьмича, а вот любовь к слову — от матери, от Елизаветы Яковлевны Березницкой. В ее роду был поэт Семен Княгницкий, а ее приданое состояло из дореволюционной, чудом сохранившейся библиотеки, в которой половина книг была на польском языке.

На долю поколения Домбровкого выпало дважды испытать оккупацию. Тотальную гитлеровскую, когда росток только поднимался от земли, — и нынешнюю, духовную, глобальности и глубины воздействия которой мы пока что в полной мере не осознали.

Анатолию Ивановичу шел седьмой год, когда в его родном селе расположилась немецкая часть. Отец на фронте, мама умерла перед войной. Он остался с мачехой, с двумя братьями. Старшего, Юрия, вскоре угнали в Австрию. Немцы вышвырнули из дома не только семью, но и книги. Пришлось поселиться в курятнике. Село некогда принадлежало немецким колонистам, курятник был кирпичный. Почистили, сложили печь, замазали щели…

Старожилы помнили бывших немцев, колонистов, ждали культурного житья, и дождались. Немецкие солдаты уж до того презирали русских, уж так себя ставили, что садились опорожнить кишки посреди улицы.

Библиотека валялась под открытым небом, но взять книги не позволяли, грозили застрелить. Такова она, просвещенная Европа.

Запомнилось: морось, беззащитные мамины книги… Смотрел на эту заветную драгоценную груду из курятника, и особенно на толстую книгу с картинками, которую любил рассматривать… Он все-таки набрался храбрости, улучил мгновение, побежал, схватил, принес. И был еще один рисковый поход. И стало в доме две книги — «Дети капитана Гранта», «Дерсу Узала».

Мы всё никак не сыщем подвижников, которые избавили бы нас от поработителей наших. В селе детства Домбровского крестьяне, глядя на «культурных» немцев, гадящих на глазах детей и женщин, быстро уразумели, где искать спасения. Учительнице Лидии Александровне Вербиной восемнадцати не было, ее кормили всем селом, как пастуха, а она вела сразу четыре класса.

Однажды приехал инспектор, привез учебники немецкого языка. На первой странице портрет Гитлера и надпись: «Освободитель русского народа». Через месяц инспектор явился проверить знания учащихся. Кто на портрете — сказать могли, а вот произнести по-немецки: «Освободитель русского народа» никто из участников не сумел. Лидии Александровне попало, но школу все-таки не закрыли. Учительница была с ребятами до апреля 1944 года.

В первый же день освобождения радостная Лидия Александровна привела в школу Нашего офицера. Наш офицер сказал:

— *Разучим Гимн Советского Союза.*

Разучили. Лидия Александровна вышла за офицера замуж и ушла с ним на Запад за Победой.

Осенью в школе появилась другая учительница — девочка Ольга Анисимовна. Она организовала хор и самодеятельность, и, конечно, без Домбровского ни один концерт не состоялся бы, без гармониста.

Гармошка была отцовская, Иван Кузьмич не только паял и клепал, но и настраивал гармоники, хотя у своего полковника он научился играть только на мандолине.

Однажды Ольга Анисимовна предложила сочинить частушки про войну. У Домбровского получилось складно, ладно. Содержание: пусть отцы воюют, а мы будем собирать колоски… Отправил частушку на фронт. Надо сказать, что Иван Кузьмич

писал домой часто, в каждое письмо вкладывал чистые листы. На этих листах школа делала контрольные. Тетрадей не было, задания по русскому языку и по математике выполняли на газетах. Ротный командир обрадовался, что сержанту сын стихи прислал. Стихи были зачитаны перед строем. Так что слово Домбровского — участник Великой войны.

При немцах умудрялись, учились, а вот в 46-м году школа перестала работать. Голод разогнал детей. Голод тоже учитель. Его уроков не забывают. Пока не ходили в школу, Домбровский брал книги в конторской библиотеке. Брошюры по астрономии и том Адама Мицкевича. Начитавшись стихов, попробовал сам сочинять, а вот когда влюбился — стихи хлынули ливнем. Написал несколько поэм, сказок, начал роман… Стихи — тайна, но шила в мешке не утаишь. Задали сочинение на свободную тему — написал об осени, стихами. Напечатала стихи районная газета: сочинил ко дню выборов.

Жизнь была сказочно хороша, хоть до школы восемь километров. Пришлось и на квартире жить, таскать на себе харчи. Денег не было совершенно, село работало, добывая стране изобилие, для себя же — было бы чем живот набить. Отец ухитрился достать сыну велосипед.

Книг после оккупации осталось немного. В районной библиотеке дали «Поджигателей» Шпанова да критиков: Чернышевского, Белинского, Писарева. Очень понравился Белинский. Но были еще книги Энгельса. Прочитал «Диалектику природы».

Директор школы Николай Иванович Жучков, выпускник Ленинградского университета, предложил золотому своему медалисту:

— *Езжай в ЛГУ. — Дал адрес, где остановиться.*

Сойдя с поезда, крымский степняк растерялся. Спросил, как доехать до Васильевского острова. Назвали номер троллейбуса.

— *А где купить билет?*

— *В троллейбусе.*

Подумал-подумал и пошел пешком. Оказалось, не очень-то и далеко. Боялся провалиться на собеседовании. Вопросы задавал замдекана. Спросил, кто родители. Удивился просторному костюму, в который вырядился абитуриент. Пришлось признаться: другого в сельпо не было. Ждал, когда начнут гонять по проблемам, но декан сказал:

— *Ты зачислен.*

Общежитие не дали. Два года снимал углы. На третьем курсе с философией пришлось расстаться: расформировали отделе-

ние философии и психологии. Перевелся на факультет журналистики. Два года ходил в «журналистах». На каком-то из вечеров читал со сцены юмористический рассказ Остапа Вишни, по-украински, сочно. На концерте был декан философского факультета Василий Петрович Тугаринов.

— *Откуда этот парень?*

— *Из наших, но бывший, — ответили декану.*

— *Как такого парня отдали? — самодеятельность в те годы была в почете.*

За Домбровским сбегали за кулисы: Тугаринов зовет. Тугаринов спросил:

— *Не хочешь вернуться к философам?*

— *Хочу, да как это сделать?*

— *Приходи завтра и учись.*

Вот что удивительно! В творчестве обращение к философской тематике у Домбровского получилось такое же случайное, как возвращение на философский факультет.

Без предисловия тут не обойтись, а оно — продолжение рассказа о судьбе писателя.

Женился на 5-м курсе. Жена закончила учебу раньше и уехала в Алма-Ату. Вскоре и он устроился там преподавателем философии Высшего пограничного училища. Младший лейтенант, он через год дорос до заместителя начальника кафедры общественных наук. Работалось непросто. Строгая цензура требовала лекции на проверку, читать их приходилось слово в слово.

Говорят, не было бы счастья… Медицинская комиссия нашла перебои в сердце. Из армии уволили. Осталось, впрочем, звание доцента. Штатский человек — вольный человек, ушел из училища. Философа из ЛГУ взяли в обком ВЛКСМ. Полгода ездил по казахским аулам, агитировал ехать на строительство в Темиртау. Потом устроился в газету казахстанских пионеров «Дружные ребята» ответственным секретарем, а потом назначили редактором. Тогда сочинял рассказы, стихи. Со стороны — жизнь удачника, хотя удачник этот с детства испытал сиротство, оккупацию немцев, мадьяр, румын. Это не о народах, о солдатне. Дети войны, как и солдаты войны, как все перенесшие войну, знают, что это такое — «страна огромная», знают и веруют в правду этой великой страны. Служат этой стране и будут служить ей до последнего дыхания.

Семейная жизнь не сложилась тогда у Домбровского. Вернулся в Крым.

Труд писателя — не работа, это особое качество жизни. Среди писателей своя номенклатура, но вот самовольный отказ от должностей, хотя бы и ради писательства, рассматривался как непростительное нарушение основ, как презрение к товарищам, допущенным пользоваться благами.

В Алма-Ате была редакторская машина, редакторская квартира, а в Евпатории пришлось снимать развалюху. Друзья добыли в издательстве «Молодая гвардия» заказ на книгу о философах. Писал о великих мыслителях, живя в селе, располагая евпаторийской библиотекой, где работают добрые люди, но нужных книг в которой мало. И все-таки, как оказалось, всё — к лучшему.

Жизнь в Суворовском, во времянках, дала писателю бесценные впечатления. Несколько замечательных повестей и романов Домбровского, и особенно «Все радости и печали» обязаны именно той, скудной, но вполне свободной жизни. Это было возвращение в народ, в свой народ, в крымский.

Книга «Рассказы о философах» увидела свет только в 1975.

Годом раньше в издательстве «Детская литература» вышли повести «Красные каски» и «Сладкая земля». В гражданскую войну отряд партизан «Красные каски» действовал под Евпаторией. Его база находилась возле села Суворово, в каменоломнях. В основу «Сладкой земли» легли воспоминания отца. В Полесье потрясенные революцией люди начали готовиться к Страшному Суду. Каждый делал себе огромный крест и нес его, изнемогая от тяжести, на заветное поле.

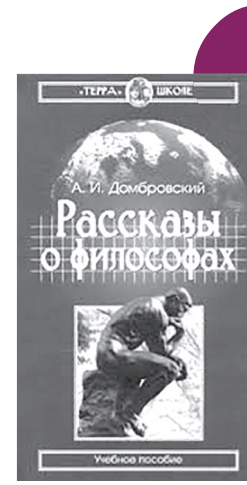
Советская литература 60–80-х годов — огромный материк, где вздымаются горы пустой руды, но где и чистого золота россыпи. Анатолий Домбровский издал более 40 книг. В Союзе писателей СССР было десять тысяч членов. Критика обслуживала секретарей этой важной организации, к остальным же относилась весьма выборочно. В редакциях центральных газет и журналов имелись списки подлежащих прославлению. Вот почему творчество Домбровского для критики — белое поле.

Писатели более старшего поколения так и не выбрались из-под глыб Великой Отечественной войны. Домбровский — из детей войны. Он написал романы о войне, о послевоенном времени, о школьных годах, о студенчестве, о жизни крымской деревни.

Исполнив долги перед своим поколением и перед поколением отца, он получил право на свободное плавание.

«Тритогенея Демокрита», «Сад Эпикура», «Великий Стагирит» — это тоже погашенные счета, дань любви прекрасному классическому миру Древней Греции. Любовь к Парфенону непреходяща. Домбровский вновь и вновь погружается в мир

эллинизма, находя его уроки полезными для нашего времени. «Тайна Алкивиада», «Черный плащ для Перикла» и, уже с поправкою на нашу детективную современность, — «Гнев гробницы Атрея».



Есть у Домбровского книги социального заказа. Он написал их достойно, мастерски. «Неистовый сын Трира» — о Карле Марксе, «Соратники» — об Энгельсе. «Красная Таврида» — о гражданской войне в Крыму. Именно уважение к идеалам прошлого заставляло очень крепко думать о том, какой глубины пропасть поджидала страну с новыми переменами.

Роман «Черная башня» Домбровский опубликовал в журнале «Радуга» в 1989 году. Это самое страшное произведение писателя — предчувствие апокалипсиса. В пирамиде, где укрылись от чудовищного катаклизма, кто-то охотится на людей, убивает одного за другим. Кто — остается неизвестным. Как неизвестны нам закулисные убийцы нашего государства. Мы называем имена предателей, не зная ничего о глобальности замыслов командоров времени.

Роман «Падение к подножию пирамид» напечатан в журнале «Брега Тавриды» в 1992 году. Написан на год раньше.

Крым. Таинственный, древний, смотрящий в море с высоты маяка. Петр Петрович Лукашевский, списанный по нездоровью капитан дальнего плаванья, скрашивает одиночество писанием картин. Но вот однажды на чистом холсте ему явилась пирамида Хеопса. Одна невероятность вскоре превращается в цепь невероятностей. Процитируем Домбровского: «Пугали мысли о собственной случайности, непрочности, обреченности, о бесцельности и никчемности присутствия в этом мире»... Потом он понял: именно она, Вечность, ощутимо присутствовала там и обжигала своим величественным равнодушием. Говорят, что зодчий Хемиун вписал пирамиду Хеопса в орбиту Космоса и сориентировал усыпальницу фараона по лучу звезды Тубан, альфы Дракона, которая две с половиной тысячи лет назад и во времена строительства пирамиды была полюсом мира. Потом она отвернулась от усыпальницы Хеопса, уступив свое место альфе Малой Медведицы, но лишь с тем, чтобы через двадцать тысяч лет вновь заглянуть в пустую гробницу. Как медленно поворачивает свои глаза Вечность». Роман о Вечности и о нас, грешных. Действие развивается неспешно, однако читатель в постоянном напряжении. На пустынных курганах неведомо откуда появляются каменные бабы, по степи начинают разъезжать скифы, на маяк к Лукашевскому приходит больной человек, который на самом-то деле Режиссер. Мир переворачивается, ориентируясь на прежнюю звезду Тубан. Еще одна цитата: «Кубасов вернул Лукашевскому капитанское удостоверение:

«Поезжайте, Петр Петрович. Я вас сразу узнал, но приказ Режиссера…».

«Понимаю, — сказал Лукашевский, и спросил: — А вы — кто? Скифы, гунны, печенеги?» «Мы — оловянноглазые, — ответил не без гордости Кубасов. — Теперь деление другое: теперь по цвету глаз: оловянноглазые, желтоглазые, зеленоглазые, сероглазые, голубоглазые, кареглазые, черноглазые, одноглазые, косоглазые» «И что? — все друг другу враги?» «Все! — ответил Кубасов. — Но оловянноглазые — личная охрана Режиссера. Особый отряд!»

Жизнь, такая строгая, такая зашоренная, рушится. Друг Лукашевского, председатель исполкома Яковлев, любитель пофилософствовать, ничего уже не может поделать с распадом. «Гомо сапиенс выродился и восстановлению не подлежит», — таков приговор Режиссера. Впрочем, успокаивает он Лукашевского, благородные души будут спасены, их расселят по другим мирам. А Лукашевский смотрит на уехавшую «Волгу» и думает: смог бы он или не смог выстрелить в Режиссера? Дело кончается побегом на яхте. Режиссер тоже на яхте, но он исчезает, а в зеркале Лукашевский вместо себя видит Режиссера. Всё случившееся произошло по его, Лукашевского, версии «отката маятника». Режиссер он сам.

Роман философский, но читается, как детектив. Это и есть детектив, только не происшествий, хотя загадочного в романе предостаточно, а детектив мысли… Ее извращений и ее стремления к Спасателю, к Истине. Вывод же печален: наша мысль ввергает нас в пропасти всеобщей погибели, и прежде чем судить кого-либо или, пуще того, выстрелить в предполагаемого виновника бед, сначала надо посмотреть на себя.

Разрушение жизни, потеря смысла жизни в романе угаданы, но при чтении в начале 1992-го все это казалось гиперболой, однако гипербола обернулась явью.

Уж такие они — писатели с философией в голове. Если бы книги Домбровского были вовремя прочитаны теми, для кого они написаны… Но кто читает современников, да еще живущих где-то в Крыму.

В декабре 1990 года, предчувствуя распад государства и Союза писателей СССР и стремясь сохранить духовное единство, писатели Москвы, Минска, Киева, Крыма собрались в Ялте и учредили Содружество писателей. Мысль о создании творческого Союза русских, украинских и белорусских писателей принадлежит Анатолию Домбровскому. Он и стал председателем Содружества, главным редактором журнала «Брега Тавриды».

В «Брегах Тавриды» напечатаны все его последние пророческие романы.

Книги Домбровского о великих греках и о современности завораживают мыслью. Наслаждаться мыслью, которая глубока и которую ты понимаешь — это одна из самых высоких задач литературы. Ныне, когда умышленно уничтожается приоритет культуры, когда вместо науки — оккультизм, а вместо разумной жизни — делириум, т.е. безумие, народу вдалбливается: смысл существования не в труде, через который воплощается мечта о полноте проявления творческого начала личности, каждой личности, а не избранной, не в воплощении великих художественных и научных замыслов, но в развлечении, жратве, сексе. В наслаждении. И чем ниже уровень наслаждения, тем лучше. Долой духовность. Наступление по всем фронтам идет тотально, задача этого наступления простенькая — лишить народ разума.

Некогда император Калигула в порыве ненависти воскликнул: «Как жаль, что у римского народа не одна шея!» Новые хозяева жизни как раз предпринимают попытку разделаться с народом раз и навсегда, уничтожая культуру. Домбровский говорит: «Все идеалы ныне объявляются утопией. Но идеалы — ориентация человека в пространстве жизни. Даже зверь прокладывает тропу. Тропа — это осознание своего места в мире. Дорога человека в пространстве — его путь. Нам предлагают вместо Пути — тупик. Без Пути жизнь народа — кишение. Толчея мошки».

В статье, посвященной 60-летию Анатолия Ивановича, я написал в заключение: «Мы все еще не знаем своих писателей».

В наши дни незнание это прогрессирует. Слова «незнание» и «прогресс» несовместимы, что поделаешь, время парадоксальное. Вроде бы верить в светлое будущее — сама жизнь нас этому учит — бессмысленно, тем более, что впереди приход Антихриста и Страшный Суд. Но мы, поколение мечтателей, птицы большого полета, доверяем силе разума, стремлению людей к чистоте, к жизни созидательной и совестливой. А потому убежден: творчество Домбровского будет востребовано, читатели увидят, какой это материк! Какой это ум и какая нежность.

И ещё несколько штрихов. Одно время Анатолий Иванович вдруг взялся рисовать. Рисовал пейзажи — иногда фантастические, и такую природу, которая выглядела загадочно. Например, белогорскую Белую скалу. Написал березы. Может, потому, что в Крыму они редкость. Писал египетские города.

Картины несколько жесткие, резкие по цвету, но все свои. Узнаваемые.

Меня Анатолий Иванович звал при встречах Владичка, я его — Толя. В Толе жило, не теснясь перед всеми его должностями,

почетными званиями, — искреннее, радостное детство. У него была коробка с большими железными шарами и с магнитами, телескоп. За магниты, шары и телескоп Толя был у моих детей самым уважаемым человеком из взрослых.

Глаза детства — сердце. Мои дети не ошибались, принимая «дядю Толю» за своего. Повести Домбровского для юношества, для подростков — зовущая мечта и печаль. Имя такой литературы — любовь.

В последнюю нашу встречу мы говорили с Толей о старой его задумке, о Зеленом Человечке, живущем в степи, в травах. О книге счастья.

И. А. Курьянова,
М. Д. Баханцов

Валерий **САГАТОВСКИЙ**

1933–2014

Не был путь мой усыпан розами,
Мало отдыха в жизни я знал.
И мои, как осеннее озеро,
Потемнели с годами глаза.

Но когда я покину город
И взойду к голубым небесам,
Где вдвоем только я и горы. —
Голубое вернется глазам.

Голубое, совсем голубое —
Нерастраченное, мое,
Не другое и не чужое
Самоподлинное бытие.

В. Н. Сагатовский
Обрыв в голубизну [1]

Валерий Сагатовский. 1980-е годы.

Валерий Николаевич Сагатовский (род. 11.01.1933 г., Ленинград; умер 3.04.2014 г., С.-Петербург) — «советский и российский философ, создатель целостной философской концепции философии развивающейся гармонии (антропокосмизм) как основы ноосферного мировоззрения»[2], доктор философских наук, профессор, действительный член Академии гуманитар-

1 В. Сагатовский. Стихи. Симферополь: Таврия, 1991 — 95 С. — с. 78

2 Сагатовский Валерий Николаевич. Большая биографическая энциклопедия// http//dic.academic.ru. См. также статьи: В. Н. Сагатовский // Новая философская энциклопедия в 4-х.т. — М.: Мысль, 2010. — Т.4; В. Н. Сагатовский // Философский энциклопедический словарь. М.: Мысль, 2010.

ных наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации (2008 г.), много лет посвятивший Симферопольскому государственному университету имени М. В. Фрунзе. С 1990 года работал в должности профессора, а с 1984 по 1993 годы — в должности заведующего кафедрой философии.

«По своим убеждениям я — антропокосмист. Сторонники этого мировоззрения хотят, чтобы весь мир стал нашим Домом и Садом и видят смысл человеческой жизни в диалоге и сотворчестве Человека и Мира. И потому мой Дом — все то, что стремится не к хаосу, но к гармонии, к «ставящемуся всеединству» (Вл. Соловьев) — в природе, в обществе… и в душе, настроенной синхронно с духом»[3] — так сам Валерий Николаевич определял свое мировоззрение.

Период активного научно-философского творчества Валерия Николаевича Сагатовского приходится на последнюю треть XX и начало XXI столетия. Старшему поколению философов это имя хорошо известно. Педагог, активный участник научных конференций, автор более 350 научных публикаций (статей и многих монографий) — такие личности, наделенные творческим горением, незаметными быть не могут. Показательно, что ряд работ В. Н. Сагатовского еще в 70-х – 80-х годах прошлого века были переведены на иностранные языки и изданы в ряде стран. Наиболее широкую известность в те годы получили монография «Вселенная философа» (1972 г.) и «Весы Фемиды и суд совести. Популярные очерки по этике и этикету» (1982 г.).

Родился В.Н. Сагатовский в Ленинграде. Во время Великой Отечественной войны перенес блокаду, воевал вместе с отцом в части ПВО действующей армии, охранявшей один из мостов на подступах к городу на Неве. После школы поступил на философский факультет Ленинградского госуниверситета, так как, по его словам, «еще с семнадцати лет поставил перед собой задачу выработать стройную систему мировоззрения». По окончанию университета несколько лет учительствует на Алтае, потом преподает в Сибирском медицинском институте в Томске. В 1962 году В. Н. Сагатовский защитил кандидатскую диссертацию «Чувственные основы и логическая природа понятия», а в 1969 году — докторскую: «Основы систематизации всеобщих категорий». В это же время он становится заведующим кафедрой философии в медицинском университете в Томске.

О разносторонности интересов Валерия Николаевича говорит его активное участие в работе группы профессора Ф. П. Перегудова, состоящей из ученых самых разных направлений, по выработке нового теоретического направления — системного

3 Сагатовский В. Н. В Миру и Дома. Стихи. СПб., 2001. — с. 3.

анализа. Эта работа вывела ученого на новое поле исследований: «В противовес господствовавшему в то время социально-экономическому подходу, Сагатовский раскрывает общество как единство объективного естественного исторического процесса и человеческой деятельности…, как движущей силы истории, в основе которой обнаруживаются порождающие культуру ценности. Эти два начала опосредуются духовной атмосферой общества, выражающейся в искусстве, религии, философии. Если в ранний период В. Н. Сагатовский понимал духовную атмосферу общества как меру соотношения субъективного и объективного в историческом процессе, то позже он обнаруживает здесь выход в трансцендентное, а сформулированный им онтогносеологический подход трансформируется в онтоантропологический»[4].

В. Н. Сагатовский подчеркивал, что самым важным для него является именно человеческая проблематика, а система категорий — это инструментарий, средство, чтобы отточить аппарат мышления[5].

В 1977 году В. Н. Сагатовский переехал в Крым, где сначала возглавлял кафедру философии в Симферопольском филиале Севастопольского приборостроительного института, а с 1980 года работает в Симферопольском государственном университете им. М. В. Фрунзе сначала профессором, а с 1984 года — заведующим кафедрой философии.

Через много лет, вспоминая этот период своей работы, ученый писал, что, читая уже достаточно накатанный курс диалектического и исторического материализма, старался вносить в отдельные темы свои научные идеи. «К примеру, показывал роль деятельностного начала в человеческой жизни совсем иначе, чем по программе, рассматривал понятие культуры, вводил в человеческую целостность самостоятельный психологический уровень (не просто обслуживающий уровни биологический и социальный), связывая его с индивидуальностью, но не называя еще уровнем душевно-духовным и т.п. Конечно же, по-своему трактовал предмет философии и его связь с мировоззрением. Но на синтез материализма и идеализма пока не покушался».

«На нашей кафедре ежегодно проводились всесоюзные конференции, о них и сейчас многие вспоминают, — писал далее

4 Карпицкий Н. Н. Валерий Николаевич Сагатовский: значение философских идей // Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия: Гуманитарные науки, философия и культурология. — Вып. 7 (58). — 2006. — С.122–125.

5 Сагатовский В. Н. Философские основания педагогической деятельности // Вестник высшей школы. — М., 1987. — № 1. — С. 22–32

В. Н. Сагатовский. — Тематика была троякой: деятельность (моя проблематика), творчество (профессор Шумилин А. Т.) и методология познания (профессор Лазарев Ф. В.). На занятиях у меня был неплохой контакт со студентами и аспирантами, руководил я и студенческим философским кружком...»[6].

Девяностые годы — весьма неоднозначное время. Положительной приметой времени стала свобода дискуссий и формирование нового, не только политического, мышления. Заслугой Валерия Николаевича было его активное участие в разнообразных общественных и научных мероприятиях, проводившихся в стране по актуальным проблемам философии.

Еще одной яркой страницей деятельности В. Н. Сагатовского в Крыму явилась его общественно-политическая активность на рубеже 80-х – 90-х годов прошлого столетия. Сам В. Н. Сагатовский назвал этот период в своей биографии «зигзагом в политику»[7]. «Общественная деятельность, которой я занялся добровольно, — писал он, — началась с участия в движении неформалов-экологов. Мы боролись против строительства АЭС в Крыму... И победили!.. Но я не был бы самим собой, если бы ограничился участием в пропагандистской и организационной работе. Захотелось подо все это заложить мировоззренческий фундамент, сформулировать принципы отношения человека к природе, четко осознать ценности такого мировоззрения... По мере разворачивания перестроечных событий я втягивался и в другие стороны общественно-политической жизни. Каюсь, как и многие интеллигенты, я на какое-то время поддался демократическим иллюзиям, захотелось поверить в возможность отхода от бездарной бюрократизации и еще более бездарной идеологизации нашей жизни... Я начал активно проповедовать перестроечные идеи и резко критиковать бюрократию в устных выступлениях, в местной и центральной печати..., пока — эмоции, осмысление началось чуть позже...»[8]. Как бы там ни было, но с течением времени В. Н. Сагатовский выработал свою позицию, высказал ряд предложений по разрешению противоречий на полуострове как по вопросам реакции на игнорирование киевскими властями итогов известных референдумов в Крыму, так и по вопросам реакции на претензии крымско-татарских лидеров.

В своей книге «Русская идея» о своей духовной эволюции в то время В. Н. Сагатовский пишет: «Развитие мое было в

6 Сагатовский В. Н. Мемуары философа-аутсайдера. — СПб, 2011.

7 Сагатовский В. Н. Мемуары философа-аутсайдера. Глава: Зигзаг в политику (1988 – 1992). СПб, 2011.

8 Сагатовский В. Н. Мемуары философа-аутсайдера. Глава: Зигзаг в политику (1988 – 1992). СПб, 2011.

чем-то достаточно типичным для недобитого и адаптировавшегося потомка интеллигентов, а в чем-то и нетипичным, ибо я никогда не был ни образцовым марксистом, ни последовательным диссидентом, ни просто карьеристом и обывателем… В 1993 г. (В. Сагатовский — прим. автора) вернулся на родину в Санкт-Петербург, так как не мог смириться с проживанием «за рубежом» в качестве «мигранта-москаля…»[9].

«Был ли я марксистом? — продолжил размышления В. Н, Сагатовский в книге «Русская идея». Да, поскольку не сомневался в абсолютной правоте 11-го тезиса Маркса о Фейербахе, где речь идет о необходимости изменения мира; не сомневался и в праве на революционное изменение действительности в соответствии с приговором высшей инстанции — человеческого разума. Нет, ибо никогда не признавал учения о классовой борьбе и сведения всех человеческих проблем к социально-экономическим отношениям… Был ли я коммунистом? Да, ибо верил в те идеалы коммунизма, которые противостояли буржуазно-мещанской реальности. Нет, ибо с детства не верил в то, что реально происходило в нашей стране, и в день смерти Сталина не плакал… Чувствовал ли себя русским в душе? Да — в своих стихах, в проявлениях своего характера… Русская природа, русское искусство и воспоминания детства спасли русскость моей души… На уровне рассудка же я был вполне космополитичен.

Лед начал подтаивать в моем сознании где-то с начала 80-х годов. Я стал задумываться о действительной природе религии, о необходимости абсолютных ценностей как основы человеческого мира, о скоропалительности 11-го тезиса Маркса о Фейербахе и т.д. В общем, начался дрейф в сторону консерватизма.

Но перестройку я встретил тоже достаточного типично для советского «образованца»: с розовыми надеждами… Резкий перелом произошел где-то к 1990 г… Ясно увидел одну и ту же — не приемлемую для меня — бездушную суть за двумя личинами: «антирыночного марксизма» и «рыночного антимарксизма». Позднее всего — только после августа 1991 г. окончательно дошло до меня, что такое партийная номенклатура. Впервые открытыми глазами, не охраняя сердце от пронзительной боли, взглянул я на то, что сделали и продолжают делать с моей страной, с моим народом. И благотворное чувство сопричастности к родине смыло в душе всю накипь, все искусственные рационалистические построения…»[10].

9 Сагатовский В. Н. Русская идея. Продолжим ли прерванный путь? — СПб.: «Петрополис», 1994. с. 213 – 214.

10 Сагатовский В. Н. Русская идея. Продолжим ли прерванный путь? — СПб.: «Петрополис», 1994. с. 215 – 216.

Эти исповедальные строки написаны в 1994 году в послесловии к упомянутой книге «Русская идея: Продолжим ли прерванный путь?» Именно в этот период В. Н. Сагатовский публикует свои самые оригинальные научно-философские труды.

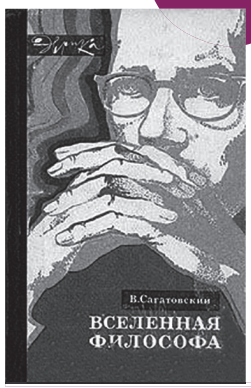
Так книга «Русская идея», была начата в Крыму, закончена и издана в 1994 году в Санкт-Петербурге. Это не только глубоко философское, но и гражданско-патриотическое произведение. Автор прослеживает истоки русского национального характера и анализирует сущность русской идеи. Сегодня актуально звучат его мысли, сформулированные в начале 90-х годов: «Русская идея дает Ответ на Вызов современности. На тот Вызов, который бросают выживанию человечества глобальные проблемы мирового сообщества. Этот Ответ заключается в принципиальной мировоззренческой переориентации. Эта переориентация состоит не в голом отрицании ключевых ценностей Запада и Востока, но в творческом синтезе их лучших сторон как моментов нового целостного мировоззрения. Именно такого мировоззрения катастрофически не хватает как доминирующей в мире индустриальной цивилизации, так и нам — россиянам — в выборе своего пути»[11].

Такова, если коротко, суть русской идеи, изложенная В. Н. Сагатовским. Вполне очевидно, что «все мировоззренческие и гражданские размышления автора, — по утверждению доктора философских наук из Днепропетровска В.И. Шубина, — характеризуются панорамным подходом, ибо Родина вписывается в круг глобальных проблем, без решения которых исчезает и она сама. Русская идея — гражданский аспект антропокосмического мировоззрения, которого придерживается В. Н. Сагатовский и которое получило свое систематическое обоснование в его работах 90-х годов. Имеется ввиду прежде всего его авторский курс «Философия развивающейся гармонии»: часть 1 — Философия и жизнь, — СПб, 1997; часть II — Онтология, — СПб, 1999; часть III — Антропология, — СПб, 1999. Свою трилогию В. Н. Сагатовский дополняет подзаголовком «Философские основы мировоззрения».

Название первой часть трилогии «Введение: философия и жизнь» очень логично. Здесь автор подробно анализирует специфику философского знания, функции философии и ее структуру, уровни и средства философствования, приводит различие между философией и мировоззрением. Мировоззрение у него — это система смысложизненных ценностей, отвечающих на вопрос: «Во имя чего?». Иначе говоря, это не просто совокупность знаний, хотя они входят в мировоззре-

11 Сагатовский В. Н. Русская идея. Продолжим ли прерванный путь? — СПб.: «Петрополис», 1994. с. 219.

ние, но не являются его живой душой. Содержательным ядром мировоззрения являются ценности, которые концентрированно выражают основные потребности и интересы человека, и с помощью которых осуществляется выбор того или другого отношения к миру, обществу и индивиду. Сама по себе совокупность взглядов на мир еще не мировоззрение; таковым она становится лишь при условии наличия у субъекта базовых ценностей, задающих смысл и стратегию деятельности.



С этих позиций понимание философии как мировоззрения В. Н. Сагатовский считает неточным. Философия участвует в выработке мировоззрения, но сама по себе им не является. Скорее это рефлексия и обоснование мировоззрения, теория мировоззрения. Будучи самосознанием мировоззрения, философия обретает статус гуманитарной науки, а поскольку гуманитарий имеет дело с уникальностью субъективного, то философия не может ограничиться радикальным понятийным мышлением, поэтому помимо категорий включает в себя экзистенциалы (свобода, душа, дух, идеал и т.д.). А раз так, то философия — это, прежде всего, критика существующего, стимулятор и инициатор изменений и ее задача заключается, прежде всего, в обосновании социального идеала и стратегии его реализации. Философия должна быть связана с жизнью — таков лейтмотив первой части трилогии, притом поле возможностей этой связи должно возрастать. Валерий Николаевич резко не приемлет постмодернистскую установку на превращение философии в простую «игру дискурсов» или отождествления ее с историей философии, т.е. с саморефлексией.

Вторая часть «Философии развивающейся гармонии» посвящена проблемам онтологии. Действительно, если обосновано представление о месте философии в жизни и культуре, о ключевых проблемах и идеях в развитии мировой философии, что и было задачей первой части, то логично посмотреть на философию «изнутри», т.е. построить философскую картину мира, в которой были бы укоренены человеческие качества. Примат событийности мира в ней дополнен приматом человеческой экзистенции над общими законами человеческого бытия. В результате вместо онтологии мира получается онтология человеческого отношения к миру. И, наконец, третья — неметафизическая коррелятивная онтология, разработкой которой и занимался Сагатовский.

По мнению ученого, мир и любой предмет в нем не есть вечная сущность или, напротив, экзистенциальная событийность, но — потенциально бесконечное разнообразие отношений, как существующих, так и становящихся.

Из коррелятивной онтологии вытекает своеобразная концепция бытия. Следуя традиции, идущей из древности, В. Н. Сага-

товский выделил три вида бытия: объективную, субъективную и трансцендентную реальность. Оригинальность авторской концепции заключается в том, что уровни бытия не являются рядоположенными, но и не составляют иерархию. Нет абсолютной системы мира, а есть его бесконечное многообразие. В объективной реальности сущее соотносятся как «оно-оно», в бытии идеального как «я — ты». При этом материальные сущие образуют систему, а идеальные сущие — целостность. Система отражает устойчивость, противостоит событию, целое же превосходит систему, оказываясь единством системы и события.

Третьей частью «Философии развивающейся гармонии» является «Антропология». Анализируя тенденции техногенной цивилизации и постмодернистской философии, В. Н. Сагатовский пришел к выводу, что, противопоставляя себя бытию мира, человек оказался игрушкой самовластного хаоса собственной деятельности. В основе всего лежит онтология, и с ней обязана сообразовываться антропология. И чтобы человек не потерял себя в волнах собственной суперактивности, следует и в онтологии, и в антропологии руководствоваться онтоантропологическим принципом. «Данный принцип, — пишет В. Н. Сагатовский, — ориентирует на такую онтологию…, которая учитывает специфическое основание человеческого бытия, позволяющее человеку доопределить мир, выполняя в нем роль творческого начала. Первая из указанных сторон говорит о том, что человек укоренен в мире (мир не чужд ему), а вторая — о том, что мир укоренен в человеке, зависит от направленности (созидательной или разрушительной) и его новаций.

Для В. Н. Сагатовского антропология — это философское учение о социально-антропологической целостности, представляющей собой органическое единство личности и общества. Вся третья часть трилогии посвящена анализу специфики указанной целостности. Именно в этой части трилогии, посвященной человеку и человечеству, больше всего размышлений о гармонии. «Я выбираю, — пишет В. Н. Сагатовский, — идеал развивающейся гармонии, «становящегося всеединства», самоценность которого не исключает, но предполагает самоценность его индивидуальных участников»[12].

Философская доктрина В. Н. Сагатовского — плод почти полувековых интеллектуальных усилий, из них более восемнадцати лет в учебных заведениях Симферополя, составляющих сегодня основу Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского — основоположника учения о ноосфере. «Для этой

12 В. Н. Сагатовский. Философия развивающейся гармонии: часть 3 — Антропология. — СПб., 1999, с. 229.

доктрины, — отмечают, В. И. Шубин и Е. Ю. Смотрицкий, — характерны три ее особенности. Во-первых, системно-целостный характер и безупречная логичность. Из концепции мировоззрения выводится свое понимание философии, из онтологии — антропология; все три части взаимосвязаны и взаимообуславливают друг друга. Во-вторых, философия развивающейся гармонии есть философия надежды, но не в духе мессианской версии Э. Блоха, а с выдвижением позитивных предложений, сформулированных на основе трезвого анализа современной ситуации. В-третьих, предложенный им вариант антропокосмизма разработан на основе мощной интеллектуальной отечественной и западноевропейской традиции; потому и продуманы так тщательно ключевые позиции автора. И еще одно замечание. В. Н. Сагатовский вовсе не считает, что все сделано, и дальше идти некуда… Наоборот, он постоянно подчеркивает эскизность, незавершенность концепции, необходимость дальнейшего ее обоснования. Вот, например, характерные строки в его книге «Триада бытия»: «В настоящее время развитие онтологии не достигло еще такого уровня, чтобы можно было бы считать полностью достоверной какую бы то ни было из предложенных систем категорий. Вся моя деятельность в этой области была направлена на то, чтобы выработать средства достижения такого идеала»[13]. Это, — отмечает В. И. Шубин, — позиция честного и самокритичного мыслителя. Более того, во имя движения к идеалу автор предлагает спорить, полемизировать, обсуждать, дискутировать по поднятым им проблемам. Единственное, против чего выступает В. Н. Сагатовский, так это против сознательного замалчивания и намеренной дискредитации, ибо это было бы подрывом Общего Дела. Вот как об этом пишет он сам: «Следуя идеалу идеального знания, развитому в отечественной философии, автор стремится к творческому синтезу тех представлений о мире, которые были выработаны основными (взаимодополняющими, а не враждебно-взаимоисключающими) направлениями философской мысли. Автор не материалист и не идеалист, не марксист и, тем более не «саговист». Высшей похвалой для него было бы признание того, что сердцем он — русский философ, а по уровню размышлений имеет право на участие в диалоге с мировой философией»[14]. Философия развивающейся гармонии В. Н. Сагатовского, по нашему мнению, такого права заслуживает.

13 В.Н. Сагатовский. Триада бытия. — СПб., 2006, с. 29.

14 В.Н. Сагатовский. Философия развивающейся гармонии: часть 2 — Онтология. — СПб., 1999, с. 3.

И. А. Андрющенко

Диана **БЕРЕСТОВСКАЯ**

род. в 1934 г.

Диана Берестовская

В жизни нет иного смысла, кроме того,
какой человек сам придает ей,
раскрывая свои силы, живя плодотворно.
Эрих Фромм

Биография ученого — это почти всегда стандартный набор сведений: родился, учился, защитил диссертацию, опубликовал работы, воспитал учеников. Если это биография не только ученого, но неординарной личности, то ее в полной мере можно назвать «историей характера». Выдающийся литературовед, лингвист В. В. Виноградов, размышляя в знаменитой «Истории слов» над карамзинским употреблением слова «характер», пишет: «Человек, которого поступки не изменяют никогда правилам, даже в обстоятельствах самых затруднительных, который во всех предприятиях показывает твердость и постоянство, есть человек с характером: сим выражением мы обозначаем душу сильную и весьма необыкновенную». Этот небольшой очерк — попытка добавить несколько штрихов к портрету одаренного ученого, учителя, творческой и яркой личности, «человека с характером»: профессора, доктора философских наук, заведующего кафедрой культурологии философского факультета Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Дианы Сергеевны Берестовской.

В начале 60-х годов прошлого века учительницу русского языка и литературы Д. С. Берестовскую посылают на Всесоюзную конференцию по эстетическому воспитанию во Львов, где она выступила с докладом «Из опыта проведения занятий по эстетике с учащимися старших классов». Содержание доклада отражало работу молодого симферопольского педагога на уроках

литературы, в литературном кружке, на школьных праздниках. «Человек должен жить по законам красоты, совершать прекрасные поступки, творить прекрасное. Человек должен обладать способностью мыслить художественно, познавая красоту окружающего мира, красоту искусства», пишет Д. С. Берестовская. Уже тогда четко определился лейтмотив жизни, научной и педагогической деятельности Дианы Сергеевны: стремление видеть прекрасное и учить этому других. Но все это пришло после военного детства, школьной золотой медали, «красного» диплома филологического факультета университета, полученного в разрушенном бомбежками Воронеже…

Рассказывая о своем детстве, Диана Сергеевна, пережившая, как и многие люди ее поколения, страшные потрясения: войну, оккупацию, лишения — описывает не страдания, а свою встречу с искусством. «Помню довоенный патефон с набором пластинок (вкусы родителей расходились: мама любила оперу, папа оперетту). Некоторые книги, подаренные мне в раннем детстве, несмотря на все превратности жизни, сохранились до сих пор. Любимые «Маугли» Киплинга, «Сказки» Андерсена», — вспоминает Диана Сергеевна.

Ее родители, молодость которых пришлась на годы революции и гражданской войны, не сумели получить высшего образования, но культ книги, музыки (мама обладала прекрасным контральто, папа играл на гитаре) был всегда. Страсть собирать книги, репродукции осталась у Дианы Сергеевны на всю жизнь.

Цвет тоже вошел в ее восприятие с детства через колорит выполненных искусными мамиными руками украинских «вышиванок», через первые живописные опыты брата. Война не дала ему возможность получить художественное образование, но рисовал он с раннего детства. В семье хранятся некоторые его работы, написанные маслом.

В труднейшие годы после войны мама дала Диане музыкальное образование: она мечтала, что фортепиано станет профессией дочери. Не стало. Но два последних года в музыкальной школе у нее была необыкновенная учительница Маргарита Васильевна Болгарева, которая научила девочку понимать музыку, «слышать» ее.

Одно из ярких детских воспоминаний — посещение театра. Старший брат повел пятилетнюю девочку на спектакль «Свои люди сочтемся» по пьесе А. Н. Островского. Это незабываемое впечатление навсегда сделает театр, театральные постановки неотъемлемой частью жизни Д. С. Берестовской.

В маленьком дворике, который пересекали бельевые веревки, вывешивалась простыня — «занавес», а за ней дети разыгры-

Дина с родителями

вали басни Крылова и другие сюжеты. Уже в четвертом классе вместе с одноклассницей поставили «Снежную королеву» (по собственному сценарию), повторили этот опыт в пятом классе с участием «подшефных» первого класса. Диане выпало несколько «ролей»: сценарист, режиссер, постановщик и … Снежная королева. Успех окрыляет! В седьмом классе — сказка «Три апельсина», литературно-музыкальные вечера.

Вся эта любовь к искусству, к книге, к театру, понимание музыки, посещение оперных и балетных спектаклей в школьные годы (каждое лето в Симферополь приезжали на гастроли оперные театры Свердловский, Саратовский, Новосибирский) нашла свое воплощение в педагогической деятельности, прежде всего в школе, где Д. С. Берестовская преподавала русский язык и литературу (14-ая школа г. Симферополя, затем знаменитая 1-я, где училась сама).

В докладе «Из опыта проведения занятий по эстетике с учащимися старших классов» подробно описана методика Д. С. Берестовской использования музыкальных и живописных образов на уроках во время изучения поэзии А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, проведения литературно-музыкальных и драматических вечеров, посвященных великим деятелям отечественной культуры. «Урок литературы — это приобщение к искусству.

С самых первых уроков я пыталась раскрыть природу художественного образа в литературе и искусстве», — пишет автор. На уроках, занятиях кружка, факультативах Д. С. Берестовская обращалась к синтезу (это понятие вошло в ее научную работу позже) поэзии и музыки, живописи, драматургии и театра. Одним из толчков в этом напрвлении послужило для неё творчество К. Паустовского: «Золотая роза», его рассказы о Григе, Моцарте и других стали сюжетами инсценировок. Это было начало. А далее занятия литературного кружка, летние экскурсии.

Одна из самых памятных экскурсий: Старый Крым, Феодосия, Коктебель. С ней связано много личных впечатлений, дорогих сердцу воспоминаний и незабываемых встреч. Первый день — это Старый Крым и, конечно, Александр Грин. Тогда учащиеся еще мало знали о Грине. Его в те годы открыл для широкой читающей публики К. Паустовский, и не только он. Д. С. Берестовская была знакома с Ниной Николаевной Грин, бывала в доме, где жил сам писатель. Поэтому поездка в Старый Крым личная. Сейчас это дом-музей. А выпускники 1964 года помнят, как Диана Сергеевна приглашала к ним в класс Нину Николаевну рассказать о жизни и творчестве Александра Грина, писателя, в книгах которого, по меткому выражению Л. М. Слонимского, «мечта о счастье спорит и дерется с косностью человеческой».

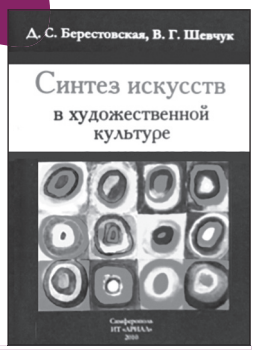
В Феодосии — встреча с Николаем Степановичем Барсамовым, художником, искусствоведом, педагогом, который в течение 40 лет был директором галереи И. К. Айвазовского и вместе со своей женой спас бесценное наследие художника. Картины успели вывезти на Кавказ в последние дни перед сдачей города фашистам.

Третий день — Коктебель и встреча с Марией Степановной Волошиной, посещение удивительного дома Максимилиана Волошина (в то время он еще не был музеем). Рассказ о Волошине,

Диана Сергеевна с выпускницами школы № 1.

чтение его стихотворений, знакомство с акварелями. Школьникам позволили подняться на самый верх, откуда открывался фантастический вид на запечатленный художниками и поэтами волошинский Коктебель. Д. С. Берестовская смогла второй раз войти в этот дом спустя много лет, в 2013 году.

Научные интересы Дианы Сергеевны Берестовской очень широки. Еще будучи школьным учителем, она начала работать над кандидатской диссертацией «Литературно-критические взгляды С. Н. Сергеева-Ценского», которую успешно защитила в диссертационном совете Московского государственного педагогического института имени В. И. Ленина в 1972 году, получив степень кандидата филологических наук. Позже Д. С. Берестовская вновь обратилась к этой теме: в 2012 году вышла в свет ее книга «Символический мир ранней прозы С. Н. Сергеева-Ценского».



Докторская диссертация «Философско-этический анализ категории «героического» в современной художественной прозе писателей фронтового поколения» была блестяще защищена в 1990 году в Москве, в Военно-политической академии имени В. И. Ленина и тоже навсегда осталась темой, к которой Диана Сергеевна постоянно возвращалась в научной и педагогической деятельности.

Двадцать лет преподавательской деятельности профессора Берестовской прошли в Симферопольском высшем военно-политическом строительном училище, выпускники которого, ученики Дианы Сергеевны, несмотря на суровые офицерские будни, сохранили любовь к прекрасному.

С 1993 года ее педагогическая деятельность связана с университетом (Симферопольский государственный университет имени М. В. Фрунзе, затем Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского, ныне Таврическая академия Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского).

В системе гуманитарного знания, считает профессор Д. С. Берестовская, «…культурология дает возможность раскрыть сущность и содержание феномена культуры, драматизм ее соотношений с природой, многообразие взаимосвязей: «культура и общество», «культура и человек». Изучение этих проблем в рамках гуманитарного образования позволяет охарактеризовать своеобразие национальных культур, их роль в формировании идентичности человека, его жизненной позиции…». Именно этот взгляд на сущность науки о культуре лег в основу научной работы кафедры культурологии, которую Диана Сергеевна возглавляет с 1996 года.

За эти годы был создан прекрасный коллектив, в котором работают преподаватели нескольких поколений, в том числе

и выпускники специальности «Культурология», которая была открыта в университете в 2000 году по инициативе Д. С. Берестовской. За более чем десять выпусков кафедрой культурологии под руководством Дианы Сергеевны были подготовленные прекрасные специалисты-культурологи, которые стали преподавателями вузов и школьными учителями, музейными и библиотечными работниками, журналистами радио и телевидения, экскурсоводами и специалистами выставочной деятельности, управленцами в сфере культуры.

Под руководством проф. Берестовской защищены диссертации, посвященные проблемам диалога культур, мультикультурализма, особенностям крымской культуры, культурным ландшафтам Крыма (И. Курьянова, И. Андрющенко, Х. Мамутова, С. Остапенко, О. Брыжак, В. Вейсова и другие). Проблемам диалога и полилога культур посвящены вот уже более двадцати лет регулярно проводимые кафедрой культурологии научные чтения «Культура народов Причерноморья с древнейших времен до наших дней», которые сохраняют статус международных и собирают гуманитариев из разных стран.

Поле культурологических исследований профессора Д. С. Берестовской очень широко: философия культуры, философия искусства, семиотика, синтез искусств, проблемы пространства и времени в философии и искусстве, образная природа искусства. Одно из значительных направлений научных исследований Берестовской — символическая природа культуры, ее синтетический характер. Особенно интересным является обращение к творчеству А. Потебни, А. Лосева, П. Флоренского, Вл. Соловьева, В. Шмакова и других отечественных мыслителей

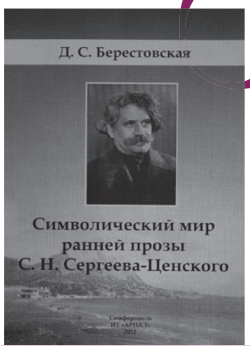
Кафедра культурологии. Начало 2000-х.

Диана Сергеевна с выпускницами специальности «Культурология», ныне — преподавателями кафедры культурологии. 2012 г.

Серебряного века. П. Флоренский, по мнению Д. С. Берестовской, — одна из самых ярких личностей отечественной культуры XX века. Изучение его творчества она начала с 90-х годов: статьи «Культура и религия в концепции П. А. Флоренского», «Духовная свобода мыслителя и художника в социокультурных противоречиях XX века (П. Флоренский и А. Кандинский); «В. И. Вернадский и П. А. Флоренский: судьбы русских мыслителей» и монографии «Очерки философии искусства», «Основы синтеза искусств в художественной культуре», «Духовный облик В. И. Вернадского: культурологический анализ эпистолярного наследия» (в соавторстве с А. В. Синичкиным)[1].

1 Монографии Д. С. Берестовской:
Берестовская Д. С. Героическое начало в современной прозе о Великой Отечественной войне: (социально-этический анализ) : монография — М: ВПА, 1987; Берестовская Д. С. Философско-этический анализ категории героического в современной художественной прозе писателей фронтового поколения: монография. — Симферополь: СГУ им. М. Фрунзе, 1990; Берестовская Д. С. Героическое и трагическое в литературе о Великой Отечественной войне (по страницам книг писателей-фронтовиков) : монография. — Симферополь: ДиАйПи, 2005; Берестовская Д. С. Мыслители XX века о культуре: монография. — Симферополь: Ариал, 2010; Берестовская Д. С. Синтез искусств в художественной культуре: монография / Д. С. Берестовская, В. Г. Шевчук. — Симферополь: Ариал, 2010; Берестовская Д. С. История художественной культуры Западной Европы и США XX века: монография. — Симферополь : Ариал, 2011; Берестовская Д. С. Человек и культура // Гражданское общество в эпоху тотальной глобализации : монография. — Симферополь : Ариал, 2011; Берестовская Д. С. Символический мир ранней прозы С. Н. Сергеева-Ценского: монография. — Симферополь : Ариал, 2012; Берестовская Д. С. Очерки философии искусства: монография. — Симферополь : Ариал, 2013; Берестовская Д. С. Духовный облик В. И. Вернадского: культурологический анализ эпистолярного наследия: монография / Д. С. Берестовская, А. В. Синичкин. — Симферополь : Ариал, 2013; Берестовская Д. С. Серебряный век русской культуры // Интеллигенция: вчера и сегодня : монография / Диана Сергеевна Берестовская. — Симферополь : Ариал, 2014; Берестовская Д. С. Эйдология Серебряного века русской культуры // Идеология: Pro и Contra : монография / Д. С. Берестовская, В. Г. Шевчук. — Симферополь : Ариал, 2015; Берестовская Д. С. Героическое и трагическое в литературе о Великой Отечественной войне: (социально-этический анализ): монография. — Симферополь: ДиАйПи,

Анализ проблем, связанных с теоретическими основаниями синтеза искусств и образным воплощением в художественных произведениях, — одно из основных направлений в исследовательской деятельности профессора Берестовской, представленное в ряде статей и книг: «Основы синтеза искусств в художественной культуре (в соавторстве с В. Г. Шевчук), «Символический мир ранней прозы С. Н. Сергеева-Ценского», «Мыслители XX века о культуре», «История художественной культуры Западной Европы и США XX века» и других.



В контексте синтеза искусств Д. С. Берестовская обращается к различным художественным текстам. Опираясь на понятие синестезии (психологическая соотносимость цвета, звука, слова, формы, тактильных, вкусовых и обонятельных впечатлений), она анализирует роль синтеза искусств в создании образа крымского пейзажа в поэзии, прозе, живописи (А. Пушкин, И. Айвазовский, Ф. Васильев, А. Куинджи, И. Левитан, А. Куприн, С. Сергеев-Ценский, И. Сельвинский и другие), обращается к европейскому искусству (Ш. Бодлер, К. Моне, А. Матисс и другие).

Проблема синтеза искусства находит воплощение в работе с магистрантами специальности «Культурология». Курс «Основы синтеза искусств: творческие мастерские» готовит студентов к самостоятельной исследовательской работе. Подготовка доклада, живое и заинтересованное обсуждение научных работ магистрантов и составляет суть понятия «творческие мастерские». Нередко тематика этих исследований становится основой для дипломных, а в раде случаев диссертационных работ (Е. Г. Кокорина, Е. В. Донская под её руководством защитили диссертации на степень кандидата культурологии на материале, разработанном в ходе курса «Основы синтеза искусств»).

В своей научной деятельности и ее практическом преломлении работа диссертационного совета по специальности «Теория и история культуры», проведение научных чтений «Культура народов Причерноморья с древнейших времен до наших дней», в лекционной деятельности Диана Сергеевна Берестовская отстаивает философско-культурологический дискурс в социально-гуманитарном научном знании.

Одна из возможностей, способствующих формированию гуманитарных ценностей, считает Д. С. Берестовская, принадлежит гуманитарному знанию, в частности, философии культуры и культурологии — наукам, которые исследуют ценностные отношения человека и мира, духовный опыт человека в пости-

2015; Берестовская Д. С. Культурные ландшафты Крыма // Берестовская Д. С., Габриелян О. А., Андрющенко И. А., Володин А. Н., Темненко Г. М. // Культурные ландшафты Крыма. — Симферополь, 2016.

жении смысла жизни, проблемы свободы и ответственности и другие, определяющие сущность человека, раскрывающуюся в контексте культуры, определяемой как специфика жизни и деятельности человека в социуме, как совокупность механизмов по осуществлению социального взаимодействия людей, обеспечивающих ценностно-смысловую, нормативно-регулятивную и знаково-коммуникационную функции этого взаимодействия.

В 2010 году была опубликована книга Д. С. Берестовской «Мыслители XX века о культуре» — анализ размышлений о философско-культурной проблематике выдающихся мыслителей: А. Потебни, П. Флоренского, А. Лосева, Д. Лихачева, В. Вернадского, Л. Уайта, У. Эко и других. Один из главных критериев (в интерпретации Д. С. Берестовской) — аксиологический подход: в монографии предложена модель иерархии ценностей, определяющих смысл существования Человека на планете Земля.

Д. С. Берестовская убеждена: в каждой аудитории, в каждом ученическом, студенческом коллективе можно найти людей, с которыми интересно работать. Для студентов профессор Берестовская разработала несколько сценариев игровых занятий: «Великие Дионисии» и античная культура (инсценировка «Прикованного Прометея» Эсхила). Эта пьеса сыграна множество раз несколькими поколениями студентов, в том числе в античном театре Херсонеса. Инсценировка средневекового «Рыцарского турнира» (конечно, интеллектуального, но с соблюдением всех законов турнира), созданная на материале романа В. Скотта «Айвенго», и «Салон эпохи Возрождения», в котором «оживают» все великие люди Ренессанса, открывают огромный простор для проявления творческого потенциала студентов.

За долгие годы педагогической деятельности в высших учебных заведениях Д. С. Берестовская стала автором целого ряда учебников и пособий по теории и истории культуры. Среди них: «Мировая и отечественная культура» (1993 г.), «Украинская и зарубежная культура» (1997 г.); «Античная художественная культура» (2003 и 2011 гг.); «История формирования и развития философии культуры» (2006 г.); «Мыслители XX века о культуре» (2010 г.); «Синтез искусств в художественной культуре» (2010 г.); «История художественной культуры Западной Европы и США XX века» (2011 г.) и другие.

Одной из главных своих задач Д. С. Берестовская считает подготовку кадров для высшей школы, исследователей культуры. Она создала свою научную школу «Теоретические проблемы культуры и актуальные культурологические практики в поликультурном обществе». Под ее руководством защищена 1 докторская и 17 кандидатских диссертаций. С 2008 г. — председатель Специализированного ученого совета по защи-

те диссертаций на звание кандидата культурологии; с 2015 г. она стала председателем диссертационного совета по теории и истории культуры.

В течение десяти лет (1998 – 2009 гг.) профессор Берестовская возглавляла, затем до 2014 г. была членом гуманитарного направления Крымского научного центра НАН Украины; в 2001 – 2009 гг. руководила секцией «Культура и образование» Международного симпозиума «Человек и христианское мировоззрение».

В 2016 году Д. С. Берестовская возглавила Крымское отделение НОКО (Научно-образовательного культурологического общества) России.

Заслуги Д. С. Берестовской отмечены почетными званиями и наградами: Заслуженный работник культуры АРК (1999 г.), Почетный профессор ТНУ им. В. И. Вернадского (2004 г.); Медаль «Леонардо да Винчи» Европейской академии естественных наук (2009 г.), Диплом Европейской академии естественных наук за достижения в области культуры (2009 г.).

А. И. Креминский

Феликс **ЛАЗАРЕВ**

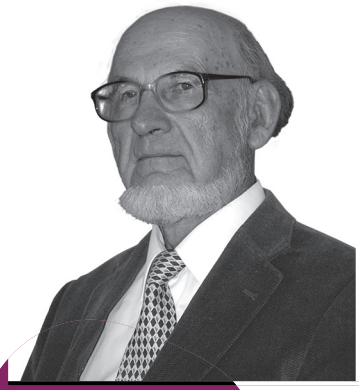
род. в 1938 г.

Что значит быть философом? Плыть по течению, приноравливаясь к прихотливым изгибами человеческой истории, или же идти наперекор событиям, отстаивая свою правду, свое видение целей и смыслов человеческой жизни? На мой взгляд, он воспринимает мир с помощью категорий умозрения, но пропускает мысль через свое сердце. Философ неотделим от своего времени, от духовной и интеллектуальной атмосферы эпохи, и вместе с тем он всегда протестант, бунтарь, и в этом смысле всегда одиночка. Таковы Сократ, Спиноза, Дж. Бруно, Кьеркегор.

Об отдельном человеке есть смысл рассказывать только в том случае, если его жизнь поучительна для других в их попытках понять экзистенциальные смыслы своего собственного странствия по дорогам жизни. Китайские мудрецы такое странствие называли Дао. Это не просто жизненный путь в его повседневном наполнении. Движение по дороге жизни, основанное на принципе «куда кривая выведет» — это не Дао. Древние мудрецы учили: Дао — космический закон подлинного человеческого существования, это компас, ориентированный на истину жизни; его можно передать, но нельзя взять, можно постичь, но нельзя увидеть. А что если попытаться об этом рассказать? О Дао одного конкретного человека. Гегель говорил, что дорога странствий человеческого сознания драматична. Повествование о философском странствии, т.е. об одиссее духа, еще и поучительно, оно включает в себя два уровня — жизнь отдельной души и течение истории, в которую мы втянуты.

Послевоенное детство. «Рукописи не горят». Феликс Васильевич Лазарев родился в г. Улан-Удэ за два с половиной года до начала Великой Отечественной войны. Вместе со всей страной пережил годы лихолетья и встретил Праздник Победы. Дети

войны — особый народ. Бывают поколения без царя в голове, а это поколение — без детства. Рано повзрослели, где-то с пяти-шести лет. Родители, уходя на работу, именно с этого возраста вынуждены были оставлять детей одних без всякого присмотра. Чем же они занимались? Отнюдь не беспечными играми. Было не до детских шалостей. В доме, особенно деревенском, всегда много дел: кто убирает квартиру, кто моет посуду, подметает полы. Те же, кто постарше, носят воду, дрова, занимаются с поросятами, курами. День длится долго, особенно на голодный желудок. И все же хотелось порадовать родителей порядком в доме. Отец — Василий Георгиевич и мать — Елизавета Ивановна были педагогами. Мама возвращалась с работы после трех часов дня. Казалось, она появлялась внезапно, бурно, принося свет, тепло, счастье, еду. День делится на две половинки — до прихода мамы и после. С мамой можно было почувствовать себя ребенком — покапризничать, пошуметь, представить себя независимым по отношению к строгим старшим братьям. Их власть кончалась, и наступало царство абсолютной безмятежности.



Феликс Лазарев

Суровые годы войны сформировали у детей особую психологию и мораль. С раннего возраста они прекрасно понимали, чем живут их родители, какие жестокие проблемы их волнуют, перенимали у них коллективизм, чувство ответственности за то, что происходит вокруг, да и в стране в целом. Были характерны для «детей войны» также раннее повзросление, стремление к самовыражению и творчеству.

Герою нашего повествования перевалило за восемь, когда он закончил первый класс и всей душой отдался первым в своей жизни школьным каникулам — самому прекрасному времени в тихой реке детства. Однажды, роясь в отцовской библиотеке в поисках какой-то интересной для себя книжки, он наткнулся на работу Гельвеция «Об уме». Книга заинтересовала мальчика своим странным, необычным названием. Водя пальцем по строчкам и пытаясь вникнуть в смысл напечатанного, кажется, он так ничего и не понял. Да и вряд ли ему удалось тогда осилить больше 10 – 15 страниц. В то время он зачитывался «Сказками Пушкина» (подаренными первой учительницей ко дню рождения), подбирался к «Дон Кихоту» …

Но уже через несколько дней появилась мысль написать собственную книгу. Вскоре было придумано и название — «О человеке». Впрочем, здесь надо заметить, что само желание писать книгу не было чем-то необъяснимым, неизвестно откуда взявшимся. Дело в том, что мальчик чуть ли ни ежедневно видел, как его отец (будучи научным работником) по вечерам писал. При этом в доме все дети знали, что «папа пишет научные труды». В этот момент в доме воцарялась тишина. В семье

был культ книги и научного творчества. В такой атмосфере импульс к творчеству у ребенка не кажется чем-то странным. И все же не было ли в этом непомерной самонадеянности? И здесь, думаю, в полной мере проявилась индивидуальная черта будущего философа: рано проснувшаяся в нем твердая вера в собственное творческое начало. Именно эта вера поддерживала юное существо в голодное послевоенное время и придавала силы для интеллектуального совершенствования в последующие годы и десятилетия.

Ф. Лазарев. Аспирант

А с собственной «книгой» дело было так. Наш школьник взял чистую тетрадку в клеточку, перегнул ее пополам, сброшюровал в новом уменьшенном формате и большими печатными буквами вывел первую фразу: «Гельвеций написал об уме, а я о человеке». К этому он добавил еще несколько предложений. «Человек живет во времени, а время живет в человеке. И пока оно живет в нем, живет и он. Время меняется, а человек остается верным самому себе». Каждый вечер в тексте появлялось 3–4 новые фразы. За 7–10 дней тетрадка была закончена. Кажется, иссякли и мысли. Наивный автор не знал тогда, что у Гельвеция была и другая книга, которая именно так и называлась: «О человеке». Странное совпадение, не правда ли? Пусть даже это будет чистой случайностью. Но что за нелепая затея писать работу по философии на пороге второго класса сельской школы!?.

Любопытен по-своему финал этой затеи. Мать любила вечерами рассказывать сынишке не сказки (это было дело отца), а сюжеты про исторических героев (она была учительницей истории и географии), путешественников, писателей, революционеров. В свое время она рассказала малышу известную историю с Гоголем, который в момент душевного кризиса сжег вторую книгу «Мертвых душ», а спустя некоторое время горько жалел об этом. Эта история с Гоголем вспоминалась нашему незадачливому автору, когда через пару недель он решил сжечь свой «трактат» по философии.

Как-то, встретив Феликса Васильевича, я спросил:

— *Вы решили тогда сжечь свою тетрадь подсознательно из подражания Гоголю?*

— *Нет, нет. Я просто подумал, сжигая страничку за страничкой, а не буду ли я жалеть об этом когда-нибудь, как жалел Гоголь. А мотивы тут были совсем другие.*

— *Я знаю, что в последние годы Вы активно занимаетесь проблемой человека. Опубликовали на эту тему книги, есть статья по философской антропологии. Интересно, когда Вы после того случая в детстве впервые обратились к теме человека?*

— *Когда 9 лет спустя поступил на философский факультет Мо-*

сковского государственного университета, вряд ли я вспомнил мои первые проблески философского сознания. Уже на 1-м курсе я выбрал для себя проблематику, очень далекую от философской антропологии. Многие годы и десятилетия были посвящены исследованию проблем познания и методологии науки. И только в 60 лет меня потянуло к тому, что можно назвать «природой», «тайной» человеческого существа.

— *Круг замкнулся?*

— *В каком-то смысле — да. Сегодня подумываю написать еще одну книгу по этой тематике и не исключаю, что назову ее «О человеке».*

— *Если сказать «в двух словах», то в чем замысел новой работы? Она будет продолжением Вашего «Многомерного человека»?*

— *Я бы так определил замысел книги. В XIX веке многим философам казалось, что человек по своей природе — социальное существо. Особенно это подчеркивал К. Маркс. Отсюда вытекало: чтобы человек был счастлив в этом мире, надо радикально перестроить прежде всего сам социум. И чем быстрее, тем лучше. И если надо, то пойти на крайнюю меру — революцию. Не следует бояться революций. Это — «праздник народа». Сегодня мы знаем на своем горьком опыте, что больше всего на свете надо бояться революций, гражданской войны, «радикальных экономических реформ», «шоковой терапии», «больших скачков» и т.п.*

Последовавшее в XX веке разочарование в креативных возможностях социального переустройства привело к тому, что философы обратили свой взор к феномену человеческой культуры, к ее ценностям и смыслам. Сформировался культурологический подход в антропологии. Глубинные основы человеческой самости стали искать в бытии культуры. Но прошли годы, и возникло понимание ограниченности и этого подхода, что вызвало к жизни такой тип философствования, который за основу понимания сущности человека берет экзистенцию как самый глубокий пласт бытия личности. Однако в своем пребывании «перед лицом смерти» человек — одинокое, заброшенное в мир существо, постоянно сталкивающееся с абсурдом мира.

— *Что же предлагаете Вы?*

— *В моей книге предлагается альтернативная версия: в своей жизненной практике, человек не только обращается к высшим смыслам, он впитывает всё бесконечное разнообразие мира, выбирая стратегию актуального существования. Человек как житель космоса — не бездомное существо, не сирота бытия, скорее он — загадочная весть из «точки сингулярности», когда зарождалась Вселенная. Как гласит антропный принцип в космологии, наша Вселенная такова, что в ней возможен наблюдатель. Человеческая жизнь — великий дар и великое чудо. Осознание бесконечной*

В первом ряду: Ф. В. Лазарев, В. Н. Николко, А. П. Цветков

ценности этого дара есть основание, ведущее к слиянию космического и личного начала в индивиде. Человек — зеркало Вселенной, но и Вселенная — зеркало человека, вглядываясь в которое, человек превращается в существо, реализующее всю потенциальную полноту своего бытия. Смысл жизни — быть в гостях у мира, у Бога, внимать бытию, вслушиваться в его звуки, вглядываться в его краски, испытывать радость от прикосновения к нему, творить добро, созидать красоту, постигать истину. В мире всегда есть место и время, чтобы стать человеком.

Каждый день человек должен ощущать полноту бытия. Нельзя замыкаться ни на каком интервале своего существования, ибо любой интервал сужает, ограничивает человека, покушается на его свободу. Человек по природе столь же широк, универсален и многомерен, как универсален и многомерен сам мир. Но эту свою суть, свою тайну человек еще должен открыть для себя и реализовать ее на практике в процессе самоактуализации. Для животного не существует такой реальности как Универсум. Лишь человеческое существо способно войти в Универсум как бесконечно многомерную действительность, ведь в нашей жизни всё может случиться, даже то, чего, казалось бы, не может быть. Однако отнюдь не любые интервалы бытия человека содержат подходящие условия для актуального самоосуществления. Основное пространство человеческого в человеке — это традиция и такие ее формы, как дом, семья, община, храм, школа, университет, театр и т. п. В основе всякой подлинной традиции лежит мудрость, которая веками вырабатывалась народами в борьбе за выживание.

МГУ: Sturm und Drang. После окончания школы Феликс Лазарев едет из сибирского города Нижнеуднинска поступать в Московский университет на философский факультет. Успешно

выдержал собеседование по профилирующим предметам. Заработанная упорным трудом в школе золотая медаль освободила от лотереи, которая называется вступительными экзаменами.

Лекции философов и ученых Ф. В. Асмуса, Т. И. Ойзермана, Д. Д. Иваненко (теоретическая физика), С. А. Яновской (математическая логика) и многих других увлекали студентов глубиной теоретического поиска, прививали любовь к избранной ими специальности, пробуждали веру в себя.

За годы учебы в МГУ (1956–1961) будущий ученый получил фундаментальную теоретическую подготовку. Именно в студенческой аудитории Феликс Лазарев освоил богатый по своим возможностям философский стиль мышления. Это происходило благодаря той плеяде блестящих преподавателей, которая работала на факультете: П. С. Попов, А. Н. Чанышев, Е. К. Войшвилло, А. Р. Лурия (кафедра психологии) и другие. О многих из них среди студентов ходили легенды.

Пребывание в университете совпало с хрущевской оттепелью, когда во всем ощущался ветер перемен. Наступала неповторимая по своему мироощущению эпоха «шестидесятников». Это были годы, когда появились такие ленты, как «9 дней одного года», «Летят журавли», «Иваново детство», когда молодые, задиристые поэты Евтушенко, Вознесенский, Ахмадулина собирали стадионы слушателей; когда появились пронзительные произведения советской прозы. Да что там говорить, это было время, когда Гагарин полетел в космос.

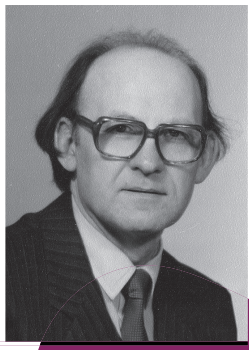
Встречи с писателями Дудинцевым, Солоухиным, Эренбургом, с такими выдающимися учеными, как М. Бор, Н. Винер, Л. Лан-

В первом ряду:
А. Цветков,
П. Федченко,
Ф. Лазарев
Во втором ряду:
Б. Аманов,
А. Архангельская,
И. Кривко,
А. Родина,
С. Кадырбаева,
В. Сагатовский,
А. Зиннурова,
В. Дрягина,
Ю. Мартынюк

дау, А. Фок, личное знакомство с И. Глазуновым, посещение выставки картин Пикассо, концертов Д. Ойстраха, С. Рихтера — всё это давало новую, благодатную пищу для духовного роста.

Это было время великого социального эксперимента, позволявшего простому человеку добиться жизненного успеха в реализации своего духовного потенциала. Росло ощущение востребованности. Ты был нужен, то, что ты делал, необходимо не только тебе, но и стране, которой ты гордишься. Ты — часть великого целого, без тебя этого целого нет.

Можно сказать, атмосфера творчества пронизывала всю жизнь студента. Творческий настрой усиливали и примеры жизни великих людей прошлого — Платона, Канта, Вольтера, Толстого, Ганди. У первокурсника Феликса Лазарева проснулась вера в свои силы, в способность совершить открытие. Это неуемное желание искать новые тропы мысли привело к тому, что уже на втором курсе его размышления по теории познания и методологии были замечены. Профессор П. С. Попов в рецензии на курсовую работу написал: «Работу следует поощрить премией» (что, кстати, и было сделано). Такая высокая оценка прибавила энтузиазма, и уже двумя годами позже у Феликса Лазарева появится первый набросок «интервального проекта».



В. Ф. Лазарев. 1987 г.

Интервальная методология: сущность и история становления. Комплекс идей, составивших интервальный подход, возник не на пустом месте. Он представлял собой философско-методологическое осмысление важнейших тенденций развития науки и культурной практики середины XX века. По большому счету интервальный проект Лазарева имел целью «спасение истины» в потоке тотальной релятивизации и плюрализации научного знания. Было ясно, что в битвах за умы марксизм — вследствие догматизма — обречен на проигрыш. Но и современная западная философия, зараженная субъективизмом, пугала отсутствием рациональной убедительности. Ее новейшие течения порождали моральный релятивизм: вечные ценности — красота, добро, истина, гуманизм — всё стало относительным. Выход — в интервальном взгляде на процесс познания.

Мир, по утверждению философа, представляет собой многоуровневую ячеистую структуру. На каждый объект можно смотреть с разных точек зрения, помещая себя в те или иные познавательные позиции. Один и тот же объект — например, обыкновенные часы, — может выступать в разном качестве. Как физическое тело — в свободном падении. Как товар — в процессе купли-продажи. Как прибор для измерения времени — в житейской практике. Как культурная ценность — в музее или коллекции. Все упомянутые стороны многомерного предмета — это разные интервалы его актуализации в зависи-

мости от заданных условий. Человеческий разум столь же многомерен. Это значит, что структура познающего разума в своей сути связана со структурой познаваемого объекта. Это есть гарантия того, что мир в принципе познаваем. Все познавательные позиции имеют равное право на истину. Эти позиции могут порождать истины, противоречащие друг другу, но лишь взятые вместе, они дают исчерпывающую информацию об объекте. Интервальная методология предполагает своего рода «склейку» картин объекта в целостную конфигурацию, чтобы представить изучаемое явление в многомерном пространстве путем установления смысловых и логических связей между разными моделями этого объекта, установления своего рода иерархии между разными точками зрения. Если взять культурологический аспект проблемы, то это означает необходимость диалога между культурами, народами, цивилизациями, которые неизбежно видят мир по-разному. Каждая позиция человека, социальных групп, стран и сообществ имеет право на существование. В науке и в социальном мире часто случается, что один прав, а другой неправ. Но интервальная методология, — утверждает Ф. Лазарев, — обращает внимание на другую сторону дела. Есть точки зрения человека, социальной группы, государства, народа. Каждый видит реальности, определенный аспект — исходя из объективного положения, опыта собственной истории. Видение жизни «изнутри», конечно же, будет отличаться от видения тех же явлений наблюдателем «извне», т.е. другим человеком, социальной группой, народом. И здесь каждый в пределах своего горизонта оказывается носителем истины. Поэтому всем необходимо через диалог, компромисс искать точки соприкосновения и взаимопонимания.

Впервые интервальные идеи были высказаны Феликсом на научной конференции философского факультета МГУ 17 ноября 1959 г. Расширенный вариант сообщения публикуется в «Сборнике работ аспирантов и студентов МГУ». Автор вводит важное для гносеологии понятие «интервал абстракции» как области однозначной применимости того или иного понятия, а также идею об интервальной структуре реальности. На объединенном заседании секторов логики и диалектического материализма Института философии АН СССР Ф. Лазарев выступил с докладом по материалам подготовленной статьи, которая затем была рекомендована к печати в журнале «Вопросы философии».

Традиция живого интеллектуального общения студентов с корифеями науки, характерная для Московского университета, нередко давала молодым ученым новые импульсы для творческого роста. Поистине незабываемой была встреча с великим физиком XX в. Н. Бором в мае 1961 г. на празднике «Дня Архимеда». По сценарию праздника студенты-физики, изобра-

жавшие великих ученых прошлого и настоящего, по очереди докладывали Архимеду, восседавшему в кресле на ступеньках корпуса физфака, о своих научных достижениях. Вот говорит Ньютон, Ломоносов, Эйнштейн… приближалась очередь Бора. Вот уже какой-то студент «в образе» бодро поднимается по ступенькам. И тут неожиданно, к ликованию всех, живой классик науки воочию предстал перед собравшимися в сопровождении знаменитого академика Л. Ландау…

Встреча с великим физиком вызвала повышенный интерес пятикурсника Ф. Лазарева к идеям датского ученого, развивавшего принцип дополнительности и сформулировавшего философский тезис — «природа не противоречива, а дополнительна». Многополярность мира дает возможность многомерности истины, важно лишь определить тот срез реальности, в котором истина объективна.

Чем больше Феликс Васильевич знакомился с идеями Бора, тем больше крепло его убеждение, что существует глубокая связь между понятием дополнительности и «интервалом абстракции». Возникла мысль обобщить понятие «относительности к средствам наблюдения», тем более что сам Бор подал пример такому ходу мысли, когда он провел аналогию между дополнительностью в физике и дополнительностью в психологии, обыденной жизни, в культуре и т.п. Так появилось представление об «относительности к условиям познания». Проблема, однако, заключалась в том, чтобы придать этому понятию конструктивный смысл.

Крымский период. С 1974 года Феликс Васильевич живет в Крыму, работает в Симферопольском государственном университете. С удивлением обнаруживает, что в каком-то смысле Крым оказался не менее интересным, чем Москва. Здесь жили многие замечательные люди: художники, поэты, композиторы, ученые… Возможно, это единственный край, где есть поселок с загадочным названием «Профессорский уголок». И в современном Крыму не счесть талантливых людей, само существование которых приносит радость. Некоторые стали друзьями и единомышленниками (В. Толочко, А. Домбровский, В. Терехов, Ю. Федоров).

Философ отдает много сил возрождению национальных культур (в том числе и русской), исторической памяти. Раскрыть правду о прошлом и настоящем Крыма помогала работа председателем Республиканского Клуба творческой интеллигенции, а также в Крымской академии наук, где в течение многих лет он является вице-президентом.

Крыму явно не хватало работников культуры, не хватало молодежи с серьезной философской, мировоззренческой подготовкой — и Ф. В. Лазарев становится одним из инициаторов

Ф. В. Лазарев и С. Б. Крымский. Крым. Карасан. 2000 г.

открытия философского факультета.

В 1985 г. Лазарев защищает докторскую диссертацию по проблемам методологии и философии науки. С 1986 по 1989 гг. находится в научной командировке в Чехословакии. Преподает философию и методологию науки в вузах Братиславы, выступает с докладами по вопросам интервального подхода в Институте философии в Праге, на кафедре философии Карлова Университета. С 1995 по 2009 г. заведует кафедрой философии Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. За этот период им было написано более 200 научных работ, в том числе порядка 30 монографий и учебников. В качестве профессора философского факультета ТНУ он читает курсы лекций по эпистемологии, метафизике, онтологии, философской антропологии, интервальной философии. В октябре 2002 г. за монографию «Многомерный человек. Введение в интервальную антропологию» решением Ученого совета университета был награжден премией им. В. И. Вернадского.

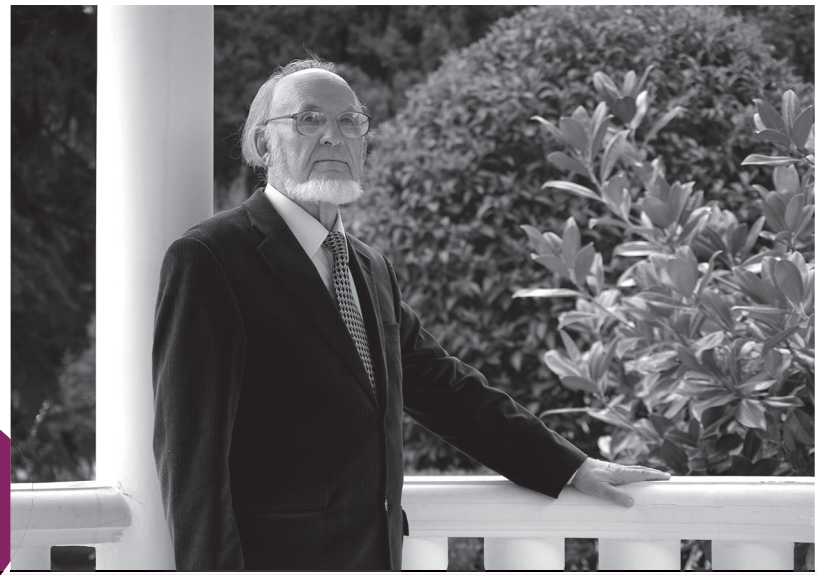
В 2003 г. выходит в свет новая книга «Славянское древо». Известный крымский писатель, публицист и ученый Г. А. Шалюгин в своем очерке о Ф. В. Лазареве дает развернутый анализ этой книги. Вот фрагмент его очерка.

«Что-то есть в русском человеке, в славянской душе такое, что горячо отзывается на мировые скорби. Достоевский называл это свойство всемирной отзывчивостью. Это свойство присуще именно русскому человеку. Может, именно здесь стоит искать залог великой будущности славянства? В осознании и развитии этих идей философ и русский человек Феликс Лазарев продол-

жает ту идейную и нравственную линию, которая в свое время была заложена в трудах Николая Данилевского, продолжена в идеях Николая Гумилева. И хочется верить в правоту его научного анализа и его чувствам русского патриота и гражданина.

«Славянское древо» — книга о славянской истории, славянской культуре, нынешнем дне бытия славянских народов… О завтрашнем дне славянского сообщества. Но есть тут и главы, посвященные рассмотрению мучительных вопросов о славянском менталитете, об особой славянской душе… Как она являет себя? Как мир гармонии и красоты? Так она отразилась в стихах Пушкина. Как загадка, перед которой вставали в тупик люди Запада? Как ристалище великой битвы между добром и злом? Эта сторона отражена полнее всего в романах Федора Достоевского. Лазарев осветил еще одну оригинальную часть славянской души. Это — славянская философия… Суть ее определена в одной емкой фразе: философия сердца… Третья часть книги так и называется: «Метафизика сердца». Главный её тезис: «Славянская философия — это, по преимуществу, философия сердца… Сердечность — в самих истоках нашего национального сознания». Да и в славянской культуре сердце воспринимается как культурный символ, архетип, к которому на протяжении веков обращались народные сказители, поэты, богословы. Лазарев это иллюстрирует именами замечательных мыслителей прошлого. И. Киреевский называл изощренность ума просто «умная хитрость». Тонкую «метафизику сердца»он противопоставлял холодной «метафизике разума», свойственной Западу.

В своей книге автор призывает вернуться к истокам и кон-



Ф. В. Лазарев. Крым. Алушта. 2017 г.

стантам нашего культурного самосознания. Следуя традиции осмысления роли и значения славянской истории, вслед за Ф. М. Достоевским, К. Н. Леонтьевым и Н. Я. Данилевским, автор показывает уникальность и своеобразие славянского мировидения, его принципиальную направленность на духовно-нравственное самосовершенствование и созидание общественного блага, воплощением чего является идея соборности, обоснованная Владимиром Соловьевым. Истоки этих философем находятся в основаниях православного гуманизма. Генетическая духовная связь с греко-византийской софийностью позволяет автору видеть более зримо и отчетливо грядущую угрозу распада и растворения великой культуры славян, спасение которой он считает делом чести. Идеи автора «Славянского древа» — это отнюдь не утопия, а своего рода культурный проект, международная культурная инициатива, направленная на сохранение не только региональных, но и общечеловеческих культурных, духовных, моральных ценностей»[1].

Отмечая уникальность переживаемого славянским миром момента истории, Ф. В. Лазарев подчеркивает, что именно сейчас, когда все славянские народы обрели подлинную политическую и социально-экономическую самостоятельность, насущной исторической задачей становится дело духовного единения, поиска нового уровня культурной идентичности. «Только освободив духовную сферу от какого бы то ни было давления экономических интересов, политических ориентаций, мы получаем, наконец-то, возможность свободного самоопределения, свободного выбора нашей собственной системы ценностей как единой и самобытной цивилизации».

Культурная и духовная общность славянских народов имеет глубинные корни в языке, традициях, менталитете, образе жизни, чертах национального характера, в общности религиозных ценностей. Утрата такой культурной общности повлекла бы потерю национальной почвы культуры и исторической памяти.

Феликс Васильевич взялся за этот труд, ощущая свою подвижническую миссию «собирания славянских культур», сохранения и приумножения одной из немногих цивилизаций, уцелевших вопреки мировым войнам и революциям. Эта книга занимает особое место в творчестве философа, что оценили не только коллеги по философскому цеху, но и коллеги из Союза русских, украинских и белорусских писателей, избрав его своим полноправным членом.

Известно, что каждый писатель выбирает свой способ, свою

1 Шалюгин Г. А. Апология мудрости // Брега Тавриды. Избранное (1991–2016 гг.). — Симферополь: Таврида, 2016. — С. 471–482.

меру реагирования на окружающую его действительность. Автору названной книги близок способ, который можно было бы условно назвать аввакумовским. Это манера духовно-нравственного сопереживания: мы ощущаем оголенный нерв, который, соприкасаясь с трагическими сторонами истории, вызывает чувство боли. Отсюда — потребность сказать слово, выговориться, излить душу. Это — боль за Россию, за все славянское братство. Боль в данном случае — категория этическая и даже философская, ибо она рассматривается как способ переживания нравственно здоровым человеком нашего социально-исторического неблагополучия. Поэтому такое переживание предстает как сущностная сила человека, как его родовое свойство. Отсюда — постоянное обращение автора к фигуре протопопа Аввакума, удивление перед его нравственной стойкостью, его глубинным стоицизмом, его душевной болью за веру и Отечество.

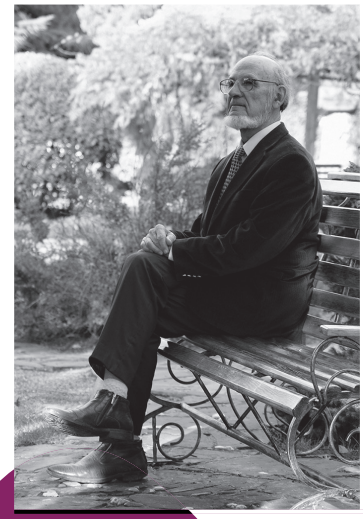
Современная литературная критика признает право литератора на диалог со своим собственным текстом, на вопрошание и ответствование. Нам понятна поэтому попытка автора взглянуть на свое творение со стороны: отсюда ирония и самоирония, внутренний спор с самим собой, постоянная переоценка, недовольство сказанным и написанным.

Перед нами глубоко личностный, человеческий документ; в нем отражается авторская личность в ее различных гранях, извивах, складках. Автор не прячется за текстом, он постоянно откликается своим сердцем на обсуждаемую проблему и предстает перед читателем всё с новой и новой стороны именно как личность, как духовная субстанция. Мысль и эмоции образуют единое пространство развертывания повествования. Лирическое отступление в книге — это своеобразный автопортрет в его духовном, душевном и художественном измерении. В книге чувствуется напряженный поиск цементирующих основ славянской культуры и народного бытия, поиск фундаментальных духовных констант и культурных кодов. Этим и объясняется обращение автора к историческим и даже былинным героям нашего прошлого. От страницы к странице выкристаллизовывается некая форма философско-художественной прозы, где автор предстает как философствующий писатель.

Непримиримое отношение к «массовой культуре» не помешало ему, тем не менее, выстроить архитектонику своей книги по методу пастиша — этой излюбленной игрушки постмодернистского стиля. Это метод организации текста как программно-синкретической конструкции смысловых, жанрово-стилистических и художественно разнородных фрагментов: чисто художественные зарисовки соседствуют с текстами в форме журналистского репортажа с места событий, а философские

вставки перемежаются с отрывками исповедальной прозы. Метод пастиша в итоге позволяет автору сконструировать некий многомерный и эклектичный мир духовного пространства современного русского интеллигента на изломе двух тысячелетий с его думами и тревогами, с его душевной болью и одиночеством перед лицом глобальных процессов.

По-своему любопытна проблема «автора». В книге как бы два автора. Каждый выполняет свою особую смысловую нагрузку: Симеон Затворник — это некий мифологический, вневременной, сквозь века русской истории проходящий концептуальный персонаж. Там, где речь в книге идет непосредственно от лица Симеона, текст носит наиболее эмоционально окрашенный, взволнованный характер, тяготеющий по стилю к русской архаике. Это как бы срез обычного массовидного русского самосознания, это выражение типичного, всем понятного и близкого умонастроения простого русского человека в его отношении к историческим событиям прошлого и горестного настоящего. Наконец, в книге явственно присутствует и автор в его неповторимом интеллектуальном и духовном качестве — русский философ на рубеже двух столетий с его собственными философскими раздумьями о счастье, о бытии, о человеческой сущности, о перипетиях русской истории. Он ведет здесь интеллектуальную перекличку с великими русскими философами прошлых столетий — П. Я. Чаадаевым и И. В. Киреевским, Н. А. Бердяевым и Л. Шестовым…



Ф. В. Лазарев. Крым. Алушта. 2017 г.

Одну из обобщающих книг — «Оправдание мудрости» (Симферополь, 2011) Феликс Васильевич написал вместе с женой, доктором философских наук Маргаритой Константиновной Трифоновой. Работа сыграла заметную роль в возрождении в арсенале философских категорий ключевого понятия «мудрость». Почти забыты в течение нескольких столетий это понятие сегодня становится все более актуальным. Неслучайно поэтому книга вызвала отклики в печати, например, рецензии А. Микитенца и писателя Г. Шалюгина.

26 декабря 1998 г. в крымском академическом русском драматическом театре им. Горького состоялся юбилейный вечер, посвященный 60-летию со дня рождения Ф. В. Лазарева. На вечере выступали известные крымские ученые, писатели, художники, общественные и государственные деятели. Среди всех выступавших особенно проникновенно прозвучали слова выдающегося крымского писателя, почетного гражданина земли крымской А. И. Домбровского. Сохранился рукописный набросок этой речи:

«Леонардо да Винчи о философах: „… не гоните их от себя, воздавайте им честь, чтобы им не нужно было бежать от вас и уда-

ляться в пустыни, пещеры и другие уединенные места, опасаясь ваших козней, ибо такие люди являются вашими земными богами, заслуживающими от вас статуй, извояний и прочего".

— *У Перикла отняли Анаксагора, присудив его к смертной казни и заставив бежать из Афин.*

— *Сицилийские тираны Дионисий I и Дионисий II прогнали Платона, и оба закончили свою жизнь плачевно.*

— *Александр Македонский отдалил от себя Аристотеля, изменил его принципам и бесславно закончил путь в глубинах Азии.*

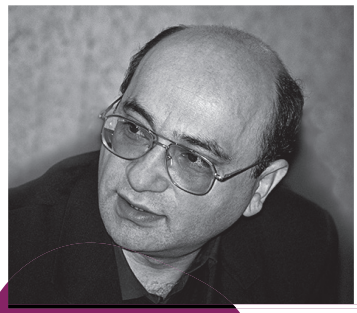
— *Нерон вынудил Сенеку к самоубийству и вскоре сам позорно погиб.*

И вот я хочу сказать: пока настоящие философы с нами, ничего плохого с нами не случится. А если мы еще к тому же будем придерживаться их нравственных принципов — сделаем много хорошего и для себя, и для людей».

О. К. Шевченко

Олег **ГАБРИЕЛЯН**

род. в 1956 г.



Олег Габриелян. 2000 г.

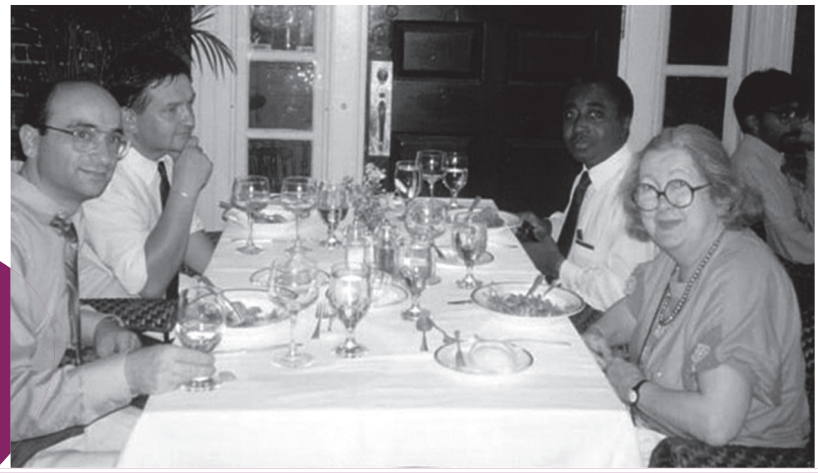
Шпиль первый: «Почему именно Габриелян?». В свое время замечательный ялтинец, артист и очень мудрый человек, крайне далекий в своем духовном мире от тех типажей, которые он сыграл в кино — Михаил Пуговкин написал книгу: «Мне 80, но не в этом дело». Поддерживая государственное дело борьбы с плагиатом в академической жизни, я не вынес полюбившееся мне название в заголовок, но не могу не сказать: «Габриеляну 60, но не в этом дело».

Если в предыдущей фразе было столь много «Не», то что же тогда «Да»? Прежде всего, дело в том, что Олег Аршавирович выступает в высшей степени трудным объектом для любого биографа и является, в этом смысле, настоящим вызовом для серьезного вдумчивого жизнеописания. Помнится, в 2015 году, беседуя с профессором Габриеляном по поводу моих опытов философской биографистики (отчасти античных философов, отчасти российских философов начала XX века) в эклектичном жанре «Эссеическая повесть», Олег Аршавирович спросил: «Какой объект для создания биографии Вы считаете самым трудным?» — На что я ответил: «Тот, который трудноуловим. Та фигура, которая буквально «расплывается» в цифрах, датах, текстах. Тот философ, который создает свои тексты как часть своей жизни и свою жизнь творит как литературный текст. Та фигура, к которой я наименее объективен и наиболее пристрастен, — и тут я совершил ошибку. — Например, ваша биография, о которой, безусловно, можно сказать, что она есть, но которой, по-моему, еще никто не написал…». Олег Аршавирович предложил восполнить это досадное упущение. На мои опасения, что это будет очень субъективный текст, далекий от объективности и стилистической холодности, что в наших отношениях были и светлые и темные стороны и что, во всяком

случае, панегирика от меня ждать не стоит, — он ответил согласием. Мои же замечания, что любая биография для меня — это повод провести интеллектуальные эксперименты, возможность жестко высказаться в таких вопросах, которые неудобны в рамках стандартной научной статьи, он полностью поддержал. На последнее мое заявление, что биография будет создана, но процесс ее создания может затянуться, Олег Аршавирович с улыбкой ответил: «Даю свою биографию в Ваше полное владение. И во временное тоже».

Шпиль второй: «Рождение». 27 декабря 1957 года родился Олег Аршавирович Габриелян. Но родился ли тогда профессор, доктор наук, действительный член ряда Академий? Можно ли сказать, что биография Олега Аршавировича начинается с первым его криком как младенца? Считаю, что нет. 27 декабря 1957 года появился на свет человек, который обладал возможностями быть кем-то, но, конечно же, эти возможности могли быть реализованы и так, и эдак. Думал ли отец Олега Аршавировича, что его сыну будет суждено покинуть Армению, стать крупным ученым, администратором, политиком… поэтом? Последнее, вполне возможно, что и предполагал, ведь кто из армян не поэт? Не знаю таких. Но вот всё остальное… Нет, не мог предполагать честный, но очень простой человек сложнейших хитросплетений биографии своего сына. А мог ли сам Олег (тогда еще просто — Олег) увидеть себя сегодняшнего хотя бы в проекте, пусть схематично? Опять-таки, нет.

Можно ли начинать биографию философа Габриеляна с 1978 года, когда появился на свет 22-летний инженер-программист вычислительного центра Азербайджанского государственного политехнического института им. Ч. Ильдрыма (г. Баку, Азербайджан) Олег Габриелян? Математик, прикладник, занимающийся одной из самых редких в те далекие времена профессий?



С коллегами в клубе Гарвардского университета. Конец 1990-х.

Нет, конечно же, нет. Тогда, вероятно, следует искать рождение Олега Аршавировича году в 1982, когда он стал старшим лаборантом в Институте философии и права Национальной Академии Наук Армении (г. Ереван, Армения)? Что касается любой другой биографии современного философа, то да, с этого можно было бы начать. Старший лаборант, преподаватель, доцент… Дорожка накатана, план получения очередной должности расписан до пенсии. Но не таков, сдается мне, профессор Габриелян. Вот он сидит, задумчиво посверкивает глазами, медленно проявляется его знаменитая улыбка… Нет. Не может быть такое начало биографии у личности, способной размышлять о постмодерне в философии, писать глубоко личные лирические стихи и стойко держаться многие годы на политическом Олимпе одного из сложнейших регионов планеты — Крымского полуострова.

За те 11 лет Олег Аршавирович прошел путь до ведущего научного сотрудника, получил опыт преподавания в вузе. Так может, старт следует видеть в 1985 году в защите кандидатской диссертации? Или в 1992 году, в защите докторской — сразу по двум специальностям: теории познания и философии истории? Ох, как-то не то всё это, не то. Конечно, дипломы кандидата и доктора наук — факты объективные, но сколько вокруг нас остепенённых «товарищей», из карманов которых торчат уголки многочисленных дипломов, свидетельств, сертификатов и удостоверений, и при этом нет в них ни грана философичности? Сколько среди нас преподавателей философии, и сколь мало среди них просто философов? При всей неоднозначности моего старшего коллеги в плане администрирования, при всех, с моей точки зрения, весьма странных в дидактическом плане учебниках и монографиях[1] никто не может отрицать, что Олег Аршавирович — философ, причем философ в классической форме, далекой от унылых университетских шаблонов «препода философии». К такому человеку неприменим критерий наличия документа, факта получения очередного диплома.

Читаю материалы к биографии Олега Аршавировича и натыкаюсь на фразу, написанную моим коллегой по схожему поводу: «…О. А. Габриелян со своим другом В. Г. Осиповым и коллегами из Института философии и права начинает издавать философский журнал «Synopsis» на английском языке. Вышло пять номеров журнала. При всей безумности затеи издавать такой журнал в разоренной и блокадной Армении, именно она и позволи-

1 Не написана еще Олегом Аршавировичем его самая главная книга, все, что он издал до сих пор, считаю лишь зарисовками, подготовкой к чему-то, архисерьезному, интеллектуальной тренировкой себя и читателя, но никак не Монографией.

ла ему и его друзьям найти себя в кардинально изменившейся жизни. Философия оказалась крайне практическим занятием». Действительно, куда как странное явление не только армянской, но и русской, украинской, белорусской философской жизни. Издание философского журнала на английском языке! Вот тут уже видно рождение профессора Габриеляна. Тут виден крутой нрав человека, желающего создавать обстоятельства, а не жить согласно установленным кем-то правилам. Тут виден вкус профессора к открытости знания, отчаянная попытка (а сколько их было потом у будущего декана и ректора!) разорвать узость мышления окружающих, вырваться на широкий простор международной мысли, вытащить сопротивляющихся и отчаянно брыкающихся коллег в мир общепланетарной философской мысли, коллег столь же талантливых в философии, сколь и бездарных в собственном пиаре. Спустя полтора десятка лет, уже в стенах философского факультета Таврического национального университета, новый декан Габриелян резко рубанет: «Если Вас нет в Интернете, значит Вас нет нигде». Я сидел вместе со всеми в актовом зале. В зале, который пару лет назад был местом проведения детских утренников (здание бывшего детского садика), а позднее в нем, по слухам, проводили стоматологические операции. В этом зале, помнившем десятилетия детского смеха и сохранявшего эманации ужаса перед бормашиной, Олег Аршавирович продолжил свою мысль: «Если Вы не одумаетесь. Если Вы не начнете выходить в Интернет, неся туда свои знания и философские открытия, если Вы продолжите сидеть в темных уголках своих кафедр, — я, как хирург, ликвидирую ваши ставки… мне будет больно делать это, но это делать необходимо». Мы, аспиранты и молодые ассистенты, переглянулись друг с другом и кто-то, хихикнув, обронил: «Хирург!». Сколь много было зубоскальства, столь же много было и глупостей. Как всегда, дело, предназначенное для каждого, дабы возвысились все, было поручено одному, дабы он возвысил остальных. Кто работал на кафедрах — поймет, о чем я. Спустя годы, когда только благодаря своей работе в Интернете, работе с Интернетом сумел осуществить свой самый амбициозный научный проект и получить определенную позитивную известность в научном сообществе, я вспомнил актовый зал и улыбку нового декана. Да, считаю, что именно выпуск «Synopsis» в году этак 1992-ом следует считать датой рождения профессора Олега Аршавировича Габриеляна.

Шпиль третий: «Политик в философии или философ в политике?». Я не любитель рассуждений о методологии. Как говаривал мой научный руководитель профессор И. И. Кальной, шинкуя при этом на мелкие клочки мой диссертационный текст, «метод должен быть виден в тексте, он должен быть ясен в самом исследовании, незачем мусолить его во введении». В этом смысле

профессор Габриелян — моя полная противоположность. Методу познания посвящена его докторская диссертация, рассуждениями о методе полны его статьи, учебники и монографии.

Казалось бы, на этом Габриелян и заканчивается. Ведь у него совершенно не остается времени на эксплуатацию методов в реальной жизни? Но опять парадоксальная нестыковка и противоречие. Как раз-таки Олег Аршавирович из тех, кто всегда использует сформулированные им методы в своей реальной, практической жизни. А как это ему удается?

Международный Межакадемический Союз. Начало 2000-х.

По моему разумению, плох тот философ, который только философ. Мне скучны те люди, которые поступили на философский факультет, окончили философскую аспирантуру, стали ассистентами на философской кафедре и достигли своего юбилея в философском же сообществе. О чем может сказать такой специалист? О книгах, которые он прочел, о конференциях, где он выступал, или о симпозиумах, где он пировал? Где сама реальность, жизнь, страсти, эмоции? Где тот опыт, борения, взлеты, падения, на основе которых, остыв после бури юности, может быть возведена философская вселенная мыслителя? Не возводить же, в самом деле, ее на «Краткой истории философии»? Лишь И. Кант, будучи отшельником, смог создать великое и завоевать уважение мира как философ, но его пример не отменяет мое изначальное подозрение к тем коллегам из философского цеха, которые видели жизнь только из окон своей родной философской кафедры. Не таков, совсем не таков Олег Аршавирович.

В 1994 году молодой (38 лет отроду — старше меня сегодняшнего всего на один год) доктор философии становится заместителем председателя Государственного Комитета по делам

национальностей и депортированных граждан Автономной республики Крым. Вот так и никак иначе. Из Армении в Крым. С должности респектабельного ведущего научного сотрудника — в горнило ожесточенной политической борьбы, осложненной этническими конфликтами (а многие поговаривали в те годы — и грядущей гражданской войны на национальной почве). Эксперт в математике, специалист по культуре и… практическая повседневная борьба за межнациональный мир на своей новой родине. Надо полагать, цена ошибки в то время была бы страшно велика. Должность, занимаемая моим старшим коллегой, требовала не только действий, но и ясной, четкой методологии решения проблем. Но таких методологий просто не было. Их не было в Советском Союзе, не могли предложить ничего подходящего и западные «доброжелатели». Их нужно было создавать с нуля, создавать и оперативно менять, трансформировать в процессе работы, как говорится, прямо «на марше»[2]. Сдается, именно с тех пор идет привычка профессора Габриеляна играть с методом. Именно играть с методом, а не играть в метод. Изящные тезисы, аккуратные сентенции, двух-, трехзначность терминов, некая лукавость определений при их внешней простоте — вот основная характеристика трудов Габриеляна в области методологии. Эта игра позволяет вдумчивому читателю видеть в излагаемых профессором методологиях (а их создано более чем предостаточно) очень гибкую, динамичную систему. Это касается философии истории, это касается пиартехнологий, это касается государственного регулирования и политической рекламы. Все его методологии мягко мерцают и кажутся обманчиво аморфными, но как только они видят реальный объект исследования, они, пружиня, способны одним прыжком схватить реальность в лассо своих концептов и, приобретя железную твердость, смять жертву познания своей логикой и последовательностью, а после опять превратиться в гносеологические одуванчики. Всё дело в этом. Методология Габриеляна может быть оценена только в реальности и исходя из реальности. Если игнорировать реальность как факт, то тогда все методологические достижения лишаются смысла. Хотя, понятно, скорее смешон и нелеп тот якобы мыслитель, который отказывается от самой практики, как недостойной, его, мыслителя, методологии поиска истины.

О.А. Габриелян — депутат городского совета г. Симферополь, председатель Комиссии по культуре. 2009 г.

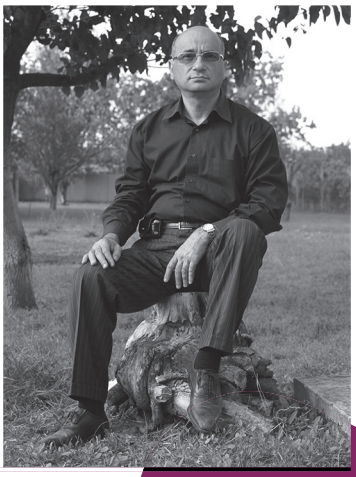
2 Интерес к межнациональным отношениям проявился у О.А. Габриеляна в сложный период распада СССР и возникновения конфликтов в Закавказье. Именно тогда он начал активно заниматься конфликтологией. Им с коллегами издается серия монографий. (*Крымские репатрианты: депортация, возвращение, обустройство. Симферополь, 1998; Межэтническое согласие в Крыму. Симферополь, 2002; Диалог культур: Проблемы интеграции в крымском сообществе. Симферополь, 2002; Гражданское общество и религия. Симферополь, 2005*).

В 1999 году Олег Аршавирович вновь осуществляет крутой поворот своей жизни. Он становится заведующим кафедрой политических наук и международных отношений ТНУ им. Вернадского. Академическая работа — не синекура. Заведование кафедрой — это труд, ежедневный, изматывающий, мелочный, одним словом, практический и реальный. При этом он дает возможность получить больше шишек, чем заработать похвал, ибо недостатки и ошибки видны всем и приписываются только заведующему, а успехи воспринимаются как коллективное достижение или не замечаются, как не замечает аквариумная рыбка той воды, в которой она плавает. Однако для талантливого человека ничто не является препятствием к полному раскрытию своего таланта. Метод, система, раскованность философской мысли и серьёзный, масштабный опыт управленца позволяют Олегу Аршавировичу сделать кафедру настоящей кузницей кадров для общественно-политической жизни полуострова. В работе заведующего кафедрой (позже и декана факультета) Олег Аршавирович видит и осуществляет возможности международного сотрудничества и партнерства. Как из рога изобилия, сыплются проекты и достижения: стажировка и чтение лекций в Гарвардском и Йельском университетах (США), в Центрально-Европейском университете (Венгрия). Получение звания профессора программы им. Фулбрайта в Институте по разрешению конфликтов университета Джорджа Мейсона (г. Феерфакс, США). Стипендия премии имени Ли Брауна государственного университета г. Валдоста (Джорджия, США), участие в конференциях и международных проектах в России, Украине, Армении, США, Германии, Дании, Швейцарии, Венгрии, Польше, Чехии, Словакии.

Профессор Ибрагим Сулейменов (Казахстан), крымский издатель Валерий Чепурин, поэт Андрей Поляков, Олег Габриелян, лидер Босфорского форума — Игорь Сид (в домашнем кабинете у О.А. Габриеляна)

Кафедру знают. Ее аспиранты и преподаватели участвуют в международных грантах и стажировках, владеют порой несколькими европейскими языками. О. А. Габриелян, как научный руководитель, готовит около двух десятков аспирантов к успешной защите своих кандидатских диссертаций. Набор на специальность «политология» стабильно высок. Выходят из печати индивидуальные монографии и учебники (больше десятка) создаются коллективные монографии[3]. Работы Олега Аршавировича издаются в Армении, Украине, России, США, Казахстане, Южной Корее.

Формируется Ассоциация политологов Крыма, активизируется работа в Национальном институте стратегических исследований. Политология наращивает свой научный фундамент. Значительно математизируется процесс преподавания, формируется позитивное отношение экспертов к серьезным статистическим методам исследования политической реальности. Усилиями преподавателей кафедры политологии ВУЗ с открытыми лекциями и семинарами посещают разнообразные топовые профессора, писатели. Упомяну лишь двух: Джозефа Агасси и Кара Мурзу. Поднимается вопрос о создании крымской политологической школы…



О. А. Габриелян. 2009 г.

Работая в университете имени В. И. Вернадского и будучи философом по призванию, профессор О. А. Габриелян не смог пройти равнодушно мимо научного наследия автора ноосферной концепции. Вот почему под его редакцией издается фундаментальный сборник, посвященный ноосферологии (*Ноосферология: наука, образование, практика. Симферополь, 2008*). Отсюда и его интерес к философии истории, который вылился в оригинальную ноосферную концепцию философии истории. (*Філософія історії. — Київ, 2010*).

В своих философских изысканиях особое внимание профессор О. А. Габриелян уделяет проблемам русского мира, что выразилось в серии статей опубликованных по результатам научно-практических конференций «*Крым в контексте русского мира: язык и культура*», проводимых А. С. Филатовым на протяжении нескольких лет при поддержке Русского культурного центра. Совершенно закономерным стало то, что Олег Аршавирович был приглашен научным консультантом форума, который проводится на протяжении многих лет в рамках международного фестиваля «Великое русское слово».

В одной из своих статей «*К феноменологии кризиса русского мира*» (*2012 г.*), О. А. Габриелян анализирует перспективы развития

3 *Политические процессы в Крыму: Последнее десятилетие XX века. Симферополь, 2000; Политическая наука в Украине: состояние и перспективы. Симферополь, 2002; Политическая наука. Введение в специальность. Симферополь, 2010; Политическая наука: методы исследований. Киев, 2012 и др.*

Слева А.А. Фарманчук, О.А. Габриелян (слева в первом ряду) со студентами политологами ТНУ им. В.И. Вернадского на встрече с председателем Верховного Совета А.А. Константиновым (в центре). 2009 г.

Крыма и России напишет: «Россия, как бы она не делилась, вновь и вновь будет собираться. Эйдос этой территории заключен в ее геополитической предзаданности. С этой точки зрения, любые разговоры о России как исторически последней империи, которая обречена на разрушение – несостоятельны по своей сути. Пространство России, которое было сформировано на протяжении многих столетий имеет свою логику геополитического развития, которую нельзя нарушить: «Невозможно закрыть для России Балтику, невозможно закрыть для России Крым. … Феномен этого геополитического пространства заключается в том, что Россия всегда будет существовать, „пульсировать“ в пределах исторически сложившихся границ…». Можно только в очередной раз удивиться как философ предсказывает, то что случится через несколько лет в реальности: Крым воссоединится с Россией.

Но зреет кризис. Влюбленность и страсть к науке, сердечная тяга к философии, искренние переживания за реноме ставшего уже родным университета и факультета не могут не быть наказанными. Увлекающийся человек уязвим. И разве кафедрой политологии может руководить человек с каким-то философским дипломом? Изящная кулуарная интрига, талантливо срежиссированный конфликт, и Олег Аршавирович оставляет должность декана, а затем и заведующего кафедрой. Вот вопрос: насколько такая ситуация располагает к философскому её осмыслению?

Я не могу любить наполовину.
Гореть наполовину — значит тлеть.

Я душу, как ненужное, откину,
Когда пойму, что начала стареть.
Я не могу желать лишь в полжеланья.
Полправды нет. Есть правда или ложь.
Не принимаю даже полстраданья.
Полсчастья не прошу. Судьба, не трожь.
Мне полземли для счастья очень мало.
Полвздоха мало для моей груди.
Мне половинок вечно не хватало,
Для сердца целого мне мало пол-любви, —

скажет в своих стихах профессор, нет — поэт Габриелян.

Не многие оправляются от таких ударов. Олег Аршавирович справился. Мобилизовав все свои знания и умения, он огорошил многих. В том же 2010 году он становится ректором Крымского университета культуры, искусств и туризма. Уже в скором времени заштатное и банальное учебное учреждение, сохранявшее недавний статус скромного училища, становится динамичным вузом. Открываются новые специальности, создаются кафедры, лицензируются и публикуются ВАКовские журналы, проводятся международные конференции. Блестящий показатель: многие молодые специалисты разрывают контракты со своими университетами и устраиваются на работу в ВУЗ Олега Аршавировича. Многие профессора и доценты настойчиво просят оказать честь быть принятыми на работу, но многим было отказано.

Начиная свой философский путь с методологического анализа проблем математического познания и математики как феномена культуры, О.А. Габриелян в этот период своей научной зрелости возможно даже неожиданно для себя пришел к идее культуры как феномена человеческого бытия, наиболее полное осмысление которой возможно в научной традиции культурной антропологии. Именно по этой причине и по его инициативе, на тот момент первой в Украине, в Крымском университете культуры была создана кафедра культурной антропологии. Со своими коллегами он также издал первый в Крыму учебник по культурной антропологии *(Введение в культурную антропологию. Симферополь, 2014)*. В этом контексте особо следует отметить замечательную серию книг-альбомов о народах Крыма, которые трудно представить без его деятельного участия: *Крым. Армяне. Десять веков созидания, 2008*; *Украина. Евреи. Тавриды неугасимая свеча, 2008*; *Немцы Крыма. Дух жизнестойкости, 2016*; *Болгары Крыма. Возвращение к истокам, 2018*. Наверное, не случайно сложилось так, что он стал главным редактором такого значимого для Крыма издания как *«Энциклопедия народов Крыма» (2016)*.

В 2014 году в связи с реорганизацией вуза Олег Аршавирович покидает должность ректора. В следующем году он становится уже во второй раз деканом философского факультета уже Крымского федерального университета. Профессионалы нужны всегда, тем более столь редкие уникальные специалисты, как философы, свободно себя чувствующие в политике, или, все-таки, политики, работающие в философии?

Можно только удивляться, что в одну судьбу вместилось столько дел и событий. Не меньшее удивление вызывает то, что Олег Габриелян остается в активном научном и творческом поиске. Сейчас он работает над новыми проектами и созданием новых жанров: хореографии стиха, философии в смсках, рецензии на книгу как судьбу, книги-вебрарии. Возможно поэтому им и выбран жизненный девиз: «Вперед и выше».

А. Г. Ерзаулова

Николай **ДОНЕНКО**

род. в 1958 г.

Я родилась в Ялте и часто гуляла по царской тропе. Как солнечный зайчик, случайно и вскользь, в поле моего зрения попадал храм, окруженный старыми кипарисами. На фоне пронзительно синего моря он оставался чем-то непроницаемым и загадочным, но это впечатление тут же заменялось другими и рассеивалось в новом потоке переживаний и наблюдений. Так часто бывает, что Бог нам показывает нечто и, увидев однажды, мы далеко не сразу понимаем и осознаем, для чего это было показано, и как твоя жизнь будет связана с тем, что ты увидел как бы случайно.

Опыт моей «случайности» развернулся тогда, когда я нашла время и возможность спуститься к храму, увидеть, что там совершается служба, протекает какая-то жизнь и познакомиться с настоятелем этого храма, священником Николаем Доненко. И только после знакомства, которое длится уже восемнадцатый год, так называемая случайность раскрылась в моем сознании в полной мере. Я стала регентом этого храма и восторженным созерцателем красот и внутренней жизни Покровского храма в Нижней Ореанде.

История этого места напрямую связана с первыми лицами Российской империи. Великий князь Константин Николаевич Романов, занимаясь политической жизнью, бывал в Ореанде редко, но, оставшись на шестом десятке не у дел, переехал в Крым и тут его постигло большое огорчение. Великолепный дворец, изумительно хорошо вписанный в ландшафт южного берега, по нелепой случайности сгорел, денег на восстановление не было… Тогда великому князю пришла благая мысль: построить из оставшихся камней небольшой храм в грузино-византийском стиле (он был убежден, что только в таком стиле

можно строить храмы на южном берегу, так как они наилучшим образом вписываются в ландшафт и органически соединяются с окружающей природой).

Храм и его окрестности были настолько поэтичными и очаровательными, что стали популярным маршрутом для прогулок среди ялтинской публики. Поэты посвящали Ореанде свои стихотворения. Антон Павлович Чехов любил гулять здесь со своей женой, Надеждой Тернавской. Именно с этого места в знаменитом рассказе «Дама с собачкой», Гуров произносит свои исповедальные слова: «В Ореанде сидели на скамье, недалеко от церкви, смотрели вниз на море и молчали. Ялта была едва видна сквозь утренний туман, на вершинах гор неподвижно стояли белые облака. Листва не шевелилась на деревьях, кричали цикады, и однообразный, глухой шум моря, доносившийся снизу, говорил о покое, о вечном сне, какой ожидает нас. Так шумело внизу, когда еще тут не было ни Ялты, ни Ореанды, теперь шумит и будет шуметь так же равнодушно и глухо, когда нас не будет. И в этом постоянстве, в полном равнодушии к жизни и смерти каждого из нас кроется, быть может, залог нашего вечного спасения, непрерывного движения жизни на земле, непрерывного совершенства. Сидя рядом с молодой женщиной, которая на рассвете казалась такой красивой, успокоенный и очарованный ввиду этой сказочной обстановки — моря, гор, облаков, широкого неба, Гуров думал о том, как, в сущности, если вдуматься, все прекрасно на этом свете, все, кроме того, что мы сами мыслим и делаем, когда забываем о высших целях бытия, о своем человеческом достоинстве»[1].

Протоиерей Николай Доненко

В храме неоднократно служил святой праведный Иоанн Кронштадтский. Осталась памятная запись о том, что 17 октября 1894 года, отслужив в Ореанде литургию, он со Святыми Дарами отправился в Ливадию, причастить уже умирающего Александра III[2]. 25 сентября 1908 года, храм посетила Великая княгиня, будущая преподобномученица Елизавета Федоровна. Настоятель был награжден образом преподобного Сергия Радонежского. Когда в 1911 году Николай II приобрел Ореанду, она стала любимым местом для прогулок царской императорской семьи. Дольше всех в храме служил Леонид Колчев, духовник Марии Федоровны — российской императрицы, супруги Александра III. После революции он последовал за своей духовной дочерью в Копенгаген и похоронил ее в 1928 году, и сам там же почил в 1934 году.

1 Чехов А.П. Избранные сочинения в двух томах. — Алма-Ата: Жазушы. Т.2. Рассказы т повести 1887–1903 годов. — 1983. — С. 304.

2 Филатова Г.Г. Дворец и храм в Нижней Оренаде. — 3-е изд. — Симферополь: Н.Оріанда, 2017. — 96 с.

Послереволюционные годы храм был пустым и бесхозным, а в 1948 году, по распоряжению Сталина, рядом был построен санаторий для отдыха и лечения членов советского правительства. Вся территория была ограждена и строго охраняема, в советских путеводителях о нем ничего не сообщалось. С годами и ялтинцы забыли об этом месте, и только чеховская «дама с собачкой» еще как-то напоминала о том, что здесь было.

Когда я впервые вошла в храм, то увидела мерзость запустения, текущий потолок, пробитые и разрушенные стены, деревянные балки, забитые прямо в венецианскую мозаику; со стороны алтаря прорублена дверь для хозяйственных нужд. Первая мысль, которая мне пришла в голову — все это похоже на крымские катакомбы, здесь можно молиться, но как бы втайне от мира, от посторонних глаз, от опасного внимания сильных сего мира, и служба здесь совершалась тихая, аскетически-лаконичная, лишенная внешних украшений. Именно в храме началось мое знакомство с настоятелем, неспешное, ненавязчивое, в чем-то необязательное, но всегда интересное, из которого, сформировалась моя жизнь, уже осмысленная, по-новому, в свете христианской правды.

Отец Николай родился 20 февраля 1958 года, в Бердянске, расположенном на Азовском море. Его родители были вполне советские люди: отец — адвокат, с серьезным послужным списком, мать — врач. Старшая сестра Людмила с детства занималась музыкой, закончила Киевскую консерваторию по классу скрипки. Младшего сына, Николая, родители также отвели в музыкальную школу, которую он окончил к 14 годам, но уже в то время увлекся изобразительным искусством, жадно всматриваясь в картины старых мастеров и взращивая в своем сердце возможный сценарий стать художником, что и произошло, но совершенно резко и неожиданно.

Отец вернулся из киевской командировки с готовым решением — «раз ты любишь рисовать, и музыкой дальше заниматься не собираешься, готовься, через 1,5 месяца экзамены в Республиканскую Художественную Среднюю Школу им. Т. Г. Шевченко, и, набор объявлен только на скульптурное отделение, если есть желание, потом переведешься на живопись». Решение было окончательным и обжалованию не подлежало.

Экзамены прошли успешно, и Николай окончательно покинул свой родной город, чтобы погрузиться в Киевскую стихию, обрести там новые смыслы. Именно там, в богемной атмосфере, пространстве дополнительных свобод и возможностей (насколько они были допустимы в советское время), он стал ходить в церковь. Ходить на ощупь, в тайне от всех, практически ничего не понимая и не зная о Православии, но ходить

постоянно, как бы подтверждая свой сердечный выбор риском быть замеченным и осужденным за идеологическое несоответствие существующим нормам. Это было своего рода исповедничество, может не вполне осознанное, но между тем, вполне ощутимое возможными неприятностями, затруднительными объяснениями с администрацией и дальнейшим изгнанием…

В 1981 году, Николай Доненко поступил в Харьковский художественный институт на скульптурное отделение. Годы учебы были наполнены различными художественными и культурными впечатлениями и становлением церковного самосознания. В это же время Николай знакомится со своим будущим духовником архимандритом Амвросием Юрасовым, духовное общение с которым не прекращается и по сегодняшний день.

По окончании художественного института в 1981 году обстоятельства сложились таким образом, что Николай оказался в Крыму. Работал в художественном фонде Симферополя, исполнял различные заказы, учувствовал в выставках, собственно говоря, жил как любой советский художник того времени, но этим не исчерпывалась его жизнь. Он часто ездил в монастыри, читал не рекомендованную властями литературу, в первую очередь богословского содержания, а с 1983 года стал чтецом в кафедральном Троицком соборе города Симферополь.

В 1988 году поступил в Союз художников и благодаря этому получил еще большую свободу, моральную и материальную, которую с успехом конвертировал в свою религиозную жизнь.

А.Баталов, свящ. Н. Доненко, свящ. А.Владимиров, М. Постникова (возле храма Покрова Пресвятой Богородицы в Нижней Ореанде)

В это время, благодаря знакомству с иеромонахом Дамаскиным Орловским, стал заниматься сбором устного предания о церковной жизни 20-х–40-х годов, что стало особым церковным опытом, важным историческим и духовным отточием понимания русской истории и церковных проблем той великой и страшной эпохи. Конечно, это не могло понравиться органам безопасности, которые считали, что вполне достаточно сказать, что были «перегибы», но раскрывать, что стоит за этим словом, чьи лица, судьбы и страдания просматриваются за этим политкоректным выражением, считали излишним. Их попытка традиционным способом донести простую мысль, что этим заниматься не надо, милостью Божией не сработала. Кардинальные социальные изменения спасли Николая от неминуемого наказания по нормам существовавшего тогда закона.

В 1991 году, 7 июля, на удивление и недоумение некоторых своих коллег, скульптор Николай Доненко, стал священником Николаем в кафедральном соборе города Симферополь. Некоторое время сочетал работу в художественном фонде со службой в соборе. Но уже через год вся система Союза художников стала распадаться, и прошлая жизнь скрылась под обломками перестройки.

В 1993 году, Архиепископ Симферопольский и Крымский Лазарь назначил отца Николая настоятелем покровского храма в Нижней Ореанде. Ни опыта строительства, ни опыта возрождения хозяйственной жизни у него на тот момент не было, но было большое недоумение, почему происходит так. Это были трудные и голодные годы, годы внутреннего сосредоточения, осмысления себя и окружающего мира и поиск выхода, который оказался единственным — по вертикали, только вверх, только к небу и вечности, только в Боге и с Богом.

Развал страны и опыт перестройки показал, что история может быть иной, чем мы ее представляем. Так же радикально может измениться и отдельная человеческая жизнь. Как неоднократно говорил отец Николай на проповеди «история, как и промысел Божий проходит не где-то в стороне от места твоего обитания, но непосредственно через тебя самого, твое сердце и твою жизнь, и надо напрягать тонкое зрение ума и сердца, чтобы увидеть смысл происходящего. А раз так, то, стало быть, из этого места, из этих обстоятельств, из очевидной невозможности что-то сделать можно и нужно что-то делать». И как мне неоднократно приходилось наблюдать, сам отец Николай сосредоточил свое внимание на молитве и совершении литургии, на живых отношениях с теми немногочисленными людьми, которые были в храме. Из этого собственно и стал вырастать приход и главное, составляющее прихода — приезжающие (так как население Нижней Ореанды на 1990 год насчитывало 620

человек, разумеется, с годами количество людей не увеличивалось, а только уменьшалось). Но нет ничего малого пред Богом, что делается с любовью. Из маленького зернышка, незаметного для посторонних, стала вырастать церковная жизнь.

Необремененный совершением треб, отец Николай сосредоточился на работе в архивах. С 1995 года он стал членом синодальной комиссии в Киеве по канонизации новомучеников и исповедников XX-го века. Первым результатом этой деятельности стало решение причислить к лику святых архиепископа Луку Войно-Ясенецкого, великого святителя великой эпохи, и, как мы сейчас уже знаем, великого чудотворца. Обретение мощей и торжественный перенос (по некоторым подсчетам было более 25 тысяч человек) в Свято-Троицкий собор города Симферополь, в котором долгие годы служил святитель Лука, стал торжеством крымского Православия, его богословским и исповедническим измерением.

«Отец Николай, приходские размышления»

Далее последовали рабочие будни: архивная работа, исследования, регулярные конференции в Свято-Тихоновском институте, посвященные изучению церковной истории XX-го века.

Благодаря архивным исследованиям отца Николая, мир узнал о выдающихся священнослужителях, таких как священномученик Анатолий (Грисюк, митрополит одесский), замечательный церковный историк, ректор казанской духовной Академии, исповедник и мученик; священномученик Никодим Кротков, впоследствии архиепископ Костромской, оставивший яркий след в крымской церковной истории. А также священномученик Аркадий, епископ Бежецкий, человек удивительной красоты и ангельского смирения. Он, пожалуй, был единственным епископом-миссионером в XX-го веке. Расстрелян на бутовском полигоне.

В 2000-х годах появляется двухтомник: «Наследники Царства» — I том 2000 год (462 страницы); «Наследники царства» II — том 2004 год (550 страниц); жизнеописания мучеников и исповедников, написанных на основании материалов, собранных в государственных архивах, церковного предания и свидетельства очевидцев[3,4].

В свое время отец Николай занялся и историей родного города, в котором родился. Он воссоздал в книге «Новомученики Бердянска» целостную картину города как живого организма и вписал в этот контекст судьбы священномучеников Михаи-

3 Доненко Н. Наследники Царства. I Том / Н. Доненко. — Симферополь, 2000. — 464 с.

4 Доненко Н. Наследники Царства II Том / Н.Доненко. — Бизнес-Информ, 2004 — 552 с.

ла Богословского, Виктора Киранова и Александра Ильенкова[5]. Заканчивая книгу, он предложил интересный взгляд на город и его жителей. «Ни география, ни экономика, ни культура не определяют в конечном итоге глубинную жизнь города или народа, его самодостаточность. И только наличие праведных святых, осененных духом, всем своим существом полюбивших Вечность, реальная значимость которых в глазах Творца, позволила Аврааму дерзновенно ходатайствовать перед Богом о спасении городов, дает нам не только новое представление о земном, но и низводит милость и дарует оправдание». Книга «Новомученики Бердянска» была впоследствии переведена на греческий и болгарский языки.

В книге «Новомученики Феодосии» отец Николай попытался увидеть безумие большого террора с высоты птичьего полета и в недрах человеческого страдания различить присутствие духа, смысла и божественной любви. Он часто повторял, что мелкие неприятности нас как правило, раздражают и выводят из себя, в то время как великие страдания нас возвращают к себе, к глубине нашего духа, смысла нашей жизни [6]. Как это ни печально, люди часто приобретают истину травматически, через боль, страдание, лишения, и только тогда, когда они ставят вопрос — не «за что им послано это злострадание, а для чего», раскрывается таинственный смысл божественного провидения

Особой книгой стала публикация архивных документов, совместно с профессором С.Б.Филимоновым, посвященных жизни и деятельности святителя Луки в Крыму. Важнейшими источниками для разработки этой темы были материалы , хранившееся в ГАРК фонде Уполномоченного совета по делам Русской Православной Церкви при Совете министров СССР по Крымской области (ф.Р-2647). Свою автобиографию «Я полюбил страдания», святитель Лука заканчивает в мае 44 года, когда прибывает в Крым, но следующий период его оказался де-факто мало освященным. Помимо церковной деятельности в документах содержится обширная информация о врачебно-консультативной и медико-просветительской деятельности архиепископа, о его публикациях в журнале «Московская патриархия» и подготовке к переизданию ранее вышедших трудов «Региональная анестезия» и «Очерки гнойной хирур-

5 Доненко Н. Новомученики Бердянска: Священномученик Михаил Богословский, Виктор Киранов, Александр Ильенков; Город в годы воинствующего атеизма, 1919–1939. / Изд 3-е. — Феодосия; М.: Издат. Дом Коктебель, 2009. — 2004 с.

6 Николай Доненко, прот. Новомученики Феодосии: Священномученик Андрей Косовский, Преподобномученик Варфоломей (Ратных), Священномученик Иоанн Блюмович; Феодосия, Судак, Старый Крым в годы воинствующего атеизма, 1920–1938, 2-е изд. — Симферополь: Н.Оріанда, 2014. — 320с.

гии», а также книги, увидевшей свет после его блаженной кончины «Дух, душа и тело».

Значительным является исследование отца Николая, посвящённое городу, в котором он провел последние 25 лет, с острым названием «Ялта — город веселья и смерти», объем которой составил 670 страниц[7].

Начиная с революционных лет, автор подробно излагает все события революции, гражданской войны, интервенции и невыносимых страданий, которым подверглись местные жители. Географически охватывая историю Большой Ялты, от Алупки до Алушты, отец Николай воспроизводит целостную картину, начиная с 1917 по 1950 год, задействовав архивные материалы, которые ранее нигде не публиковались. Очерчивая исторические события, он пишет: «Ялта, как живое многоликое существо пережила в первой половине прошлого столетия глубокие потрясения, сокрушительные удары и жестокие страдания, пришедшие на смену игривой, безмятежной веселости, вдохновленной гарантированным благополучием. История может быть иной, радикально не похожей на наши ожидания и представления… События, как правило, наступают внезапно, неся с собой непредсказуемость. Новые обстоятельства рождают новые смыслы, перед которыми прежние победы, совершенные в других условиях, становятся историей…»[8]. Так описывает отец Николай свои переживания исторических событий, постигших город, и дальше: «Первая мировая война, Февраль-

7 Николай Доненко, протоиерей. Ялта — город веселья и смерти: Священномученики Димитрий Киранов и Тимофей Изотов, преподобномученик Антоний (Корж) и другие священнослужители Большой Ялты (1917 – 1950-е годы). 2-е изд. — Симферополь: Н.Оріанда, 2015. — 672 с.

8 Там же. С. 592.

ская и Октябрьская революции, завершившиеся Гражданской войной, повергли жителей Империи в неизъяснимые страдания. Ялтинцы последними расстались со своими иллюзиями и жестоко поплатились за свою наивность, встретившись с террором лицом к лицу»[9].

Одной из постоянных мыслей, которую отец Николай повторяет в книге можно смело отнести и к нашему времени: «Глубинный опыт ушедшего столетия, во многом уникального, показывает, что главным богатством нашего Отечества были не материальные ценности — деньги, товары, не демократия с ее институтами, не даже огромная территория с армией и оружием, а люди. И в первую очередь такие, кто был способен оставаться человеком даже в нечеловеческих условиях»[10].

Хотелось бы отметить, что больше половины книг отца Николая было издано в издательстве Н.Оріанда, которое зародилось внутри приходской жизни покровского храма, стало на ноги и вот уже вступило во второе десятилетие своего существования. Уже изданы сотни трудов, посвященных истории краеведения, мемуаристки, филологии и вопросам культуры. Это еще одна грань жизни покровской церкви и священника Николая.

Исследовательская деятельность отца Николая была отмечена и в 1913 году, он был принят в члены союзов писателей России. В 1915 году за книги «Ялта-город веселья и смерти», а также «Новомученики Феодосии» он получил государственную премию автономной республики Крым. Отец Николай награжден орденом «Преподобного Нестора Летописца», орденом «Святого князя Владимира», а также является лауреатом государственной всероссийской премии «хранители наследия» в номинации «служение» 2014 год».

Всякая история есть история жизни, и жизнь отца Николая — это тоже история, в которую вписываются многие обстоятельства и люди, что является всегда тайной, скрытой от посторонних глаз, но раскрывающейся по мере своего созревания.

Удивительна жизнь отца Николая, как и самого прихода. Как сам он говорит, все происходит в режиме чуда. Быть сегодня и священником, преподавателем, скульптором и философом-богословом, анализирующим все важные события нашего века, не просто. Это — и призвание, и долг.

9 Там же. С. 593.

10 Там же. С. 593.

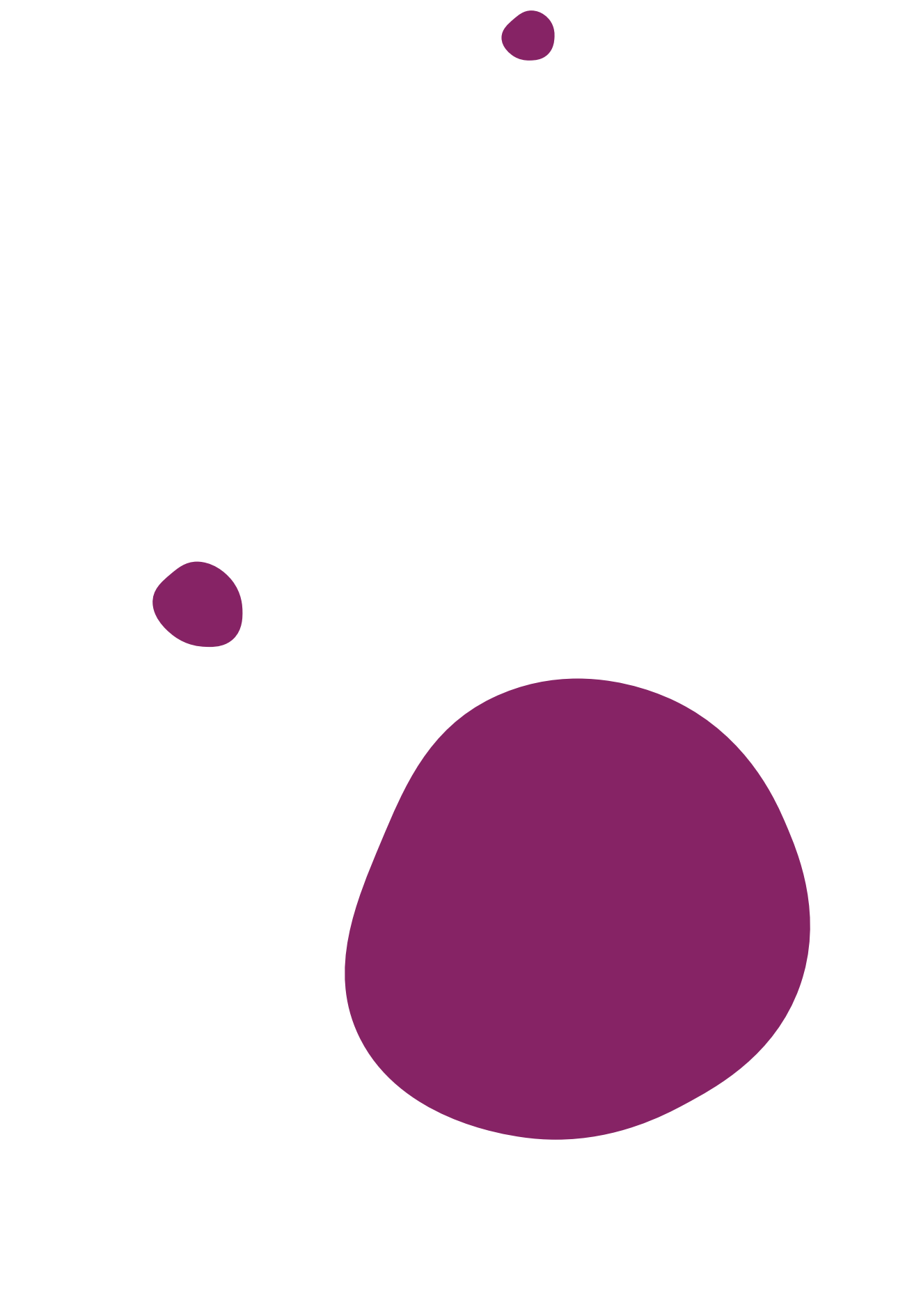
ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Говорят, что философия — это по своим истокам плод эллинского гения, положивший начало мыслительной традиции, характерной прежде всего для европейской культуры. Но в таком смысле Таврида — окраина эллинской ойкумены, точнее, некоторое пограничье, отделяющее европейский мир античности от загадочных народов Востока — тавров, киммерийцев, скифов, славян. Таврида — это точка перехода в другой культурный универсум, пространство кристаллизации иных культурных смыслов и вдохновений. Можно спорить, является ли философия, родившаяся здесь, именно философией в европейском смысле данного слова или это особый продукт истории крымского полуострова как перекрестка культур, как точки встречи великих переселений народов. Но одно несомненно: мы имеем перед собой некую духовную традицию, в которой просматривается общекультурная составляющая. Названная традиция осознает себя как такое духовое движение, которое противостоит постмодернистским изыскам, различным экспериментам по дегуманизации «духа культуры», нескончаемым «играм дискурсов», когда «тексты», «симулякры» и копии подменяют трепетные токи самой жизни. Сквозь века мы слышим призыв: «К подлинности, к истине, к самобытию!»

На карте планеты есть такие уголки Земли, такие регионы, о которых можно сказать, что у них все исторически важное уже состоялось. Их прошлое вызывает интерес археологов, коллекционеров, но это главное, что в них привлекательно для массового туриста. Крым в этом смысле не обычен. Его прошлое постоянно вызывает жгучее любопытство у всех любознательных людей. И все же основная особенность этого края — недостаточная востребованность его возможностей, того потенциала, который заставляет предположить, что у него еще есть многое

впереди, причем в самых разных ракурсах — экономическом, рекреационном, культурном. Предшествующие эпохи оставили нам прекрасное духовное наследство. Но сегодня мы понимаем, что это наследство можно и нужно преумножить. К этому располагает само географическое положение Тавриды как точки пересечения Востока и Запада, огромных степных пространств и морских просторов. Все это создавало и создает новые возможности в эпоху геополитического противостояния для диалога культур, благодаря которому люди могут выйти на новый уровень взаимопонимания и взаимообщения культур.

Философия с ее стремлениями постичь глубинные основы человеческого бытия в течение сотен лет являлась инструментом формирования экзистенциального ощущения общности людей XX, а затем и XXI век все настоятельнее фокусирует наше внимание на космическом единстве жителей Земли, на том единстве, которое универсальнее нашего личного, национального и родового начала. И в этом смысле Крым оказывается регионом, где издавна утверждалось и актуализировалось то, что мы сегодня называем «ноосферным сознанием» — как в трудах древнейших философов, так и в работах Н. Данилевского, В. Вернадского, М. Волошина, А. Домбровского…Речь идет о практической философии, т.е. о том направлении философской мысли, которое способно серьезно повлиять на вектор духовного развития мировой цивилизации.



Научно-популярное издание

ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ В КРЫМУ: СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

К 100-летию
Таврического университета

Вёрстка и дизайн В. А. Бибик, Т. О. Габриелян
Технический и художественный редактор Е. В. Мажарова

Подписано в печать ….2018
Формат 70х100/16
Усл. печ. л. 19,3
Тираж 100 экз.

Издательство ООО «Антиква»
295000, Российская Федерация, Республика Крым,
г. Симферополь, пер. Героев Аджимушкая, 6, оф. 3
Тел.: +7 978 891-37-01, e-mail: antikva07@mail.ru

Отпечатано с оригинал-макета заказчика
в типографии ИП Гальцовой Н. А.
Российская Федерация, Республика Крым,
г. Симферополь, пгт Аграрное, ул. Парковая, 7, кв. 908